

НИНА ВОРОНЕЛЬ

ГОТИЧЕСКИЙ
РОМАН

ТОМ I

 ЕНИКС

Ростов-на-Дону
2005

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6
В 752

Серия «Готика»
основана в 2005 году

Художник-оформитель
А. Семёнова

Нина Воронель
В 752 Готический рома. Том I/Нина Воронель; худож.-
оформ. А. Семёнова. — Ростов н/Д: «Феникс»,
2005. — 480 с.: — (Готика).

ISBN

«Молодой израильский парашютист-десантник Ури проводит отпуск в Европе. По дороге в аэропорт он ввязывается в драку с группой немецких «бритоголовых» и, выпрыгнув из поезда на ходу, блуждает по лесным тропкам, пока не попадает в старинный замок, затерянный в лесном заповеднике. Хозяйка замка, местная ведьма Инге, завораживает его своей красотой и колдовским искусством, и он остается в замке. Но их счастье омрачено зловещей тенью тайн, древних и современных, скрывающихся в подземных лабиринтах замка. Все это сплетается в драматический клубок на фоне смертельной вражды между обитателями замка и жителями соседней деревни. Когда в этот клубок влетается история международного террориста Карла, Ури поневоле приходится стать сыщиком. «Раскрутка» сюжета столь непредсказуема, что вспоминается великая мастерица плетения подобных кружев — Агата Кристи».

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN

© Нина Воронель, 2004
© Оформление. ООО «Феникс», 2005

ЧАСТЬ I

**ВЕДЬМА
И
ПАРАШЮТИСТ**

УРИ

Серебристый «Ситроен» матери вырулил из-за поворота в тот самый момент, когда Ури решил, что больше он ждать не будет. Он, собственно, и не сомневался, что она опоздает, — опоздание было так же живоительно для ее души, как утреннее священнодействие перед зеркалом для ее лица. Она отчаянно махала ему из окна, явно предчувствуя его решение и опасаясь, что он развернется и растворится в многокрасочной иерусалимской толпе прямо у нее перед носом. Он почти так и сделал, крутнулся было уже на каблуках, чтобы уйти и наказать ее как следует, но передумал и шагнул с тротуара к машине. Однако едва он успел отворить дверцу, как завывла сирена, и жизнь вокрут остановилась.

Все те, что за секунду до сирены шагали, бежали, протискивались навстречу потоку других шагающих и бегущих, все те, кого несло и крутило в многоглазом уличном водовороте, вдруг замерли разом, и водоворота не стало. Машины застыли там, где их застигла сирена, и только их пассажиры и водители на миг нарушили эту зачарованную неподвижность, — они единым слаженным толчком отворили дверцы и, изогнувшись одновременно, встали каждый рядом со своей машиной. Придерживая щепоткой пальцев полуоткрытые дверцы, они стояли, низко склонив головы, — то ли молились, то ли разглядывали носки своих ботинок.

День поминования погибших. Эзры, Итая и его, Ури, ибо мелкая случайность, благодаря которой он остался в живых, казалась нелепым недоразумением на фоне того, что с ними тогда произошло.

Как только сирена смолкла, Ури в два прыжка оказался рядом с матерью и, отмахиваясь от ее извинений, сказал резко:

— Садись справа, я сам поведу.

Она было залепетала что-то насчет нервного срыва и врачебных запретов, но он уже затягивал ремень шоферского сиденья:

— Ты, надеюсь, не хочешь, чтобы я опоздал на самолет?

Мать глянула в его яростные глаза и не стала ему возражать, она молча села рядом с ним, молча затянула свой ремень и ни разу за всю дорогу в аэропорт не указала ему на зашкаленный спидометр. Так ему и запомнился этот предотлетный час — его новая, еще не опробованная временем власть над матерью, ее закушенные губы и тишина, как перед смертью.

День поминовения погибших.

На прощанье он все же сжалился над матерью и подставил ей щеку для поцелуя на пороге зачарованной зоны для избранных, в кондиционированную благодать которой пускали только пассажиров. Она потерлась о его щеку нежными, все еще молодыми губами (о, неувыдающая Клара, черт бы ее побрал!), и сквозь терпкий аромат духов на него пахнуло знакомым молочным запахом ее кожи, который он так обожал в детстве и от которого сходил с ума в ранней юности.

— Ты будешь мне звонить иногда? — спросила она робко. Робость эта все еще была ему внове, и он нетвердо знал, как на нее реагировать. И потому ответил более резко, чем он сам от себя ожидал.

— Чтобы прервать твою приятную беседу с очередным поклонником?

Мать часто-часто заморгала, словно собиралась заплакать, но сдержалась и вместо слез выдавила из себя кривое подобие улыбки, обращающее его хамство в шутку.

— Мне казалось, ты всегда неплохо ладил с моими поклонниками.

Что было делать, если она сама подставляла вторую щеку? Только бить с размаху.

— А что еще оставалось единственному сыну молодой красивой вдовы?

Тут уж ей наверняка следовало поставить его на место — одним властным взмахом ресниц, как она это умела. Но она выдавила из себя еще одну игривую улыбочку, она даже игриво крутнула задом ей в пандан и погрозила ему пальчиком, как маленькому, — ну-ну-

ну, злопамятный мальчишка! И тут ему стало страшно: неужто он и впрямь так серьезно болен, что все ему дозволено? Или это просто награда за то, что он остался жив? Мысль эта отравила Ури всю радость восхождения по трапу самолета. И только когда бело-зеленые пригороды и лазурно-желтые пляжи Тель-Авива закружились, стремительно уменьшаясь за овальной линзой иллюминатора, напряжение отпустило его. Он был жив и летел в Европу!

Он уже бывал там, — мальчишкой, лет десять назад: мать возила его во время школьных каникул — приобщать, как она это называла, к великой европейской культуре. Вряд ли он сильно тогда приобщился: монотонные ряды картин вдоль музейных стен утомляли и подавляли его, а главное — ему было не до того, он должен был следить за матерью. В то европейское лето он любил ее безнадежной юношеской любовью и ревновал ее ко всем встречным. Все бесчисленные любовные сцены, изображенные на бесчисленных музейных полотнах, наводили его на мысль о ее тайных похождениях и изменах. И чем больше она восхищалась этими картинами, тем больше он их ненавидел, а вместе с ними художников, живопись и музеи, ненавидел так страстно, что постарался начисто вытравить их из своей памяти.

И вот теперь он, и воттеперь он, свободный от любви к ней и от всякой любви вообще, поскольку любовь к мёртвым не в счёт, собирался увидеть все это снова. Он сидел, зажатый со всех сторон неуютной клеткой самолетного кресла, и злорадно представлял себе, как долгими жаркими вечерами она будет маяться у телефона в ожидании его звонка, а он захочет — позвонит, а не захочет — не позвонит.

Ю Ю Ю

Он позвонил ей только накануне возвращения домой из привокзального автомата в Страсбурге, чтобы напомнить, что завтра в полпервого она может встре-

тить его в аэропорту, если захочет. Услышав его голос, мать часто задыхалась в трубку, будто намеревалась зарыдать, но удержалась и только спросила, как он себя чувствует. Он говорил с нею по-немецки, частично по детской привычке, частично потому, что хорошо напрактиковался за это европейское лето. Ловко раскатывая языком гортанные звуки, от которых во рту оставался кислосладкий аромат яблочных оладьев, неизменно сопровождавших их субботние немецкие беседы с матерью, он соврал, что чувствует себя хорошо и скучает по дому. На чужом, хоть и знакомом с рождения наречии, врать было легче, тем более, что и выхода другого не было: время действия билета кончалось завтра утром, а денег оставалось четыре марки семьдесят пфеннигов — на кофе и на метро.

Закончив разговор, он прошел в темноте под дождем на перрон, где обнаружил, что поезд на Мюнхен уже подан и двери открыты. Он вошел в вагон, устроился поудобнее в углу и задремал — ехать предстояло всю ночь. Не просыпаясь, он почувствовал, как поезд тронул и мягко закачался на пружинистых рессорах.

Разбудило его внезапное чувство невесомости — поезд стоял у смутно-освещенного перрона. Названия станции он прочесть не смог, оно пряталось в темноте за сеткой дождя. Взгляд его, утомившись всматриваться в неразборчивую готическую вязь на далеком желтом фоне, скользнул было назад, вглубь глаз, но застрял на полпути, наткнувшись на картину, столь неправдоподобную, что поначалу Ури принял ее за отражение не замеченной им рекламы на противоположной стене. Десятки, если не сотни мертвенно-бледных морд скалились на него из темноты, зияя черными провалами ощеренных ртов и пустых глазниц. Ури поспешно проверил стену напротив окна — никакой подходящей рекламы там не было — и опять повернулся к перрону. Морды по-прежнему безмолвно скалились из пустоты — ни тел, ни ног под ними различить было нельзя.

Какую-то долю секунды они еще продолжали неподвижно висеть за стеклом, а потом все разом задвигались

и зашумели. При движении у них сразу обнаружились и ноги, и тела, сплошь затянутые в черную кожу, густо усеянную крупными металлическими бляшками — то ли кнопками, то ли шляпками гвоздей. При каждой морде соответственно обнаружилась голова, порой обритая наголо, порой увенчанная замысловатым хитросплетением пестро-крашенных волос. Обретя способность двигаться, все головы разом издали единый пронзительный воинский клич, в ответ на который станционное радио гортанно объявило, что поезд задерживается по техническим причинам. Не прерывая свой леденящий душу вой, головы дружно, словно по команде, повернулись налево, вперед по ходу поезда, представляя себя для обозрения в профиль. Приспособившийся к полутьме перрона глаз Ури начал различать детали: в черной пещере рта каждой головы напряженно вибрировал вздыбленный для крика кончик языка. Слева, от начала поезда, будто притянутые магнитным полем направленных на них взглядов, появились два полицейских, вооруженных резиновыми дубинками. Свободной рукой каждый тащил за цепочку наручника упирающегося верзилу, затянутого в черную кожу. Следом за ними третий полицейский вел на поводке огромную немецкую овчарку.

Откуда-то сверху, с небес, гулкий голос, перекрывая вой, рывкнул короткую отрывистую команду — и вдруг все вопящие рты захлопнулись покорно и разом. В наступившей оглушительной тишине маленькая сплоченная группа стала подниматься под охраной собаки вверх по железной лестнице, ведущей в никуда. Все головы — и глянцево-голые, и пестромохнатые, слаженно изгибаясь на тонких юношеских шеях, качнулись ей вслед, словно колосья на ветру, и рты начали приоткрываться, напрягая языки для очередного воинского клича. Отрывистая односложная команда снова грянула из темноты поверх голов — и рты захлопнулись, так и не открывшись.

Полицейские, арестант и собака все еще медленно шли вверх по лестнице, а навстречу им, пружинисто

перепрыгивая через три ступеньки, сбегал матерый волк, слегка подгримированный под человека. Его поджарое волчье тело было втиснуто в черный кожаный комбинезон, на задние лапы натянуты были черные хромовые сапоги, на передние — черные-лайковые перчатки, чтобы спрятать когти. Но ни серебристая стрижка поверх острых ушей, ни серая щеточка усов, маскирующая отсутствие верхней губы, не могли скрыть его волчью природу: длинные хищные клыки выдавали его с головой. В секунду очутившись на перроне, Волк четким воинским шагом промаршировал вдоль поезда и снова рявкнул какую-то односложную команду, в ответ на которую черное кожаное стадо, поблескивая стальными бляшками, безмолвно двинулось к вагонным дверям.

Они вливались в вагон через обе двери и быстро рассаживались по деревянным скамьям. Волк вошел последним, автоматические двери закрылись за ним, и поезд отплыл от перрона в разлитое море дождя. Только тут Ури, зачарованный развернувшейся перед ним драмой, обратил внимание на то, как опустел его вагон. Сбежали практически все, кроме пожилой французской пары в дальнем углу и рыжей американской толстухи, сидящей напротив Ури по другую сторону прохода.

При более внимательном обзоре толстуха оказалась совсем юной. Туго натянутая на ее круглых щеках кожа сияла в полутьме вагона, словно в недрах этих розовых полусфер теплились наивные лампадки любви к ближнему и веры во взаимность. Не столько неразличимыми за толстыми стеклами очков глазами, сколько жадно открытым пухлым ртом она следила, как компактная черная масса волчьей стаи растекалась по вагону, дробясь на мелкие островки, отделенные друг от друга желтыми спинками скамеек. Волчата тоже были юные, почти дети, у многих на шеях и подбородках пупырились малиновые отроческие буторки с белыми гнойными головками. Волк вошел последним, остановился в дверях и молча ждал, пока они растасуют в узких межскамеечных проходах хитросплетение тонких ног с несоразмерно крупными ступнями. Под его взглядом все быстро

притихли, и он заговорил, — негромко, не повышая голоса:

— Ну что, довольны, герои? О Ремингере и Штранде можно забыть, играть они больше не будут — а значит, кубка нам не видать. Но сегодня есть еще надежда выйти в полуфинал, если всех вас тоже не уведут в полицию.

Слева от Ури кто-то прошелестел одной кожаной ногой о другую, будто хихикнул, и серая волчья морда вдруг ощерилась всем арсеналом своих клыков.

— Все пиво сдать мне! — рявкнул Волк.

В полной тишине десятки пивных банок покатались через головы из рук в руки и беззвучно выстроились на полу перед Волком. Он пнул первую подвернувшуюся банку затянутой в хромовый сапог задней лапой:

— Все в мусор! Немедленно!

Никто не шелохнулся, только слева одна кожаная нога опять прошелестела по другой. Не поворачивая головы, Волк тихо сказал:

— Подними-ка свой зад и вали сюда, Лотар.

Когда Лотар неохотно оторвал свой тощий зад от скамьи, его бритая до блеска голова со странными продольными вмятинами за ушами почти коснулась вагонного потолка. Волк смотрел на него снизу вверх, но это не снижало гипнотической силы его взгляда.

— Собери все банки и выбрось!

Лотар обвел батарею банок тоскливыми мутными глазами и спросил недоверчиво:

— Все?

— Все! И ту, что ты спрятал у себя в сумке тоже.

— А чего я прятал? Ничего я не прятал... — не очень уверенно забубнил Лотар.

— Открой его сумку, Милке! — приказал Волк.

Милке выскочил в проход с правого фланга, лицо его было неразличимо бледным на фоне малинового зубчатого гребня, бегущего по центру его бритого черепа от лба до затылка. Он поднял с пола синюю спортивную сумку, развязал стягивающий ее горло шнур и протянул ее Волку. Тот быстрым толчком ладони по дну

сумки выбил из нее банку пива, и она покатилась по проходу, ударяясь о скамьи.

— Подними! — скомандовал Лотару Волк.

Лотар послушно наклонился, ловя убегающую банку. Волк кивнул Милке. Милке прицелился и, напрягшись всем телом, тюкнул Лотара носком тяжелого ботинка в черный кожаный зад. Лотар потерял равновесие, заскользил по полу, хватаясь за воздух растопыренными пальцами, и с размаху врезался лицом в ребро скамейки. Все загоготали.

Лотар медленно поднялся, растирая ладонью ушибленную переносицу, — в глазах его прозрачно читался смертный приговор Милке.

— Только попробуй, тронь его, — процедил сквозь зубы Волк, — вылетишь из команды головой вперед. Собирай банки!

В минуту банки были собраны и сброшены в мусорные бачки, аккуратно расставленные в проходе между скамьями. Покончив с пивом, Волк сел отдельно от всех и, упираясь хромовыми сапогами в пустую скамью напротив, стал писать левой рукой в блокноте официального вида.

Лотар подобрал свою синюю сумку и снова сел у окна. Несколько минут он неотрывно вглядывался в освещенную блеском дождя заоконную темноту, а потом гибко откинулся всем телом назад и вдруг запел. Запел нежно и складно, без какого бы то ни было знака извне, без приказа, без взмаха дирижерской палочки. И вслед за ним запели все. Его высокий и чистый, почти девичий голос выводил верхние регистры мелодии в заоблачные просторы, куда долетают лишь ангелы и реактивные самолеты, а там, на этих просторах, ее подхватывали сладкозвучные тенора и мягко спускали вниз, навстречу перистым облакам очень юных баритонов, только вчера переставших быть тенорами.

Это ангельское пение вовсе не вязалось с их волчьим воем на платформе, с их грубыми черными сапогами, блестящие голенища которых, обильно усеянные металлическими бляшками, свободно морщинились под

угловатыми коленками. Оно превращало их бледные прыщавые морды во вдохновенные лица гетевских юных Вертеров, приписывая прыщи страданиям неразделенной романтической любви.

Успокоенные этой видимой кротостью, французы осмелели настолько, что с веселым щебетом расстелили на своем столике цветастую пластиковую скатерку и начали разворачивать тщательно упакованные в алюминиевую фольгу домашние бутерброды.

«Ве-е-чер, ве-чер, вечер..» — манило призывно соприано Лотара.

«Встре-е-чи, встре-чи, встречи...» — перехватывали его призыв тенора.

«Вечно, вечно, вечно...» — доверительно утешали баритоны.

Слаженная многоголосая ласка напева, мягко убаюкивая, сливалась с монотонным покачиванием вагона на стыках: «Вечно, вечно, вечно...» Последнее, что Ури услышал, погружаясь в мгновенный, почти гипнотический сон, был тоненький американский голосок, неуверенно пытающийся найти свой регистр, чтобы бесшумно взлететь на крыльях немецких серафимов и раствориться в блаженстве полета.

Ю Ю Ю

— На черта она тебе сдалась, такая толстуха?

— А я люблю толстух, у них между ног мягко-мягко.

Ури приоткрыл глаза: в вагоне было тихо, пение прекратилось. Хор распался на несколько групп; некоторые спали, остальные с интересом следили за незатейливым спектаклем, разыгрывающимся в двух шагах вокруг рыжей американской девочки по другую сторону прохода. Она сидела на коленях у Лотара, зажатого с двух сторон щетинистым Милке и его близнецом, который отличался от малинового Милке только цветом своего зубчатого гребня — у него гребень был зеленый с золотыми прожилками.

Рыжая девочка, не понимая ни слова из их немецкой скороговорки, была скорей польщена, чем напугана, их вниманием. Неуверенно хихикая, она покачивалась на острых кожаных коленках Лотара, пока любопытные пальцы его соседей заползали ей под рубаху, ощупывая обильные складки ее пышного тела. Похоже, это было ей приятно. Малиновый Милке прижался щекой к ее животу и закрыл глаза.

— Действительно, мягко.

— А пониже еще мягче. И к тому же мокро.

— Сейчас мы это проверим.

Кто-то из зрителей смачно хрюкнул от восторга. Ури скользнул взглядом в угол, где сидел Волк, — там никого не было, только пачка сигарет, оставленная на полураскрытом блокноте, отмечала его место. Французы тоже куда-то исчезли, — то ли сошли на предыдущей станции, то ли сбежали в другой вагон от греха подальше. Между тем сюжет по ту сторону прохода продолжал стремительно развиваться: одна пара рук нетерпеливо обрывала пуговицы рубахи, пока другая расстегивала молнию на джинсах. Толстуха уже не хихикала, — испуганно извиваясь всем телом, она пыталась сползти с черных кожаных колен на пол, но третья пара рук, не отпуская, цепко разместила у нее на груди.

Ури, стиснув зубы, прикрыл глаза ладонью в надежде снова уснуть — его это все не касалось, он не обязывался решать чужие проблемы в чужой стране. Тонкий американский голос взвизгнул пронзительно то ли от боли, то ли от страха, словно призывая Ури к действию. Он опять повторил себе, как заклинание, что это не его дело, но темная волна ярости уже накатывала изнутри, поднимаясь все выше и выше, пока не перехватила ему дыхание. Теперь он уже не владел собой, тело его напряглось, готовое к прыжку. Он отвел ладонь от глаз и сказал тихо, но внятно:

— Сейчас же оставьте ее в покое!

Все головы мотнулись в его сторону, чтобы удостовериться, что он и есть источник беспокойства, но, найдя в нем ничего интересного, дружно вернулись на-

зад, к спектаклю. Тогда он стремительно перемахнул через проход, уже не помня себя, а доверяясь лишь автоматической точности своего тренированного тела. Его руки, ноги, плечи и пальцы хорошо знали свое дело: через пару секунд все трое, — и бритоголовый Лотар, и разноцветные близнецы, — корчились на полу в проходе. Остальные замерли в напряженном молчании, явно не веря своим глазам. Пользуясь этой короткой передышкой, Ури одной рукой рванул с полки рюкзак толстухи, которая боком, словно краб, ползла по проходу к его ногам. Другой рукой он рванул ее вверх, сунул ей рюкзак и крикнул: «Беги!»

Несмотря на шок, она сразу все поняла, схватила рюкзак и метнулась по проходу к дверям. Ее бегство послужило сигналом: сорок промытых пивом и пением глоток испустили пронзительный воинский клич, сорок кожаных тел в едином броске ринулись к Ури. Их численное превосходство поначалу даже послужило ему на пользу: ограниченные узкой коробкой вагона, они попросту мешали друг другу, и ему ничего не стоило отражать набегающие черные волны поднятых рук и ощеренных ртов. Однако он не успел занять единственно выгодную позицию — спиной к стене, да и стены подходящей не было, были только вагонные окна, перегороженные откидными столиками. С такого столика на него и прыгнули сразу три, — трое или четверо разом, он не мог бы сказать сколько. Длинная сильная рука зажала его шею локтевым сгибом, в то время, как его собственные руки заломили ему за спину, вцепившись в каждую, по крайней мере, в пяти местах от плеча до запястья. Воинский клич, слегка было оскудевший, вновь усилился до дребезжания оконных стекол, взмыл на самые высокие ноты, на долю секунды повис под потолком и вдруг опал, словно изо всех напрягшихся для крика легких разом выпустили воздух. Стало очень тихо, даже дыхания не было слышно.

— Вы что, балбесы? — сказал голос Волка. — Опять за свое?

Никто не ответил. Локтевой зажим на горле Ури напрягся, но не ослабился, так что смотреть он мог толь-

ко на мутный вагонный фонарь над проходом. Несколько четких шагов по линолеуму, и клыкастая волчья морда, подгримированная щеточкой усов под человечью, за- лонила свет фонаря.

КЛАУС

Когда мамка сказала, что у нас забастовка, я сперва сказал ей «не хочу!» Не потому, что я так люблю выгребать дерьмо из-под свиней, а потому, что сегодня фрау Инге дала бы мне пять марок на игровой автомат, чтобы я мог играть. Мамка сильно сердится на фрау Инге за то, что она каждую неделю выдает мне пять марок, но ничего не может против этого поделать, потому что это мои деньги, я их заработал. Я-то заработал больше, но остальное она отдает мамке, а эти пять марок — мои.

Когда я сказал «не хочу забастовку!», мамка влепила мне оплеуху и пригрозила, что выпорот меня, если я буду очень раскрывать рот.

— Пускай она не думает, — орала мамка, — что она может подкупить тебя этими жалкими марками! Она ведь берет их из моего кармана, а не из своего!

Почему она назвала мои марки жалкими, я понял: ей жалко, что фрау Инге отдает их мне, а не ей. Но насчет кармана она точно наврала — я сам много раз видел, как фрау Инге достает их из своего кармана, а не из мамкиного.

Пока я обо всем этом думал, мамка кончила кричать и стала вертеться перед зеркалом, перебрасывая волосы то с левого уха на правое, то с правого уха на левое, будто это могло сделать ее хоть немного похожей на фрау Инге. Мало надежды, — с ее-то жирным задом! Но она, по-моему, себе очень нравилась, — она накра-сила глаза синим, намазала губы вишневой помадой и долго собой любовалась. Правда, верхнюю губу ей пришлось полностью нарисовать на коже, потому что у нее, как и у меня, верхней губы нет, есть только узкая-узкая полоска совсем без уголков. Потом она напялила свое

новое вишневое пальто с большими золотыми пуговицами и опять залюбовалась собой в зеркале. Наглядевшись на себя, она взяла сумочку и объявила, что уезжает в город и будет ночевать у тети Луизы.

Когда я это услышал, я громко заплакал, сам не знаю, почему. Наверно, потому, что у нее в сумочке были деньги, а я из-за ее забастовки не пошел сегодня в замок и не получил мои пять марок на игровой автомат.

Она остановилась в дверях и, не оборачиваясь, спросила своим самым железным голосом:

— Чего ревешь? Хочешь, чтобы я осталась дома?

Тогда я заплакал потише, — испугался, что она и вправду останется, и я не смогу поиграть в Инге и Карла.

Это ее успокоило, она посмотрела на меня и сказала уже не так сердито:

— Ты ведь не боишься оставаться один, ты уже взрослый, правда?

Я закивал, но слезы все текли и текли у меня по щекам и никак не останавливались. Тогда ей стало меня жалко, а может, ей очень хотелось уехать, не знаю, но она вынула из сумочки две марки и протянула их мне:

— Можешь пойти в «Губертус» и поиграть на автомате.

Я хотел сказать ей, что мне полагается пять марок, а не две, но пока я глотал слезы, она уже закрыла за собой дверь и быстро зашагала к автобусной остановке: наверно, боялась опоздать на автобус. И я подумал, что если я задержу ее из-за моих пяти марок, то она и вправду опоздает и я не смогу поиграть в Инге и Карла. Потому что при ней ничего не получится — она сразу помтетит, рассердится и станет бить меня по рукам. Не понимаю, почему она так сердится, когда я играю в Инге и Карла, ведь я никому не мешаю, — Инге ничего об этом не знает, а Карла давно уже здесь нет. Не знаю, куда он делся, он исчез очень скоро после того, как я вошел из свинарника в кухню за бутербродом и увидел их на полу. Я так на них засмотрелся, что приклеился к полу и забыл про свой бутерброд. Я б так и простоял там весь день, глядя, как они возьтятся, но мамка подкралась сза-

ди и выволокла меня во двор, при этом она шипела и брызгала слюной, как железная печка, на которую кто-то плюнул.

Сейчас мамка не могла мне помешать, и мне очень хотелось поскорей начать играть в Инге и а, — так, чтобы руки у меня были от Карла, а ноги и все остальное — от Инге. Иногда мне приходится делать все наоборот — чтобы руки были от Инге, а ноги и все остальное — от Карла — это когда мамка дома и я должен прятаться от нее под одеялом. Но сегодня я мог делать все, что захочу. Я запер дверь и начал думать о фрау Инге, — как я снимаю с нее сперва сапоги, потом чулки, а потом начинаю ладонью медленно гладить ее ноги от колен вверх. У меня уже рот наполнился слюной и в глазах потемнело, будто за окном выключили солнце, но тут кто-то стал отчаянно колотить в дверь.

Я подумал, что это мамка не успела на свой автобус и вернулась, и начал быстро застегивать штаны. Но руки у меня дрожали, и молнию заело на полпути, а в дверь колотили все громче и громче, так что мне пришлось выпустить рубаху поверх штанов и побежать отворять. По дороге я придумывал, как объяснить мамке, что я ей не сразу открыл, но это оказалась не она, а Дитер Швальб с соседней улицы, которого все называли Дитер-фашист, потому что он брил голову наголо и носил черные кожаные штаны и черные сапоги со стальными кнопками. Я решил, что ему зачем-то нужна мамка, потому что он никогда раньше меня не замечал, но оказалось, что он пришел за мной. Он сказал, что наша городская футбольная команда должна завтра в Мюнхене играть с какой-то другой командой, не помню, какой, и не хочу ли я поехать с ним в Мюнхен, чтобы кричать, свистеть и топтать на стадионе в помощь нашим. Я ответил, что, конечно, хочу, но у меня нет денег на билет. Тут он увидел мои две марки на столе и сказал, что билет — ерунда: если я отдам ему эти две марки, он отвезет меня на станцию на своем мотоцикле без всякого билета, а дорогу до Мюнхена оплачивает клуб. И я подумал: а почему бы мне не поехать, раз дорогу

оплачивает клуб, а мамки как раз нет дома? Она бы меня ни за что не пустила, а без нее я могу делать, что хочу — пусть знает, как ездить без меня ночевать к тете Луизе! Она ведь даже не спросила — а может, я тоже хотел бы с ней поехать?

Мне стало очень обидно, когда Дитер сунул мои две марки в карман, но мы так быстро побежали к его мотоциклу, что я не успел заплакать. Он прыгнул в седло, а мне велел сесть сзади и крепко обхватить его руками. И мы помчались по шоссе!

Я никогда раньше не ездил на мотоцикле, и мне было сперва очень страшно. Мне все время казалось, будто я сейчас упаду, и я стал все сильнее прижиматься к спине Дитера и представлять себе, что это Инге. Это мне так понравилось, что я даже забыл, что я мчусь на мотоцикле по шоссе. И вдруг Дитер обернулся и заорал сердито:

— Эй, ты, прекрати! И ничего такого себе не воображай!

Я так испугался, когда он на меня закричал, что перестал за него держаться и чуть не упал. Тогда он заорал еще громче:

— Держись, идиот, держись! Только прекрати свои штучки!

Мне пришлось опять за него схватиться и прижаться к его спине, хотя мне это было совсем неприятно. Всю дорогу до станции я хотел его спросить, как он догадался, что я воображаю, будто он — это фрау Инге, но на шоссе очень громко выл ветер, а потом совсем стемнело и начался дождь. А когда мы приехали, было уже поздно спрашивать, надо было спешить к поезду. Дитер поставил мотоцикл на стоянку и потащил меня на платформу, где нас ожидали еще трое других, одетых, как и он, в черные кожаные штаны и черные сапоги со стальными кнопками, а с ними еще трое просто в джинсах. Когда они увидели меня, они стали жутко хохотать и спрашивать Дитера, неужто он не мог найти в своей деревне никого получше. Дитер рассердился и сказал, что я могу орать и топтать ничуть не хуже других. Тогда они стали подначивать меня, чтобы я показал им, как я

умею орать и топать, а то тренер нашей команды не захочет взять меня с собой в Мюнхен.

Мне совсем не хотелось им это показывать, но я испугался, что тренер и вправду не захочет взять меня с собой, а у меня даже нет денег на автобус обратно в деревню. Поэтому я закрыл глаза и представил себе, как я сержусь на мамку, когда она идет в «Губертус» без меня и пьет там пиво с охотниками. И тогда я сам не заметил, как начал орать и топать, так что все были довольны, особенно Дитер. Он даже похлопал меня по спине и сказал, что я молодец.

Тут подошел поезд, и мы все побежали к последнему вагону, из которого нам махали и звали. На подножке стоял наш знаменитый тренер Эрих Кройц, — я его сразу узнал, его часто показывают по телевизору. Он спросил:

— Поскольку вы привели? Каждый по одному? Немного.

И махнул рукой, чтобы мы скорее проходили в вагон, потому что поезд уже тронулся. В вагоне было полно народу, почти все с бритыми головами и в черной коже с кнопками. Дитер забыл про меня, побежал по проходу в другой конец вагона и уселся среди своих, так что я сразу его потерял, такие они все были одинаковые.

Я сначала стоял в проходе, — из-под двери дуло холодным, и голова у меня была мокрая после поездки под дождем. Я стал думать, как рассердится мамка, когда узнает, что я поехал с Дитером, и мне захотелось выскочить из поезда и поскорей вернуться домой. И вдруг я увидел свободное место в углу возле уборной. Я быстро прошел туда и сел. В углу было тепло, никто меня не прогонял, вагон тихо покачивался, за окном было совсем темно, и я не заметил, как заснул.

Когда я проснулся, я не сразу понял, что спал. Я даже не сразу понял, что я еду в поезде, потому что вокруг никого не было, все повскакивали со своих мест и столпились в дальнем конце вагона. Из моего угла не было видно, что у них там происходит, но я не знал, можно ли мне пойти туда и поглядеть. Пока я решал, идти мне

туда или нет, дверь в тамбур открылась, и вошел тренер Эрих Кройц и тоже стал смотреть в тот дальний конец, где столпились все, кроме меня. Хоть он, как и я, не мог видеть ничего, кроме черных кожаных спин, лицо у него стало такое, какое было в прошлом году в телевизоре, когда он объяснял, почему наша команда не заняла первое место, хотя была лучше всех.

Он очень быстро шагнул и оказался возле черных спин, которые тут же расступились и образовали ровный черный коридор, так что и мне стало видно все до конца. Это было совсем как в фильме, который показывают по телевизору вечером после погоды: десять человек в черном держали высоко в воздухе одного в зеленой нейлоновой куртке, и хоть их было десять, а он один, все равно было видно, как им трудно его удерживать. Я не видел лица Эриха Кройца, но они видели, — он взмахнул рукой — и все десять человек сразу разжали руки, но тот, в зеленой куртке, не упал. Он прыгнул вперед, выгибая спину, и мягко опустился на пол, как кошка, когда ее бросают с крыши, — я видел, как мальчишки в нашей деревне бросали кошку с крыши: они так долго смеялись, что я тоже начал смеяться, пока у меня из глаз не потекли слезы.

Но в вагоне никто не засмеялся, когда тот, в зеленой куртке, встал на ноги и уперся глазами в Эриха Кройца. Было очень тихо.

— Это он один их всех тут раскидал? — спросил Эрих Кройц, и я увидел, что между скамеек в том конце вагона торчат в разные стороны черные кожаные ноги в сапогах с кнопками. Я не успел сосчитать, сколько их было, потому что раздался ужасный вой, и кожаные спины снова сомкнулись, закрывая все — и ноги, и зеленую куртку, и Эриха Кройца.

Они выли так долго, что у меня загудело в ушах и по спине побежали мурашки. Тогда я зажмурил глаза и стал представлять, будто сейчас зима и с гор дует такой сильный ветер, что у меня по спине бегут мурашки, и тут опять стало тихо. Черные кожаные спины снова расступились и образовали ровный черный коридор, по кото-

рому понесли на руках того, в зеленой нейлоновой куртке, а Эрих Кройц шел рядом с таким выражением, какое было у мамки, когда меня несли на носилках после того, как мальчишкам надоело бросать с крыши кошку и они сбросили меня .

Когда они подошли к дверям, тот, в зеленой куртке, вдруг вывернулся плечами из куртки, в то время, как каблуки обеих его кроссовок одним толчком уперлись в лица двух задних, которые держали его за ноги. Задние взвыли и шарахнулись в разные стороны, выпуская из рук пинающие их ноги в кроссовках. Я и глазом не успел моргнуть, как тот, в куртке, стоял, уже без куртки, прижавшись спиной к двери, а четверо передних обалдело застыли, вцепившись в пустую зеленую куртку.

В задних рядах кто-то попробовал завывать, но Эрих Кройц рывкнул:

— Молчать!

Потом он обернулся к тому, уже без куртки, и спросил:

— Скольких ты можешь уложить, парашютист?

— Может, десяток, может, чуть больше.

— Ну, а дальше что?

— Я так далеко не загадываю.

— А я загадываю. И не хочу убийства. Но я не могу тебя просто так отпустить, ясно? — сказал Эрих Кройц.

С моего места в углу было хорошо видно, как черные напирают сзади: они как будто совсем не двигались, но круг их все больше смыкался за спиной Эриха Кройца.

— Ясно, — сказал парашютист, хоть никакого парашюта у него, по-моему, не было.

— Так что будем делать? — спросил Эрих Кройц и раскинул руки, потому что черные опять завывли и стали напирать на парашютиста.

— Я боюсь, что мне придется позволить им выбросить тебя на ходу, — сказал Эрих Кройц, и черные завывли еще громче.

Парашютист обвел их взглядом и сказал:

— Пускай они отойдут, я сам спрыгну.

Может, у него все-таки был парашют?

Эрих Кройц резко рванул вниз окно, и ветер закружил по вагону мокрые листья. Потом он обернулся к черным, которые продолжали выть, и тихо сказал:

— Два шага назад, марш!

Продолжая выть, они несколько секунд покачались взад-вперед и отступили, открывая парашютисту путь к окну. Он оттолкнулся от пола, легко вскочил на откидной столик, низко наклонил голову и на полной скорости нырнул в пустоту. Вой тут же прекратился. Все обадело смотрели на темный квадрат окна, за которым не было ничего кроме холодного ветра.

— Ну что, довольны, балбесы? — спросил Эрих Кройц и закрыл окно. — Теперь все по местам. Сейчас мы выясним, кто заварил эту кашу.

И все молча пошли в тот конец вагона, так что мне больше не на что было смотреть. Мне, конечно, хотелось открыть то окно и выглянуть — а вдруг я еще успею увидеть парашютиста, пока он кружится над лесом на своем парашюте? Только я боялся, что они меня заметят, как те мальчишки в нашей деревне, которые бросали кошку с крыши.

Но все-таки я все время смотрел на это окно и никак не мог оторваться, так что мне пришлось закрыть глаза, чтобы никто не заметил. Я стал представлять себе, что я лежу в своей кровати и сплю. Я уже почти заснул, но кто-то тряхнул меня за плечо, — совсем как мамка, когда она будит меня спозаранок, чтобы я шел в замок чистить свинарник. Только это была не мамка, а Дитер-фашист, — он схватил меня за руку и потащил в тамбур. Как только мы вышли в тамбур, поезд замедлил ход и остановился. Дитер открыл дверь и, не давая мне опомниться, вытолкнул меня на платформу и сам выскочил вслед за мной. Поезд тут же тронулся, и мы остались на перроне одни.

— Пошли! — крикнул Дитер и побежал, а я побежал за ним, спрашивая на бегу, куда.

— Домой! — ответил он, не останавливаясь. — Мы еще успеем на последний автобус в Кройцнах, а там два шага до дома.

Я остановился и сказал, что не могу на автобус, у меня нет денег на билет. Тогда Дитер больно стукнул меня и пообещал набить мне морду, если он из-за меня опоздает на автобус. Я побежал за ним, и мы вскочили в автобус в последнюю минуту, когда он уже выруливал со стоянки. Дитер вынул из кармана десять марок и купил два билета, себе и мне. Он сказал, что не будет требовать с меня эти пять марок, если я никому не разболтаю, что мы с ним ехали в этом поезде и видели, как парашютист прыгнул из окна. Он только называл его не парашютистом, а нехорошим словом, за которое мама всегда бьет меня по губам.

УРИ

Приземлился он с привычным автоматизмом — спасибо Армии Обороны Израиля с ее всенощными маневрами и беспощадными тренировками. Едва коснувшись земли руками, он с силой прижал подбородок к груди и точным мускульным толчком послал все тело вперед по ходу поезда, пружинисто изгибаясь налету так, чтобы опять принять на руки стремительно несущуюся навстречу землю. После второго толчка руками он мог бы уже подняться на ноги, но врезался правым коленом в каменный мостик, переброшенный через заросшую папоротниками придорожную канаву. В колене что-то хрустнуло, и он на миг потерял сознание. Он выбыл всего на несколько секунд, не больше, и снова сработал привычный автоматизм: он встряхнул себя в сознание, хотя оно сопротивлялось и норовило ускользнуть, поднялся через силу и скомандовал себе: «Шагом марш!» Скомандовал и заковылял по шпалам, которым не было видно конца.

Моросил ледяной дождь, так что рубашка быстро промокла и холодным компрессом прилипла к спине. Ступать на поврежденную ногу было нестерпимо больно, но Ури был хорошо натренирован терпеть. Чтобы отвлечься от боли, он мысленным взором окинул свое столкнове-

ние с футболистами и окончательно убедился, что вмешиваться было так же глупо, как и неотвратно.

Покончив с прошлым, он обратился к будущему, которое было куда менее ясным. Куда он, собственно, брел по мокрым нескончаемым шпалам? Предположим, к ближайшей станции, но сколько времени понадобится, чтобы до нее дойти? А если даже он дойдет, так что толку? У него было что-то около четырех марок с мелочью, — счастье еще, что он сунул билет на самолет и паспорт в карман брюк, а не в куртку. А вот железнодорожный билет остался в рюкзаке, который никто, конечно, не удосужился выбросить из вагона ему вслед — интересно, что они с ним сделают, сожгут? Но дело было не в билете: Ури ясно представил себе серую вокзальную стену, а на ней желтый лист железнодорожного расписания, где красные цифры под словом «Абфарт» безапелляционно утверждали, что он ехал последним ночным поездом на Мюнхен.

Выходило, что шагать по шпалам не имело никакого смысла, тем более, что поврежденное колено решительно против этих шпал возражало. Надо было искать какой-то другой выход. Он вскоре представился в виде узкой проселочной дороги, наискосок пересекающей железнодорожные пути. Оставалось выбрать, куда свернуть, налево или направо. И там, и там была крошечная темь, и там, и там над головой смыкались мокрые ветви высоких сосен. Ури предоставил выбор колену, и оно повело его направо, поскольку это было по склону вниз. Спуск, как и следовало ожидать, оказался обманом, глинистая дорожка очень скоро начала карабкаться вверх, на что колено отреагировало подлой попыткой подломиться под ним и швырнуть его на мокрую землю. Но он не поддался и приказал своему телу двигаться вперед — телом своим он владел отлично — не то, что душой. С душой дело обстояло гораздо хуже: там бесконтрольно копились какие-то мрачные силы, которые вдруг вырывались наружу без всякого предупреждения и крушили все вокруг, включая его самого. А тело пока подчинялось приказу, оно могло двигаться вперед даже через не могу.

Шаг-шаг, левой-правой. Шаг-шаг, левой-правой. Сколько тысяч раз он повторил себе этот нехитрый, но почти невыполнимый приказ, пока навстречу ему — то ли в бреду, то ли наяву — стали выползать из-за деревьев пряничные домики немецкой деревни? После смолянисто-черной непроглядности лесной дороги они празднично ослепили Ури уютным сиянием неплотно зашторенных окон. Выйдя на открытое пространство, он понял, что деревня растянулась вдоль узкой долины, зажатой с обеих сторон горами. В заполненной морозящим дождем тьме нельзя было сказать, высокие ли это горы или нет, но почему-то чувствовалось, что высокие. По какой-то особой плотности воздуха, что ли, какая бывает только в закрытом пространстве. Где-то недалеко внизу перекатывался через камни напористый горный ручей.

Чувствуя, как силы оставляют его, Ури нерешительно заковылял по пустой извилистой улице, слабо освещенной рассеянным светом из окон. Что, собственно, он мог сделать? Постучаться в чужой дом почти в полночь и сказать, что заблудился? Так ведь не откроют еще, пожалуй, и собаку спустят! Оставалась только надежда на какой-нибудь непутевый деревенский кабачок, все еще открытый, несмотря на поздний час.

Улица дугообразно спустилась к уютной кольцевой площади с круглой клумбой посередине, в геометрическом центре которой высился обломок красной гранитной скалы, тускло освещенный одиноким фонарем. По красному граниту переливалась всеми цветами радуги залитая дождем готическая вязь. Пересекая площадь, Ури прочел, что это памятник местным солдатам, погибшим в первой и второй мировой войнах, и невольно удивился, что кто-то ставит памятники немецким солдатам, — он привык видеть только памятники их жертвам.

Сразу за площадью улица стала круто взбегать вверх по холму. Ури прикинул крутизну подъема и скомандовал себе: «вверх!», но тут колено окончательно вышло из повиновения и поволокло его в неказистый переулок, сбегаящий вниз к ручью. Переулок оказался тупичком, — он упирался в двухэтажный белый дом под черепичной кры-

шей с высоким резным крыльцом, уставленным горшками пышных гераней. По обе стороны крыльца розово светились задернутые прозрачным тюлем окна, а над дверью переливалась сине-зеленая неоновая надпись «Кабачок Губертус». Сам Губертус, попыхивая трубкой, оценивающе смотрел на Ури с торцовой стены кабачка — косматая голова его, искусно вырезанная из огромного корня, занимала всю площадь стены от земли до крыши.

КЛАУС

Когда мы с Дитером добежали до деревни, он еще раз повторил, чтобы я начисто забыл про все, что видел в поезде, потому что, сказал он, мы никогда в этом поезде не ехали, и поднес к моему носу кулак: «Ясно?» Кулак у него был здоровенный, густо усыпанный большими рыжими веснушками, так что я быстро ответил: «ясно», чтобы он его скорей убрал.

— А не то смотри, убью! — пригрозил он, сунул кулак в карман и побежал вверх по улице к своему дому, громко топая черными сапогами. Я тоже побежал к своему дому, пытаясь угадать, что мамка сготовила сегодня на ужин. Потом я стал думать о том, как объяснить мамке, где я был, раз нельзя рассказать ей, что мы с Дитером ездили на поезде, и тут я вспомнил, что ее нет, раз она будет ночевать в городе у тети Луизы. Я даже остановился, когда это вспомнил, и мне совсем не захотелось сидеть весь вечер в пустом доме, если мамки там нет. Почему-то, когда она дома, я ее совсем не люблю и хочу, чтобы она куда-нибудь ушла, а только она уходит, мне сразу становится скучно и хочется плакать.

Но я не стал плакать и решил, что только забегу домой съесть сосиски, которые мамка оставила мне в холодильнике, а потом пойду в «Губертус», где в углу за бильярдом стоит мой автомат. Конечно, я не смогу играть, раз я не получил свои пять марок у фрау Инге и Дитер забрал те две марки, что мне оставила мамка, но можно смотреть, как играют другие.

Они не любят в «Губертусе», когда я прихожу без мамки и без денег. Когда я вошел, Эльза сказала Вальтеру:

— Опять этот идиот Клаус явился без денег. Позвони сейчас же Марте, пусть заберет его отсюда, пока он чего-нибудь не натворил.

Она сказала это громко, во весь голос, — она считает, что при мне можно говорить что угодно, я все равно не пойму. Но я совсем не такой идиот, я лучше их всех играю на автомате, и никто из них не может меня обыграть. Просто с автоматом мне гораздо легче, я его не боюсь: он не может меня стукнуть или сказать что-нибудь обидное.

Конечно, Вальтер не смог дозвониться мамке, она ведь уехала в город к Луизе. Тогда Эльза велела ему выставить меня за дверь, хоть я не делал ничего плохого — просто стоял возле автомата, на котором никто не играл. Я слушал, как звенят колокольчики, и смотрел, как красные цифры зажигаются и гаснут на желтом поле.

Эльза всегда боится, что я распугаю ее клиентов, — кто-то наболтал ей, будто одна женщина из соседней деревни родила мертвого ребенка, потому что перед родами часто смотрела, как я играю на автомате. Но Вальтер не спешил меня выгонять — на улице лил страшный ливень, и ни одной беременной женщины в «Губертусе» не было. А может, он просто не хотел слушаться Эльзы или хотел сделать ей назло, — часто, когда Эльза выходит, он рассказывает Гейнцу, как любит делать все ей назло.

Сейчас они с Гейнцем как раз сидели за столиком и пили пиво: еще до моего прихода Гейнц принес в «Губертус» нового лешего, которого он вырезал из большого корня, а Гейнц и Вальтер всегда долго обмывают каждого нового лешего прежде, чем вешать его на стенку. И сейчас вместо того, чтобы выгонять меня, Вальтер пошел и нацедил себе и Гейнцу еще по кружке пива и хотел взять новую тарелку сухой колбасы, но Эльза не дала. Она стала приставать к Гейнцу, чтобы он нашел свою сестру и велел ей забрать ее урод, то есть меня.

Хоть Гейнц с мамкой много лет не разговаривает, он за меня всегда заступается, — может, потому, что они поссорились из-за меня. Он на нее обиделся с тех пор, как она выбросила всех его леших из нашего дома и объявила, что я у нее родился такой неудачный из-за того, что она всегда видела вокруг себя его деревянных уродов: она все говорит при мне, ей кажется, что я ничего не понимаю. А я тогда все прекрасно понял, — мамка разозлилась на Гейнца за то, что он решил жениться, а она хотела, чтобы он всю жизнь был неженатый и заботился только о нас с ней. Ей ничего не помогло — он все равно женился и продолжал вырезать своих леших из старых корней, которые собирал в лесу. Но сейчас Гейнц все-таки за меня заступился и сказал Эльзе, чтобы она оставила меня в покое, потому что я никому не мешаю.

А я и правда никому не мешал. Я стоял и откручивал от своей куртки большую металлическую пуговицу: она была размером с марку, и я подумал, что могу бросить ее в автомат и поиграть. Я долго-долго крутил пуговицу, так что почти оторвал ее, и вдруг услышал за спиной чужой голос:

— Стакан глинтвейна, пожалуйста.

Я обернулся посмотреть, кто это говорит, и увидел парашютиста. Я сразу его узнал — хоть парашюта у него не было, это был точно он. Говорил он по-городскому, не так, как наши деревенские: он оттягивал концы слов вверх, будто спрашивал. И вообще сразу было видно, что он чужой. Он промок до нитки — небось все это время кружил под дождем на своем парашюте. С его ботинок на пол сразу натекла лужа, а в волосах у него застряли листья и мелкие веточки.

Вальтер подал ему стакан горячего вина, а Эльза, поджав губы, стала тут же вытирать лужу — она терпеть не может грязь на полу. Парашютист сел на высокий стул у стойки и начал медленно пить вино, а я опять взялся за свою пуговицу. И тут вошла фрау Инге.

Я тут же забыл про пуговицу и уставился на нее. На ней был белый плащ, туго перетянутый поясом, и высокие белые сапоги — так она всегда ездит из замка в город, а в

свинарнике работает в синем комбинезоне и в кедах. Но что бы Инге ни надевала, она всегда выглядит красивее всех. Когда я сказал это мамке, она меня больно стукнула по губам и предупредила, чтоб я не разевал рот на то, на что мне не положено разевать. Я не знаю, что она имела в виду, — наверно, чтоб я не говорил ей того, что она не хочет слышать. Ну, я больше и не говорю, — ей же хуже.

Фрау Инге сначала не заметила меня, она стряхнула дождевые капли с волос и заказала у Эльзы чашку кофе. Эльза выставила все свои желтые зубы в сладкой улыбке, хоть она фрау Инге терпеть не может, уж я-то знаю, — при мне все говорят все, что думают. Тут фрау Инге увидела меня — через плечо Эльзы в зеркале. Она быстро обернулась и спросила:

— Что-нибудь случилось, Клаус? Почему вы с матерью сегодня не пришли на работу?

Я сразу испугался, что придется ей сказать про забастовку, — мамка хитрая, сама сбежала к тете Луизе, а меня оставила тут отдуваться. Поэтому я ничего не ответил, а стал еще сильнее крутить пуговицу на куртке. Но от фрау Инге не так просто было отделаться:

— Ты что, язык проглотил, Клаус? Почему мать не предупредила меня? Она знала, что я рано утром должен везти мясо на колбасную фабрику!

Тут пуговица, наконец, оторвалась со страшным треском и упала на пол под бильярд, так что мне пришлось стать на четвереньки, чтобы ее поднять. Пуговицу я нашел не сразу, засмотревшись на колени фрау Инге — они выглядят очень красиво в просвете между белым плащом и белыми сапогами были сразу и круглые, и длинные — не то что у мамки: у ней колени хоть и круглые, но острые.

Фрау Инге просунула руку под бильярд и взяла меня за ухо:

— Ну, что там, Клаус? Почему ты от меня прячешься?

От прикосновения ее пальцев мне стало горячо-горячо, я бы сейчас мог прыгнуть под машину, если бы она велела. Я подобрал пуговицу и сказал, глядя на нее снизу:

— У нас забастовка!

Она засмеялась и отпустила мое ухо:

— Ах, у вас забастовка? А у нас что?

Хоть она и рассмеялась, мне все-таки показалось, что она на меня рассердилась, потому фрау что Инге не стала дожидаться, пока я вылезу из-под бильярда и все ей объясню. Она отвернулась от меня и пошла за своим кофе, которое Эльза поставила рядом с мокрым локтем парашютиста. Он к этому времени выпил глинтвейн и начал рыться в карманах, искать деньги. Я подумал, что у него может не хватить денег расплатиться, — я тоже так роюсь в карманах, когда не знаю точно, хватит мне или нет. Фрау Инге взяла свой кофе и стала отхлебывать его маленькими глотками. Она не села на стул и не обернулась, хоть видела в зеркале, что я стою у нее за спиной и хочу ей все объяснить. Чтобы не заплакать, я стал считать монеты, которые незнакомец выкладывал на стойку, но никак не мог сосчитать — слезы застилали мне глаза.

Денег ему хватило — когда Эльза взяла то, что ей причиталось, на стойке осталось две марки и десять пфеннигов. Чтобы никто не заметил, как мне хочется схватить эти две марки и побежать играть, я быстро подошел к автомату и бросил в щель пуговицу. Пуговица застряла в щели, от этого красные цифры стали метаться по экрану, налетая друг на друга, а где-то внутри автомата прерывисто завывла сирена. Она завывала так пронзительно, что все дико заорали, а фрау Инге вздрогнула и уронила на пол чашку. На этот раз Эльза не бросилась вытирать лужу тряпкой, — она стояла за стойкой, заткнув уши пальцами, и визжала:

— Гейнц! Вальтер! Сделайте же что-нибудь с этим автоматом!

Она визжала, совсем как свинья в нашем свиномнике, когда конвейер подвозит ее под нож, только шея у нее была тощая — не то, что у мамки: у той шея, как у свиньи. Я вспомнил про мамку и страшно рассердился, что она затеяла эту дурацкую забастовку и уехала в город, а меня оставила тут улаживать все дела. Кроме того,

я рассердился на Гейнца, который выпил так много пива, что никак не мог дойти до автомата — он нацеливался на автомат, разбежался, но по пути ноги его сами сворачивали в сторону, и его пронесило мимо.

И вдруг стало тихо-тихо — пока я следил за Гейнцем, парашютист подошел к автомату с другой стороны и выдернул шнур из розетки. Такого ужаса я никогда не видел — экран автомата стал черный и мертвый, и я испугался, что больше никогда не смогу на нем играть. Я быстро поднял шнур с пола и сунул вилку обратно в розетку. Автомат снова завыл, и вслед за ним завизжала Эльза:

— Вальтер, немедленно вышвырни отсюда этого идиота!

Вальтер с трудом поднялся из-за стола и направился ко мне. Я хотел спрятаться под бильярд, но парашютист сказал:

— Минуточку! — и Вальтер остановился.

Парашютист взял со стойки нож, которым Эльза режет колбасу, и быстро отвинтил какую-то гайку на стенке автомата — под ней открылась дверца, за которой весело сплетались разноцветные провода. Парашютист просунул нож под мою пуговицу и нажал на нее — пуговица выпала ему на ладонь, и автомат замолчал снова. Парашютист закрыл дверцу, завинтил гайку, и все опять стало хорошо: зазвенели колокольчики, и красные цифры замигали на желтом поле.

— Твоя? — спросил меня парашютист и отдал пуговицу мне.

— Пуговица! — завопила Эльза. — Этот кретин бросил в автомат пуговицу! Я говорила, нельзя впускать его, когда у него нет денег!

Я очень обрадовался, что автомат работает, и захотел немного поиграть, но Эльза заметила, что я опять пытаюсь сунуть пуговицу в щель, и крикнула:

— Забери у своего племянника пуговицу, Гейнц!

Как раз в этот момент Гейнц добрался до автомата, и поэтому ему было легко вырвать у меня пуговицу. Он сунул мою пуговицу в карман своей куртки и пошел

допивать пиво. А я, наконец, заплакал. Я плакал громко и не мог остановиться, — мне хотелось, чтобы фрау Инге пожалела меня и перестала на меня сердиться. Но она, не обращая на меня внимания, повернулась ко мне спиной и стала смотреть, как в телевизоре две лохматые тетки дрыгают ногами. Тогда парашютист взял со стойки свои две марки и протянул их мне.

— Хватит плакать, парень! Бери деньги и беги играть!

Я схватил деньги и бросился к автомату, а он пошел к выходу. Я вдруг вспомнил, что надо сказать «спасибо», и обернулся — но он уже подходил к дверям, и тут я заметил, что он сильно хромает.

ИНГЕ

Инге вернулась из города усталая и голодная. Подъезжая, она еще издали услышала встревоженный лай Ральфа, но когда она открыла ворота, он не побежал ей навстречу, а продолжал, беспокойно подвывая, топтаться на пороге свинарника. Она вошла в свинарник и сразу поняла, что Марта с Клаусом сегодня не приходили: невымытые, некормленные свиньи хрюкали за загородкой обиженно, как дети.

Инге крикнула им «Потерпите!» и помчалась в левое крыло замка, где жил отец. Отцу крикнуть «Потерпи!» Инге не могла: она уже издали услышала знакомый колокольный звон — он злобно колотил своей железной лапой в подвешенный над его креслом сигнальный рельс.

Когда она с силой распахнула тяжелую резную дверь, ведущую в покои отца, он уже катился ей навстречу из темноты, как маленький игрушечный танк, освещенный вправленным в изголовье кресла фонариком, который он умел зажигать сам. Кроме этого жалкого фонарика, в комнатах отца не горела ни одна лампа. Значит, дневная сиделка ушла еще засветло, не подозревая, что ни Марта, ни Клаус не зайдут зажечь свет и

накормить отца ужином. Отступая к двери под натиском отцовского кресла, Инге утешительно забормотала:

— Ну, не сердись, Отто, не надо. Я ведь не знала, что они не придут.

В ответ Отто заколотил лапой в рельс с удвоенной силой и попытался наехать на Инге, но она ловко увернулась и, протиснувшись между креслом и стеной отцу за спину, умудрилась обхватить его плечи обеими руками. От ее прикосновения он сразу обмяк и, потеряв всю свою агрессивность, попытался лизнуть ее руку.

— Вот и хорошо. Успокойся, я уже здесь, теперь все в порядке.

Пока она разогревала ужин Отто, он порывался отстучать ей морзянкой какие-то смутные жалобы на дневную сиделку, которую он заподозрил то ли в алкоголизме, то ли в kleптомании. Но Инге не стала вслушиваться: сейчас ей не хватало только проблем с сиделкой. Наспех покормив отца, она подкатила его к телевизору, укрыла пледом и бегом поднялась к себе, чтобы позвонить Марте. Она набрала номер и долго вслушивалась в унылые длинные гудки в надежде, что кто-нибудь ответит. Когда никто не ответил, она так разнервничалась, что не стала есть, а, как была — в мокрых белых сапогах — вывела фургон и помчалась в «Губертус» — выяснить, что у них там стряслось. Ральф с громким отчаянным лаем увязался за ней. Она поняла, что он так и будет бежать за фургоном всю дорогу и сжалась над ним: притормозила на повороте и приоткрыла дверцу кабины. Не дожидаясь приглашения, он сходу вскочил на сиденье и начал шумно отряхиваться, разбрызгивая дождевые капли во все стороны.

Когда Инге спускалась по крутой спиральной дороге, ведущей из замка в деревню, у нее сильно кружилась голова — то ли от голода, то ли от огорчения. Но все-таки она сообразила, что, если Марта не пришла сама и не прислала Клауса предупредить, она вполне могла затеять какую-то пакость — в последние дни в воздухе и впрямь висело предчувствие грозы. Марта перестала приходить на кухню пить кофе, а демонстративно пила

собственный, который привозила с собой в голубом пластмассовом термосе.

А вчера, когда Клаус зашел на кухню съесть предложенный ему Инге бутерброд с колбасой, она ворвалась вслед за ним и туманно объявила, что не позволит, чтобы всякие ведьмы насылали свои злые чары на ее ребенка. Поскольку Клаус продолжал невозмутимо жевать, Марта вырвала у него бутерброд и стала читать вслух надписи на этикетках Ингиной коллекции целебных трав. Хоть почти все эти этикетки Марта отлично знала, так как она не раз помогала Инге готовить разные снадобья для себя и для Клауса, она нарочно искажала названия трав, риторически вопрошая при этом, чем именно посыпает Инге бутерброды ее сына и что подмешивает в кофе самой Марте для достижения своих злокозненных колдовских целей. Клаус захныкал и попытался отобрать у матери свой бутерброд. Он был куда сильнее ее, но она дала ему затрепину, бросила бутерброд в мусорное ведро и, хлопнув дверью, выбежала из кухни, выкрикивая что-то нечленораздельное о ведьмах, которых пора сжигать на кострах. Клаус хотел было вытащить свой бутерброд из ведра, но у Инге от этого спектакля вдруг разболелась голова, и она велела Клаусу убираться из ее кухни.

Вспоминая вчерашний скандал, Инге решила, что не стоит в «Губертусе» начинать с прямых распросов. Поэтому, когда, войдя в кабачок, она увидела Клауса, то сделала вид, что не замечает его, а просто попросила у Эльзы чашку кофе.

Горячий кофе прояснил ей мозги, а заявление Клауса о забастовке поставило все на свои места. Чудно, замечательно — хоть вешайся! Теперь оставалось только найти выход из безвыходного положения. Мозг ее напряженно метался в поисках какого-нибудь маломальски приемлемого решения, — она так бы и простояла весь вечер с чашкой в руке, если бы вой автомата не вывел ее из оцепенения. Она вздрогнула, уронила чашку и только тогда заметила незнакомца.

Сначала — его руки — стройные загорелые кисти, крепкие ладони и длинные сильные пальцы со странными

треугольными ногтями: вершина каждого треугольника была обращена к запястью, а основание его замыкало конец пальца. Треугольники ногтей были слишком маленькие для таких крупных рук, и потому казалось, что они касаются предметов с какой-то особой кошачьей нежностью, будто часть ногтя была временно втянута вовнутрь. Зачарованная ловкостью, с которой эти пальцы открыли панель автомата и освободили застрявшую пуговицу, Инге не сразу поглядела на лицо их владельца. Лицо было им под стать: очень нездешнее, без единой прямой линии, — словно все его черты были умело вырезаны из разных частей туго натянутого лука.

Пока она разглядывала незнакомца, за ее спиной заплакал Клаус, громко всхлипывая и шмыгая носом. Первым порывом ее была жалость, она хотела было утешить беднягу и дать ему его пять марок, но благоразумно сдержалась: в сложившейся ситуации нельзя было давать его вздорной мамаше никакого повода для продолжения боевых действий.

Подползла на коленях Эльза с тряпкой в руках и начала усердно вытирать кофейную лужу у ее ног. Она наклонилась, чтобы помочь Эльзе подобрать осколки разбитой чашки, и услышала голос незнакомца:

— Хватит плакать, парень! Бери деньги и беги играть!

Когда она подняла голову, Клаус уже стоял возле автомата, сияя блаженной улыбкой, а незнакомец, сильно хромая, шел к выходу. Он открыл дверь, — небо за дверью полыхнуло голубым разрядом — и через секунду загрозотал гром. Как только он вышел, все заговорили хором.

— Итальяшка! — объявила Эльза.

— Никакой он не итальяшка! — Вальтер никогда не соглашался с Эльзой: если бы она сказала, что Бог есть, он тут же заявил бы, что Бога нет.

— А какая у него машина? — спросил Гейнц, как всегда — реалист.

— У него нет машины. Он спустился на парашюте, — объявил Клаус и вдохнул воздух, словно собирался доба-

вить что-то еще, но вдруг запнулся и стал испуганно отступать к двери.

— Это ж надо, что этот идиот может придумать! — воскликнула Эльза и замахнулась на Клауса мокрой тряпкой. Клаус внезапно обиделся:

— Ну, ладно, может, он пришел пешком, — сказал он. — А то чего бы он был такой мокрый? — и все уставились на него, пораженные здравым смыслом его слов.

— А раз он пришел пешком, значит, у него нет машины, — заключил Клаус, гордясь тем, что привлек всеобщее внимание.

Инге положила деньги за кофе на стойку и быстро вышла под дождь, думая одновременно о глупости Марты, о неразрешимости завтрашнего дня, о смуглых пальцах незнакомца и о многом другом, что непросто было выразить словами. Она сама не понимала, как ее голова вмещала враз все это множество несовместимых и часто вовсе не пересекающихся мыслей.

На улице было совершенно темно, если не считать крошечных островков розовато-желтого света, падающего на тротуар из окон кабачка и тут же смываемого обильными потоками дождя. Дождь стоял вокруг плотной стеной, его равномерный шум поглощал все остальные звуки.

Небо над головой с грохотом раскололось полярно-голубой вспышкой и выхватило на миг из темноты клубок сцепившихся в смертельной схватке тел — человеческого и звериного, серебристо-шерстяного. Они промелькнули у нее перед глазами, словно кадр из ночного кошмара, и исчезли в черном безмолвии монотонно падающего дождя.

— Ральф! — закричала она на бегу, оскальзываясь на мокрых ступеньках. — Стоп! Прекрати немедленно!

Ей сейчас не хватало только, чтобы голодный Ральф загрыз этого красивого итальянца!

Однако в свете новой вспышки молнии ей открылась картина вовсе неправдоподобная — итальянец умудрился повалить Ральфа на землю и сидел на нем вер-

хом, зажимая его шею тисками сведенных вместе локтей. Инге остановилась над ними и снова повторила:

— Ральф! Стоп!

Тело Ральфа обмякло, и он коротко взвизгнул то ли от боли, то ли от обиды, и она сказала незнакомцу:

— Можно его отпустить.

Незнакомец разжал руки, с трудом поднялся, пошатнулся и схватился за открытую дверцу машины, чтобы не упасть в грязь. Только теперь Инге заметила, что распахнута дверца не пассажирская, а водительская, и спросила напрямик:

— Вы что — собирались угнать мою машину?

В горле у парня что-то вдруг заклокотало, и он безвольно сник на отворенной дверце, свесив руки и конвульсивно царапая мокрый металл ногтями растопыренных пальцев. К этому времени Ральф, наконец, встал на ноги и начал шумно отряхивать грязь с шерсти, разбрасывая ее во все стороны.

Не успев толком сообразить, что она делает, Инге перехватила тело незнакомца раньше, чем оно рухнуло на мокрый булыжник, и рывком опустила его на капот фургона. Голова его, правда, при этом гулко стукнулась о металл, однако Инге удалось удержать его от дальнейшего скольжения вниз. Она нащупала его пульс — рука была горячая, но сердце билось ровно, хоть и часто.

Нужно было срочно решать, что с ним делать. Тащить его обратно в «Губертус» и вызывать скорую помощь? Ужас — разговоров потом не оберешься! Проще всего было бы, конечно, отвезти его к себе в замок и привести в чувство, а там уже поступать по обстоятельствам. Было только совершенно неясно, как ей одной удастся затолкать его бесчувственное тело в машину.

Инге попыталась приподнять его, но он тут же выскользнул из-под ее рук и начал скатываться с капота, так что ей с трудом удалось сохранить равновесие.

Она осторожно опустила его обратно на капот, и мысль ее, ничего не находя, лихорадочно заметалась в поисках разумного выхода.

ОТТО

С минуты отъезда Инге Отто ждал ее возвращения. Сперва он просто хотел, чтобы она сидела рядом с ним возле телевизора, дышала, двигалась, подавала ему чай и грелку, а он бы ее любил и радовался, что она такая красивая, высокая и независимая. Но постепенно его любовь стала привычно переходить в ненависть, и чем дольше длилась мука его ожидания, тем больше он ненавидел дочь. Как всегда в такие минуты, именно ее красота и независимость становились ему особенно непереносимы — его воображение рисовало ему ужасные картины ее походов неизвестно где и неизвестно с кем. Теперь он уже ждал ее, чтобы наказать и уязвить побольше.

Отто с удовольствием смаковал все прошлые случаи, когда ему удалось сделать ей больно. А случаев таких было немало, — было! было! — хоть ему это всякий раз давалось непросто: вся правая сторона его тела была парализована полностью, а кисть левой, частично подвижной руки, оторвало снарядом во вторую мировую войну в танковом бою за гиблый городишко с косноязычным названием Курск. Это название многократно выкрикивали вороны, кружась над трупами после битвы: «Кур-р-с! Кур-р-с! Кур-р-с!» Отто, истекая кровью, слушал их крики из-под нависшей над ним гусеницы подбитого русского танка и думал, что будет, когда его найдут русские солдаты, отрывистая переключка которых не могла заглушить надсадного карканья пирующих ворон.

Ему тогда повезло, и русские солдаты его не заметили. Когда они ушли, унося своих раненых и гоня перед собой пленных, Отто исхитрился зубами затянуть обрывки рукава над зияющей дырой повыше запястья и пополз в противоположную сторону, то и дело теряя сознание. Он так и не узнал, кто и где его подобрал, но когда он через пару дней очнулся в немецком полевом госпитале, на месте кисти левой руки у него была туго забинтованная культяпка. К этой культяпке ему со вре-

менем приладили хитроумный протез, напоминающий двузубую вилку, с которым он научился довольно ловко управляться. Так что много лет он прожил неплохо и без руки, пока его не разбил паралич и он не попал в полную зависимость от своей слишком красивой и независимой дочери, у которой на уме были одни только мужики.

Отто уже издалека услышал, как взрывает фургон, взбираясь по крутой дороге к замку, — за последние годы его слух, на тренированный долгими ожиданиями, необычайно обострился. Он откатился к окну и стал следить, как Инге паркует фургон. Его комнаты были расположены в полуподвальном этаже, — для удобства, чтобы он мог сам вкатывать и выкатывать кресло во двор, — и потому он мог видеть только колеса и ноги.

Что-то явно было не в порядке. Вместо того, чтобы поставить фургон в гараж — а это следовало бы сделать сразу в такую дождливую ночь — Инге подкатила задним ходом к его, Отто, специальному входу. Кузов фургона заслонял Отто дверь, он видел только, как ноги дочери в высоких белых сапогах прошагали вдоль колес фургона в сторону входа. Отто думал, что она первым делом пойдет проведать его, и приготовился встретить ее гневными упреками, как она того заслуживала, но она к нему не зашла вовсе. Погрохотав чем-то железным в коридоре, она снова появилась во дворе и скрылась за фургоном. Ноги в белых сапогах мелькали так быстро, будто она отбивала чечетку, но толком рассмотреть, что она там делает, Отто не мог, и от этого раздражение его стало совершенно невыносимым. Он больше не мог сдерживать свой гнев и начал изо всех сил колотить своей стальной лапой в рельс.

Дочь наверняка не могла его не слышать, однако она не обратила на его призывы никакого внимания, а продолжала свои странные пляски вокруг фургона. Рядом с ее сапогами толклись по лужам серебристые лапы Ральфа. Тяжелая зависть к Ральфу сдавила горло Отто, и он прикрыл глаза, обессиленный и покинутый, — кто угодно, даже пес, имел право на участие в ее делах, но только

не он. Когда он снова открыл глаза, и ноги, и лапы исчезли из-под фургона, который так и остался торчать перед его окнами, загораживая ему вид на все ночное пространство, залитое дождем. Отто подождал еще немного, надеясь, что теперь она найдет время заглянуть к нему. Он отъехал от окна и невидящими глазами уставился на экран телевизора, на котором по случаю позднего часа давно уже мерцала неподвижная цветная заставка.

Прошло еще сколько-то времени, он не мог сказать — сколько, а она так и не зашла. Тогда Отто решил действовать самостоятельно. Он направил кресло к выходу. Он не очень любил выезжать из своих комнат без посторонней помощи, потому что на это уходили все его силы, но сейчас выбора не было.

Необходимо было узнать, что у нее там стряслось. И если понадобится, принимать меры.

УРИ

Конечно, это был бред. Над головой высоко-высоко смыкался обрамленный черными балками красный кирпичный свод, напоминающий церковный. Но все же лежал он не в церкви, а в том отделе преисподней, где туши грешников разделяют для обжарки. Все инструменты, необходимые для освеживания и расчленения грешных тел, были милостиво представлены ему для обозрения на противоположной стене: начищенные до блеска, они поражали разнообразием: топоры, топорыки, секачи, секачки, ножи, ножики, ножищи, трезубцы, двузубцы, пилки, пилочки, пилы, ковши, ковшики, черпалки — для крови, конечно. Ури попытался их пересчитать, чтобы собраться с мыслями, но цифры в голове разбежались и не сходились, а уж о мыслях и говорить было нечего. Мысли всплывали, барахтались на поверхности сознания и тут же тонули, как мусор в сточной канаве после сильного ливня.

За высокими стрельчатыми окнами царила беспросветная тьма. И вдруг в черной законной пустоте воз-

никла косматая голова лешего Губертуса, не такая огромная, как на стене кабачка, но достаточно грозная — прижавшись бородастым лицом к стеклу, леший внимательно и недобро разглядывал Ури.

Ури с трудом повернул голову в сторону окна, и Губертус тут же исчез, оставив после себя на оконном стекле переливчатый узор дождевых капель.

Значит, все-таки бред.

Ури приподнялся на локте и огляделся, с трудом преодолевая качнувшую его назад дурноту. Черт его знает, а может, все-таки не бред? Уж очень реалистически выглядела эта огромная кухня с круглым столом на резных ножках в центре и с изразцовой печью в углу. Стену, на которой были экспонированы режущие орудия, снизу подпирала облицованная бордовым гранитом буфетная стойка, сплошь уставленная современными кухонными агрегатами.

Ури потрогал пальцами наброшенный на его плечи черный махровый халат и порывлся в своей слабо мерцающей памяти, но никакой логической связи между собой, этой кухней и этим халатом не нашел. Тогда он ухватился за поручни кресла и попытался встать. Пронзительная боль в правой ноге швырнула бы его на пол, если бы у него не были такие сильные руки. С трудом удержав равновесие, он откинулся назад на подушки кресла, которое под натиском его тела сдвинулось с места и, поскрипывая колесиками, покатилося к резным двустворчатым дверям. После этого пируэта его охватила такая парализующая слабость, что он почувствовал себя совершенно незащитным и закрыл глаза в предчувствии неминуемого удара большой ногой о дверь. Но в лицо ему дохнул порыв холодного ветра, и кресло внезапно остановилось.

Он с трудом разлепил свинцово отяжелевшие веки и тут же поспешно прикрыл их: упершись в кресло длинной ногой в белом сапоге, в темном дверном проеме стояла мать. Не сегодняшняя, раздражающая и покорная, а давняя, почти забытая, всегда ускользавшая от него к другим.

Чужой, очень немецкий, голос произнес властно:

— Куда это вы разогнались, господин парашютист?

И кресло, все так же поскрипывая колесиками, пока-тилось обратно в угол к изразцовой печи. Ури опять разлепил веки и глянул в склонившееся над ним лицо — ничего похожего на мать в нем не было, кроме тяжелой, цвета меда, обрамляющей волны волос. Глаза под упавшими на лоб прядями были большие и плоские, как озера в степи, белки их, не закругляясь, были вправлены под надбровья вровень с глазницами. Дома у него таких глаз не носили — там глазные яблоки у всех были круглые, как и положено яблокам.

Лицо отодвинулось и исчезло. Так поразившая его мгновенная иллюзия сходства шла от ног в высоких белых сапогах. Белые сапоги сделали шаг влево. Ури с трудом повернулся всем телом вслед за ними, и взгляд его уперся в резную горку для хрусталя — там, в сумеречном застекольном пространстве, стояли ряды разноцветных прозрачных бутылей и переливчатых темных флаконов. Рука в синем комбинезонном рукаве плеснула в стакан немного воды из чайника, потом взяла с полки флакон, вынула из него граненую пробку и перевернула над стаканом. Из узкого горлышка начали сочиться тяжелые лиловые капли.

Рядом с ногами бесшумно появился недружелюбный серебристый зверь, при виде которого Ури сразу все вспомнил: и фургон у дверей кабачка, и неудачно открытую им дверцу фургона, и схватку на мокрых брызжниках. И билет, срок действия которого кончился в семь тридцать. И последние две марки, которые он оставил на стойке. И владелицу белых сапог и властного голоса — только тогда вместо синего комбинезона на ней был туго перетянутый поясом белый плащ. И главное — мать, которая (о ужас!) будет напрасно встречать его утром в аэропорту Бен-Гурион.

— Который час? — спросил Ури хрипло, не узнавая собственный голос.

— Какая разница? — ответила женщина, сосредоточенно считая капли. — На свой самолет вы все равно уже опоздали.

— Как опоздал? Который час? — повторил Ури.

— Без двадцати четыре. А ваш самолет в семь, так что шанса успеть нет.

— Откуда вы знаете про самолет? — ошетинился Ури.

— По линиям ладони, — усмехнулась она, аккуратно возвращая флакон на место и снимая с полки другой. — А кроме того, пока вы тут метались в бреду, Ури, вы всю свою жизнь успели мне рассказать.

И опять принялась считать капли, на этот раз оранжево-желтые.

— И имя свое я вам тоже сказал? — не поверил Ури, тщетно пытаясь сообразить, как он тут оказался.

В ответ она приложила палец к губам, опустила флакон на стол, ловко перевернула стоящие рядом крошечные песочные часы и встряхнула содержимое стакана. Смесь вспузырилась и начала быстро краснеть. Ури заметил, что губы женщины шевелятся в такт взмахам стакана, и подумал мимолетно: ворожит она, что ли? Словно в подтверждение этого предположения она, дождавшись, пока нижний конус часов наполнился до первой черты, обхватила стакан с двух сторон и начала бережно крутить его в ладонях, словно согревая. Губы ее по-прежнему размеренно что-то шептали, взгляд был неотрывно устремлен на пузырящуюся в стакане жидкость, отчего в плоских синих зеркалах ее глаз вспыхивали и гасли малиновые искры.

Когда нижний конус часов наполнился до второй черты, она сняла с крючка на стене длинную серебряную ложку странной формы и склонилась над Ури:

— А теперь надо выпить это до дна. Можно не спеша.

Ури с опаской поглядел на густой темно-красный напиток:

— Я надеюсь, это не кровь невинных младенцев?

Женщина засмеялась:

— Неужели я выгляжу такой злодейкой? — она зачерпнула ложку жидкости и поднесла к губам Ури. — Пейте!

Может, злодейкой она и не выглядела, но ложку-то выбрала из знакомой коллекции пыточных орудий. По-

этому Ури заупрямился и отвел ложку в сторону подалее от себя:

— Но я не знаю, что это. И вообще — кто вы и как я сюда попал?

— Я — Инге, мы это уже выясняли. Вы что, ничего не помните? — она с досадой прикусила губу, раздраженно плюхнула напиток из ложки назад в стакан и стала стягивать с себя сапоги. Бросив сапоги под стол, она, оставляя мокрые следы на лакированных досках пола, прошла к буфету, сняла с полки фарфоровый чайник и начала заваривать чай. Эти лакированные доски мимолетно зарегистрировались в сознании Ури знаком дополнительной опасности: ему в жизни не приходилось видеть лакированный деревянный пол в кухне. Надо было срочно уносить ноги из этой ловушки.

— Где моя одежда, Инге? — спросил он, намеренно делая ударение на ее имени, словно надеясь этим ее разоблачить, хоть он сам не знал, в чем.

— В сушке, Ури. — Она тоже сделала намеренное ударение на его имени, явно пытаясь заслужить его доверие. — А что?

— Я, пожалуй, попробовал бы добраться до Мюнхена.

— Мне кажется, вы уже пробовали встать, Ури. — Она налила себе чай в цветную кружку и стала жадно пить. — И ничего не вышло, правда?

— Вы что, ясновидящая?

Она пожала плечами:

— А как еще вы могли бы с такой скоростью раскатить кресло мне навстречу? С вашей поврежденной ногой?

— А что с моей ногой? — испугался он.

— Сейчас мы это выясним.

Она поставила пустую кружку на стол и бесцеремонно подняла сильной рукой его правую ногу, на которой он с удивлением обнаружил чужой шерстяной носок. Упершись в его колено одной рукой, она стала другой бережно склонять его ступню носком вперед, пока острая боль не перехватила ему дыхание.

— Вывих в щиколотке, как я и думала, — объявила она, — придется потерпеть.

И не дав ему времени на возражения, она умело рванула его ступню на себя, слегка выворачивая ее наружу неуловимым спиральным движением. В глазах у него потемнело, в щиколотке что-то хрустнуло, и ему на миг показалось, что ступня его отделилась от остальной ноги. И сразу же наступило облегчение — отломанная нога больше не беспокоила, будто перестала существовать.

— Вот и все, — сказала женщина. — Завтра вы сможете пешком идти в Мюнхен. Если удастся сбить вам температуру, — ее прохладная ладонь мгновенно коснулась его лба и упорхнула. — Ну и жар у вас: тридцать девять и пять, не меньше.

И она опять поднесла к его губам свой кровавый напиток, на этот раз уже без ложки.

— Лучше пейте залпом, потому что горько.

Готовый сдаться, он спросил, не настаивая и без подвоха, а просто так, чтобы оставить за собой последнее слово:

— Вы что — врач?

— Нет, — устало усмехнулась она. — Я — местная ведьма. Два века назад меня бы за такое сожгли на костре.

КЛАУС

Когда я проснулся утром, дождь уже не шел. Я не стал одеваться, а пошел на кухню посмотреть, что мамка приготовила сегодня на завтрак. Но там не было ни булочек, ни колбасы, а кофейная машина стояла пустая — без воды и без кофе. И тут я вспомнил, что мамка уехала ночевать в город к тете Луизе, а меня с собой не взяла.

Ну, раз мамки не было, я мог не умываться и не принимать душ. Колбасу я нашел в холодильнике, а с кофейной машиной я научился управляться сам с тех пор, как мамка начала часто ночевать в городе без меня. После завтрака мне очень захотелось поехать в замок и узнать, что фрау Инге сделала с парашютистом. Я точно знал, что она увезла его в своем фургоне — ведь я сам помог ей втащить его туда.

По дороге я думал про парашютиста — как я спрошу его про парашют, если увижу его в замке. И как он мне расскажет, куда он его спрятал, и как я пойду туда и найду. И принесу его фрау Инге, а она удивится и скажет:

— Какой ты молодец, Клаус! А я тебе не верила.

И, может, даже даст мне те пять марок для автомата, которые я не получил из-за мамкиной забастовки.

И тут я остановился, как вкопанный, на крутом подъеме — ведь я совсем забыл про забастовку! Ведь раз у нас забастовка, мне нельзя ехать в замок! А замок уже поднимался прямо передо мной — отсюда с поворота можно было видеть сразу все три его башни — две старинные, низкие, разрушенные, с дырами вместо окон, и одну целую, высокую, в которой можно было жить. Если подъехать к замку ближе, то старые башни увидеть уже нельзя — их закрывает высокая зубчатая стена, перед которой много веков назад был вырыт глубокий ров, чтобы враги не могли ворваться в ворота. С того места, где я стоял, можно было даже разглядеть старинную картинку, выложенную мелкими камешками над парадным входом. На картинке пять рыцарей на конях барахтались в мыльной пене, которая сливалась на них сверху из какой-то не видной нам стиральной машины.

Я знал, что мне не следует заходить в замок, но все же подъехал совсем близко, проехал через висячий мост надо рвом, остановился у ворот и посмотрел вниз, в сторону деревни. Мамки нигде не было видно, а значит, и она не могла меня видеть, так что я отпер ворота своим ключом и вкатил велосипед во двор, хоть все время думал о том, что мамка не велела мне приходить сегодня сюда помогать фрау Инге.

— Пусть она обойдется без нас! Где она еще найдет таких дураков, чтобы вычищали говно ее свиней за такие гроши? — кричала мамка, пока примеряла свое новое платье, которое делало ее ноги еще короче, чем они были на самом деле. Но мамка этого не замечала — она себе очень нравилась в этом платье, она все одергивала его на заднице и повторяла:

— Какую шикарную фигуру оно мне делает, правда?

И опять возвращалась к фрау Инге:

— Она бы умерла от зависти, если бы она меня сейчас увидела.

Я почему-то не думаю, что фрау Инге умерла бы от зависти, если бы она увидела мамку в любом платье, но вот мамка точно умерла бы от злости, если бы увидела меня в замке, когда у нее забастовка. Никто меня еще не заметил, кроме Ральфа, который помахал мне хвостом, но навстречу не пошел. Так что я еще мог развернуться, нажать на педали и уехать домой. Но мне очень не хотелось уезжать, не повидав парашютиста, и я подумал, что вполне мог бы забыть про забастовку. Ведь мамка сама часто говорит, что у меня голова, как дырявая корзина. Вот я и забуду — пусть знает, как говорить про меня такое!

В замке было тихо, все, наверно, еще спали, и я пошел в свинарник. Свиньи очень обрадовались, когда меня увидели. Они всем скопом бросились мне навстречу, и самые смелые стали тереться об мои ноги. Они так толкались, стараясь протиснуться ко мне поближе, что чуть не опрокинули меня в грязь. Я почесал за ухом серого борова Ганса, которого я сам вырастил из маленького розового поросеночка, а потом пошел в кормовую и принялся готовить им еду, а Ганс увязался за мной. Он, наверно, здорово соскучился по мне за вчерашний день, а может, даже обиделся на меня, но я ничего не мог ему объяснить, он бы все равно не понял про забастовку.

Пока я смешивал в миксере отруби и витамины, я рассказывал Гансу про парашютиста. Ему можно было рассказать всю правду. И про поезд, и про окно, и про знаменитого тренера Эриха Кройца, — уж он точно не мог ничего разболтать Дитеру-фашисту. Он мог только хрюкать и просить меня еще и еще почесать ему спину. У него спина всегда чешется, но он ничего не может с этим поделать, кроме как тереться спиной о косяк двери или об стенку.

Ну, я почесал его, разлил смесь по кормушкам и покати́л их в свинарник. И вдруг я увидел фрау Инге. Она

стояла возле крана в своем синем комбинезоне со шлангом в руке, но воду не открывала, потому что слушала мой рассказ. Я остановился на пороге и уставился на нее. Волосы ее были перехвачены на лбу плотной синей повязкой, и оттого она была сегодня особенно красивая.

Мне очень хотелось узнать, как много она успела подслушать из того, что я рассказал Гансу, но она не подала виду, что вообще что-то слышала, а улыбнулась и спросила:

— Что, забастовка уже кончилась?

Надо же — ведь у нас забастовка! А я опять про нее забыл и не знал, что сказать в ответ. Фрау Инге поняла это по моему лицу и спросила:

— Мать не ночевала дома, да?

Я молча кивнул и покатил кормушки к свиньям, которые при виде еды подняли ужасный шум.

— Она небось опять отправилась на свои всенощные радения?

Я ни слова не понял из того, что она сказала, но снова молча кивнул, чтобы не связываться. Свиньи с радостным визгом столпились у кормушек, а фрау Инге включила, наконец, воду и направила сильную струю из шланга вниз, чтобы смыть грязь, которая собралась на полу за вчерашний день. Обычно это делает мамка, но сегодня мамка не пришла и мне тоже не велела приходить.

Представив себе, как она рассердится, когда узнает, что я кормил тут свиней, я стал пятиться к выходу и, конечно, зацепился ботинком за шланг — я всегда за все зацепляюсь. Шланг взвился, как живой, и вырвался из крана, окатив меня и фрау Инге холодным душем. Ну и хорошо, я ведь сегодня утром душ не принял, а теперь это стало неважно. Я испугался, что фрау Инге сейчас на меня рассердится, но она только засмеялась и сказала, стряхивая капли воды с волос:

— Да не бойся ты ее, я не стану ей рассказывать, что ты кормил свиней.

Откуда она узнала, что я боюсь мамку? Может, она и вправду ведьма? Потому что она добавила:

— Ладно, теперь ты можешь пойти к Отто и помочь ему завтракать. Ведь ты, наверно, хочешь рассказать ему про парашютиста?

Как она догадалась, что мне хотелось поговорить с Отто? Я люблю с ним разговаривать — не так, как с Гансом, конечно (Ганс — мой друг), но больше, чем с другими: ведь он не может обругать меня и назвать идиотом. Или выдать меня Дитеру-фашисту. Разве только если у Дитера хватит терпения выслушать, как Отто отстукивает ему мой рассказ своей стальной лапой. А на это ни у кого никогда не хватает терпения, даже у меня, тем более, что я не все его стуки понимаю. Я понимаю только что-нибудь простое — как например, если он просит подать ему горшок, или дать ему попить, или включить свет. Фрау Инге долго меня учила, а я никак не мог научиться, но она очень упрямая, фрау Инге. Она хоть и добрая — не то, что мамка, — та просто зверь, когда сердится, — но она тоже умеет заставлять. Особенно если у нее плохое настроение. А последнее время у нее всегда плохое настроение. Тут я вспомнил, как она только что смеялась, когда стряхивала капли воды со своих мокрых волос, и мне показалось, что сегодня настроение у нее было гораздо лучше, чем все прошлые дни, — с тех пор, как сбежал Карл.

Я сказал про это Отто, когда кормил его завтраком, а он почему-то так страшно на меня за это рассердился, что стал сбрасывать тарелки и чашки со столика, который я прикручиваю к его креслу для еды. Тут из кухни ворвалась дневная сиделка — фрау Штрайх. Она не любит, когда Отто бузит и сталкивает на пол все, до чего может дотянуться своей лапой. Она начинает кудахтать, как курица, и быстро-быстро подбирать сброшенные вещи, которые Отто тут же сбрасывает назад. Я мог бы его успокоить — меня он иногда слушается, если я чешу ему спину, как Гансу, — но не успел, потому что услышал мамкины крики.

Она вопила так громко, что мы могли слышать каждое ее слово. Хоть лучше было бы ее совсем не слышать. Она орала:

— Я требую, чтобы мне немедленно вернули моего сына!

То есть меня.

Услыхав мамкин голос, Отто перестал сбрасывать тарелки со столика, а фрау Штрайх подняла свои выпципаные бровки выше своих больших очков и стала укоризненно качать головой, будто я был в чем-то виноват.

— А если мне его не вернут, я вызову полицию! — надрывалась мамка, и можно было подумать, что я лежу связанный где-то в подвале с кляпом во рту, как в телевизоре.

Я подвез Отто к окну, и мы стали смотреть, что делается во дворе. Мамка в своем новом вишневом пальто стояла, подбоченясь перед фрау Инге на пороге свиарника, делая вид, что фрау Инге не пускает ее войти вовнутрь. Но я знаю свою мамку: на самом деле она вовсе не хотела входить в свиарник, чтобы не испачкать свиным говном свои модные сапоги из белой замши. Дома она каждый раз, снимая эти сапоги, заворачивает их в папиросную бумагу и прячет в специальной коробке на верхнюю полку шифоньера.

Фрау Штрайх стала подталкивать меня к выходу — она, наверно, очень боялась, что мамка и вправду вызовет полицию. Но я не хотел выходить. Мне было интересно посмотреть, войдет ли мамка, в конце концов, в свиарник или нет. Тут Отто стал ржать, как ненормальный, хоть, по-моему, ничего смешного там не было. Он так хохотал, что опять сбросил со столика все, что фрау Штрайх успела туда поставить. И тогда фрау Штрайх заплакала. Она плакала очень тихо, даже не всхлипывая, только большие прозрачные слезы вытекали из-под ее очков на щеки и стекали вниз, пока она не слизывала их языком.

Я больше не мог вынести все это. Мне совсем не хотелось встречаться с мамкой, но делать было нечего. Я надел куртку и вышел во двор. Увидев меня, мамка завопила еще громче — наверно, она до сих пор не была уверена, что я и вправду в замке.

— Ага, вот он! — она показывала на меня пальцем, хоть сама всегда твердила мне, что показывать на чело-

века пальцем неприлично. — А ты говоришь, что его тут нет!

Это ужасно смешно, что мамка и фрау Инге говорят друг другу «ты», потому что они когда-то вместе учились в школе. И смешно, что они вместе учились в школе, и фрау Инге вышла такая ученая, а мамка — совсем наоборот.

— Я сказала, что его нет в свинарнике, — пожалала плечами фрау Инге.

— Какая разница, за кем он выносит говно, за свиньями или за Отто? Мы с ним бастуем, и нечего ему сюда таскаться!

Фрау Инге подняла руку, чтобы поправить повязку на волосах, и я увидел, что она все еще держит шланг.

— Что ж, можешь его отсюда забирать. Да поживее, мне надо работать!

С этими словами она повернулась и собралась пойти обратно в свинарник, но вы не знаете мою мамку. От нее нельзя так просто отделаться — повернуться и уйти, будто ее тут нет!

— Нет уж! — завизжала она. А визжать она умеет. — Сперва ты объяснишь мне, как тебе удалось приворожить моего сына, что он пришел служить тебе даже во время забастовки!

Это опять про меня, что я пришел кормить свиней.

Я открыл было рот сказать, что никто меня не ворожил, а я просто забыл про ее забастовку, но мамка схватила меня за рукав и начала волоочь к воротам.

— А ты, дурак несчастный, убирайся отсюда! Ты у меня еще получишь по заслугам!

Я хотел вырваться, но она от злости стала очень сильная, так что мы застряли с ней на полдороге, толкая друг друга то взад, то вперед. Поняв, что выгнать меня так просто ей не удастся, мамка оставила меня и опять бросилась на фрау Инге.

— Чем ты его опоила, ведьма проклятая? — визжала она. — Ты, небось, думаешь — он и дальше будет у тебя в рабстве? Так нет же! Я все твои приворотные зелья своими руками уничтожу!

Фрау Инге резко обернулась, и глаза у нее стали узкие и злые, каких я никогда раньше у нее не видел.

— А к кому ты потом побежишь за помощью, когда опять подзалетишь от прохожего молодца?

Тут мамка взвилась, будто ей всадили в зад иголку:

— А может, я и не подзалетала вовсе? Может, это все ворожба твоя, и ничего у меня не было? Точно! Потому и зелья твои мне помогали, что не было у меня ничего!

И она ринулась к кухонной двери. Фрау Инге подняла шланг и нажала пусковую кнопку. Сильная струя ударила мамке в спину. Ее вишневое пальто сразу стало черным, но это не остановило ее. Она уже подбегала к крутым гранитным ступенькам, которые вели к кухонным дверям. Но в тот момент, когда она схватилась за перила и сделала первый шаг на первую ступеньку, дверь кухни распахнулась, и навстречу ей вышел парашютист. Опираясь на тяжелую дубовую палку, которая осталась от Карла, он остановился на гранитной площадке перед дверью — очень бледный, очень высокий, очень непохожий на всех людей в нашей деревне. Он ничего не говорил и не двигался — он просто стоял, опираясь на палку, и смотрел сверху на мамку, но по спине у меня побежали мурашки. Я представил себе, как он прыгнул в окно вагона, и мне стало страшно, что он может так же прыгнуть на мамку.

— Мамка! — закричал я. — Беги!

Все-таки она была моя мамка, хоть и противная, и злая, но моя.

Мамка застыла на минутку на месте и стала пятиться к воротам, делая правой рукой какие-то странные движения, словно она отгоняла от себя мух.

— Сын Тьмы! — шептала она. — Сгинь, сгинь, дьявольское отродье!

Но парашютист никуда не сгинул, а наоборот — шагнул к ступенькам, словно направляясь в мамкину сторону. Мамка схватила меня за руку и потащила к воротам:

— Скорей, скорей отсюда! — шипела она мне. — Пока они не сотворили нам зла!

Но я все же вырвался от нее и пошел за своим велосипедом — не думала же она, что я потащусь с горы пешком? Мамка не стала мне мешать, она вдруг перестала сердиться и вся как-то сникла, даже размером стала меньше, будто проколота шина, из которой выпустили воздух. Мне даже стало ее жалко, я уже знал, что дома она будет плакать и проклинать свою несчастную судьбу, которая послала ей сына-урода, то есть меня.

Мамка остановилась и обернулась к фрау Инге, которая молча стояла на пороге свинарника со шлангом в руке, — она забыла его закрыть, и поток воды сбегал от ее ног вниз к воротам.

— Мы уходим! — объявила ей мамка. — И вернемся, когда будут приняты условия нашей забастовки.

А я даже не знал, что у нашей забастовки есть условия, я думал — это просто так забастовка, чтобы мамка могла поехать в город к тете Луизе. Но и фрау Инге не стала спрашивать, какие такие у нас условия. Она закрыла кран на шланге и сказала тихо, голос у нее был усталый:

— Можете не возвращаться — вы уволены.

Я не понял — что значит, не приходите больше? И спросил:

— А как же Ганс?

Я еще хотел спросить про Отто, он ведь тоже ко мне привык, почти как Ганс, но мамка дала мне подзатыльник и прошипела:

— Заткнись, дурак несчастный!

А потом спросила у фрау Инге:

— А кто же нам зарплату теперь платить будет?

Фрау Инге повесила шланг на ручку двери и стала стаскивать с пальцев резиновые перчатки. Перчатки никак не стаскивались, они трещали и пузырились, и это раздражало фрау Инге.

— Об этом ты спроси того, кто научил тебя бастовать.

Мамка хотела что-то ей ответить, но фрау Инге не стала ее слушать. Она, наконец, стянула перчатки, сунула их в карман комбинезона, а потом подошла к мамке и протянула руку:

— Отдавай мои ключи, Марта. Кончай спектакль и уходи.

— Ключи? Какие ключи? — запричитала мамка. — Нет у меня никаких ключей.

Она даже открыла свою белую сумочку, чтобы показать фрау Инге, что там нет ключей. Это была чистая правда — ключи были у меня в кармане. Я хотел было сказать об этом и сунул даже руку в карман, но мамка быстро схватилась за руль моего велосипеда и покатила его к воротам. Так что мне пришлось схватиться за руль с другой стороны и пойти за ней.

— Я обязательно принесу ключи завтра или, может, даже сегодня, — часто тараторила мамка, наверно, вралла, — она всегда говорит быстро-быстро, когда врет. И все сильнее напирала на велосипед, а велосипед напирал на меня, так что мы почти бежали, будто ветер выносил нас из замка.

Я очень удивился, что мамка вдруг так заспешила уходить. То кричала и ссорилась, а то вдруг заспешила. Мне очень хотелось остаться, она ведь мне даже не дала попрощаться с Гансом. Я шел за ней и все оборачивался на фрау Инге — мне казалось, что она возьмет и скажет, чтобы я остался. Кроме того, я не хотел уходить, потому что не знал, будет ли фрау Инге теперь давать мне каждую неделю мои пять марок. И потому что я так и не успел спросить парашютиста, где он спрячет свой парашют.

УРИ

Под утро Ури приснилась мать.

Совершенная нагая, она стояла под проливным дождем, прижимаясь спиной к красной каменной стене, и штормовой ветер швырял ей в лицо песок и мокрые листья. То ли непрерывно вспыхивали молнии, то ли ночь непрерывно сменялась днем, но искаженное страхом лицо матери с каждым новым порывом ветра то освещалось, то исчезало во тьме.

Он сам, будучи не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, лежал на гранитном столе для разделки мяса и беспомощно смотрел на страдания матери за мокрым от дождя окном. В эту минуту он не чувствовал к ней привычной враждебности, а напротив — опять любил ее, как в детстве, и страдал за нее. Наконец, усилием воли преодолев сковывающее все его тело странное оцепенение, он с трудом соскочил со стола и попытался вырваться в законное пространство, но упругая пластина стекла охватывала его со всех сторон и не пускала наружу. Прижимаясь лицом к холодной прозрачной поверхности, он пытался привлечь внимание матери, чтобы позвать ее к себе, но она не замечала его и, все больше уступая напору ветра, медленно сползала вниз — туда, куда, пузырясь, стекали струи дождя.

Уже исчезая в накатывающем на нее мутном потоке, мать, наконец, подняла на него глаза — они были чужие, плоские и светлые, как степные озера.

Он вскочил в холодном поту, — на нем был незнакомый черный халат, комната была ему незнакомая. Сквозь узкую щель в незнакомых шторах пробивался бледный утренний свет. Он глянул на часы — девять пятнадцать: его самолет уже больше часа висел в воздухе где-то над Альпами. Пора было срочно звонить матери, пока она еще не поехала в аэропорт его встречать. А потом уже думать, как быть дальше.

Нужно было идти искать хозяйку, чтобы попросить разрешения позвонить. Он прислушался. В доме было тихо, но где-то за окном высокий женский голос равномерно выкрикивал короткие рубленые фразы, словно лозунги во время демонстрации.

Ури осторожно ступил на вывихнутую ногу — это казалось невероятным после вчерашнего, но он сделал первый шаг, за ним второй. Робкая, ненапористая боль таилась где-то между щиколоткой и коленом, с каждым шагом она постепенно нарастала, словно осознавая свою власть над его телом. Осторожно хромя, он подошел к окну и слегка отодвинул штору. Прямо перед ним в дверях низкого кирпичного здания молча стояла вчераш-

няя ведьма — как она себя назвала, Инге, что ли? — со шлангом в руке. Лицо у нее было напряженное и бледное, наверно, от недосыпа: когда вчера — или это было сегодня? — она помогла ему добраться до постели, старинные часы на кухне пробили без четверти пять. Рядом с Инге, приоткрыв слюнявый рот, беспомощно топтался вчерашний дефективный парень из кабачка. Оба они смотрели куда-то вправо, откуда доносились крики, но кто кричал, из окна не было видно.

Ури затянул потуже пояс халата, вышел в коридор и огляделся. Коридор был темный, со множеством дверей, и Ури не мог с ходу сообразить, с какой стороны может быть выход во двор, но за полуприкрытой резной дверью слева он разглядел знакомую кухню. Он вспомнил, как вчера ночью принял Инге за мать, когда она стояла в мерцающем дождевыми каплями дверном проеме, упираясь в его кресло ногой в белом сапоге. Заклучив, что во двор можно выйти из кухни, Ури толкнул тяжелую дверь и попытался быстро пересечь сверкающий лаком деревянный простор, но подвела большая нога: она вдруг подвернулась, и он заскользил по доскам, как по льду. Чтобы не потерять равновесия, он уперся обеими руками в подвернувшуюся на пути резную горку для хрусталя и невольно загляделся на ее сумрачные недра, заполненные разноцветными бутылками и флаконами. Все флаконы были украшены белыми ярлыками, на которых кружевной готической вязью были выведены диковинные имена, составляющие вместе нечто вроде страницы старинной книги по черной магии.

Ури оттолкнулся от горки и хотел было шагнуть к двери, но нога совсем разболелась, дурнота подкатила к горлу, и перед глазами замелькали белые мухи. Он огляделся по сторонам в поисках опоры и заметил прислоненную к стене трость с металлическим набалдашником в виде свиной головы. С трудом доковыляв до трости, он подхватил ее и тяжело захромал к выходу.

Он вышел на высокое крыльцо, с удовольствием вдохнул влажный воздух, настоенный на аромате опавших листьев, и вдруг заметил, что прямо на него, выкрики-

вая на бегу какие-то невнятные угрозы, катится шарообразная женщина в вишневом пальто. Пока Ури, преодолевая головокружение, соображал, как привлечь внимание Инге, вишневая женщина внезапно замолкла, попятилась и начала медленно выкатываться из поля его зрения, увозя за собой неведомо откуда взявшийся велосипед с повисшим на руле дефективным парнем. Инге шла за ними, волоча по двору красную змею шланга, который она по-прежнему держала в руке. Возле ворот все трое остановились и начали о чем-то пререкаться. И хоть последний шанс перехватить мать до ее отъезда в аэропорт стремительно приближался к нулю, у Ури не было сил спуститься по ступеням во двор.

Наконец коловоращение у ворот рассосалось, велосипед со своими провожатыми исчез из виду, и в наступившем молчании где-то совсем близко начал звонить небольшой, но настойчивый колокол. Инге осталась стоять возле решетчатой калитки, глядя себе под ноги, — со стороны казалось, что она разглядывает темно-красные гранитные плиты, которыми был вымощен двор.

— Фрау ведьма! — силло позвал Ури и удивился слабости своего голоса. В груди заклокотал глубоко затаившийся там кашель, потревоженный чрезмерным усилием голосовых связок. Но, как ни странно, Инге его услышала поверх колокольного звона и глухого шороха мокрого леса. Она подняла на него глаза, улыбнулась и, отбросив шланг, пошла к крыльцу, приглаживая на ходу светлые пряди, выбившиеся из-под повязанной на лбу синей ленты.

— Я вижу, вы уже готовы идти пешком в Мюнхен? — воскликнула она, но Ури захлебнулся кашлем и не слышал ее слов. Она быстро взбежала на крыльцо и подтолкнула его к двери:

— Живо, заходите внутрь, не стойте на холоде! Боясь, что я вас еще не вылечила!

Усилием воли пробившись сквозь кашель, Ури сдавленным голосом попросил разрешения позвонить домой. Инге кивнула:

— Звоните, я припишу это к общему счету, — и поспешно вышла.

Все время, пока Ури набирал номер и ждал соединения, он слышал все тот же настойчивый звон колокола. А может, это был не колокол, а сигнал тревоги — словно кто-то бил молотком по стальному рельсу?

Услыхав его голос, мать совсем не удивилась, а только сказала устало, без всякого выражения:

— Я так и знала.

И замолчала, ожидая объяснения. Ее молчание даже на столь далеком расстоянии окутывало Ури липкой паутиной интимных токов и обязательств, и он начал говорить поспешно и бессвязно, чтобы поскорее вырваться из этой паутины. Почувствовав, что он готов выскользнуть из поля ее власти, мать прервала его вопросом, когда его ждать. Он знал, что она искренне обеспокоена и хочет его видеть, но это знание не освобождало его от непреодолимого желания расправиться с ней быстро и жестоко. Он ведь последний год только тем и занимался, что рвал старые связи. В чем очень преуспел. Порвал со всеми, кроме нее — с нею одной он не мог справиться, она всегда была сильнее его, за что ей и полагалось особое наказание. Словно играя в поддавки — это была их любимая игра времени его детства — она спросила, не послать ли ему денег на билет.

Ури помедлил с ответом, растягивая удовольствие, и в наступившей тишине обнаружил, что колокол больше не звонит.

— Нет, не присылай, — отрубил он наконец, — ты и так достаточно поистратилась на меня.

Что правда, то правда — лишних денег у нее не было, а то немногое, что было, съели его психологи и процедуры. Но он не сомневался, что она готова влезть в любые долги, лишь бы заполучить его обратно и прибрать к рукам. Его болезнь давала ей новые возможности власти над ним: того нельзя, это необходимо, не ложись, не садись, не вставай. Мать начала уверять его, что все это глупости, она достанет деньги, — сколько там, сущий пустяк. Но он перебил ее заявлением, что пора кончать, он звонит из чужого дома. Нет, номер свой он дать ей не может — не хочет! — он сам ей вско-

рости позвонит снова. Да нет, он в порядке! А что с голосом? Да ничего особенного, небольшая простуда — и нечего волноваться. Она начала было умолять его о чем-то но он не стал слушать, резко положил трубку и, обернувшись, увидел Инге. Она стояла на пороге двери, ведущей в коридор, и было неясно, вошла ли она только что или гораздо раньше.

— Ну, что вам сказала ваша девушка? — любопытствовала она.

— Какая же вы ведьма, если не можете отличить девушку от старушки-матери? — отшутился Ури, хоть ему было неприятно думать, что она слышала его разговор с матерью. Странно, но он никак не мог вспомнить, на каком языке он пререкался с матерью — на иврите или на немецком. Эмоциональное напряжение этих пререканий достигло такой высоты, что он не помнил ни смысла, ни вкуса произнесенных им отдельных слов, а ощущал только трепет собственного голоса на струнах голосовых связок. Выходило, что он напрасно два месяца беспечно мотался по Европе — события последних суток явно показывали, что нервы его все еще продолжают шалить. Инге подошла к кофейной машине и стала наливать кофе в приготовленные на подносе чашки. Потом поставила поднос на накрытый к завтраку стол и жестом пригласила его сесть. Подавляя смущение, Ури спросил:

— Что-нибудь случилось?

— С чего вы взяли? — пожалала она плечами.

— Мне показалось, я слышал сигнал тревоги, — поспешил пояснить Ури, чувствуя, что влип. Что, собственно, он тут делал и как ему отсюда выбираться — без денег и с поврежденной ногой? Похоже, что он напрасно обидел мать, — придется снова ей звонить и просить денег. От этой мысли ему стало совсем не по себе. Чтобы скрыть замешательство, он отхлебнул кофе из легкой, почти невесомой чашки, и неожиданно ощутил некую эротическую радость от прикосновения фарфора к языку и губам. Он быстро допил кофе, перевернул чашку вверх дном и даже присвистнул, увидев клеймо изготовителя.

— Восемнадцатый век? — воскликнул он. — Да ведь из такой чашки страшно пить, а вдруг разобьется?

Инге сдернула с волос синюю ленту и взмахом головы откинула со лба слегка влажные от пота пряди.

— О, вы знаете толк в старинных вещах? Я так и думала.

Он не спросил, почему она так думала — он уже поверил в ее способность видеть его насквозь. Весь этот проклятый год только вещи были ему милы: их можно было ломать, чинить и бросать, и они не жаловались, не приставали с расспросами и не надрывали душу, они не требовали от него ни любви, ни откровенности, ни внимания. Ничего из того, что превратилось в пепел в тот миг, когда мир его взорвался и рухнул и он выполз из-под обломков один, без Эзры и Итая.

Пока Инге молча наливала ему вторую чашку кофе, колокол зазвонил снова, где-то совсем близко, чуть ли не за стеной. Ури вопросительно поднял брови и кивнул в направлении колокольного звона, но она решительно тряхнула волосами — ничего, мол, обойдется! — и стала намазывать масло на горбушку разломленной пополам немецкой ржаной булочки. Вторую половинку она протянула ему:

— Ешьте, не стесняйтесь — завтрак я тоже припишу к вашему счету.

Ури взял булочку, она была теплая, но есть не стал — при мысли о еде тошнота снова подкатила к горлу. Инге заметила, что его мутит, — черт ее знает, как она все замечала! — и, как вчера ночью, легко коснулась его лба прохладной ладонью:

— У вас все еще жар. Боюсь, вам придется тут задержаться, пока я вас не вылечу. Или вы предпочитаете, чтобы я отвезла вас в больницу?

Она надкусила булочку ровными, очень белыми зубами, и Ури загляделся на четкие движения ее длинных пальцев над фарфоровой тарелкой: нож-вилка, нож-вилка. Ури часто судил о людях по рукам — у Инге руки были опасные: хоть изящные, но крупные, почти мужские, с тонкими запястьями и узкими сильными ладо-

нями — руки человека, знающего, с какой стороны хлеб намазан маслом. С такой женщиной стоило говорить без обиняков, будь она хоть сто раз ведьма, и он спросил напрямик:

— А что вам до меня? Вы ведь можете просто выставить меня со двора и не морочить себе голову.

— Как вы себе это представляете — с температурой и без гроша в кармане?

Ури опять мысленно пролистал свой разговор с матерью — неужто он говорил с нею по-немецки? — и усмехнулся:

— Но вы-то тут при чем? Вы ведь сказали, что вы ведьма, а не добрая фея.

— Боюсь, доброй феи из меня бы не вышло.

Странная гримаска, с которой она произнесла эти слова, была для Ури единственной и неповторимой. Он с детства привык видеть, как мать в случае неожиданного замешательства точно так же, слегка оттопырив нижнюю губу влево и вверх, коротким толчком выдыхала маленькую порцию воздуха через зазор между верхней и нижней губой. Знакомая эта гримаска на миг превратила опасную взрослую женщину в растерянную девочку, с которой можно было играть в поддавки, а не в прятки.

— А раз вы не фея, что вы собираетесь со мной делать? Ведь у меня и вправду нет ни гроша.

Инге собралась было ответить, но тут кто-то начал стучать в дверь мелким прерывистым стуком.

— Заходи, заходи! — крикнула она, и в медленно открывшуюся дверь вошел серебристый дог Ральф. Он секунду постоял, мрачно глядя на Ури, словно недоумевая, почему тот все еще здесь, а потом подошел к Инге и лег у ее стула, положив большую голову на ее ступни. От его взгляда Ури стало не по себе.

— Ваш пес меня не любит, — сказал он.

— Естественно: он однолюб и любит только меня — правда, Ральф? Не говоря уже о том, что вы вчера жестоко его унизили — ведь он воображал, что непобедим.

При звуке своего имени Ральф наострил уши и поглядывал на хозяйку, она в ответ опустила руку на его вор-

систый затылок и, чуть-чуть пошевеливая пальцами, начала нежно гладить его за ухом. Пес закрыл глаза, млея в блаженной истоме. Поддавшись неожиданно ревнивому желанию прервать эту любовную сцену, Ури попытался вернуть Инге к их прежней беседе, но голос подвел его:

— Фея вы или ведьма, но на мой вопрос вы не ответили, — прохрипел он и снова зашелся в приступе надрывного кашля.

— Вот вам и ответ, — укоризненно сказала Инге. — У вас вполне может быть воспаление легких.

Дружеским толчком столкнув голову пса со своих ног, она подошла к шкафчику с целебными снадобьями, решительно извлекла оттуда три флакона, откинула волосы со лба и стала быстро смешивать в бокале разноцветные жидкости. Подняв бокал к свету, она переждала, пока кашель Ури утихнет, и сказала, глядя на шипучее кружение радужных струй:

— Давайте так: я сперва попробую сбить вам температуру, а потом мы обо всем поговорим. Ладно?

Возразить ей Ури был не в силах — в груди у него клокотало, и он жадно ловил ртом воздух, как рыба, выброшенная на песок. Инге дополнила бокал доверху кипятком из чайника и протянула ему:

— Выпейте это и идите ложитесь.

На этот раз он выпил все до дна покорно, как дитя — после кашля его охватила страшная слабость, и он не мог подняться со стула. Инге протянула ему руку:

— Пошли, я помогу вам.

Опираясь на ее сильную ладонь, Ури с трудом встал и почувствовал, как его охватывает свинцовая дремота. С трудом шевеля языком, он прошептал:

— Что вы подмешали в это пойло, фрау ведьма?

Она опять отмахнула светлые пряди ото лба и вывела его в коридор:

— Разное. Целебные травы с Валгаллы, собранные в канун Вальпургиевой ночи, несколько капель невинной крови, приворотное зелье и толченые зубы дракона.

Если бы Ури мог, он бы засмеялся. Но он не мог смеяться — он с трудом добрал до постели и рухнул на

тугой матрац. Быстро погружаясь в горячую одурь лихорадочного сна, он услышал мягкое треньканье телефонного звонка в коридоре и напряженный голос Инге:

— Спасибо, фрау Штрайх. Давно? Ну, если только что, это нестрашно. Хорошо, я постараюсь, фрау Штрайх. Не волнуйтесь так, я сейчас приду и все улажу.

Он еще слышал, как она бросила трубку и поспешно вышла. Вокруг было очень тихо — колокол больше не звонил.

ОТТО

Отто терпеть не мог фрау Штрайх, потому что она была глупая старая курица. Когда он отстучал эту идею Инге, вернее, когда у Инге хватило терпения выслушать его до конца, она не преминула заметить, что фрау Штрайх нет еще и пятидесяти. В ответ Отто объявил, что возраст ни при чем — некоторые куры сразу рождаются старыми, и фрау Штрайх именно такая.

Сегодня эта глухая курица была еще глупее, чем обычно: она непрерывно кудахтала и роняла разные предметы, — нарочно, чтобы его раздражать. Вообще, все сегодня словно сговорились: Клаус сперва морочил ему голову каким-то парашютистом, у которого порвался парашют, а потом вдруг вспомнил про Карла. Отто хотел ничего слышать про Карла, так что пришлось кричать и бросать тарелки, чтобы Клаус, наконец, заткнулся. И что из этого получилось? Клаус убежал, так и не почесав Отто спину, и Отто все утро бил протезом в рельс в надежде, что Клаус вернется. Курица Штрайх, конечно, не пришла от этого в восторг, — она считала, что Отто вовсе ни к чему бить в рельс, когда она крутится вокруг него, но ему ведь была нужна не она, а Клаус, что же ему оставалось делать?

Клаус был нужен Отто не только для того, чтобы он почесал ему спину, но и чтобы он повторил тот бред, который нес, когда кормил Отто завтраком. Тогда Отто был так раздражен из-за Карла, что не слишком прислу-

шивался к болтовне Клауса. Но постепенно подробности этой болтовни стали всплывать в его памяти — парашютист упал с неба на пороге «Губертуса», но не разбился насмерть благодаря Инге, которая его спасла и — главное! — привезла в замок. Это было похоже на правду, потому что сразу объясняло многие странности вчерашней ночи.

Факт — парашютиста или трубочиста, но какого-то очередного мужика она привезла — в этом не было сомнения. Потому она и не пришла ночью проведать Отто — ей было не до него. И утром прислала к нему Клауса и курицу Штрайх, а сама только забежала на минутку, чмокнула его где-то возле уха лживым поцелуем и тут же ускакала под предлогом забастовки. Ей, видите ли, надо кормить свиней — ей свиньи дороже отца! Точно так она себя вела, когда на них свалился невесть откуда этот проклятый Карл, который хорошо попил его, Отто, крови. За что и поплатился, когда Отто выяснил, из каких далей его принесло.

Но сейчас было не до воспоминаний. Сейчас Отто необходимо было срочно разузнать, кого на этот раз приволокла в дом его непутевая дочь. Спрашивать у курицы не имело смысла — та с трудом представляла себе свою жизнь — не то, что чужую. Клаус же как исчез, так больше и не появился, несмотря на то, что Отто натер себе протезом рану, вызывая этого идиота. Не то, чтобы Клаус был надежный источник, но он часто по глупости мог рассказать много такого, чего другие, более умные, даже и не замечали. Наблюдения Клауса напоминали наблюдения ребенка, который спрятался под столом и видит, кто кого шупает там за коленки.

Когда Отто совсем отчаялся и продолжал бить в рельс уже только для того, чтобы позлить курицу Штрайх, к нему ненадолго заглянула Инге. Вид у нее был усталый, — еще бы, после бессонной ночи! — но Отто сразу уловил в ее настроении какой-то веселый перезвон, будто где-то внутри у нее звенели колокольчики. Это был опасный признак — уж кому, как не ему, было знать свою дочь! Он спросил ее, что нового, и она, ни словом не обмолвив-

шись о парашютисте, стала рассказывать байки про забастовку и про угрозы Марты. Отто эти угрозы волновали мало: Марту он считал бы курицей еще более глупой, чем дура Штрайх, если бы такое было в принципе возможно. Зато ему стало ясно, что Клаус сегодня уже не придет, и он сделал попытку выяснить что-нибудь у дочери.

Стоило ему отстучать полвопроса про парашютиста, которого она якобы привезла в замок среди ночи, как она немедленно объявила, что на длинные беседы у нее сегодня времени нет, — ведь он слышал ее рассказ про забастовку, правда? Отто она этим не удивила, это была ее обычная уловка: стоило ему завести разговор о чем-нибудь для нее не подходящем, как она тут же начинала спешить. Но главное он все-таки узнал: она не вскинулась — какой, мол, парашютист? — и не стала отрицать, что кого-то привезла. Так что пора было отправляться на разведку.

Конечно, о разведке нечего было и думать, пока вокруг него квохтала глупая курица Штрайх. Поэтому первым делом надо было ее выгнать — и поскорей. У Отто были разработаны разные способы от нее избавляться, она ему часто мешала. Сегодня он решил воспользоваться рвотой — это было неприятно, но зато действовало почти наверняка. Он отстучал этой хлопотливой идиотке, что проголодался, и попросил супу — рвота супом была не так мучительна.

Дура Штрайх попыталась возражать — пусть он немного подождет, ему еще рано обедать. Тут он взбесился и начал гонять кресло с максимальной скоростью из спальни в кухню и обратно, сшибая при поворотах лампы и горшки с цветами. В результате она уступила и, лгательно улыбаясь, поставила перед ним тарелку с супом, а сама села рядом на специальный стул, чтобы его кормить. Теперь пришло время действовать. Отто набирал суп в рот, делал вид, будто глотает, а потом изображал нечто вроде рвотного спазма и выплескивал суп себе на свитер. Фрау Штрайх встречала каждый такой плевок воплем отчаяния. После нескольких изрыгнутых Отто ложек она с громким квохтаньем помчалась к домашнему телефону и вызвала Инге.

Как только Инге вошла, Отто потребовал от нее послать курицу домой. Та прямо позеленела, когда услышала, чего он хочет — она, хоть и дура, но наловчилась понимать его морзянку не хуже, чем Инге.

— Что значит, послать? Ко-ко-ко! Ко-ко-ко! — закудаhtала она. — Я не посылка, чтоб меня посылали. Я — сотрудник социальной службы! Если я вас не устраиваю, ко-ко-ко! — пожалуйста, обратитесь в нашу ко-ко-ко!-нтору, и я с радостью найду себе другое место. Где будут больше ценить мою преданность, ко-ко-ко! Ко-ко-ко!

Чтобы заглушить ее ненавистный куриный голос, Отто опять попытался поднять трезвон. Но ему не удалось ударить лапой в рельс больше трех раз, потому что Инге вдруг разозлилась — она перехватила его руку и сказала твердо:

— Прекрати сейчас же, Отто, все равно фрау Штрайх никуда не уйдет, ясно?

Отто вспыхнул и хотел наехать на дочь креслом, но ее рука опять остановила его, — она больно нажала на его плечо, и он сделал вид, что смирился. За время их борьбы из-за Карла он научился лицемерно уступать, чтобы потом получить хитростью то, чего не удалось получить силой. Он отступал:

— Ладно, пусть остается. Но и ты не уходи, мне так плохо.

Инге, конечно, и не подумала задержаться.

— Не преувеличивай, Отто, ты просто капризничаешь, — бросила она по пути к выходу и исчезла.

Страшная тоска накатила на Отто — мир без Инге сразу стал пустой и темный. Но Отто умел справляться с тоской, для этого надо было только преодолеть любовь к дочери и настроиться на ненависть. Было это делом непростым и требовало большой сосредоточенности всех душевных сил. Так что ему было чем себя занять до самого ухода курицы, которая что-то обиженно кудаhtала, пока меняла ему свитер и кормила его обедом.

Не обращая на нее внимания, Отто замкнулся в себе и даже не заметил, что он сегодня ел, хоть еда после-

днее время была его главной радостью. Он разжигал в себе мрачный пламень вражды к дочери, которая была единственным светом его угасающей жизни и радостью даже большей, чем пища. В то время, как он был ее бременем, ее наказанием, гирей на ногах. Он повторял себе без конца, что она только и мечтает о его смерти, отчего его вялая кровь вскипала черной злобой, возвращающей его к жизни. Напрасно она надеется, он и не подумает умереть ей в угоду, чтобы она могла умчаться куда-то в большой мир, где ее ждут мужчины, мужчины, мужчины! Он ясно представил этих бесчисленных самцов, которые, похотливо хрюкая, устремятся к ней, привлеченные ее красотой и доступностью. Что она доступна, он не сомневался — ведь кроме Карла, тут побывали и другие, не такие настойчивые и долгосрочные, а временные, залетные, пришедшие из ниоткуда и ушедшие в никуда. А может, никого тут не было, а он сам, мучимый ревностью и страхом ее потерять, всех их сочинил — отвратительных, похотливых козлов с кривыми волосатыми ногами и с рыжей шерстью на груди.

Вот Карла он не сочинил, он просто был бы способен придумать такое чудовище. Внешне Карл был ничем не похож на этих вонючих козлов. Он был бледный, длинноногий и узкий, он говорил всегда вежливо и тихо и при улыбке охотно показывал свои ровные, густо сидящие передние зубы. Его страшную сущность выдавали только острые клыки и всегда настороженные узкие глаза, прикрытые матовыми стеклами очков. Но выдавали они эту сущность не сразу — чтобы разгадать ее, потребовалась пронзительная, обостряющая взгляд ненависть, подобная той, которая, с каждым днем разгораясь, долгие месяцы полыхала в душе Отто.

Теперь Отто предстояло срочно выяснить, не сочинил ли он и парашютиста. Отто был уверен, что Инге привезла кого-то ночью в фургоне, — может, он и впрямь был парашютист, который разбился? Отто еще вчера попытался узнать, что творится в ее половине замка, для чего он под предлогом позднего часа твердо отклю-

нил ее попытку переложить его из кресла в постель. Но напрасно он под утро тайком выкатился в кресле во двор и колесил под дождем, прижимаясь носом ко всем доступным окнам в надежде что-нибудь разглядеть за их холодной поверхностью. За окнами было темно, а с небес лил холодный дождь, так что Отто, опасаясь простуды, был вынужден довольно быстро вернуться обратно к себе.

И хоть ему так и не удалось увидеть этого таинственного незнакомца, свалившегося ему на голову чуть ли не с неба, он почему-то был уверен, что тот задержится у них надолго — уж слишком беззастенчиво весело звенели сегодня колокольчики в голосе Инге, даже когда она сердилась.

Значит, ему, Отто, придется опять начать борьбу за свои права, — даже войну, если понадобится. Он будет действовать не спеша, осторожно, не выявляя своих намерений. В первую очередь, ему надо узнать, кто этот гость и под каким соусом дочь его заманила в замок. Для этого надо будет своим ходом проехать по извилистому подземному туннелю, соединяющему ее крыло замка с крылом Отто, что всегда было для него непросто, даже с провожатым.

Но Отто уже был готов на любые жертвы — он все равно не мог жить под гнетом того тревожного страха, который охватил его после рассказа Клауса. Просто надо было обдумать все спокойно и не допускать ошибок. Он так глубоко погрузился в свои расчеты, что не заметил, как курица напялила пальто и шляпку, — он ее чуть не упустил, какая глупость! Ведь только она могла сейчас помочь ему выполнить его план.

Дело в том, что он был в клещах: с одной стороны, необходимо было произвести разведку до того, как Инге поможет ему выбраться из кресла и запихнет его в постель под одеяло. С другой стороны, ему нужен был продолжительный спокойный отрезок времени, чтобы проехать по подземному туннелю, обследовать все гостевые комнаты и незаметно вернуться обратно. Для этого надо было избавиться от внимания дочери.

Не то, чтобы она чрезмерно баловала его своим вниманием, — чего нет, того нет! Но все же пару раз она к нему обычно забегала, даже если он и не звонил в релсь. Тем более сегодня, когда нет Клауса, который включил бы ему телевизор и покормил бы его ужином. Поэтому, пока фрау курица аккуратно укладывала футляр с очками в сумочку, он поспешно отстучал ей приказ позвонить Инге и попросить, чтобы она сегодня до ночи к нему не приходила — он, дескать, понимает, как она устала, и обойдется своими силами.

Курица хотела было возразить, но глянула на его сердито ощеренный рот и смирилась — послушно позвонила Инге и убралась восвояси. Избавившись от этой помехи, Отто направил кресло в туннель. Ему так не терпелось разведать, чем занимается дочь наедине со своим парашютистом, что он проехал через туннель меньше, чем за час. Были, конечно, минуты, когда ему становилось страшно, что затея эта ему не по силам, и хотелось повернуть назад — он не учел, сколько в этом проклятом туннеле мостиков и поворотов, — но он преодолел свою слабость и в конце концов, задыхаясь и хрипя, выкатил кресло в коридор жилого этажа замка.

За время его путешествия по туннелю за окнами совершенно стемнело, и в коридоре было тихо — даже телевизор не бормотал ни в кухне, ни в салоне. Стараясь двигаться бесшумно, Отто медленными плавными толчками подъехал к дверям спальни Инге и прижал ухо к дереву чуть повыше замочной скважины — в его положении это было непросто, но он разработал технику подслушивания, еще когда следил за романом дочери с Карлом. Похоже, что в спальне никого не было — он так натренировал свое здоровое ухо, что мог через дверь слышать ее дыхание, тем более, что он вынудил тогда Клауса тайно просверлить в двери две крошечных дырочки. Молчание Клауса стоило ему пригоршню марок, которые он в три приема выудил из кошелька Инге.

Если Инге нет в спальне, то где она может быть, — неужто все еще в свинарнике? Конечно, она могла уехать куда-нибудь, но, оглядевшись, Отто заметил белые са-

поги, небрежно брошенные под белым плащом, висящим на вешалке, и связку ее ключей рядом на крючке. Значит, она была где-то поблизости. Мысль о том, что она там с парашютистом, оглушила его таким болезненным толчком крови в затылке, что он на миг задохнулся и нечаянным судорожным движением нажал на педаль кресла. Кресло дернулось и мягко стукнулось об стенку. Отто замер в ужасе — сейчас она его обнаружит!

И тут он услышал ее смех, совсем рядом за стенкой — светлый, переливчатый, полный колокольчиков.

— Ну уж сразу и рабство! — воскликнула она. Отто давно не слышал, чтобы голос дочери звучал так легко и раскованно. — Обыкновенная работа за деньги.

Звякнула ложечка о стакан — похоже, они всего-навсего пили чай — и незнакомый мужской голос спросил:

— Но должен же я знать, что за работа и что за деньги?

А Инге — всегда такая серьезная, такая четкая в расчетах, — надо же! — увильнула от ответа:

— Деньги — в размере вашего долга, работа — в размере ваших денег.

Незнакомый голос опять зазвенел ложечкой о стакан, но не раздраженно, нет, совсем не раздраженно! — просто зазвенел ложечкой о стакан:

— Все-таки выходит — рабство.

Она быстро перебила:

— Рабство, не рабство — неважно! Согласны вы или нет?

Голос медлил с ответом, плавно помешивая ложечкой в стакане и уж, конечно, обегая жадным мужским взглядом по всем изгибам статного тела дочери — Отто, и не видя, чувствовал этот липкий, внимательный взгляд. Когда Инге приходила домой после своих городских поездок, от нее так и шибало электрическим зарядом скопившихся на ее коже мужских вожделений. Налюбовавшись властью, голос сказал:

— Конечно, не согласен. Но у меня как бы нет другого выхода.

Она опять засмеялась:

— Вот и отлично!

Холодная рука стиснула сердце Отто, и оно на миг остановилось, чтобы вернуться к жизни с лихорадочным ускорением. За стеной опять зазвенела посуда, на этот раз прозрачно — стаканы и блюда о серебряный поднос — динь-динь! За ними более сурово — ложечки и ножи — дон-дон! Скрипнул отставленный стул — пора было удирать. Отто сейчас только не хватало, чтобы дочь застучала его под своей дверью. Но не мог же он уехать, так и не узнав, останется ли она в комнате парашютиста на ночь или уйдет к себе.

Он осторожно выкрутил по узкой наклонной дорожке вниз, в парадную столовую, откуда начинался подземный туннель. Звуки из комнаты сюда не доносились, но пока Отто переводил дыхание, в коридоре невидимо отворилась дверь, и опять звякнула посуда на подносе — теперь уже совсем близко. Отто затаился в полутьме за спиной рыцаря в стальной кольчуге. Он даже закрыл глаза, как делал в детстве, когда играл с бонной в прятки.

— А теперь выпейте лекарство и спите! — скомандовала наверху дочь. — Мне нужен здоровый сильный работник.

— Раб, — поправил ее голос, и оба засмеялись. Похоже, между ними было полное согласие.

УРИ

«Сердце красавицы склонно к измене и к перемене, как ветер мая!» — мелодия прицепилась, как верблюжья колючка, и невозможно было от нее отвязаться.

«...и к перемене, и к перемене, как ве-е-е-тер мая!»

Ури уже не мог вспомнить, сколько раз он повторил эти игривые слова, а желтая струя, истекающая из него в старинный фаянсовый унитаз, все не иссякала. Унитаз был украшен по ободку алыми розочками в симметричных розетках зеленых листьев, такими же розочками, только чуть-чуть покрупней, было усыпано дно огромной фаянсовой ванны, возвышающейся в углу на изогнутых бронзовых ножках с растопыренными стальными когтями.

Стрелки фаянсовых, пестрящих розочками часов показывали девять двадцать. Но никак не утра — за высоким окном, задернутым ситцевой в розочках же занавеской, царила непроглядная тьма. По всему выходило, что он проспал почти полные сутки — просто чудо, что его мочевой пузырь не лопнул где-то на пути к выздоровлению. Потому что он, кажется, выздоровел — в голове было ясно и пусто, в груди не клочкотала мокрота, боль в ноге была лишь слабым намеком, а не болью. И было весело, особенно после стакана зеленого едкого пойла, которое он, проснувшись, обнаружил на тумбочке и выпил без раздумий — так ему было велено в записке, подсунутой под стакан.

Ури спустил воду, и поток забурлил в воронке унитаза в безошибочном ритме арии герцога — «Пусть же смеются, пусть увлекают!».

«Но изменяю им раньше я! Да-да! Да-да — им ра-а-а-ныше-е-е-е я!» — пропел Ури под аккомпанемент потока и сам себе не поверил. Он ли это? Когда это он пел последний раз?

На чуть теплой батарее было приготовлено черное, в тон халата, махровое полотенце — если его и взяли в рабство, то это было, пожалуй, вполне комфортабельное рабство. Черт-те что — вместе с выздоровлением на Ури накатило совершенно непривычное, он бы даже сказал — непотребное — благодущие, настолько непривычное, что оно ощущалось неуютным, как чужеродное тело. Он благодущно сбросил чужой халат и, благодущно топчя ногами разбросанные по дну ванны розочки, принял душ, а затем благодущно влез в свои джинсы, которые нашел аккуратно сложенными в ногах кровати.

Почему-то все время пелось и даже пританцовывалось.

«Тат-та-та! Та-та! Та-та!» — пропел Ури, в ритме вальса выскальзывая в коридор и зажигая свет. В коридоре музейно пахло мастикой и тускло поблескивал натертый паркетный пол, слегка похожий на тот, что был в зале школы для бальных танцев, которую Ури нехотя

посещал в ранней юности по настоянию матери. Бедная Клара, черт бы ее побрал, всегда стремилась привить своему непослушному сыну основы европейской культуры.

«На носочки, шаг налево, два налево, — поворот!» Налево была кухня. Кухню он уже видел, а есть не хотелось.

«На носочки, шаг направо, два направо, — поворот!» Направо зеркальная гладь пола отражала глядящие друг на друга закрытые резные двери и упиралась в размашистый марш мраморной лестницы. Туда Ури и устремился — любопытно было узнать, в какие хоромы его занесло. Но разогнался он напрасно — было там не более десятка ступеней, который обрывались на полушаге перед глухой двустворчатой перегородкой, полностью перекрывающей лестничный пролет. Перегородка была современная, на болтах — не то, что лестница или двери в коридоре.

Впрочем, даже и беглого взгляда было достаточно Ури, чтобы оценить разницу между возрастом дверей и пола и возрастом мрамора ступеней и каменных плит лестничного пролета.

«Лет четыреста, а то и все пятьсот! — присвистнул он. — Ну и ну! На носочки, благоговейно, шаг назад и поворот!» А за поворотом ему открылся короткий марш той же лестницы, ведущий вниз, в просторный сумрачный зал, освещенный неярким настенным канделябром в виде двусвечника. Странно, во всех комнатах было темно и только здесь горел свет, бледного сияния которого хватало только на поддержание таинственного полумрака. Рядом с лестницей сбегала вниз наклонная каменная дорожка с перилами — для чего бы это, интересно?

— Ладно, пошли на разведку, — сказал Ури самому себе и засмеялся. Голова его была легкой и прозрачной, словно воздушный шар, на котором он может вот-вот взлететь. Он так и сделал: оттолкнулся от пола, взлетел и повис под сводчатым потолком, чуть касаясь плечом тяжелой бронзовой люстры, предназначенной для сотен свечей. Под люстрой простирался неоглядный Т-

образный стол, вдоль обеих сторон которого тянулись грубо отесанные лавки без спинок. Вход в зал охраняли два рыцаря при полном параде — все было как надо: латы, мечи, шлемы со спущенными забралами.

Ури пошарил ладонью по стене за спиной одного из рыцарей и нащупал там кнопки электрических выключателей. Отсутствующие в люстре свечи не загорелись, но на противоположной стене зажегся еще один канделябр — близнец первого — и осветил окружающую его коллекцию старинного рыцарского оружия. Чувствуя себя восторженным тринадцатилетним мальчиком, Ури ринулся туда — подбирать щиты по руке и пробовать на палец острия шпага, мечей и рапир.

Шпага подошла ему больше, чем меч — она так и прикипела к его ладони, становясь продолжением руки. Со шпагой в правой руке и со щитом — он выбрал не круглый, который был слишком громоздким, а продолговатый, кожаный, весь в бронзовых заклепках — в левой, Ури залюбовался собой в огромном обрамленном деревом настенном зеркале.

— К вашим услугам, милостивый государь, — сказал он своему отражению. — На носочки, шаг налево, два направо, — поворот!

Отражение встало на носочки, шагнуло вперед коленом, прикрылось щитом и сделало выпад правой. Всем бы оно было хорошо, если бы не вправленная в джинсы клетчатая рубаха, нарушающая своей ковбойской бойкостью романтическую эстетику этого фехтовального представления. Ури пошарил глазами по тонушему в полумраке залу — ага, вот оно, так он и думал! — на торцовой стене были экспонированы рыцарские доспехи. Не выпуская шпаги из ладони, он протанцевал вдоль стола и замешкался перед невозможностью выбора. Латы были чудо как хороши, но, пожалуй, маловаты, а вот кольчуги и паницири были попросторней и на любой вкус. Он выбрал кольчугу — тоненькую, сетчатую, искусно сплетенную из стальных колец. В придачу к кольчуге он подхватил еще сетчатые перчатки с медными нащепками на тыльной стороне ладони.

Напялить кольчугу было непросто, и Ури пришлось здорово попотеть, пока он втиснул свои крутые плечи в эту жесткую рыболовную сеть. Особенно много хлопот доставили перчатки — похоже, средневековые рыцари были мелкокостны и запястья у них были, как у благородных девиц. Да и ростом они похвастать не могли, отметил, оглядывая себя в зеркале, Ури.

Ко всему этому нашелся не слишком маленький шлем с сетчатым забралом, так что вместе со шпагой и щитом костюм его выглядел вполне карнавально, — как жаль, что давно ушли в прошлое времена, когда он так жаждал поразить девочек в школе своим пуримским нарядом. Ури попробовал еще один пируэт со шпагой — получилось совсем неплохо, хоть кольчуга отчаянно жала под мышками и мешала дышать. Но ничего, придется приспособиться, рыцари ведь как-то дышали.

И тут за зеркалом что-то звякнуло, лязгнуло, загремело, словно ржавый ключ с трудом поворачивался в замке. Ури отскочил от зеркала и торопливо огляделся — убежать вверх было уже поздно, но, входя, он заметил справа под лестницей небольшую скошенную дверцу. Он рванулся туда и дернул ручку — дверца была не заперта, однако за ней открылся всего лишь низкий шкаф, плотно набитый мужской одеждой большого размера — брюками, пиджаками, куртками, рубашками. Рассматривать их Ури было некогда, потому что зеркало вместе с рамой начало плавно отделяться от стены. Ури метнулся в угол за спину рыцаря и одним движением выключил свет — погасли оба канделябра, так что в зале стало бы совсем темно, если бы не острый световой луч, вклинившийся между столом и стеной из-за округло отворяющегося зеркала. Так вот оно что — это была потайная дверь, как он сразу не догадался?

— Почему такая тьма? — спросил голос Инге, и узкий луч фонарика закружил по залу, отбрасывая во все стороны поспешно искаженные тени встречаемых предметов. Ури прижался к рыцарю и затаил дыхание — хорош он будет, если она обнаружит его сейчас в этом шутовском наряде со шпагой в руке! По стене проплыла и исчезла

огромная собачья тень — вслед за Инге из-за зеркала вышел Ральф. У этого мстительного зверя не было сомнений, где искать виновника беспорядка: не останавливаясь, он одним прыжком очутился рядом с Ури, присел на задние лапы и глухо зарычал.

— Что там, Ральф? — спросила Инге, направляя фонарик в сторону Ури, и вдруг отшатнулась и сделала шаг назад, словно увидела призрак.

— Это ты, Карл? — спросила она неуверенно и протянула руку к Ури, чтобы снять с него шлем. Ури отстранился, так что пальцы Инге скользнули по его металлической щеке и повисли в пустоте. Она не повторила свою попытку увидеть его лицо, а отступила еще дальше и сказала тихо:

— Опять ты со своими дурацкими шутками. И напрасно — я уже перестала тебя ждать.

Надо было поскорей кончать эту комедию. Ури молча нашарил спиной выключатель и нажал на него плечом — вспыхнули бледные лампочки в дальнем канделябре. Даже при их тусклом рассеянном свете было видно, что лицо Инге искажено гримасой то ли растерянности, то ли испуга. Чувствуя себя шутком гороховым, Ури сдернул с головы шлем и виновато улыбнулся. Инге уставилась на него, словно не веря собственным глазам.

— О Господи, это вы! — выдохнула она. — Надо же, как вырядился!

И начала безудержно хохотать. Она смеялась с каким-то истерическим весельем, словно стряхивала с себя испуг, смеялась до слез, до колик, едва переводя дыхание, встряхивала руками, утирала слезы, начинала смеяться снова и никак не могла остановиться. Ури сперва окаменел от смущения неловкостью своего положения и нелепостью своего костюма, но смех Инге был так заразителен, что он вдруг почувствовал, как в груди его тоже вздымается волна дурацкого беспричинного хохота.

Несколько мгновений они посмеялись вместе, найдя особое удовольствие в этой необязывающей взаимности, а потом Ури попытался как-то изложить ей не-

убедительные мотивы этого мальчишеского маскарада, но она отмахнулась от его объяснений:

— Не оправдывайтесь, я вас уже простила. Лучше скорей снимите с себя доспехи — и пошли ужинать.

Инге погасила свечи в канделябре и легко взбежала вверх по ступеням. Только сейчас Ури заметил, что на ней очень женственное, явно домашнее платье, отделанное кружевом у ворота и на манжетах, а на ногах вместо примелькавшихся ему сапог — красные бархатные туфельки на невысоких каблучках. Значит, она пришла не с улицы. Где же она была?

Медленно поднимаясь вслед за Инге по лестнице, Ури приостановился на верхней ступеньке и попытался разглядеть зеркальную дверь. Но никакой двери там не было — зеркальная поверхность чуть-чуть поблескивала в густом полумраке зала, ничем не выдавая своей истинной сущности. Куда же эта потайная дверь вела?

— Что вы там застряли, Ури? — окликнула его Инге из кухни. — Приходите скорей, я уже включила чайник.

Ури ускорил шаг и обнаружил, что на ходу он дышит с натугой: эта чертова кольчуга не на шутку сдавливала ему ребра. Однако, войдя в свою комнату, он начал не с кольчуги, а с перчаток, которые почти парализовали движения его кистей — неясно, как эти рыцари умудрились быть столь славными вояками при таких крохотных ручках? После довольно напряженной борьбы ему все же удалось выбраться из перчаток, превративших его кожу в красноперую чешую морского окуня. А вот стащить кольчугу он был не в силах, она застряла где-то на полпути между плечами и лопатками и самопроизвольно свернулась там в тугую колючий жгут, который невозможно было ни разорвать, ни сдвинуть повыше в сторону шеи. «Мечь Мотецумы», — промелькнуло в голове Ури некстати, пока ногти его тщетно боролись с десятками стальных ячеек, вцепившихся в ворсистую ткань рубахи. Монтецума был явно ни при чем, может лучше — «Проклятие Барбароссы»? Хоть Барбаросса, пожалуй, был тоже ни при чем. В том тихом провинциальном городишке, где Ури провел последние дни пе-

ред отъездом, одна из главных улиц называлась Аллея Барбароссы. Ее солидные старомодные особняки, окруженные гладко причесанными садами, явно спланированными садовниками-профессионалами, были образцом сегодняшнего немецкого благополучия. Они не могли иметь ничего общего со славным прошлым лихого кровожадного короля, который оказался таким щедродушным, что его кольчуга чуть не задушила Ури.

Однако «Проклятие Барбароссы» звучало красиво, и Ури на все лады повторял его, царапая ногтями неподатливую стальную чешую кольчуги. В таком виде — с заведенными над головой локтями и с проклятием Барбароссы на устах — и застала его Инге, когда, потеряв терпение, заглянула к нему в комнату, чтобы выяснить, почему он так долго возится.

— Не можете снять кольчугу? — полюбопытствовала она. — И поделом: нечего было надевать ее без спросу.

— Кто же мог предполагать, что ваши арийские рыцари были такие заморыши? — отшутился Ури, еще раз попробовал раскрутить пальцами упругий сетчатый жгут и сдался. — Ладно, пошли ужинать! Будем считать, что я был посвящен в рыцари и до конца своих дней обречен носить кольчугу.

Инге попыталась просунуть палец между жгутом кольчуги и спиной Ури.

— Ого, как тесно! — усмехнулась она. — Боюсь, если вы останетесь в этой сбруе, конец ваших дней не за горами!

От прикосновения ее пальца Ури испуганно захихикал. Инге пришла в восторг.

— Вы боитесь щекотки?

— И еще как! — сознался Ури.

— Что ж, придется потерпеть. Сейчас мы раскрутим обратно то, что вы тут накрутили, и поищем выход из этой ловушки.

И она стала медленно скатывать кольчугу вниз, опять запирая его дыхание. В этой сдавливающей грудь клетке смеяться было особенно больно, но и удержаться было невозможно, так что Ури иссохотался до изнеможения,

пока Инге удалось расправить упругое стальное решето. И хоть теперь оно душило его сильнее, чем прежде, вся процедура распрямления кольчуги наполнила его тело позабытой физической радостью. Где-то он читал, что от смеха в кровь поступают особые веселящие вещества — если так, то сегодня он получил изрядную их порцию.

А может быть, дело было в летучих касаниях пальцев Инге, порхающих вверх и вниз по его груди и спине? Голова у Ури по-прежнему была легкая и пустая, как цветной воздушный шар — ярко-розовый с лилово-голубыми разводами. Внутри этого шара струились, кружась и переливаясь, невесомые свободные мысли, пестрые бессвязные слова и даже обрывки арии герцога про сердце красавицы, склонное к измене. И не было в нем никаких страхов — тех, с которыми Ури жил весь последний год. Страхи остались там, в поверженном, втиснутом в нелепую кольчугу теле, у которого с парящим под потолком шаром не было ничего общего.

Пальцы Инге скользнули Ури под мышку, на этот раз почему-то не щекотно:

— Потерпите еще минуту. Где-то тут должен быть хитрый шов, что-то вроде молнии тех времен.

Пока рука ее шарила в поисках этого хитрого шва, в недрах шара мелькнула игривая мыслишка «а что, если?...» Но он не успел додумать, что именно «если», потому что кольчуга вдруг разом распахнулась от бедра до подмышки — и дышалка его облегченно расправилась. Мелкая рябь прошла по всему объему шара, не вынуждая его, впрочем, приземлиться и соединиться с телом. А на поверхность неожиданно выплыл дурацкий нескромный вопрос:

— А кто такой Карл?

Рука Инге отшвырнула край кольчуги и застыла в воздухе:

— А что вы знаете про Карла?

— Ничего, — честно сознался Ури.

— Почему же спрашиваете?

— Потому и спрашиваю, что ничего не знаю.

Ури хотел было продолжать свой допрос, но Инге пресекла его, закрыв ему рот ладонью. Так вот просто взяла и прижала ладонь к его губам, — от кожи ее пахло какой-то горьковатой травой — и он умолк, не зная, как реагировать, а потом ни с того, ни с сего впился зубами в упругие подушечки у основания ее пальцев. Сперва прикусил слегка, чуть-чуть, а затем стиснул челюсти сильнее, проникая зубами в теплую, полнокровную плоть. Ладонь дрогнула, и он замер в ожидании затрещины.

Однако Инге не только не отняла руку, чтобы его ударить, но даже не попыталась высвободить защемленную его прикусом мякоть под пальцами. Она словно окаменела рядом с ним, и тишину нарушала только горячая пульсация крови в прижатой к его губам ладони. Воздушный шар в голове Ури взвился под самый потолок и попытался вырваться наружу. Но ему это не удалось, так что пришлось вернуться назад — к телу, которое быстро наполнялось предвкушением.

Последний год был разрушительным, он научил Ури избегать предвкушений такого рода — те разочарования, которые они несли за собой, поссорили его со всеми, кто был ему дорог. Он уже привык к одиночеству и научился его ценить: одиночество обеспечивало ему хотя бы видимость душевного покоя. Но на этот раз предвкушение было наполнено настойчивостью такой силы, на которую он, казалось, давно был неспособен, и осторожность покинула его. Подвела, оставила его на произвол судьбы.

Если бы Инге спугнула его неловким словом или жестом, он, пожалуй, мог бы еще вырваться из-под этого наваждения. Мог бы вернуться в спокойную гавань своей отрешенности, достигнутой им с таким трудом. Но она по-прежнему стояла, не шевелясь и не отнимая безвольную ладонь, словно предоставляя ему свободу действий. И тогда он отпустил ее ладонь и привлек ее к себе. Она прильнула к нему, не сопротивляясь. Во всех точках, где ее тело прикасалось к его, вспыхивали, сливаясь друг с другом, пронзительно-синие огоньки, отчего воздушный шар его головы, наконец, оторвался от тела и, про-

таранив потолок и крышу, вознесся неведомо в какие выси. А дальше он уже ничего не помнил, кроме того, как эта незнакомая женщина таяла у него в руках, растворяясь в нем и шепча давно забытые ласковые слова на языке его детства.

До сих пор все его женщины — и любимые, и случайные, — в минуты любви бормотали свою сладкую женскую чушь на иврите. И даже когда он завел короткую веселую интрижку с разбитной американской туристкой из Нью-Йорка, та все время пыталась доказать ему, что она не хуже других и, пусть с чудовищным акцентом, но тоже говорит на иврите. По-немецки с ним говорила только мама. Как он ее назвал — мама? Это же надо! — ведь уже давно он мог выдавить из себя только суровое и безликое слово «мать».

Обессиленный и на редкость умиротворенный, Ури лежал, уткнувшись лицом в незнакомое, плотное, очень белое плечо. Он пробежал пальцами от плеча к ладони, поднял укушенную им руку и поцеловал. Инге повернула ладонь к себе и усмехнулась:

— До крови все же не прокусил. А я думала, ты — вампир.

— К сожалению, не вампир. А жаль, ведьма и вампир — какая чудная пара!

— С чего ты взял, что я ведьма?

— Во-первых, ты сама созналась.

Внезапный переход на «ты» для Ури был прост, в его языке все обращались друг к другу на «ты». А вот для нее это что — знак близости? Впрочем у него еще будет время это выяснить.

— Во-вторых, об этом вчера громко кричала малиновая фурия во дворе.

— Малиновая фурия? — сперва не поняла Инге, но быстро догадалась. — Ах, Марта! И ты что, ей поверил?

— Конечно, поверил. Разве ты не подмешала мне в лекарство приворотное зелье?

Инге приподнялась на локте и посмотрела ему прямо в глаза, близко-близко, так что он увидел в ее глазах свое крошечное искаженное отражение.

— Ты прав — подмешала.

Трудно было понять, шутит она или говорит всерьез. Она продолжала пристально смотреть на него, нисколько не стесняясь своей наготы. Груды у нее были крупные, тугие, очень белые со светлыми розовыми сосками. Таких сосков он раньше не видел, у всех его прошлых девушек соски были темные, порой почти черные. Он нежно, почти не касаясь, обвел пальцами правой руки розовую вишенку соска, плоские синие глаза дрогнули и закрылись. Тут кто-то заколотил в дверь, негромко, но отчаянно, и из коридора донеслось жалобное повизгивание, похожее на плач обиженного ребенка.

— Ревнует, — не открывая глаз, сказала Инге, откинувшись назад и положила левую ладонь Ури себе на вторую грудь. — Он у меня очень ревнивый.

Уже чувствуя, как его снова засасывает в зияющую воронку, сплетенную из ее рук, ног, волос, горячих губ и белого живота, Ури на секунду вынырнул на поверхность, чтобы спросить:

— А к Карлу он тоже ревновал?

Задавая свой вопрос, он на миг открыл глаза — прижавшись носом к черному стеклу, на него из темноты смотрел Губертус, седые волосы развевались на ветру, бородатый рот ощерился в злобной гримасе.

КЛАУС

Обидно, что у меня совсем нет денег. А то я мог бы сколько угодно играть на автомате, потому что мы с мамкой теперь каждый день таскаемся в «Губертус» жаловаться на фрау Инге. Сперва все нас жалели, и даже Гейнц помирился было с мамкой, но она тут же с ним опять поссорилась, потому что он не захотел дать ей денег, а сказал — пусть она требует выкидное пособие за то, что нас выкинули. Мамка, конечно, начала на него кричать, зачем он притворяется — ведь он прекрасно знает, что никакого пособия ей не полагается, раз фрау Инге всегда платила ей в лапу, иначе она бы

перестала получать деньги от государства за своего идиота, — это она про меня.

Тут все на меня посмотрели, будто первый раз увидели, и Гейнц сказал:

— Так на него ты получаешь, чего же тебе еще надо? — и ушел. А мы с мамкой остались сидеть в «Губертусе», хоть Эльза была этим не очень довольна, потому что Вальтер угостил мамку пивом и колбасой, а потом шлепнул ее по заднице и сказал:

— Хорошая у тебя задница, Марта, чистое сало! Не то, что у моей Эльзы.

Эльза за стойкой так и зашипела от злости и стала греметь тарелками, хоть это была чистая правда, у Эльзы вообще никакой задницы нет. Вальтер захохотал и нацелился шлепнуть мамку опять, но тут к «Губертусу» подкатил фургон фрау Инге. Она вышла из кабины и, не закрыв дверцу, быстрым шагом направилась к кабачку. На ней был нарядный серый костюм и светлые туфли-лодочки — значит, она спешила в город. Мамка, как увидела фрау Инге, сразу выскочила из-за стола и помчалась в кухню, крикнув на ходу:

— Если эта стерва ищет меня, не говорите ей, что я тут!

По дороге она еще успела щелкнуть меня по затылку и приказать:

— А ты, дурак несчастный, лучше вообще рот не раскрывай, а не то получишь у меня!

Все они хотят, чтобы я молчал, — и она, и Дитерфашист, и Отто. Ну что такое я могу про них разболтать? Даже спросить некого.

Фрау Инге вошла и стала вглядываться в наши лица — наверно, из-за того, что на улице ярко сияло солнце, а в «Губертусе» занавески были задернуты и свет не горел, потому что не было ни одного посетителя. Ведь мы с мамкой не в счет.

Пока она вглядывалась, мне стало ужасно смешно, что мы ее видим, а она нас нет. Я сцепил зубы и прикусил язык, но ничего не помогло — я прыснул, и тогда она меня узнала и спросила:

— Ты тут один, Клаус? А где Марта?

Тут я вспомнил, что мамка прячется от нее на кухне и представил, как она тут, совсем рядом, выглядывает, небось, из-за двери, а фрау Инге ее не видит и даже не догадывается, где ее искать. Меня прямо так и развезло от хохота, и я, чтобы удержаться, стал разглядывать мамкину старую швейную машинку и древний утюг на углях, которые Эльза выставила на подоконнике, чтобы не отставать от моды. Она прямо так и сказала: «Нельзя отставать от моды», — когда выпрашивала у мамки эту швейную машинку, а мамка не хотела отдавать.

— Куда ты смотришь, Клаус? — сказала фрау Инге. — Смотри на меня!

Но я не мог оторвать глаз от швейной машинки и утюга, — ведь мамка велела мне молчать, и я боялся проговориться.

— Смотри на меня, Клаус! — повторила фрау Инге, взяла меня за подбородок и повернула к себе. — Ну, что ты от меня скрываешь?

Мне сразу перехотелось смеяться, потому что от ее пальцев в голове у меня засияло солнце, во рту стало мокро, а внизу живота стало горячо, будто я играл в Инге и Карла. Изо рта у меня потянулась слюна и капнула ей на палец, тогда она отдернула руку, вытерла ее бумажной салфеткой и повернулась к Вальтеру:

— Вальтер, пожалуйста, передайте Марте, что она должна вернуть мне мои ключи.

И вышла, не дожидаясь ответа.

Мамка зашептала из кухни:

— Беги за ней, Клаус! Надо убедиться, что эта проклятая ведьма на самом деле уехала. А то ведь с нее станется тут же вернуться, специально, чтобы меня поймать.

— Да на что ты ей нужна? — сказала Эльза, вытирая мокрой тряпкой совершенно чистую стойку и всем своим видом показывая, что и ей мамка тоже не нужна.

— Я ей, может, и не нужна, а вот ключи свои она получить хочет! — объявила мамка. Видно было, что ей не терпится что-то рассказать, и Вальтер с Эльзой начали придвигаться к ней поближе. Эльза даже забыла про то, что она мамку не любит.

— Я ключи ей пока не отдам... — начала мамка, но тут она заметила, что я еще стою возле двери, а не побежал вслед за фрау Инге, как она велела.

— Ты еще здесь? — заорала она и грозно двинулась на меня, позабыв, что фрау Инге только-только отъехала и еще может вернуться. Я быстро выскочил из «Губертуса» и помчался по улице вслед за фургоном, который свернул возле моста не в сторону города, а в сторону замка. Значит, фрау Инге в своем нарядном костюме спешила домой, а не в город. Я немножко постоял, глядя снизу, как фургон поднимается по змеистой дороге к замку, пока он не исчез за поворотом. Мне ужасно, ужасно хотелось опять вернуться туда к моему другу Гансу и даже к Отто, — он хоть и вредный, но я к нему привык: он никогда не называл меня идиотом, а иногда давал мне пару марок, чтобы я мог поиграть на своем автомате. Я не знаю, сколько времени я так простоял, глядя на пустую дорогу; я даже забыл, что мне пора вернуться, чтобы узнать, зачем мамке нужны ключи от замка.

ИНГЕ

«Господи, пусть все продолжится так, как началось», — в сотый раз повторила про себя Инге, снимая жакет и бережно расправляя его перед тем, как повесить на плечики. Она провела кончиками пальцев по упругой и чуть ворсистой ткани, каждой клеточкой кожи впитывая ласку этого мгновенного касания. Она сегодня была беззащитной жертвой всякого касания. От любого прикосновения по ее кровеносным артериям и нервным волокнам пробегали мимолетные высокочастотные импульсы, от которых голова ее становилась невесомой, а в груди нарастала радость такой концентрации, что она тут же превращалась в невыносимую боль. Такая боль могла означать только одно — что она опять влюблена.

От прикосновений к костюму эта боль обрастала новыми оттенками: костюм был подарен ей Карлом — в

прошлом году на день рождения — и вызывал у нее такие противоречивые чувства, будто был не вещью, а живым существом. С тех пор, как отец заболел и Инге сама стала вести хозяйство в замке, она принципиально не покупала себе дорогих вещей — слишком хорошо знала она цену каждому пфеннигу. Поэтому когда Карл предложил ей вместе поехать в город, чтобы она сама выбрала себе подарок, она никак не могла решить, чего бы ей хотелось. Как назло, каждая вещь, которая ей нравилась, оказывалась слишком дорогой, и она с отчужденным любопытством наблюдала, как Карл пытается доказать ей, что это вовсе не то, что ей надо. При этом в каждом магазине он с таким интересом прилипал к полкам с мужскими ботинками или со спортивными куртками, что оторвать его можно было только вопросом «Кому мы пришли покупать подарок — тебе или мне?» Впрочем, его можно было простить — он ведь практически не выходил из замка.

Они долго и безрезультатно бродили по бутикам между «Карштадтом» и «Херти», по очереди отвергая каждую новую идею. Терпение Карла постепенно истощалось, и он стал потихоньку ненавидеть ее за то, что из-за нее попал в эту западню, из которой не было достойного выхода. Он начал часто зевать и перестал отвечать на вопросы. Инге могла бы с легкостью вернуть его хорошее настроение, если бы она вдруг объявила, что устала и не хочет никакого подарка. Но мысль о том, как его обрадует такой поворот, стала ей поперек горла, и она твердо решила без подарка домой не возвращаться.

Чутье у Карла было, как у хищного зверя, тем более относительно Инге, которая всегда была для него прозрачна, — он тут же разгадал ее решимость и принял бой. Он быстрым шагом прошел к почтовому отделению и начал внимательно разглядывать прищипленный к двери желтый лист с портретами разыскиваемых террористов. Холодея от опасения, она начала осторожно тянуть его за рукав:

«Пойдем отсюда, Карл!»

Он выпростал рукав из ее пальцев и потянулся к листу.

— Смотри, вот Зильке Кранцлер. Помнишь ее — жуткая уродина? Она училась на курс старше тебя.

Инге поняла, что выбор у нее небольшой — или немедленно что-нибудь купить, или не покупать ничего, но в любом случае убираться из города поскорей. Она огляделась вокруг — рядом с почтой были расположены самые дорогие магазины, но делать было нечего. Она шагнула к ближайшей витрине, где даже блузка стоила не дешевле трехсот марок, и воскликнула:

— Смотри, вот костюм, о котором я давно мечтаю!

Тут даже не было прямой лжи, потому что костюм этот приглянулся ей еще с осени, когда он впервые появился в витрине. Стоил он так дорого, что за прошедшие пару месяцев никто не расщедрился его купить, и теперь его весьма кстати уценили на двадцать пять процентов. Что и дало Инге возможность убедить Карла в их необычайной удачливости — как им повезло первыми отхватить по дешевке такую шикарную вещь.

Носить костюм было практически некуда, потому что Карл почти никогда не решался появляться на людях и страшно обижался, если она ходила куда-нибудь без него. Она стала надевать костюм только недавно, после того, как Карл улизнул невесть куда, даже не оставив ей записки; порой когда ездила в город на деловые обеды, а порой просто под настроение как средство от депрессии. А вот сегодня на душе у нее было так празднично, что она надела костюм Карлу назло, — ведь ездила она всего-навсего на колбасную фабрику улаживать мелкие финансовые недоразумения. Но не такой человек был Карл, чтобы позволить ей безнаказанно сделать что-нибудь ему назло. Подаренный им костюм неммым укором мозолил Инге глаза, так что, в конце концов, она с облегчением отгородилась от него дверцами шкафа.

Дверь в ее спальню приоткрылась, и в щель просунулась узкая серебристая морда — у Ральфа никогда не хватало терпения дожидаться в коридоре, пока она переоденется. Вслед за Ральфом в спальню ворвалась волна дразнящих запахов из кухни — пахло жареным мясом,

кардамоном, базиликом, мятой и чем-то еще — неизвестным, но аппетитным.

— Ури! — весело крикнула Инге, наспех набрасывая на плечи халат. — Это ты там колдуешь у плиты?

Ури удивленно выглянул из кухни — ее нарядный, отороченный черным кружевом передник был ему очень к лицу:

— Откуда ты взялась? Я даже не заметил, что ты вернулась!

А как ему было заметить, если она приняла специальные меры, чтобы пробраться в замок незамеченной? Ей обязательно нужно было проведать Отто, которого она не видела со вчерашнего дня, но все еще не решалась показать его Ури. Никогда нельзя было предугадать, какой номер выкинет старый тиран, от него можно было ожидать любой пакости. А в Ури, несмотря на его ловкость и силу, явно просматривалась какая-то скрытая хрупкость, какая-то чужеродная взрывчатая уязвимость, — еврейская, что ли? Так что Инге предпочитала повременить с церемонией знакомства, — пусть Ури немного пообвыкнет и приживется у нее, а то еще ненароком сорвется с места и исчезнет. А она так не хотела, чтобы он исчез!

Поэтому Инге припарковала фургон на обочине узкой проселочной дороги, сбегающей к реке с последнего крутого поворота перед замком, дошла до ворот пешком, осторожно отворила калитку и на цыпочках прокралась вдоль стены, так чтобы ее нельзя было увидеть из окна. Фрау Штрайх немедленно бросилась к ней с жалобами на ужасное поведение Отто, который встретил дочь с мрачной враждебностью, — зная отца, она не сомневалась, что он уже проведает о присутствии Ури в замке и готовит оружие для новой войны. Поскольку маниакальная любовь отца к ней оставалась неразделенной, мелкие домашние войны составляли главную радость его скудного существования, и он отдавался им со всей страстью, которая оставалась в его разрушенном теле. Инге и жалела его, и боялась — ей порой казалось, что его поврежденный мозг сконцентрировал

всю свою не востребованную энергию на творческом ведении военных действий, так что даже прикованный к инвалидному креслу, он был опасным противником. А ей сейчас только недоставало, чтобы он объявил войну Ури!

Обдумывая, как подольше избежать встречи Ури с отцом, Инге быстро прошла через подземный ход и по коридору, напоенному ароматом жареного мяса, неслышно проскользнула к себе. Теперь ей нужно было как-то выкрутиться, не объясняя, и она отшутилась:

— А как бы ты мог заметить? Я прилетела на помеле.

— Где оно? — Ури сбросил передник на пол и пошел по коридору к Инге. — Покажи, я никогда не видел настоящего помела.

— Но его здесь нет, — она огляделась, словно и вправду надеялась увидеть это таинственное помело. — Оно уже исчезло.

— Как это — исчезло?

— Ну, наверно, срочно понадобилось кому-то... — сказала она неопределенно, запахивая халат.

— У вас что, одно помело на всех? — весело удивился Ури.

Он вошел в комнату, оттеснил Ральфа в коридор и закрыл за собой дверь. Как только он закрыл дверь, Инге поняла, что именно этого она все время хотела, жаждала, ждала, чтобы он вытеснил Ральфа, закрыл дверь и остался стоять, молча глядя, как она неверными пальцами пытается затянуть завязки халата. Взгляд его имел физическую плотность прикосновения, и потому она никак не могла затянуть ускользающий узел. Ури сделал шаг к ней, протянул руку и мягко отвел ее пальцы от халата:

— Оставь, не надо.

И халат соскользнул с ее плеч на пол. Воли у нее не было, он мог делать с ней все, что хотел. Руки у него оказались еще нежнее, чем представилось ей в тот вечер в «Губертусе». Хоть было это всего только несколько дней назад, ей казалось, что она успела завершить одну жизнь и начать другую. В этой другой жизни все

прошлые правила зачеркивались и заменялись новыми, но ей это было все равно, лишь бы чувствовать его руки на своих плечах, лишь бы чувствовать его губы на своих губах, лишь бы он был с ней.

КЛАУС

Когда я вернулся в «Губертус», там вкусно пахло свежесмолотым кофе, но мамка, наверно, уже все им рассказала, потому что в зале ее не было. Эльза насыпала кофе в кофейную машину, а Вальтер цедил из бочки пиво для двух парней в кожаных куртках со стальными гвоздиками, которые пришли поиграть на бильярде. Один был незнакомый, а второй был Дитер-фашист. Увидев меня, он подмигнул мне, как заговорщик, и незаметно для других показал мне огромный веснушчатый кулак. Я тоже подмигнул ему и показал ему язык, потому что показывать ему кулак я боялся. Я хотел было быстренько прошмыгнуть в кухню — а вдруг мамка там? Но Эльза поймала меня за рукав и велела поскорей бежать домой, если я хочу перехватить мамку, пока та не удрала в город к своей таинственной тете Луизе. Я спросил Эльзу, что она нашла таинственного в нашей тете Луизе — обыкновенная толстая тетка, как у других. На что Эльза мне посоветовала в следующий раз, как я увижу нашу тетю Луизу, проверить, нет ли у нее усов. Все засмеялись — и Вальтер, и Дитер-фашист, и даже незнакомый парень в высоких кожаных сапогах с гвоздиками. Мне неохота было выяснять, что им показалось таким смешным, потому что они смеялись очень обидно. Я немножко постоял возле стойки, глядя, как они по очереди бьют киями по бильярдным шарам и при каждом ударе приговаривают: «Наше правительство — говно!» Кто больше раз ударит, тому полагается больше количество раз это сказать, а за десять раз полагается кружка пива. Но мне почему-то от этого стало совсем скучно, и я побежал домой.

Мамка вовсе не собиралась в город, а стояла возле кухонного стола и большим ножом рубила брусок шпи-

ка на мелкие кусочки. Ее рука с ножом поднималась и опускалась с большой силой, как у Конона-варвара в телевизоре, когда он рубил головы врагам.

— Черт ее унес? — спросила мамка, ссыпая кусочки шпика в кастрюлю с кипящим бобовым супом. Я терпеть не могу бобовый суп, а мамка считает его главной едой и каждое лето в нашем маленьком огороде выращивает бобы на всю зиму.

— Унес, — ответил я, глотая слюну. Оказывается, я так здорово проголодался, пока стоял на мосту и смотрел на дорогу, что мне даже суп с бобами показался вкусным. Я бы мог рассказать мамке, что фрау Инге вовсе не уехала в город, а вернулась в замок, но боялся — а вдруг она догадается, что я так долго стоял на мосту, потому что сам хотел вернуться в замок? Поэтому я ничего ей не сказал, а только спросил, правда ли, что у тети Луизы выросли усы. Мамка на мой вопрос не ответила. Она молча закрутила газ, с грохотом шмякнула на стол тарелки и налила супу себе и мне.

— Жри, жри, горе мое! — сказала она. Это она про меня.

Она съела несколько ложек супа и бросила ложку:

— Я им покажу усы, мерзавцам! — пригрозила она непонятно кому, оттолкнула тарелку с недоеденным супом и ушла переодеваться. Я испугался, что она сейчас опять умчится в город без меня, но она погрохотала чем-то у себя в комнате и вышла оттуда вовсе не в малиновом пальто: на ней был рабочий комбинезон и резиновые сапоги, в которых она обычно ходила на работу в замок.

— Кончишь жрать, помой посуду. Мне некогда, я спешу, — сказала она и пошла в сарай, где стоял ее велосипед. Я тоже бросил недоеденный суп, хоть еще не наелся, пошел за ней и стал выводить свой велосипед.

— Куда это ты собрался? — сердито спросила мамка.

— С тобой.

— Я тебя с собой не звала! — отрезала она, взгромоздилась на велосипед и начала быстро-быстро крутить педали.

Я тоже влез на велосипед и тоже начал быстро крутить педали.

Неважно, звала она меня с собой или нет, — все равно я кручу педали быстрее, чем она. Но я не стал ехать за ней близко, чтобы пыхтеть ей прямо в спину, а держал такое расстояние, что я мог ее видеть, а она меня нет. Конечно же, она потащилась в замок. Так я и думал — куда еще она могла поехать в комбинезоне и в резиновых сапогах? На предпоследнем крутом повороте она меня все-таки заметила и крикнула:

— А ну-ка езжай обратно! Быстро!

Но я не послушался и продолжал ехать за ней. На крутом подъеме к замку я мог бы ее обогнать, если бы захотел, и мог бы от нее удрать, если бы она стала меня догонять. Но она не стала ни догонять, ни убегать, а наоборот — слезла с велосипеда и пошла мне навстречу, глаза у нее были косые от злости:

— Ты что, оглох, дурак несчастный? — орала она. — Я ведь сказала — немедленно езжай обратно!

Я не стал с ней спорить и сделал вид, что возвращаюсь, а сам за поворотом спрятал велосипед в кусты и по крутой дорожке спустился в карьер. В карьере когда-то раньше вырубали красный камень, из которого построены все церкви, замки и разные другие красивые дома вокруг нашей деревни. Раньше вырубали, а потом кто-то запретил — и перестали, — не знаю точно почему — вроде одна башня в замке может обрушиться, что ли. И только когда Карл начал строительство во дворе, он выкатил из сарая старую машину для вырубки камня, ее почистили и починили, и он опять стал рубить в карьере камень для своей постройки. Карл любил говорить, что все запреты придуманы нарочно для него, чтобы ему было что нарушать.

Вот тогда он и обнаружил этот подземный ход в замок — и никто, кроме него и меня, об этом не знал. Карл очень любил тайны — он бы и мне ни за что этот тайный проход не показал, если бы я его однажды не застукал, когда он выползал оттуда на животе. Он сразу понял, что я его увидел, и все мне показал — и подзем-

ный ход, и пещеры, но я за это поклялся на крови никому ничего не рассказывать, даже фрау Инге. Я проколол себе палец, подождал, пока выступила кровь, слизнул ее языком и поклялся, что никогда не нарушу свою клятву. Я рассказал про подземный ход только Гансу, он ведь мой друг и все равно никому не мог бы ничего разболтать.

Я не люблю ползти в замок по этому секретному ходу, там очень тесно, и штаны все время цепляются за острые камни. Карл говорил, что у меня просто зад большой, как у мамки. Не знаю, я свой зад никогда не видел, ведь на то он и зад, чтобы быть сзади. Но раз надо, я могу и помучиться. Вот я и пополз — а что мне еще оставалось делать, если мамка не захотела взять меня с собой?

ИНГЕ

Инге проснулась от внезапного внутреннего толчка и ужаснулась при мысли о том, сколько времени прошло, но за окном, слава Богу, все еще был день. Солнце, правда, успело изрядно передвинуться из правого угла оконной рамы в левый, однако оно все еще не скрылось за зубчатой стеной замка. Ури во сне дышал тихо и ровно, и больше всего ей хотелось бесконечно долго лежать рядом с ним, зарывшись лицом в сгиб его руки, но мысль о тысяче невыполненных дел сорвала ее с постели. Стараясь не разбудить Ури, она проскользнула в ванную и наспех приняла душ: бог с ним, с Ральфом, но и ревнивый Отто был не лучше, он тоже сразу унюхал бы, чем она тут занималась.

Натянув джинсы и плотно облегающий трикотажный свитер, Инге вышла на кухню и вдруг почувствовала прилив волчьего аппетита: давно она не бывала так прекрасно, так увлекательно голодна. Приоткрыв крышки стоящих на плите кастрюль и сковородок, она обнаружила, что Ури приготовил обед для настоящего пира гурманов, но ей некогда было садиться к столу. Она поспешно схватила со сковороды плотный румяный

кусок мяса и, с наслаждением вгрызаясь в его ароматную сочную мякоть, побежала через двор к отцу. Там все было, как и в прошлый раз, — те же жалобы курицы Штрайх, та же враждебная хмурость Отто — только тогда курица кормила его манной кашей, а теперь поила чаем, вот и вся разница.

Пообещав через часок еще раз заглянуть к Отто, в ответ на что курица Штрайх тоненько выкрикнула ей вслед: «Имейте в виду, я через сорок минут уйду!» — Инге поспешила в свинарник. Там все было в порядке, свиньи спали или, мирно хрюкая, пили воду, которая постоянной ровной струйкой текла по наклонному эмалированному желобу, бегущему от стены до стены. Утром до отъезда в город Инге успела покормить свиней и помыть свинарник, но это было утомительно. Пора было вводить Ури в круг его обязанностей — хоть все в свинарнике было автоматизировано, ей было трудно управляться одной. Где-то в подсознании мелькнуло вдруг разъяренное лицо Марты со злобно ощеренным ртом и неприятно кольнуло опасение — что этой гадюке надо и почему она не возвращает ключи? Но сегодня Инге не могла сосредоточиться на неприятных мыслях — ей не хотелось вспоминать ни о Марте, ни о Карле, ни об отце.

Подошел молодой боров Ганс и потерял мордой о ее ногу, совсем как собака. Она наклонилась и почесала его за ухом, но напрасно — он вдруг страшно возбудился и стал страстно тереться об ее колено спиной. Инге глянула на часы и легким пинком отодвинула Ганса в сторону — пора было кончать эту запредельную идилию. Она прошла по проходу, разделяющему свиноматок от молодых свинок, предназначенных на убой — и те, и другие вопросительно уставились на нее в ожидании еды. Из молодых она выбрала двоих, самых розовых и упитанных, рывком отворила дверцу загона и вытолкнула их в проход. Они доверчиво прошли за ней в дальний конец свинарника, откуда автоматическая дверь вела в забойную камеру.

Чтобы до свиней не доносился запах крови, забойную камеру отделял от свинарника герметический там-

бур с двумя выходами, каждая дверь которого открывалась только, тогда когда вторая дверь была наглухо закрыта. Сама камера напоминала внутреннюю кабину межконтинентальной ракеты — многоцветные кнопки управления, нержавеющая сталь, стекло, хром, белая эмаль. Все делалось автоматически и точно: свинья прямо из тамбура попадала в специальный станок, охватывающий все ее тело и оставляющий открытой только узкую полосу шеи. Станок на широком приводном ремне плавно подъезжал к заметно усовершенствованной со времен Французской Революции электрической гильотине, которая убивала свинью быстро и безболезненно. К сожалению, у свиньи все же оставалась доля секунды на истошный предсмертный вопль. Но давно уже прошли времена, когда Инге не могла уснуть, преследуемая в ночи кошмарной какофонией этих предсмертных криков.

Карл, пока он был здесь, забой свиней взял на себя. У Инге не было стопроцентной уверенности, что он делал это в виде одолжения ей — порой ей казалось, что он даже получал от этой работы своеобразное удовольствие. Во всяком случае, он обычно выходил из забойной камеры в состоянии особой, едко ликующей эйфории и долго потом терзал Инге невыносимыми шутками и розыгрышами, полными черного юмора. После исчезновения Карла Инге забивала свиней на пару с Мартой, Клауса к этому не допускали, потому что он сразу начинал плакать.

Инге научила себя действовать автоматически, без лишних раздумий и сожалений, словно она сама стала составной частью разумного механизма забойной камеры — пальцы ее нажимали нужные кнопки, в то время, как мысли ее плели свою пряжу, не имеющую ничего общего с кровью и смертью. Она быстро забила обеих свинок — сперва первую, за ней вторую. После каждого безотказного падения ножа гильотины она нажатием очередной кнопки открывала станок сверху и включала хитроумный полиспаг, который аккуратно вздергивал вверх обезглавленную свиную тушу и подвешивал обручком шеи вниз над белой фаянсовой раковиной для

стока крови. Затем она извлекла свиные внутренности специальным электрическим аппаратом, умело учитывая все неприятные особенности этой операции. Теперь надо было перегнать фургон во двор и включить в нем холодильник, чтобы через пару часов можно было загрузить туда готовые к утренней отправке туши.

Инге вышла из забойной камеры не через свинарник, а через другую дверь, ведущую прямо во двор, и с наслаждением вдохнула влажный, настоенный на хвое воздух. На площадке перед дверью высились штабеля аккуратно распиленного местного красного камня, заготовленные здесь Карлом для строительства стационарного холодильника, которое он начал прошлой осенью, но так и не успел завершить. Инге прошла через двор к запертой обычно калитке, чтобы перейти по мостику через ров, по дну которого когда-то катил камни бурный поток, а теперь буйно росли папоротники и хвощи. Ее озадачило, что калитка была почему-то отворена. Неужто она настолько потеряла голову, спеша поскорей увидеть Ури и уладить дела с отцом, что нарушила собственную святую заповедь всегда запирать калитку?

Когда она въехала во двор, ее там ждал Ури. Он затворил ворота и протянул ей руку, чтобы помочь выйти из кабины:

— Какой смысл в перелетах на помеле, если потом самой приходится перегонять машину?

За этим шутивным вопросом скрывался вопрос прямой, — зачем она припарковала фургон за углом и тайком прокралась в замок? Отвечать ей пока не хотелось, хоть она прекрасно понимала, что долго скрывать Отто от Ури ей не удастся. Сама удивляясь собственной бесшабашной легкости, она с ходу отмела сам вопрос:

— Вообще-то машину должны перегонять следом за мной, но сегодня у них санкции.

Ури, прищурясь, оценил ее нежелание отвечать и согласился принять шутку за шутку:

— Что, современные настроения захватили даже Управление по делам Ведьм?

Радуюсь способности Ури ловить мяч на лету и отбивать его в нужном направлении, Инге потянула его к крыльцу:

— Захватили — и еще как! Например, последнее время нас вовсе перестали кормить: бюджет, говорят, не позволяет. А какие раньше бывали лакомства! Ты бы попробовал жареные пупки новорожденных младенцев в соусе из вдовьих слез! Объедение!

— Я думаю, то, что я приготовил сегодня, покажется тебе не менее вкусным, — без ложной скромности объявил Ури, распахивая перед Инге дверь в кухню.

Он был прав — обед вышел действительно на славу, а после обеда Инге повела Ури в свинарник знакомить его с новыми подопечными. Свиньи вели себя, как обычно, — даже не глянув в сторону Ури, они устремились к Инге, требуя ласки и еды.

— Ну, как тебе мои свинки? — осторожно спросила Инге, открывая дверь в кормовую.

— Свинки как свинки, воняют, как положено.

— Воняют, конечно, — согласилась Инге, хоть ее слегка задело упоминание столь очевидного факта.

— Поэтому их и надо дважды в день мыть. Но я не о том. Тебе ведь не противопоказано?..

Она замаялась, не находя нужных слов, но Ури сам догадался:

— Ты имеешь в виду, не противопоказано ли мне как еврею мыть свиней?

— Ну да, — тема явно смущала Инге. — Ведь ваша религия за что-то их отвергает..

— Не волнуйся. Я лично против свиней ничего не имею, а наша религия вполне либеральна к тем, кто ее не соблюдает.

Покончив с религиозными проблемами, Инге включила миксер — она не пожалела денег при модернизации свинарника, и все приборы у нее были самого высокого класса. Пока Ури восхищался простотой и точностью устройства овощедробилки, Инге вдруг на миг погрузилась в ту бездонную воронку отчаяния, которая стала засасывать ее, когда она поняла, что у нее нет

другого варианта, кроме постылого существования в замке при больном отце и умирающей матери. То, на что она надеялась и к чему стремилась с юности, стало для нее недостижимым и даже опасным — и все из-за Карла, все из-за Карла! Ах, как он разрушил ее жизнь, как она его тогда ненавидела, как по нему тосковала! Вот тогда-то она с горя и бухнула все родительские сбережения на перестройку свинарника — их единственного кормильца. Если уж кормить и забивать свиней, то чтоб хоть руки при этом не марать!

— Пошли, я покажу тебе еще более совершенную аппаратуру, — пообещала она Ури, отворяя перед ним первую герметическую дверь в забойную камеру.

Он не успел еще спросить, для чего ей понадобилось столь хитроумное устройство, как первая дверь бесшумно скользнула в пазы, автоматически отворяя при этом вторую. Они вошли в камеру, и дверь мягко закрылась за ними. Все вокруг было чисто и стерильно, белизной сверкала эмаль, серебром — нержавеющей сталь, хитроумная гильотина затаилась в своем углу над белыми керамическими плитками пола и стен. Общую гармонию нарушали только две обезглавленные свиные туши, подвешенные на крюках над раковиной, полной крови. Последние капли все еще стекали вниз редкими толчками, вызывая серию мелких, быстро исчезающих круговых волн на гладкой алой поверхности слегка загустевшей крови.

Инге сказала с некоторой гордостью:

— Правда, похоже на межконтинентальную ракету? — и направилась к пульту управления, чтобы спустить туши вниз и сбросить их в белую эмалированную каталку. Не дождавшись ответа, она вопросительно обернулась и увидела запрокинутое лицо Ури — мертвенно бледное, со сведенными челюстями. Он стоял, прислонясь спиной к стене, стараясь сохранить равновесие. Ей даже на миг показалось, что он вот-вот опять потеряет сознание, как тогда ночью, после схватки с Ральфом. Но он справился с первым рвотным спазмом и спросил сквозь стиснутые зубы:

— Где выход?

Инге распахнула дверь во двор, и он стремительно вышел, не оглядываясь назад.

Она так бы и осталась стоять, озадаченно глядя ему вслед, если бы не мысль о том, что он сейчас может, не останавливаясь, пройти через двор, отворить калитку и зашагать вниз, к шоссе. Он не прошел и нескольких нетвердых шагов, как запнулся о валявшуюся на пути гранитную глыбу, покачнулся, но не упал, а лишь опасно качнулся вперед и назад, и тут его вырвало всеми гурманскими радостями только что съеденного обеда — изысканно приправленным мясом, рассыпчатым золотистым рисом, салатом из ананасов с орехами.

Инге не могла решить, как ей следует поступить. Броситься к нему и, одной рукой обхватив его плечи, второй упереться ему в лоб, чтобы ослабить неистовство рвотных спазм, как поступала с нею в детстве ее мама, или, наоборот, не вмешиваться и предоставить его самому себе, чтобы, не дай Бог, не задеть его мужскую гордость? Она не знала, какое место в его жизни занимает его мужская гордость, да и вообще — что она о нем знала? Этот неожиданный ужас, охвативший Ури при виде крови, никак не вязался с его обликом и со всем тем, что открылось ей в нем за эти несколько дней максимальной откровенности и познания. Это значило, что они все еще далеки друг от друга, как космические миры. Мысли эти, не совсем оформившись в слова, пробегали в ее сознании одновременно с беспокойством за него и с неуверенностью в себе, как это обычно у нее бывало. Ей порой казалось, что ее мозг раздроблен на несколько отдельных участков, каждый из которых ведет собственный независимый анализ действительности с несогласованными, а порой и противоречивыми результатами.

Не твердо зная, что именно она собирается предпринять, Инге шагнула во двор, обогнула штабель красных камней и вдруг заметила скорчившуюся за вторым штабелем округлую фигуру в синем рабочем комбинезоне — шея вытянута вперед, жидкие белокурые пряди разметались по плечам — Марта! Марта была так увлечена открывшимся ей зрелищем, что не заметила при-

ближения Инге и вздрогнула, словно ее обожгло, когда та коснулась ее плеча.

— Ты что здесь делаешь? — вне себя от ярости выдохнула Инге. — Шпионишь?

Марта, упираясь руками в камни, с трудом подняла свой тяжелый зад и выпрямилась. Глаза ее бегали, отражая поспешную работу мысли — что лучше, притвориться невинной жертвой или ринуться в бой?

— Чего ты кричишь? Я принесла ключи, ты ведь сама просила, — промямлила она, наконец, пытаясь принять выражение незаслуженно обиженной.

Инге вдруг вспомнила незапертую калитку — вот оно что! Наверно, Инге сама спугнула Марту, когда та тайком пробиралась в замок, вот она и не успела запереть за собой калитку. Когда это было — час назад, полтора? Значит, с тех пор она болтается тут, подслушивая и подглядывая.

— Вон отсюда! — сказала Инге внятно, вслушиваясь при этом напряженно в происходящее у нее за спиной: быстрые нетвердые шаги, удаляясь, простучали по камням. Стремительно обернувшись, она успела увидеть, как Ури взбежал по ступенькам и скрылся за кухонной дверью. Слава Богу, не за воротами — и на том спасибо! Он двигался рывками, как заводная кукла, локти его были угловато сведены за спиной, от чего все его тело изогнулось вперед в странном изломе. Забыв о Марте, Инге устремилась за ним.

Марта, конечно, и не подумала уйти — осознав тщету притворной кротости, она ринулась в бой от всей души. Инге слышала ее крики и топот за спиной, но ей было не до Марты — охваченная предчувствием неожиданных неприятных открытий, она открыла дверь кухни, но Ури там не было. Инге вышла в коридор и услышала, как в дальней ванной мощным потоком льется вода. Она испуганно заглянула в приотворенную дверь и увидела, что Ури стоит на коленях перед ванной, лихорадочно намывая руки и лицо и тут же смывая мыло. Он мылил не только ладони, но и всю руку до плеча, хоть был в клетчатой рубахе с длинными рукавами. Инге

окликнула его, но он не услышал. Она шагнула было к нему, но тут кухонная дверь бухнула громко, как пушечный выстрел, и в коридор ворвалась Марта.

КЛАУС

Не знаю, сколько времени я полз, наверно — долго, было очень темно, и в животе у меня страшно урчало вероятно, от мамкиного супа. Но, в конце концов, я увидел свет — значит ползти осталось уже немного. Подземный ход кончается в разрушенной части замка, под винтовой лестницей, которая вела когда-то из подвала в самую высокую башню. По лестнице можно добраться до второго этажа, если смотреть под ноги, потому что некоторые ступеньки наполовину раскрошились. До верха башни дойти нельзя — на полдороге между вторым этажом и третьим ступеньки обрываются, и обломки того, что было, валяются по всему полу. Но мне это было сейчас неважно, я не собирался лезть высоко вверх. Мне надо было подняться всего на полпролета, чтобы попасть в нижний коридор.

Я потихоньку отодвинул плиту, заслоняющую вход, вылез и прислушался. Из комнаты Отто доносился звон чашек и противный голос фрау Штрайх. Значит, она еще не ушла, а пьет чай, и надо двигаться осторожно — у нее слух, как у Ральфа. Разница только в том, что Ральфа я не боялся — не то, что фрау Штрайх: он, даже если и услышит, на меня лаять не станет, а она станет. Я снял ботинки, чтобы тише ступать, спрятал их под лестницей и в одних носках поднялся в подземный коридор. Пол был холодный и колючий, но несколькокий, вот только в животе у меня продолжало громко урчать. Но фрау Штрайх все-таки этого не услышала — наверно, потому что все время громко говорила сама. Что-то про сверхурочные часы и про то, что она не обязана выполнять работу этого идиота.

Я подумал, что это она про меня, но не стал вслушиваться: мне надо было срочно решать, что делать даль-

ше — выйти во двор тут или пройти по коридору до рыцарского зала и выйти там. Я прокрался к выходу и приоткрыл дверь, все время ожидая, что фрау Штрайх прибежит с криком «Кто там?», и тут же наткнулся на мамку. Она стояла спиной ко мне прямо против двери и, вытянув шею, старалась рассмотреть что-то во дворе. Я сам не помню, как я успел прикрыть дверь и попятиться, так я испугался. Может, это был мой счастливый день, — мамка меня не заметила, я не споткнулся и ничего не уронил, а спокойно прокрался назад в коридор, который вел в комнаты фрау Инге.

Я, наверно, тысячу раз ходил по этому коридору — носил еду для Отто или возил самого Отто в кресле, если он очень требовал, а иногда просто так, если на улице шел дождь. Когда у нас работал Карл, я часто ходил тут с Карлом, помогал ему возить камни для стройки, пока он не начал вырубать камень в карьере. А до этого мы с ним выкатывали старые камни из главного подвала — из того, что под самой скалой возле стены.

Если идти под землей от Отто к фрау Инге, то на полпути к ее двери влево отходит еще один коридор, который постепенно спускается вниз в круглый зал под второй башней — той, что пониже и потолще. Карл говорил, что это очень старая часть замка, там в окнах не было рам, а из лестницы, которая когда-то вела на башню, многие плиты вывалились вниз. Еще он говорил, что лучших плит для стройки найти нельзя, потому что наши предки умели камни тесать — не то, что мы, idioty. Но это он говорил не про меня, а про всех. Вот только беда, что эти замечательные плиты валялись на полу круглого зала и были страшно тяжелые. Чтобы вытащить их оттуда, Карл построил специальную деревянную дорожку с перилами, по которой мы с ним выкатывали камни на двух веревках вверх и складывали у входа. А потом мы вывозили их в тележке во двор по нижнему коридору.

Вот тут в нижнем коридоре я видел Карла последний раз — в тот день, когда Отто стало плохо, а фрау Инге не было дома, и я вызвал скорую помощь. Я так ясно

все это себе представил, — как Карл бежал впереди, а я катил Отто за ним в кресле, и Отто все время отстукивал «Скорей! Скорей! Скорей!». Это его любимое слово, я его сразу узнаю. Но я так и не понял, чего он хотел скорей, потому что скорая помощь уже завывала на мосту так громко, что даже в подземном коридоре ее было слышно. На последнем повороте Отто вдруг нажал на педаль тормоза, и мы с разбегу остановились, так что я стукнулся подбородком об верхний край кресла, а Карл продолжал бежать. Я наклонился к Отто, чтобы узнать, в чем дело, и тут он схватил меня своей железной лапой за ухо — чтобы я обратил на него внимание — и начал отстукивать «Иди!» и еще что-то. Я никак не мог понять, куда идти, потому что я не умею различать незнакомые слова, но Карл понял и крикнул мне:

— Иди, встретить полицейских! И лишнего не болтай!

Я не знал, что полицейские тоже должны приехать, я вызывал только скорую помощь, но никто мне ничего не стал объяснять. Карл куда-то очень спешил, а Отто начал задыхаться и сердито бить в свой рельс, так что я повернулся и побежал к выходу. Вообще-то я бегаю довольно быстро, но тут от всей этой суеты у меня в голове все перемешалось, и я, конечно, споткнулся, упал и разбил обе колени. Когда я, наконец, выбрался во двор, скорая помощь уже подъезжала к воротам, и никакой полиции с ними не было — Карл все перепутал.

Санитар выскочил из кабины и стал звонить в звонок возле ворот, но никто ему не спешил открывать. И тут я вспомнил, что мамка отправилась с фрау Инге сдавать мясо, — они тогда еще не ссорились, и мамка не устраивала никаких забастовок, — чтобы оттуда поехать на керамическую фабрику покупать для Отто какой-то специальный горшок, который он давно просил.

Раз нечего было рассчитывать на мамку, я сам пошел через двор отпирать ворота для скорой помощи. Вообще мне ворота отпирать не разрешают, но тут выходило, что больше никому. Машина скорой помощи въехала во двор, из нее вышел врач с двумя санитарами, и все трое стали спрашивать, где больной. Я махнул им, чтобы они шли

за мной, и повел их в подземный коридор. Мы прошли по всему коридору из конца в конец, но Отто там не было. Я подумал, что, может, Карл отвез его в комнаты фрау Инге, но тут мы услышали, как он бьет лапой в рельс. Звук доносился откуда-то снизу, мы сперва не поняли, откуда. Тогда я вспомнил про второй коридор, и мы свернули туда, — там было темно, потому что была зима и рано темнело, — но откуда-то издалека пробивался слабый свет. Мы пошли на этот свет и нашли Отто, он был в круглом зале под башней, в ручке его кресла горел маленький фонарик, который Карл недавно туда вкрутил. Отто бил лапой в рельс и тихо стонал.

Никто так и не понял, как он умудрился скатиться вниз, но он не мог ничего объяснить, потому что забыл, как надо стучать слова. Но тогда все это было неважно, потому что врач нашел у Отто очень высокое давление и сказал, что он может умереть, если срочно не принять меры. Все тут же начали срочно принимать меры: нашли фрау Инге и отвезли Отто в больницу. И в суматохе никто не заметил, что Карл сбежал. Так вот — сбежал и ни слова никому не сказал. А Отто потом тоже ничего не мог вспомнить: он хоть и научился опять стучать слова, но стал очень сердитый, и пришлось нанять для него фрау Штрайх. Он особенно сердился, когда фрау Инге иногда спрашивала, не Карл ли скатил его вниз, в круглый зал.

Не знаю, почему я вдруг вспомнил про Карла — наверно, потому, что я пробирался сегодня по коридору тайно, а Карл ужасно любил тайны. И куда он исчез — тоже тайна. Может быть, он когда-нибудь вернется и расскажет мне, почему он вдруг решил от нас сбежать, — ведь даже такому секретному человеку, как Карл, нужен кто-нибудь, с кем он может поделиться, как я делюсь с Гансом.

Я стал думать про Ганса, как он чешет спину о косяк двери, как он ждет меня и не понимает, куда я делся, — и совсем забыл, куда я иду. Я нечаянно свернул в нижний коридор и оказался под разрушенной башней. В нижнем коридоре света нет, но в солнечную погоду там

вполне светло из-за того, что в башне слишком много дыр. Через эти дыры сюда проникает не только свет, но и всякий шум снаружи. Я сперва чуть не оглох, когда после тишины в коридоре сразу услышал, как Отто громко бьет в свой рельс, а громкие женские голоса во дворе почти заглушают его звон. Значит, фрау Инге за это время обнаружила мамку. А скорей всего мамка сама на нее набросилась — с нее вполне может стать! В любом случае мне нужно было поскорей бежать через рыцарский зал в кухню, если я хотел узнать, возьмет нас фрау Инге обратно или нет. Для чего бы еще мамке понадобилось не возвращать ей ключи, чтобы тут же тащиться в замок их отдавать? Я свою мамку знаю — она ничего не делает просто так.

Мамка говорит, что я у нее неудачный: когда спешу, всегда делаю все наоборот, — спотыкаюсь на ровном месте и цепляюсь за гладкие стенки, но на этот раз я ей на зло ни разу не споткнулся и даже в рыцарском зале не сбросил на пол ни одного кувшина и не уронил ни одного стула. Но все-таки я неудачный: когда я, наконец, добрался до лестницы, кухонная дверь открылась, кто-то быстро протопал в ванную комнату и открыл воду. Я не мог видеть, кто это был, но дверь в ванную он не закрыл, так что выйти из зала я не мог: а вдруг это фрау Инге или мамка? Голосов я, вроде, больше не слышал, но мне казалось, что я слышу, как Отто продолжает трезвонить.

Кухонная дверь открылась снова, — теперь я сразу узнал шаги фрау Инге, — она торопливо пробежала по коридору в сторону ванной комнаты и тревожно спросила:

— Что случилось? Тебе плохо?

Я немного испугался — может, это мамке плохо? Пару лет назад она сильно болела, ее все время рвало, и фрау Инге лечила ее травами, — а вдруг с ней опять что-то случилось? Она хоть и злая, но все-таки моя мамка. Но я не успел хорошенько испугаться, потому что мамка ворвалась со двора, живая и здоровая, и помчалась в ванную за фрау Инге.

— Ты еще пожалеешь! Ты еще поплачешь! — вопила она на бегу. — Или ты надеешься, что какой-то иност-

ранний бродяга окажется лучше меня? С неба он, что ли, к нам свалился — в дождь, без машины? Ты же понятия не имеешь, кто он такой! А меня ты с детства знаешь!

— В том-то и беда, Марта, что я тебя с детства знаю, — ответил голос фрау Инге. — И потому не хочу больше иметь с тобой дела.

Значит, она вышла из ванной в коридор. Хоть мне ее не было видно, я ясно себе представил, как она стоит, опершись плечом о косяк в своем нарядном сером костюме и в светлых туфлях-лодочках, которые она надела, чтобы нравиться парашютисту. Странно, я ведь мамке ни слова о нем не рассказал — откуда же она знает, что он свалился с неба?

Я услышал мамкины шаги, будто она шла прямо на меня, и прижался к стене, боясь выдохнуть воздух, но она остановилась, не дойдя до входа в зал. Стало тихо, слышно было только, как в ванной по-прежнему сильной струей течет вода. Что они там делали молча — мамка и фрау Инге? Я закрыл глаза и увидел, как фрау Инге наклоняется и снимает с ноги туфлю, чтобы вытряхнуть из неё камешек, а ступней босой ноги, согнутой в колене, упирается во второй туфель. Юбка на ней короткая, чулки прозрачные... нет, лучше чулок совсем нет, и мне видны все тонкие волосики у нее над коленом. Мне стало совсем неважно, что в это время делает мамка, но тут она опять заговорила — тихо и ласково, как она иногда говорит с Вальтером, чтобы позлить Эльзу:

— Ведь и я тебя с детства знаю, Инге. Тебе не терпится побежать к нему в ванную, помыть ему спинку. Что ж, беги, мой! Вот твои ключи, я ухожу. Но ты еще об этом пожалеешь!

Я ждал, что фрау Инге ей ответит, но она молчала. Я-то знаю, как она умеет молчать, когда сердится: смотрит и молчит, — лучше бы ругалась! Мамка ее молчания никогда выдержать не могла, она сразу засуетилась и побежала вон. Шаги — быстрые, сердитые, мамкины — она добежала до кухни, открыла дверь и остановилась. Фрау Инге продолжала молчать.

— И не трудись насылать на меня свои злые чары, — зашипела мамка. — Я теперь тебя не боюсь — у меня есть заступники посильней тебя.

Грохнула дверь, на этот раз она ушла, хоть фрау Инге не была в этом уверена.

— Ральф, идем проверим, ушла она или нет, — позвала она. — И чтобы больше не было непрошенных гостей, ясно?

Даже я понял, что обратно фрау Инге нас теперь не возьмет. Что понял Ральф, не знаю, но дверь опять открылась и закрылась, — они ушли, а в ванной все лилась и лилась вода. Я не мог уйти и так и не узнать, правда ли, что парашютист сидел в ванне и ждал, когда фрау Инге придет мыть ему спину. Если она и вправду собирается мыть ему спину, я обязательно должен на это посмотреть, — по телевизору иногда показывают, что бывает, если женщина моет мужчине спину. Я просто умру, если это не увижу, зато, если увижу, так вместо Инге и Карла я буду играть в Инге и парашютиста.

Хорошо, что я был в носках. Я тихо-тихо поднялся по лестнице и начал красться по коридору в сторону ванной. Наверно, я напрасно так старался, — парашютист все равно не мог бы услышать моих шагов из-за шума воды. Дверь в ванную была распахнута, так что мне ничего не стоило туда осторожно заглянуть. Он совсем не сидел в ванне, он даже не напустил туда воду. Он стоял на коленях перед ванной и мылил руки, а потом смывал с них мыло и мылил опять. Он мылил не только ладони, но и всю руку до плеча, хоть был в клетчатой рубаше с длинными рукавами. Мылил, смывал и опять мылил. И все время что-то быстро говорил на непонятном языке, которого я никогда не слышал.

Вдруг он поднял голову и посмотрел на меня. Я сперва страшно испугался, что он меня застучал, но он меня не увидел, — глаза его смотрели в какую-то далекую точку над моей головой. В этой точке он увидел что-то страшное, потому что он вдруг вскрикнул и упал на край ванны лицом вниз. Я повернулся и бросился вниз — через

потайную дверь в свой подземный коридор, чтобы оттуда через двор — домой, к мамке. Руки и ноги у меня дрожали, и я все время вспоминал, как зазвенела ванна, когда парашютист ударился об нее лбом. От этого в голове у меня тоже стало звенеть, и я несколько раз споткнулся и даже два раза упал и ободрал оба локтя до крови. Но главное, когда я выскочил из подземелья наружу, солнца уже не было и лил сильный дождь, — у нас такое часто бывает. Возле порога налило огромную лужу, и только я вступил в нее, как тут же заметил, что я в носках. Выхода не было, пришлось идти обратно за ботинками, которые я, как пришел, спрятал под лестницей.

Я осторожно прокрался мимо двери в комнаты Отто, вышел на лестничную площадку, стал на колени и сунул руку под лестницу, куда я спрятал ботинки.

Ботинок там не было. Я просто не понимал, куда они могли деться. Я чуть с ума не сошел: ведь я ясно помнил, как я их снял — сначала один, потом другой, — я еще при этом попал в трещину в полу и больно прищемил себе мизинец, — потом я связал шнурки и сунул ботинки вот сюда, в зазор между нижней ступенькой и стеной. Я стал шарить во всех углах, но, конечно, ничего не нашел. Тогда я побежал вниз, потому что мне вдруг показалось, что я спрятал ботинки под плиту, закрывающую подземный ход, но и там их не было.

Я поплелся вверх, на лестничную площадку и снова взялся за поиски. Мне очень хотелось плакать, но я знал, что это мне не поможет, — если я вернусь домой без ботинок, мамка меня просто убьет.

ИНГЕ

Что выкрикивала тогда в коридоре Марта, настойчиво пытаясь протиснуться мимо Инге, чтобы заглянуть в ванную, где непрерывной сильной струей текла вода? Какие-то пророческие проклятия: «Ты еще поплачешь! Ты еще пожалеешь!» И дальше — злобную чушь про иностранного бродягу, о котором Инге ничего не знает.

Инге стояла, прислонясь спиной к запертой калитке, с зажатой в кулаке второй связкой ключей и не спешила вернуться домой, хоть там явно назревала беда. А может, именно потому, что там назревала беда. Она ведь и вправду ничего о нем не знала. И не хотела знать. «Чтобы все осталось так, как началось!» — повторила она собственное давешнее заклинание, предчувствуя перемены и наверняка зная, что ничего никогда не останется таким, каким начиналось. Это знание было из тех ненужных знаний, которые не приносят пользы — во всяком случае, ей, — если даже история с Карлом ничему ее не научила. Ладно, что будет — то будет. Она приказала Ральфу: «Сторожи вход!» И легко взбежала на крыльцо.

Ее встретил знакомый звук водяной струи, с силой падающей на старинный добротный фаянс ванны, который звенел, как пожарный колокол. Ури все так же стоял на коленях, намывая руки в клетчатых рукавах и немедленно смывая с них мыло, чтобы тут же намылить их снова. По полу растекалась большая мыльная лужа, отдельные струйки из которой уже просочились на паркет коридора. Инге решительно протянула руку через голову Ури и закрутила кран.

Не замечая этого, Ури в очередной раз намыллил руки, потянулся к крану и застыл, не понимая, куда девалась вода. Вслепую шаря в воздухе нетвердыми пальцами, он попытался открыть кран, но наткнулся на руку Инге, которая не пускала его это сделать. Он повернул к ней плохо сфокусированные глаза и быстро заговорил на иврите.

Инге опустилась на колени рядом с Ури — прямо в лужу, но ей это было сейчас неважно, — и взяла его лицо в ладони. Он дернулся в ее руках, резко оборвал сам себя и замолчал. Инге боялась, что он начнет вырываться от нее, но он застыл в каком-то смутном оцепенении. Было очень тихо, их молчание нарушали только редкие капли, падающие из крана на звонкий фаянс. От прикосновения Инге к его коже опять охватила совершенно неуместная сейчас животная радость суще-

ствования — ей вдруг стал понятен рассказ о путнике, нашедшем родник после долгих скитаний по безводной пустыне. Ей показалось, что затуманенный взгляд Ури стал постепенно проясняться.

— В чем дело, Ури? — прошептала она, боясь его спугнуть.

Он опять заговорил на иврите. Она передвинула ладони в мелкие впадины за его ушами, нащупала средними и указательными пальцами костные бугорки у начала шеи и начала массировать их осторожными округлыми движениями.

— По-немецки, — шептала она. — Говори со мной по-немецки.

— По-немецки, — повторил он за ней уже по-немецки.

— Да, да, вот так, по-немецки, — подбодрила она его, отмечая, что взгляд его сконцентрировался на ее губах, словно он затруднялся ее услышать и пытался по губам угадать смысл ее слов.

— Ты знаешь, как чмокает человеческая плоть, когда в нее попадает пуля? — спросил он и продемонстрировал, сложив губы трубочкой, — Чмок! Чмок! Потому что воздух всасывается в пробитые пулей дыры. А если трупов много... целая куча трупов...

Он рванулся от нее с такой силой, что она чуть не упала:

— Мне надо помыть руки, видишь, сколько крови... надо ее смыть...

— В чем дело, Ури? Ты кого-нибудь убил? — прошептала Инге, сама ужасаясь своим словам. Глупости, кого он мог убить и зачем? Но если нет, то о чем этот бред? И почему он пришел среди ночи пешком, неведомо откуда, мокрый насквозь и больной? От кого он убежал? Кто за ним гнался? Нет, нет, сама мысль эта была нелепой, таких совпадений не бывает. Не может быть, чтобы все повторилось опять!

Вместо ответа Ури опять сделал попытку открыть кран, а она опять ему не позволила, крепко вцепившись всей пятерней в витое бронзовое кольцо. Ури был

сильней ее, он мог бы преодолеть ее сопротивление, но, натолкнувшись не ее удерживающую ладонь, он разом сник и рухнул на край ванны, безвольно уронив голову на руки. Инге отпустила кран и снова начала массировать его затылок и шею за ушами, чувствуя, как постепенно расслабляются его судорожно сведенные мышцы. Она не хотела ни о чем больше спрашивать и не знала, сколько времени прошло, — ей казалось, что протекла целая вечность молчания, когда он, наконец, заговорил:

— ...кровь... всюду кровь... видишь, вот — на руках, на лице... на стене, на земле, на мусоре... не знаю, почему они не убирают мусор, там всюду мусор, горы мусора... а на мусоре — кровь... мне надо смыть...

Он замолчал и потянулся было опять открыть кран, но она перехватила его руку на лету и, не задумываясь, опустила мокрой ладонью вниз, себе на грудь. Стоять на коленях в холодной луже было страшно неудобно, но она не хотела менять положение, чтобы не спугнуть постепенное возвращение Ури к реальности. Она только решила легонько подтолкнуть его пальцы за вырез своего свитера. Согреваясь теплом ее тела, пальцы слегка расслабились и уже сами двинулись дальше, неуверенно нащупывая сосок. Тогда она пробежала кончиком языка по его шее от уха до ключицы, и он не отстранился. Значит, можно пойти дальше — его физическое доверие к ней было ее единственным оружием против терзающих его химер.

— Где эти горы мусора? — прикикая губами к его уху, прошептала Инге, всей кожей чувствуя его раздражающие пальцы у себя на груди. Он поднял на нее глаза, но взгляд их был направлен на что-то страшное вне ее, вне этой комнаты, вне этой жизни.

— Там лабиринт... узкие кривые улицы, тупики, переулки... за каждым углом баррикады из старых ящиков. Надо бросить гранату прежде, чем они успеют тебя подстрелить... Это все очень просто — кто кого... А они за баррикадами и в окнах с автоматами. Я не хотел стрелять... Но тогда — или я, или они...

Он вдруг резко отстранился от Инге и уперся руками ей в плечи, чтобы не упасть:

— Ты тогда была там? — хрипло спросил он. Нетвердо зная, что лучше — отрицать или соглашаться, она тихо сказала: «Да». Оказалось, что ему этого достаточно. Он заговорил быстро и сбивчиво, так что трудно было различать слова:

— Итай выбежал в тот тупик первый и налетел на засаду, а мы — вслед за ним — я и Эзра. Не знаю, сколько их было — много, с автоматами, а вперед они вытолкнули беременную женщину, совсем молоденькую, с огромным животом... Она плакала и умоляла Итая не стрелять... И он не смог в нее выстрелить, замешкался, на одну секунду... и все... Они начали стрелять из автоматов. Это даже не секунда, это доля секунды... их изрешетило пулями Эзру и Итая, а меня обошло, только чуть поцарапало, но я тоже упал, и они подумали, что нас всех... И засмеялись, загалдели о чем-то по-своему, и тут я выпустил очередь из своего автомата — одну, другую, третью... без счета, пока не расстрелял все патроны, они ведь были очень близко... руку протянуть... Я прикончил их всех, и женщину тоже... Стало тихо-тихо... совсем тихо...

Ури замолчал, с трудом переводя дыхание. Инге подняла его безвольно упавшую руку и нащупала пульс, — сердце нагнетало кровь со скоростью курьерского поезда. Постепенно глаза его стали проясняться, он всмотрелся в нее и узнал:

— Инге? — прошептал он удивленно и огляделся. — Я все время был здесь?

Она потянула его за руку, помогая встать:

— Пошли отсюда, хватит сидеть в луже.

Ури поднялся с видимым усилием, покачнулся и сказал:

— Я тебе что-нибудь рассказывал?

— Конечно. А сам ты помнишь, что ты мне рассказывал?

Он ответил неуверенно:

— Про беременную женщину?

— И про женщину тоже.

Слегка поддерживая Ури за плечи, она повела его в кухню, усадила в кресло у окна и стала задумчиво перебирать свои колдовские флаконы. После долгого молчания Ури сказал почти неслышно:

— Как странно, что я это все сейчас вспомнил. Ведь там, в Израиле, врачи целый год терзали меня, но так ничего и не добились. А тут все вдруг всплыло, будто случилось вчера!

— А когда это случилось? Давно?

— Больше года назад, во время десанта...

— Десанта? — повторила она за ним, будто пробовала это слово на вкус.

— Нас тогда сбросили в тренировочный лагерь палестинцев... в Ливане. Как странно, я совсем все забыл, а сейчас вижу вдруг так ясно, будто это было вчера. Мы бежим по лабиринту... улицы узкие, кривые...

Его зрачки опять начали расширяться:

— ...тупики, переулки... и всюду мусор... горы мусора... а на мусоре — кровь...

Предчувствуя, что он сейчас может снова войти в транс, Инге поспешно перебила его первым попавшимся на язык вопросом:

— Так тебя сбросили с самолета? С парашютом?

— Ну ясно, с парашютом, неужто без?

— Значит, ты — действительно парашютист?

К счастью, Ури не успел еще окончательно углубиться в узкие и кривые улицы своего кровавого кошмара. Он замолчал и уставился на Инге, пытаясь уловить смысл ее вопроса. Через бесконечно долгий миг ее слова дошли до его сознания, и зрачки его сузились:

— Что значит «действительно»? Или ты уже раньше знала, что я — парашютист?

— Было бы преувеличением сказать, что я знала. Просто Клаус всюду болтает, что своими глазами видел, как ты кружил над лесом на порванном парашюте.

— Откуда он мог это взять? Или он тоже занимается черной магией?

Инге сняла с полки флакон с прозрачной бесцветной жидкостью, отвинтила крышку, понюхала, опять

завинтила и решительно поставила флакон обратно на полку. Хватит, больше никакой черной магии, никаких колдовских настоек, она его вылечит и так! Ей хотелось смеяться и плакать одновременно, потому что ничего страшного не произошло, она напрасно всполошилась — это было совсем не такое убийство. Ее склонность к аналогиям завела ее слишком далеко, тем более что Карла никогда не мучила совесть. Она села рядом с Ури и прикоснулась к его щеке:

— Тебя долго лечили?

— Бесконечно! Чуть до смерти не залечили.

— Психологи?

— И психологи, и неврологи, и сексологи, и кто только не лечил! Но, в конце концов все отчаялись и махнули на меня рукой. И на год списали из армии. А из жизни я сам себя списал.

— Почему? Из чувства вины?

— Перед кем?

— Перед твоими друзьями — за то, что они погибли, а ты остался жив.

— В этом что-то есть. Откуда ты знаешь?

— ...и перед той беременной женщиной тоже. Хотя тебе казалось, что про нее ты совершенно забыл.

— Но я забыл!

— Нет, не забыл, а заблокировал от себя память об этом. И осколки запертой памяти надрывали тебе душу...

— Ты что, тоже играешь в эти дурацкие психологические игры?

— Сейчас уже нет, но было время, когда играла. И с большим увлечением.

— Какая же тогда из тебя ведьма?

— Наверно, не такая уж плохая, если я сумела собрать тебя по кусочкам после того, как ты выпрыгнул на лету из окна самолета?

Глаза Ури округлились удивленно, но он не успел спросить, из какого такого самолета он выпрыгнул, — под окном, совсем рядом, раздался знакомый колокольный звон.

КЛАУС

Я вернулся на лестничную площадку и опять взялся за поиски. Не знаю, сколько времени я ползал на коленях, снова и снова заглядывая под лестницу и во все углы в надежде, что ботинки вдруг возьмут и окажутся там, но все было напрасно. У меня даже мелькнуло подозрение, что мамка все-таки заметила меня и нарочно украла ботинки, чтобы меня наказать. Я сел на пол, обхватил голову руками и стал решать, что мне делать дальше. И тут прямо у меня над ухом что-то хрустнуло и забулькало, — этот звук я бы ни с чем не мог спутать: так смеялся Отто. Я вскочил — так оно и было, он сидел в своем кресле у меня за спиной и трясся от хохота. Через ручку его кресла на связанных шнурках болтались мои ботинки.

Я бросился к ним, но Отто ловко дал задний ход и вырулил в свою комнату. Он, если хочет, может очень здорово ездить в своем кресле, он просто любит прикидываться совсем инвалидом и требовать, чтобы его возили. Я побежал за ним, но не слишком быстро, потому что после целого дня с фрау Штрайх он, небось, мечтал с кем-нибудь поиграть. Я, конечно, мог бы его догнать и выхватить ботинки, но он бы тогда сильно огорчился и стал бы скандалить и звонить в рельс. А мне только доставало, чтобы сюда примчалась фрау Инге выяснять, что случилось, и застигла меня в одних носках. Я приворился, что гонюсь за Отто, но споткнулся и упал. Тогда он остановился подальше от меня и стал что-то отстукивать лапой на столе. Вообще-то, простые вещи я у него понимаю, но сейчас в голове у меня все смешалось, и я никак не мог сообразить, чего он от меня хочет. Я стоял, как пень, и смотрел на него, а он стучал и стучал — все время одно и то же, короткое и непонятное. Но постепенно в голове у меня начало проясняться, и я вдруг понял, что он отстукивает: «Вези меня! Вези меня!».

Куда везти, спрашивать было не надо: он всегда хотел, чтобы его везли к фрау Инге. Я показал на свои ноги в носках и сказал:

— Я повезу, только сперва отдай мои ботинки. На улице дождь, а я в носках.

Он сразу сообразил, что раз я говорю про дождь, значит, я собираюсь везти его через двор, а не по подземному коридору. Ну и, конечно, страшно рассвирепел. Он начал озираться вокруг, искать, что бы такое сбросить на пол, но ничего подходящего не нашел. А я тем временем подобрался к его креслу и схватил свои ботинки. Теперь я мог сказать ему всю правду:

— Я больше никуда не буду возить тебя, Отто. Фрау Инге меня уволила.

Он сначала не понял и уставился на меня так, будто я говорю по-китайски.

Тогда я повторил, сам ужасно огорчаясь от того, что говорю:

— Отто, я больше сюда не приду, — фрау Инге меня уволила.

И тогда он, наконец, понял. Он ведь совсем не дурак — Отто. Он просто не умеет говорить, а так он умнее многих. Отто стал задыхаться, будто хотел что-то сказать, но слова застревали у него в горле. Он так сильно покраснел, что я даже немножко струсил, — я уже пару раз видел, как ему становится плохо. Но он быстро отошел и снова стал отстукивать: «Вези меня! Вези меня!». Теперь ему уже было все равно, как я его повезу, через двор или по подземному коридору, лишь бы повез.

Я быстро надел ботинки, но шнурки завязывать не стал, потому что у Отто никогда не было большого терпения, а тут он совсем голову потерял и опять начал задыхаться. Я взялся за спинку кресла и тут же понял, почему он так требовал, чтобы я его вез: батарейки почти сели, так что без меня бы он никуда не доехал. Интересно, куда он тут мотался, — ведь фрау Штрайх всегда проверяет батарейки перед уходом? Но я не стал ничего у него спрашивать, а выкатил кресло во двор, — дождя уже не было, но и солнца тоже: оно закатилось за высокую башню, потому что начинало темнеть. Я и не заметил, как провозился в замке столько времени. Я на секунду подумал, что мамка уже там вся обыскалась и не может

понять, куда я делся, но вспомнил, как она заорала, чтобы я за ней не ехал, и решил, что так ей и надо. Я подвез Отто к высокому крыльцу, которое ведет в кухню, и остановился, потому что дальше ехать было некуда. Когда замок перестраивали после смерти фрау Лило, мамы фрау Инге, Отто тогда как раз заболел и разучился говорить, и фрау Инге построила ему отдельные комнаты в старой части замка — удобные въезды для кресла сделали там и в конце подземного коридора. А со двора к фрау Инге не сделали. Мамка говорит, будто фрау Инге нарочно устроила так, чтобы Отто не мог врывать к ней в спальню, когда ему вздумается, а то она не сможет водить к себе мужиков без помехи. Мамка думает, что все такие, как она, а я для нее — не помеха.

Дверь в кухню была закрыта, а окна зашторены, но свет в окнах горел. Я не знал, что делать. Я мог бы поставить кресло с Отто внизу и позвать фрау Инге, но тогда она увидит, что я болтаюсь в замке без разрешения. А мог бы просто бросить Отто возле крыльца и убежать, пусть они сами разбираются, все равно я уже у них не работаю. Я так и решил сделать, но Отто догадался, что я хочу его оставить, — только я отпустил ручки кресла, как он начал со страшной силой колотить в рельс. Штора отодвинулась, и в окне появилось лицо фрау Инге. Она увидела нас с Отто, как-то странно взмахнула руками, будто собиралась взлететь, но не взлетела, а просто выбежала на крыльцо. Она стояла в дверном проеме, как картина в раме, — но вовсе не в своем нарядном сером костюме и в туфлях-лодочках, как я себе представлял. На ней были джинсы и короткий свитер такого цвета, как ее волосы, — я раньше никогда этого свитера не видел, в нем она была еще красивей, чем всегда. Она спросила:

— Что ты тут делаешь, Клаус?

— Я с Отто. Он попросил привезти его сюда.

— А как ты сюда попал? Почему ты не ушел вместе с матерью?

Я открыл было рот, чтобы объяснить ей, что я пришел сам по себе, без мамки, но испугался, что тогда

придется рассказать ей про подземный ход, а про это рассказывать было нельзя, я ведь поклялся на крови. Но я все равно ничего бы не успел сказать, потому что Отто начал опять громко стучать лапой по рельсу. То, что он требовал, даже я смог сразу понять. Он все повторял и повторял: «Хочу Клауса! Хочу Клауса!». За спиной фрау Инге появился парашютист, волосы и рукава рубахи у него были мокрые. Может, мне показалось, но, по-моему, с них капала вода. Фрау Инге стояла в дверях, упираясь рукой в косяк, и не пускала его выйти на крыльцо, так что он смотрел на нас через ее плечо, будто пытаюсь понять, кто мы такие и чего подняли такой шум. Все еще не пропуская его, она повернувшись к нему и сказала особенным голосом, каким в телевизоре объявляют программу на завтра:

— Познакомьтесь: Отто, это — Ури, наш новый работник. А это — Отто, мой милый старый папа. Я надеюсь, что вы станете друзьями.

Я даже не знал, что она такая врунья, — ничего себе милый папа! Он однажды на нее рассердился и чуть не откусил ей палец, вот какой он милый! И какое странное имя — Ури, я никогда такого не слышал. Отто оно, наверно, тоже показалось странным, — он откинулся на спинку кресла и захрипел, будто задыхался. Но на этот раз волноваться было нечего: он точно притворялся, я его штуки знаю. Фрау Инге тоже было трудно обмануть, она сказала:

— Ладно, ладно, Отто, оставь. Ты к нему привыкнешь. А сейчас Клаус отвезет тебя обратно и через час привезет к ужину.

Как только она сказала про ужин, Отто сразу перестал притворяться и затих. Но я ничего не понял:

— Как же я его привезу, если нас с мамкой уволили?

Тут Отто снова застучал свое: «Хочу Клауса! Хочу Клауса!».

Фрау Инге прикусила губу, внимательно разглядывая нас с Отто, будто первый раз увидела:

— А тебя я не увольняла, только твою мать.

Я ужасно струсил:

— Но она ни за что не согласится. Чтоб я — без нее.

— Ничего, — сказала фрау Инге сердито, будто сама с собой спорила, — за деньги согласится. А ты пока вези Отто к себе, сейчас дождь пойдет.

Пока мы с фрау Инге пререкались, парашютист Ури молча стоял за ее спиной и всматривался в Отто. Сейчас он вдруг отвел ее руку от косяка, шагнул на крыльцо к самым перилам и тихо сказал:

— Здравствуйте, господин Губертус. Мы ведь с вами уже знакомы, не так ли?

Тут и вправду снова начался дождь, но мы с фрау Инге этого даже не заметили. Мы так и онемели от удивления: когда он успел познакомиться с Отто и узнать, что его фамилия — Губертус?

УРИ

— Немка ли она? Ты имеешь в виду ее национальность? Конечно, немка. Только перестань кричать, мама. Пожалуйста, перестань, а то я брошу трубку и больше не буду тебе звонить. Ну вот, так лучше. Естественно, помню. Ну и что? Она тут ни при чем, ее тогда и на свете не было. Ее отец? Возможно. Не знаю, эсэсовец или нет, но возможно. Да, могу мириться, могу, мне плевать на ее отца! При чем тут моя бабушка? Я думал, ты обрадуешься, ты ведь уверяла меня, что мой душевный покой тебе важнее всего. А-а, есть вещи важнее? Какие дети? Я пока детей заводить не собираюсь. Ну не знаю я, не знаю — год ли, месяц ли, неделя, не хочу думать! Мама, ма-ма, ма-ма, пре-крати! Ни в коем случае! Ты ведь не можешь ступить на эту землю. Вот и не надо, не ступай. Почему — никогда не увидишь? Тут сейчас газовых камер нет. Ради Бога, мама! Мне жаль тебя огорчать, но мне действительно тут хорошо. Хватит, все, целую. Последний вопрос? Ладно, давай — но только последний. Что я в ней нашел?

Ури подбросил на ладони оставшиеся монеты и усмехнулся:

— Она как две капли воды похожа на тебя. Чем? Ни за что не отвечаю, это уже следующий вопрос.

И он с облегчением повесил трубку. Чудно — ему удалось усмирить мать всего за семь марок и тридцать пфеннигов. Дешево отделался, можно сказать, если учесть, как серьезно начала вдруг воспринимать жизнь легкомысленная Клара, что было ей совсем не к лицу. После гибели мужа, отца Ури, в первый день йом-кипурской войны в нее словно бес вселился, и она ринулась сжигать себя в бесчисленных кратких любовных авантюрах, утверждая, что жизнь не имеет ни цели, ни смысла. А теперь она ни с того, ни с сего начала заботиться о том, что будет завтра. Она не могла понять простой истины, открывшейся Ури в том залитом кровью тупичке: что никакого завтра нет, есть только случайное стечение обстоятельств. Десятки пуль, выпущенных в одну секунду дюжиной вражеских автоматов, чудом обошли его, — случай, не задевая его тела, провел их траектории через тела Эзры и Итая. А он остался жив, хоть мог умереть и перестать быть, как Эзра и Итай. В этом не было ни его вины, ни его заслуги, — он остался жив по ошибке, которая может быть исправлена в любой момент.

Ури вышел из телефонной кабинки, приютившейся в дальнем уголке кабачка «Губертус» возле курочки и петушка — парных дверей в туалет. Он был здесь в первый раз после того, как его занесло сюда в ту нелепую смурную ночь, память о которой была почти смыта волнами горячего бреда. В полутемном низком зале было пусто и тихо, только где-то за дверью — наверно, на кухне — скучно бубнило радио:

«...когда мы поем, мы держимся за руки и раскачиваемся все вместе, а еще лучше, если мы обнимаем друг друга, потому что души общаются друг с другом через тело... когда кто-нибудь кладет мне руку на грудь или между колен, он проникает в мою душу еще глубже...» — монотонно рассказывал женский голос.

Ури огляделся. Слева высилась стойка бара, увенчанная кофейной машиной и бессчетными кранами впрессованных внутрь пивных бочек, справа зеленело

обширное поле зеленого бильярдного стола, за ним выстроились отделенные друг от друга решетчатыми перегородками обеденные столики под красно-белыми клетчатыми скатертями. Над стойкой висели вниз головой окольцованные бронзовыми зажимами крупные бутылки с янтарными коньяками местного производства. Пространство между баром и бильярдом было густо уставлено длинными пивными столами из хорошо оструганного некрашеного дерева, вдоль которых тянулись такие же деревянные лавки. Было очевидно, что в этом заведении пили гораздо больше, чем ели. Рядом с бильярдом переливался всеми цветами радуги и весело попискивал экран игрового автомата.

Со стен на Ури глядели бесчисленные Губертусы, искусно вырезанные из узловатых хитросплетений древесных корней. Они выглядели, как портрет одного и того же человека в разные минуты и годы его жизни — в молодости и в старости, в беде и в радости, в гневе и в застольной беседе. Было что-то магнетически притягательное в этих хитрых мордах с узкими пронизательными глазами и ощеренными бородатыми ртами, так что Ури не мог оторвать от них взгляд, невольно прислушиваясь при этом к сбивчивому женскому голосу, звучащему по радио. Это была одна из тех раздражающих передач, когда кто-то неумело рассказывает свою историю, а ведущий не перебивает, чтобы вернее следовать правде жизни:

«...а в свечном воске смешаны душистые травы, от которых голова кружится... когда мы долго поем, мы становимся как один человек, будто поем одним голосом все, и тогда наши слова доходят прямо до Бога, и он слышит наши просьбы. В тот момент, как он нас слышит, демоны зла покидают наши души, и нас пронзает яркий свет... мы все падаем на пол, как попало — кто на колени, кто ничком, и начинаем кататься по полу... к нам приходит озарение, и силы зла уже не могут нам повредить...»

Хлопнула дверь, и за спиной Ури что-то звякнуло. Он оглянулся, — за стойкой стояла хмурая костлявая

женщина с потухшей сигаретой в углу рта и старательно терла тряпкой зеркально чистую поверхность между кофейной машиной и пивными бочками. Ури понял ее появление как намек, что ему пора что-нибудь заказать, и попросил кружку темного пива. Монотонный голос продолжал бубнить за закрытой дверью, но разобрать слова уже было невозможно. Нацелив полкружки, кабатчица долго отстаивала пиво, пока осядет пена, чтоб долить доверху, так что у Ури было полно времени ее разглядеть. Он никак не мог вспомнить, видел ли он ее в тот вечер, хотя лицо у нее было запоминающееся — этакий женский вариант Губертуса: тот же кочковатый нос, те же узкие пронизательные глаза, разве что без бороды, хоть, впрочем, какая-то щетина топорщилась у нее на подбородке.

Фрау Губертус тем временем тоже внимательно разглядывала Ури и делала какие-то выводы из того, что увидела.

— Три пятьдесят, — не сводя с него глаз, сказала она.

Ури достал из кармана пригоршню монет и бросил на стойку. Он чувствовал себя почти Крезом — вчера он получил свою первую двухнедельную зарплату. Вполне приличную, если учесть, что работа его состояла только из ухода за свиньями и строительства холодильника. Забой свиней Инге взяла на себя.

Кабатчица отсчитала свои три с полтиной и вопро- сительно уставилась на него снова:

— Я могла вас тут раньше видеть?

Ури ссыпал оставшуюся мелочь в карман и отхлебнул пиво, — это был божественный продукт, в котором горечь гармонично сочеталась с терпкой сладостью:

— Как-то поздно вечером я заходил к вам, чтобы спрятаться от дождя.

Лицо кабатчицы озарилось каким-то потусторонним восторгом, будто упоминание ночного визита Ури в кабачок открыло перед ней новые, ей одной ведомые горизонты. Она рывком отворила дверь в кухню и позвала хриплым прокуренным голосом:

— Марта! Хватит сказки рассказывать, неси мне чистые кружки!

Голос резко оборвал свою речь на полуслове — значит, это было вовсе не радио! — и на пороге появилась толстая баба с подносом чисто вымытых пивных кружек. При виде Ури она застыла на пороге кухни, словно новые горизонты открылись и перед ней. Женщины быстро обменялись полувзглядом-полукивком, и Марта, не отрывая глаз от лица Ури, с таким размахом поставила поднос на стойку, что одна кружка соскользнула с него и закачалась на самом краю.

— Смотри, куда ставишь! — взвизгнула кабатчица, ловко подхватывая кружку почти на лету, но сталкивая при этом на пол весь поднос. Рассыпавшиеся кружки со звоном покатались во все стороны. Из кухни вопросительно выплянул высокий мужчина средних лет, судя по повадке — хозяин кабачка. Его мелкие правильные черты странно не вязались с очень светлыми, почти прозрачными выпуклыми глазами от совершенно другого лица.

— Что за шум, Эльза?

Кабатчица пожала плечами и, не удостоив его ответом, начала собирать кружки.

Толстая Марта присоединилась к ней, а хозяин стал цедить из бочки пиво, лениво разглядывая два мелькающих перед ним зада — тощий и пышный, от чего в его прозрачных глазах вспыхивали и гасли многоцветные сполохи. Ури взял свое пиво и сел в дальнем малоосвещенном уголке, пытаясь сообразить, не та ли это Марта, которая пару раз приходила в замок скандалить. Хозяина он теперь вспомнил: и голос, и глаза, и имя — Вальтер.

Хлопнула входная дверь, и в кабачок вошли двое — кажется, встречавшийся уже здесь крепкий мужик средних лет с большой пластиковой сумкой в руке и молодой бритоголовый парень, затянутый в черную кожу со стальными бляшками — может, и этот знакомый, по поезду? Парень, громко цокая подковками высоких сапог, буркнул «Грюсс Готт!», прошел к игровому автома-

ту, бросил в него монету и начал сосредоточенно играть, а мужик бережно опустил свою сумку на стойку, куда Эльза кончала ставить последние кружки.

— Все, все, все! Спешите познакомиться с нашей ведьмой из замка! — высоким голосом ярмарочного зазывалы выкрикнул он, распуская стягивающие горло сумки тесемки.

«Гейнц!» — предостерегающе крикнула Эльза, указывая глазами на Ури, но было поздно: Гейнц (точно — Гейнц, его Ури тоже вспомнил) уже извлекал из сумки искусно вырезанную из длинного корня куклу. Толстая Марта радостно захохотала и захлопала в ладоши, — кукла и впрямь была похожа на Инге. Это была уродливая злая карикатура, но суть сходства была уловлена с большим мастерством. Пока Марта злорадно тискала куклу, словно пыталась причинить ей боль, Эльза что-то тихо говорила Гейнцу, многозначительно поглядывая в угол, где сидел Ури. Вальтер тоже прислушивался к ее словам, медленно прихлебывая свое пиво. Цветные сполохи в его странных глазах вспыхивали еще ярче, — то ли там отражались всплески красок на экране автомата, то ли зажженные Эльзой лампочки в центральной люстре, увенчанной старинным оранжевым абажуром с шелковыми кистями.

Не говоря ни слова, Вальтер поставил еще одну кружку под пивной кран, а затем взял из ящика острый нож и, сняв с крюка висящий над стойкой круг сырокопченной колбасы, бросил его на деревянную доску и стал умелыми ровными взмахами строгать его на тонкие, почти прозрачные кольца. Закончив свою работу, он полюбовался полученным натюрмортом, добавил к нему обе кружки — свою и вновь нацеженную — и, аккуратно ступая среди лавок, понес его к угловому столику, где сидел Ури.

— Со знакомством! — сказал он, опуская доску на стол перед Ури.

Ури не успел ответить, потому что в это время каждый парень выиграл у автомата горсть монет и под их перезвон радостно провозгласил:

— Наше правительство — говно!

Присутствующие отозвались на его слова веселым гулом, а парень со звоном швырнул свои монеты на стойку и приказал:

— Пива на всех!

Эльза подставила по кружке под каждый кран и вышла из-за стойки, чтобы протереть лишний раз зеркально чистые столы по соседству с Ури, а Вальтер придвинул доску с колбасой поближе к Ури и спросил:

— Надолго вы к нам?

Каждой клеточкой кожи ощущая напряженное внимание всей рассеянной по кабачку аудитории, Ури пожал плечами:

— Еще не знаю. Смотри как пойдет, — и услышал, как прямо над его ухом недобро хихикнула Марта. Он оглянулся: Марта стояла за его спиной возле игрового автомата с куклой в руках, делая вид, что кукла нажимает на кнопки, и следя за маневрами Вальтера. Ури даже не заметил, как она туда прошла. Он вдруг явно почувствовал холодящий перехват дыхания под ложечкой, — почти забытый сигнал тревоги, предупреждающий, что он попал во вражеский лагерь.

Вальтер быстрым движением приподнялся и, перегнувшись через спинку лавки, шлепнул Марту по оттопыренному заду, в ответ на что она взбрыкнула ногой, но не обернулась и продолжала играть с куклой. Эльза выплюнула в пепельницу свою погасшую сигарету и рывкнула:

— Марта! Пора чистить картошку!

Тут Марта оглянулась на Вальтера, словно ища защиты, но тот и бровью не повел. Тогда она нехотя положила куклу на стойку и вышла на кухню. Вальтер проводил ее глазами и снова повернулся к Ури:

— Вы в замке работаете, да?

Ури осторожно кивнул, — правила поведения во вражеском лагере требовали быть сдержанным и по мере возможности учтивым, пока дело не дошло до стрельбы.

— Что ж, со знакомством! — громко провозгласил Вальтер, надвигая на Ури доску с пивом и колбасой. —

Угощайтесь, раз мы теперь соседи. Я — Вальтер Мерке, это моя жена — фрау Эльза Мерке, а вас как звать?

Ури приподнял кружку и вежливо отхлебнул пиво, хоть пить ему больше не хотелось.

— Очень приятно, Ури Райх.

— Так вы не итальянец? — удивился Вальтер.

— Нет, я из Израиля.

В кабачке стало вдруг очень тихо, будто все присутствующие на миг оцепенели и даже перестали дышать. Кожаный парень вдруг крутнулся на каблуках и, не дожидаясь своего пива, стремительно вышел. Опять воцарилось молчание, которое, наконец, нарушила Эльза:

— Значит, вы — не итальянец, а еврей?

— Я — израильтянин, — терпеливо пояснил Ури.

— Почему же вы так хорошо говорите по-немецки? — вопрос Эльзы звучал почти как обвинение, и Ури почувствовал, как сдержанность покидает его:

— Потому что мои предки были немецкие евреи, и это был их родной язык.

— А ваши предки, они что, погиб...? — начала Эльза и не закончила, потому что Вальтер перебил ее на полуслове:

— Ты что, ослепла? Там пиво через край переливается!

Эльза ахнула и, не выпуская из рук свою неразлучную тряпку, бросилась к стойке и стала торопливо закрывать краны на бочках. Гейнц взял одну из свеженалитых кружек и стал стряхивать с нее пузырящуюся пену, то и дело вопросительно поглядывая на Вальтера, пока тот, наконец, не позвал:

— Иди к нам, Гейнц, и захвати вилки.

Зажав в кулаке три вилки с деревянными черенками, Гейнц готовно устремился к ним и отодвинул лавку, готовясь сесть:

— Вы не возражаете, если я присоединюсь?

— Присоединяйся, присоединяйся, колбасы всем хватит. Колбаска у меня — первый сорт, сухая, как янтарь, — похвастался он. — Из свинок фрау Инге.

Гейнц одним глотком опрокинул пиво в рот и склонил к Ури свое крупное грубое лицо с твердым раздво-

енным подбородком, заглядывая ему в глаза хитрыми глазами не успевшего еще состариться Губертуса. От него приятно пахло табаком и древесным лаком.

— Ты не думай — ничего, что я тебя на «ты»? — так ты не думай, что мы имеем что-то против фрау Инге. Это все — шутка, дружеская шутка между соседями, понимаешь — ты ведь ничего не имеешь, что я на «ты»? Мы ведь тут живем, как одна семья, она — в замке, мы — в деревне, а вокруг лес и никого больше, только мы и она. Если не пошутить, тут от тоски с ума сойти можно, тут ведь никого больше нет — только мы и она. Ты меня понимаешь?

Судя по частым повторам, эта кружка пива была у него сегодня не первая и не вторая, но нити разговора он все еще не терял. Не зная местного деревенского этикета, Ури не мог решить, следует ли ему выступить на защиту своей хозяйки, или он, наоборот, должен проявить понятливость и посмеяться невинной шутке вместе со всеми. Поэтому он решил сменить тему и вместо ответа указал на обильно увешанные Губертусами стены:

— Это все — ваши работы?

— Мы же договорились перейти на «ты», — по-дружески упрекнул его Гейнц и гордо осклабился. — А работы — все мои. Нравятся?

— Очень, — честно похвалил его Ури.

Гейнц все время пытался подцепить на вилку прозрачный ломтик колбасы, а тот никак не давался. Наконец Гейнцу это надоело, он бросил вилку и сгрёб пятерней несколько ломтиков враз:

— То-то же! Мы хоть и в глухомани живем, а тоже художники! — похвастался он, почему-то уважительно говоря о себе во множественном числе, из-за чего Ури его не понял:

— Так вас здесь целая группа?

— Да нет, какая группа — это все я один. Кроме этих трех, — Гейнц указал в противоположный угол, — видишь, они почернели от старости, их сделал мой отец, он меня и научил. Вальтер, — обратился он к кабатчи-

ку, подхватив в щепоть пару лепестков колбасы, — поставь нам еще по кружке пива, а то колбаска посуху не идет. Ведь Дитер-фашист за все заплатил, чего ж добру пропадать?

Вальтер секунду посомневался — идти за пивом или не идти, и нашел решение:

— Эльза! — крикнул он, не вставая, — дай-ка нам еще по пиву!

Эльза послушно принесла всем по кружке, но и себя не забыла и тоже села на лавку рядом с Гейнцем, словно зритель в ожидании спектакля. Холодящий спазм у Ури под ложечкой все не проходил, продолжая настойчиво предупреждать об опасности. А Гейнц, потихоньку потягивая пиво, спросил участливо:

— А как ты со стариком ладишь?

— Да никак, — соврал Ури. — Старик как старик.

— А я слышал, он тебе каждый день норовит нервы попортить.

Собственно, этого следовало ожидать: в таком замкнутом пространстве слухи и сплетни должны циркулировать с двойной скоростью. Небось и Клаус, и фрау Штрайх, приходя по вечерам в кабачок, с наслаждением смакуют подробности жизни в замке. А слушатели блаженствуют, обсуждая в деталях, как старый тиран Отто измывается над новым работником дочери, или, еще пикантней, — над ее новым любовником. Эта тема наверняка всех занимает — хоть вряд ли они что-то знают, но уж подозревают в свое полное удовольствие, можно не сомневаться! Откровенничать с Гейнцем, во всяком случае, не следовало.

— Да я к старику никакого касательства не имею, — сказал Ури, скрывая глаза за поднесенной к губам кружкой, хоть пиво, честно говоря, у него уже из ушей сочилось. — Я ведь ухаживаю за свиньями, а не за ним.

Ури так и не понял, почему его слова вызвали такой феерический взрыв смеха. Смеялись все, — и Вальтер, и Гейнц, и Эльза, и даже Марта, подслушивающая за кухонной дверью. Особенно веселился Гейнц — он ка-

чался из стороны в сторону и громко хлопал себя по ляжкам, повторяя сквозь счастливые слезы:

— Ой, не могу! За свиньями, а не за ним! — ой, убил, просто убил: за свиньями, а не за ним! Убил и все!

Отсмеявшись, он перегнулся через стол и почти любовно заглянул Ури в глаза:

— Ты скажи честно — ведь тебе это непросто, да?

— Что именно — непросто? — осторожно осведомился Ури, испытывая неловкость от этого неза заслуженного и ненужного ему дружеского участия.

— Ну, мириться с человеком, у которого такое прошлое.

— А какое у него прошлое? — спросил Ури, тут же рассердившись на себя за этот дурацкий вопрос: какое ему было дело до прошлого Отто? И зачем было спрашивать, если он не хотел ничего знать?

Но мяч, сдуру им брошенный, был тут же с готовностью подхвачен:

— А ты не знаешь? — жарко задышал ему в лицо Гейнц. — Она тебе не сказала? Он ведь комендантом был... Отто... а она не сказала... комендантом лагеря. Там, в карьере, — ну знаешь, где камень рубят? — там всю войну работали в карьере, заключенные... они камень для военных сооружений добывали — для бункеров и дотов... я точно не знаю, для чего, меня тогда еще не было... но все знают — там был лагерь, и Отто был комендант... ему руку в России оторвало, так что на фронт его послать было нельзя, но коменданту можно и с протезом...

— Ну, а мне какая разница, кем он был? — опять не удержался Ури, хоть уже наперед знал, что он сейчас услышит, — он ведь столько раз слышал это от Клары. И точно:

— А то, что заключенные там были эти..., ну, ваши, — с торжеством сказал Гейнц и обернулся за поддержкой к Валь-теру. — Расскажи ему, Вальтер, что ты видел, когда ходил во время войны в лес за грибами.

Вальтер сосредоточенно уставился на Гейнца, явно сиюсья перехватить какое-то сообщение, — от напряже-

ния радужные сполохи погасли в его бледных глазах, и они стали совсем пустые и прозрачные.

— Ты ведь мне рассказывал, как вы искали грибы на вырубке за карьером, помнишь? — подначивал его Гейнц.

Вальтер какой-то миг всматривался в лицо Гейнца, словно старался увидеть там нечто потустороннее, только им двоим ведомое. Длилось это считанные доли секунды — полувзгляд, полувопрос, полутверждение — и глаза Вальтера заискрились с новой силой:

— И что я там видел?

— Что ты спрашиваешь? Ты ведь сам рассказывал — людей с желтыми звездами!

Похоже, Гейнца начинала сердить тупость Вальтера, но тот наконец ухватил суть беседы:

— Ну да, с желтыми звездами, конечно!

И вдохновенно повернулся к Ури:

— Давно это было, я уже стал забывать. А ты помнишь, Эльза? — спросил он жену и тут же пояснил:

— Она ведь мне двоюродная сестра, отцы были на фронте, вот мы и жили одной семьей — почти как сейчас. Так мы с ней часто ходили в лес собирать грибы, есть-то было нечего. И проходили мимо карьера — там наверху полно грибных мест. Там все было затянато колючей проволокой, но сверху было очень хорошо видно. Ты помнишь, Эльза? — повторил он, словно ища подтверждения.

Эльза перегнулась назад через скамью, взяла из пепельницы на соседнем столике выплюнутую ею недавно потухшую сигарету и сунула ее в рот:

— Ясно, что помню. Там за проволокой работали люди с желтыми звездами на рукавах...

— На рукавах и на груди... А среди них ходил Отто и бил их своей железной лапой. С размаху бил, куда придется, — подхватил Вальтер.

Он уже увлекся собственным рассказом и больше не нуждался в суфлерах:

— А однажды, перед самым концом войны, мы увидели, что за колючей проволокой пусто, никого нет. Мы,

конечно, тогда ничего не понимали, — ей было шесть, а мне восемь, — но потом мы узнали, что всех евреев из карьера увезли в специальное место... ну, ты сам знаешь, зачем.

— Говорили, что Отто сам загонял их в крытые грузовики, — вмешался потерявший терпение Гейнц, — Разве вы не видели этого, Вальтер?

Вальтер вопросительно поднял глаза на Эльзу, которая нерешительно сдвинула брови и, слегка оттопырив нижнюю губу влево и вверх, коротким толчком вытолкнула маленькую порцию воздуха через зазор между верхней и нижней губой. Ури уставился на нее, не веря своим глазам, — выходило, что прелестная эта гримаска, выражающая и замешательство, и смущение одновременно, не принадлежала ни матери, ни Инге, а была национальным достоянием всех немецких женщин, даже таких, как Эльза.

Эльза тем временем поборола замешательство и одним махом пресекла дальнейшие попытки Гейнца вовлечь ее и Вальтера в опасную авантюру.

— Ничего такого мы не видели, — твердо сказала она.

Гейнц смерил ее с ног до головы сердитым взглядом, но она ответила ему взглядом не менее сердитым, — они выглядели при этом, как пара Губертусов, ощерившихся друг на друга с противоположных стен кабачка. Ури чуть было не усмехнулся, заметив это сходство, но вовремя сдержался, догадываясь, что вежливость запрещает ему усмешки и смешки при подобного рода рассказах. Больше всего ему сейчас хотелось прекратить этот мучительный разговор, косвенно повторяющий навязшие в зубах столь же мучительные рассказы матери, но он не знал, как сделать это, не нарушая местных приличий.

Тем более, что Гейнц явно не склонен был отступать. Смирившись с тем, что Вальтер и Эльза отказали ему в поддержке, он попробовал зайти с другой стороны:

— Ты видел, тут был Дитер-фашист — тот, с бритой головой, что пиво заказал? Так можешь расспросить его деда, он работал в карьере охранником.

— О чем я буду его расспрашивать? — отмахнулся Ури, не зная, как увернуться от назойливости Гейнца, не вступая с ним в конфликт. Но тут, на его счастье, с улицы раздался автомобильный гудок: он и не заметил, как фургон Инге подкатил к кабачку. Все взгляды обратились к окну с таким сосредоточенным интересом, будто они сейчас увидели Инге впервые в жизни. Направляясь к выходу, Ури заметил за кухонной дверью Марту: она погасила на кухне свет, чтобы лучше видеть происходящее в зале, и ее лунообразное лицо странно светилось в полутьме, словно источало какую-то скрытую энергию.

Ури легко сбегал с высокого крыльца кабачка и пошел к фургону, всматриваясь на ходу в улыбающиеся ему навстречу глаза Инге. Она улыбалась, не догадываясь, что ему все известно, и не предчувствуя, какая волна черной ярости начала захлестывать его с той секунды, как он вырвался из пронизанного враждебными биотоками пространства кабачка. Он подошел, рывком распахнул дверцу кабины и протянул ей руку. Все еще улыбаясь и ничего не подозревая, она охотно приняла его ладонь в свою, а он стиснул ее пальцы стальной хваткой и сказал сквозь зубы:

— Выходи! Я сам поведу!

Ресницы ее дрогнули, но она не стала спорить, — она покорно отстегнула ремень и вышла, давая ему возможность сесть за руль. Ури с трудом подавил острое желание рвануть с места и умчаться, оставив ее в растерянности у дверей «Губертуса», — у него все-таки хватило ясности ума на то, чтобы не устраивать ей сцены на виду у всех. Инге наверняка уже поняла, что он в смятении, но не стала ничего спрашивать, — она села рядом с ним, молча затянула ремень и предоставила ему самому начать разговор.

Доехав до моста, Ури не стал подниматься вверх, к замку, а свернул налево и погнал фургон на большой скорости по узкой дороге, вьющейся вдоль заросшей камышами реки. Несколько минут они рискованно мчались по извилистой ленте асфальта в полном молчании. Вдруг перед мысленным взором Ури возникло много-

рядное шоссе Иерусалим — Лод, по которому он перед отлетом в Европу гнал машину матери в аэропорт. Все было так похоже, — пелена ярости, застилающая ему глаза, и напряженное молчание женщины на пассажирском сиденье. Изменился только пейзаж: сейчас вдоль шоссе мерно покачивался глухой хвойный лес, зеленый массив которого был в отдельных точках отнесен начавшей краснеть к осени листвой редких дубов и кленов.

Но у Инге не было тренированного терпения Клары, и она, в конце концов, не выдержала:

— Что там стряслось, Ури? Что они тебе сказали?

Он с трудом разлепил закушенные до боли губы:

— Ты прекрасно знаешь, что они мне сказали.

— Что-то про отца, да?

— Почему ты сама мне не рассказала?

— Потому что там нечего рассказывать.

— Но почему ты мне не рассказала?

— Потому и не рассказала, что нечего рассказывать.

Он еще сильнее нажал на газ:

— Прямо-таки нечего?

Она обеими руками вцепилась в ремень, словно стараясь удержаться на месте, и выкрикнула:

— Нечего, нечего, нечего!

— А почему ты сначала пыталась скрыть его от меня?

— Я просто не стремилась тебе его показать!

— А кто были те заключенные, что работали в его лагере?

— В каком лагере? Они сказали тебе, что здесь был лагерь? Они просто негодяи!

— Ты хочешь уверить меня, что здесь не работали люди с желтыми звездами на рукавах?

Он повернулся к ней всем телом, забыв на миг об узкой дороге, вьющейся по берегу извилистой реки. Тогда Инге вдруг сбросила с плеча ремень и, перегнувшись через сиденье, резким движением перехватила руль.

— Сейчас же останови машину! — выдохнула она.

Фургон рвануло вбок, и Ури автоматически нажал на тормоз. Их понесло было по наклонному лугу вниз к реке, но он стряхнул с себя руки Инге и в последний,

почти безнадежный миг умудрился вывернуть назад на асфальт, где, слава Богу, не было встречных. Все это продолжалось какую-то долю секунды, но и этой доли было достаточно, чтобы ярость погасла в его душе, не оставив там даже струйки дыма, а только вялое недоумение, — чего, собственно, он так взбесился? Что ему до тех несчастных евреев, которых убивали тут, в Германии, сволочи-нацисты? Ему, конечно, было по-человечески их жалко, но не больше, чем других — армян, например, или цыган. Когда они проходили эту тему в школе, все в его классе дружно решили, что с ними — с израильтянами — такого случиться бы не могло. Что это за люди, которые соглашаются добровольно идти на убой?

Он повернулся к Инге, — она сидела, откинувшись на спинку сиденья, и по щеке ее катилась слеза. Неожиданная нежность к ней заставила его бездумно протянуть руку и кончиком пальца стряхнуть эту слезу:

— Не плачь. Ведьмам не положено плакать: у них слезы, небось, ядовитые.

Она улыбку наскувала сквозь слезы и потерлась щекой о его ладонь:

— Ну, как ты мог им поверить, что бы они ни сказали?

— Сам не знаю. Может, они меня заворожили? Вы тут все играете в чародеев-разбойников.

— А что же они, все-таки, сказали?

— Что в лагере твоего отца работали люди с желтыми звездами на рукавах.

— С желтыми звездами? — она почти задохнулась от возмущения. — Какая гнусная ложь! Имей в виду, это — объявление войны. Теперь вся деревня будет вести войну не на жизнь, а на смерть — против нас с тобой.

— На черта им эта война? — спросил он, касаясь губами ее щеки и чувствуя, как тело его становится невоском от пронзительной радости этого прикосновения. Она решительно отстранила его и снова надела ремень:

— Поехали домой. Я объясню тебе по дороге.

Развернуться на узкой, нависшей над рекой дороге было непросто, и ему удалось это не без усилия. Они медленно покатались назад, перелистывая в обратном

порядке стремительно промчавшиеся мимо них раньше живописные опушки и причудливые химеры, созданные природой из выветрившихся красных скал. Инге несколько раз глубоко вдохнула воздух, чтобы немного успокоиться, и сказала:

— В нашей деревне живут очень сердитые люди. Они всегда сердятся на весь мир, друг на друга, и особенно на меня.

— А на тебя за что?

— Причин полно. За то, что я — дочка Отто, что я живу в замке и с ними не дружу, за то, что я не делаю стирку в тот день, когда положено, — господи, да разве можно все перечислить? А теперь вот — еще из-за тебя.

— Потому что я — еврей?

— Это ты из-за желтых звезд? Да нет, я думаю, на то, что ты еврей, им наплевать. Им важно, что ты чужой. А желтые звезды просто пришили им кстати, чтоб лучше вбить между нами клин. Их выбрал кто-то умный и сердитый — уж не Гейнц ли?

— Ты права, Гейнц. А за что он на тебя сердится?

Инге прикусила губу и ничего не ответила.

— Не за то же, что ты белее не по правилам стираешь? — продолжал настаивать Ури.

— Ну, Гейнц., — она на миг замялась, — он ведь брат Марты. Кроме того, мы с ним учились в одной школе, он был на несколько классов старше.

— Это еще не повод сердиться. У тебя, что ли, был с ним школьный роман?

— Наоборот, у меня не было с ним школьного романа!

— А он добивался?

— Вообще-то да, добивался.

— Ну, а ты что?

— А что я? Ты же его видел.

— Что ж, это уже причина сердиться.

Они уже въезжали в деревню. Укрепленная на полосатом столбике белая стрелка с синей готической надписью «Нойбах» указывала на площадь с памятником жертвам мировых войн в центре. Мощенная красноватым булыжником улица спускалась от площади к мосту, разворачи-

вая перед глазами Ури многоцветную панораму избегающих вверх по холму домов. Пестрая россыпь черепичных крыш на зеленом склоне напомнила ему картины примитивистов в парижском музее, которыми так восхищалась мать. Каждый двор был украшен индивидуальным орнаментом цветочных клумб, изобретательно разбитых в самых неожиданных предметах домашнего обихода — в прогнивших деревянных бочках, в старых тачках, в выдолбленных древесных колодах, в почерневших котлах, в огромных плетеных корзинах, подвешенных на столбах. Искусно подобранные радужные сочетания цветов в клумбах соперничали в яркости с гирляндами цветущей герани — бледно-розовой и рубиново-красной, — висящей в горшках под окнами и на балконах.

Ури отпустил окно — в кабину ворвался легкий ветерок, настоенный на аромате хвои, цветов и скошенной травы.

— Не понимаю, как люди, живущие в таком райском месте, могут сердиться?

— Может, это место выглядит таким райским именно потому, что они сердятся на всякого, кто нарушает их священный порядок... Глянь наверх!

Она показала на торчащий над верхушками деревьев высоченный каменный столб, увенчанный на конце алым фаллическим утолщением:

— Это — Чертов палец, вокруг него в полнолуние пляшут лесные черти. Ходят слухи, что это души некоторых наших соседей. Наплясавшись всласть, они возвращаются в свои дома и вползают под одеяла в свои спящие тела.

— И Гейнц, конечно, один из них?

— Уж он-то наверняка.

Они переехали через мост и начали взбираться по крутому серпантину вверх на гору. На одном из витков серпантина навстречу им вынырнул маленький синий «Гольф». За ветровым стеклом мелькнуло бледное лицо, полускрытое большими квадратными очками. Лицо качнулось сверху вниз — то ли в прощальном приветствии, то ли в немой укоризне — и через миг синий «Гольф»,

аккуратно обогнув фургон, скрылся за спиральным изгибом сбегающей вниз дороги.

— А эта дама, — спросил Ури, — тоже из них?

— Фрау Штрайх? Конечно! Она из заправил, — не пляшет, а дирижирует оркестром!

Ури почувствовал, как смех щекотнул ему горло, и в который раз подивился той легкости, с какой они понимали друг друга с полуслова.

— Ну, а у тебя какая там роль?

— Увы, я туда не вхожу, я другой породы. Они оборотни, а я — чародейка, лечебница, понимаешь? Меня они особенно не любят: я хоть и ведьма, но не танцую с ними возле Чертова пальца. Я — не совсем чужая и не совсем своя.

Тут, как всегда неожиданно, из-за поворота возник замок. И хоть Ури уже не впервые подъезжал к нему снизу, эта полуразрушенная химера цвета предгрозового заката, отороченная темной зеленью вековых елей, каждый раз заново поражала его своей неуместностью в мире телевизоров, компьютеров и межконтинентальных ракет. Малиново-красная зубчатая стена, по всей длине испещренная частыми узкими бойницами, скрывала от постороннего взгляда свежотремонтированный фасад первого этажа и сверхсовременный свинарник. Но зато она подчеркивала и оттеняла всю древнюю красоту высокой круглой башни в центре и двух квадратных, тоже зубчатых башен разного роста и разного возраста, охраняющих замок с двух сторон. Правая из квадратных башен, хоть и древняя, но не вполне сохранная, задней стеной сливалась с нависающим уступом мощной красной скалы, отвесно уходящей вверх и вниз. Левое крыло было вовсе нежилым, башня над ним частично обрушилась, а глазницы сохранившихся кое-где стрельчатых окон смотрелись черными провалами в свете заходящего солнца.

Глянув на эти черные провалы, Ури вдруг вспомнил:

— Послушай, Гейнц принес сегодня в кабачок свое очередное творение. Оно — женского пола, и зовут его «наша ведьма из замка».

— И что, эта ведьма сильно похожа на меня?

Ури уже перестал удивляться способности Инге угадывать недосказанное:

— Похожа, черт бы ее подрал! Страшная, уродливая, а похожа!

Глаза Инге потемнели от внезапно расширившихся зрачков, и Ури показалось, что она чего-то испугалась:

— Ты что, когда-то всадила в его сердце хорошую занозу?

Инге не ответила, погруженная в какие-то свои мысли, и это задело Ури:

— Ну хорошо, предположим, у тебя не было школьного романа с Гейнцем. А с кем был?

— Не было у меня никакого школьного романа.

— Вот уж в это позволь мне не поверить!

— Можешь поверить — я просто не успела. Я сбежала из дому, когда была в предпоследнем классе.

— Что значит — сбежала из дому?

— Господи, ты настоящий маменькин сынок, если не понимаешь, что это значит!

— С кем же ты сбежала?

— Сама с собой. Вырвалась, как из тюрьмы после очередного приступа клаустрофобии.

— А что тебе было не так? Неба — вдоволь, леса — вдоволь, тишины — вдоволь.

— Вот именно — тишины! Попробовал бы ты в семнадцать лет пожить в полной тишине!

— И куда же ты вырвалась в семнадцать лет?

— В мир — понимаешь? В огромный мир. Где было полно людей, грохота, машин, самолетов, всего, чего мне не хватало здесь.

— И как, понравилось?

— Я сначала вовсе голову потеряла. И стала мотаться по всему свету, как неприкаянная.

— На чем же ты моталась? На помеле?

Ури сам удивился тому, как ехидно прозвучал его вопрос, но Инге этого словно не заметила:

— Нет, помела мне тогда еще не полагалось. Я моталась на самолетах.

— То есть?

— Господи, ну стюардессой я была, стюардессой! Кто еще летает по миру, не платя за билет?

— Прямо в семнадцать лет ты стала стюардессой?

— Конечно, не сразу. Мне сначала пришлось изрядно помыкаться. Я была и официанткой, и кассиршей на бензоколонке, пока не добралась до школы стюардесс. Там я почувствовала, что нашла свое место.

— И долго ты летала?

— В общей сложности восемь лет, с перерывами. Сперва на «Люфтганзе», потом на «Тай-Эр», потом опять на «Люфтганзе».

Ури присвистнул, остановил машину и устался на Инге.

— Что ты так смотришь? Я надеюсь, ты отдаешь себе отчет, что я намного старше тебя?

Он, конечно, давно понял, что она старше его, но не стал утруждать себя арифметикой, — какое это могло иметь значение для временного их союза? Однако в его сознании она была неразрывно связана с замком, была его неотъемлемой частью, — как красная зубчатая стена или полуразрушенная квадратная башня. А эти годы, проведенные ею где-то в большом мире, неизвестно с кем и в каком круговороте, неизвестно в каком небе — от Канады до Таиланда, — меняли ее образ и его отношение к ней. Он вдруг с тревогой почувствовал, что она ускользает от него, как пригоршня воды, — только что он держал ее в своей ладони, и вот она уже просачивается сквозь пальцы и утекает, оставляя его наедине с его жаждой. И он испугался этого чувства, — он еще не был к нему готов. И потому он нажал на газ и молча рванул фургон вверх, не желая больше спрашивать Инге о ее прошлом, в которое он вовсе не хотел быть вовлечен.

ОТТО

Клаус включил телевизор, подкатил кресло Отто поближе к экрану и пошел к вешалке, где висела его куртка.

«Ты куда?» — всполошившись, заколотил в рельс Отто, но этот наглый болван притворился, что не понимает. Отто уже изучил все его уловки: он переставал понимать, когда ему это было выгодно. Однако Отто не собирался весь вечер торчать в одиночестве перед телевизором, — ему давно надоели все их идиотские погони и убийства. А уж их комедии и подавно — у него прямо скулы сводило от скуки при одном звуке этого дурацкого искусственного смеха, которым они надеялись его завлечь. Он мог бы велеть этому болвану поставить какой-нибудь фильм на новый видео, который дочь недавно подарила ему на день рождения, но все свои фильмы он пересмотрел уже по три раза, а взять что-нибудь новое в видеотеке она и не подумала, — конечно, теперь ей было не до него! Отто отстучал Клаусу: «Не смей уходить!», но тот и глазом не повел — напялил куртку и пошел к двери. На пороге он все же остановился и сказал:

— Не надо так шуметь, Отто, я все равно уйду. У меня сегодня спевка.

Тут Отто вспомнил, что этот кретин и впрямь поет в церковном хоре и, надо признать, поет не так уж плохо. Особенно сладко он пел пару лет назад, до того, как голос его начал ломаться, хоть его дебильная рожа изрядно портила картину церковного благообразия. Что ж, раз у него сегодня спевка, значит, удержать его все равно не удастся. Сообразивши это, Отто стал колотить в рельс еще громче, чтобы его услышала Инге.

Отто не помнил, любил ли он свою жену, хотя помнил, что звали ее красивым именем Лило — «фрау Лило», как называли ее в деревне: некий смутный безликий силуэт со струящимися по плечам волосами. Даже голос ее выпал из его памяти по дороге из одной больницы в другую. Неужели он прожил с этой тенью без глаз и без голоса больше тридцати лет? Иногда он напрягался, пытаясь вспомнить ее черты, но видел перед собой только дочь. Он давно понял, что любил он только Инге. Иногда он терял связь с реальностью и ему казалось, что она и была фрау Лило. В такие минуты нестерпимая ревность выжигала в его душе остатки всех других чувств.

Именно такой приступ ревности накатил на Отто сейчас — ему казалось, что он бесконечно долго зовет дочь, а она вовсе не спешит к нему, потому что отдается в это время другому. Призывно колотя лапой в рельс, он, растравляя себя все сильнее, представлял себе разные замысловатые подробности этой любовной игры. Он так увлекся своими эротическими фантазиями, что не услышал, как Инге вошла в комнату. При виде дочери он так было возликовал, что готов был простить ее измену, но тут же снова задохнулся от ненависти, потому что она посмела привести с собой своего возлюбленного еврейчика.

Отто, собственно, ничего не имел против евреев, хоть и относился к ним с осторожностью, как к зверям чуждой породы. Но этого еврейчика он невзлюбил с того первого дня, когда тот появился в замке. Причин для этого было предостаточно, — хватило бы уже одного того, что дочь тайно приволокла его среди ночи и долго лечила, чем возродила в памяти Отто историю с проклятым Карлом. А если к этому добавить молодость, красоту и ловкость рук еврейчика в любом деле, — Отто всегда старался объективно оценивать своих соперников, — то даже болвану стало бы ясно, что большой надежды быстро избавиться от него нет: эта порочная сладострастница наверняка употребит все свои чары, чтобы задержать такого жеребца подольше. Оставалось рассчитывать на то, что тот сам захочет сбежать. В этом Отто готов был ему помочь, тут он мог быть щедр и великодушен, — оставалось только найти его уязвимое место. Отто давно уже понял, что у каждого человека есть уязвимое место, а его, Отто, единственное оружие — найти это место и умело нанести удар.

— Папа, — объявила Инге с притворной лаской в голосе, — поехали ужинать ко мне. Ури тебя отвезет.

Отто гневно полыхнул на нее глазами и хотел было отстучать наказ, чтобы этот тип не смел прикасаться к его креслу, но не успел — сильные руки еврейчика быстро покатали его через двор. Отто беспомощно затрепыхался, заподозрив ловушку, — почему через двор, ведь

там же ступеньки? Но дочь не заметила его беспокойства, она шагала рядом с креслом, не отрывая глаз от лица своего красавца, и взгляд ее был красноречивее всяких слов. Даже на Карла она никогда так не смотрела. Что ж, тем хуже для нее, — и с этим тоже придется покончить. И как можно скорей.

Нельзя сказать, чтобы любящая дочь часто приглашала Отто ужинать вместе с ней. Гораздо чаще она забегала к нему сама, чтобы покормить его ужином, если нельзя было поручить это Марте или Клаусу. Но если уж его везли к Инге, то по подземному коридору, который кончался специальной пологой дорожкой, ведущей из рыцарской трапезной в комнаты дочери. Как же ему было сейчас не взволноваться, не понимая, куда его молодой соперник катит его кресло? Тем более, что Отто за это время уже немало крови этому типу попортил разными мелкими придирками и проказами, в которых он заставлял принимать участие то Клауса, то курицу Штрайх. А вдруг этот тип намерен отомстить беспомощному старику? Вообще-то Отто не любил думать о себе, как о беспомощном старике, но сейчас ему понравилась такая формулировка, — очень уж хотелось, чтобы кто-нибудь его пожалел.

Однако оказалось, что беспокоился он напрасно. Эти двое умудрились притащить откуда-то большой металлический лист, которым они накрыли ступеньки крыльца, так что еврейчик вкатил кресло в кухню без всякого труда. Стол был красиво накрыт на троих — фарфор, хрусталь, старое серебро. Это сразу не понравилось Отто: что они затевают, уж не собираются ли сообщить ему о своей помолвке? Ему только не хватало, чтобы Инге вышла замуж! При мысли о такой опасности Отто опять забылся и на миг вообразил, что это его Лило собирается на его глазах замуж за чужеродного молодца. Как называл его Клаус — парашютист? Его Лило — замужем за парашютистом! Он стукнул лапой по столу, но стол был старинный, и даже фарфор не дрогнул, не говоря уже о серебре.

— Видишь, папа, все в порядке, ты напрасно волновался, — улыбаясь, сказала «Лило», — Ури все устроил так, чтобы тебе было удобно.

Тут Отто очнулся, узнал Инге, — конечно, это была Инге, а не Лило! — и вдруг почувствовал, что он ужасно устал. Голова у него закружилась, и ему стало страшно, что дочь рассердится на него за его глупую ревность и перестанет о нем заботиться. Инге тем временем повязала ему салфетку и стала кормить его протертым супом из зеленого горошка. Суп из зеленого горошка был его любимый, так что он почти успокоился и даже ни разу не пролил суп изо рта на салфетку. Он уже забыл про парашютиста — он помнил только, что дочь взяла его к себе и кормит его протертым супом. Полный любви и благодарности, он с трудом повернул к ней свою свинцово-тяжелую голову и лизнул ее руку. И тут вдруг парашютист напомнил о себе:

— Вы еще помните ваш лагерь в карьере, господин комендант?

Рука Инге дрогнула, уронила ложку, и зеленые капли супа обрызгали чистую салфетку Отто. Он не сразу понял суть вопроса, но немедленно почувствовал смещение дочери, а значит, ее зависимость от его ответа. А он никогда не мог устоять от соблазна нанести удар кому угодно, если уж представлялась такая возможность. Надо было только понять, в чем сейчас состоит слабость дочери. Отто сосредоточился и, желая выиграть время, отстучал краткое: «Повтори вопрос!», хотя тут же сообразил, что этот чужак его не поймет.

Однако парашютист был, видно, парень не промах и знал азбуку Морзе — он понял вопрос и повторил:

— Вы еще помните ваш лагерь в карьере, господин комендант?

Мысль испуганно заметались в голове Отто — о чем он? Какой лагерь, какой карьер? Но напряженное лицо дочери не просто говорило — оно кричало, что она боится ответа отца. А значит, имеет смысл ответить утвердительно, а там будет видно.

«Помню, конечно.» — бесшабашно отстучал он.

Инге молча смотрела на него, но он постарался не встретиться с ней глазами, потому что она умела превращать свое молчание в наказание. Несмотря ни на

что, ему стало весело, потому что парашютист не удовлетворился его кратким ответом, а спросил снова:

— И много евреев у вас там было?

Инге продолжала молчать, но Отто уже было все равно: он понял, как он сможет выжить еврейчика из замка. Это оказалось даже слишком просто. Он резво поднял лапу и отступал:

— «Много.»

— Сколько?

— «Всех не упомнишь!»

КЛАУС

Я с утра привез Отто на кухню, потому что фрау Инге и фрау Штрайх должны были замесить и разделить на порции 200 килограммов теста для праздника в деревне. Праздник начинался сегодня вечером, и мне надо было уйти раньше всех, чтобы носить с ребятами по улицам большого дракона, которого много лет хранили в специальной комнате при церкви. Перед самым моим уходом, когда я уже кончал пить кофе с бутербродами, фрау Инге вдруг предложила Ури поехать в деревню вместе со мной.

— Возьми мой велосипед, — сказала она ему, — и посмотри, как ребята носят по улицам дракона. А я приеду за тобой, когда мы с фрау Штрайх кончим раскатывать тесто.

— Какого дракона? — удивился Ури, который, оказывается, ничего про нас не знал. И я тоже немножко забыл, что случилось с этим драконом, хоть каждый год мы поем об этом, когда носим его на шестах по деревне.

Фрау Инге и фрау Штрайх стали хором ему рассказывать, как дракон влюбился в прекрасную принцессу, похитил ее и запер в нашей башне, — это было очень давно, тогда замок был серый, и в нем была только одна высокая башня, а других еще не было. И случилось чудо: принцесса полюбила дракона и поцеловала его, и он превратился в прекрасного принца. Они поженились и

стали вместе жить в замке. Все было бы хорошо, но вместо детей у них рождались только маленькие дракончики. Бедная принцесса так стыдилась этих несчастных дракончиков, что скрывала их от всех, и каждый раз, как у нее рождался новый дракончик, она никому ничего не рассказывала, даже мужу, а ночью прокрадывалась на самый верх башни и бросала своего младенца вниз, так что он разбивался насмерть на скалах. Но однажды ночью принц проснулся и заметил, как его жена крадется в башню с корзинкой в руке. Он потихоньку пошел за ней следом, потому что был очень ревнивый и думал, что у нее свидание с кем-то, кто с самого начала был рожден человеком. Он спрятался за дверью и увидел, как она вынула из корзинки маленького дракончика, поцеловала его и бросила вниз, в пропасть. Тогда принц страшно закричал от боли и превратился обратно в дракона. Увидев это, принцесса зарыдала и сама бросилась вниз. Кровь ее разбрызгалась по всей окрестности, и с тех пор наши скалы стали такие красные.

— А дракон? — спросил Ури.

— А дракон пополз в деревню: он так долго был человеком, что разучился ходить по-драконьему, — сказала фрау Штрайх, быстро раскатывая тесто.

— Пока он полз, его чешуя цеплялась за камни и кусты, и кровь брызгала во все стороны, так что вся земля у нас в лесу тоже стала красная. В конце концов, он приполз на центральную площадь и умер, — закончила рассказ фрау Инге, и мне стало так жалко дракона и принцессу, что я чуть не заплакал, хотя тысячу раз все это слышал.

— Мало вам ваших чертей и ведьм, вам еще понадобилось дракона погубить! — засмеялся Ури, а Отто засверкал на него глазами так, будто хотел его прожечь насквозь. Может, мне кажется, но Отто, по-моему, терпеть не может Ури.

— Ты готов, Клаус? Езжайте уже, — поспешно сказала фрау Инге, перехватив взгляд Отто. Она, наверно, тоже заметила, что Отто не выносит Ури.

Мы с Ури вывели велосипеды и покатали вниз по дороге. Мне было весело ехать с Ури, тем более что вниз ехать всегда легче, чем вверх, и погода стояла хорошая, как бывает каждый год, когда у нас в деревне праздник. Листья в малиннике вдоль дороги начали краснеть, и в воздухе летали тонкие паутинки. Ури спросил, для чего надо готовить так много теста, и я сказал, что для лукового пирога.

— А где же лук? — спросил Ури.

Но я не знал, что ему ответить. Потому что все прошлые годы мамка помогала фрау Инге резать лук для начинки. Они сидели на кухне, стучали ножами и плакали, а на всех столах и подоконниках высились горы нарезанного лука. Запах по всему замку стоял такой, что мне тоже хотелось плакать. Я не знаю, что случилось в этом году, но я слышал, что лук для начинки будут готовить профессорши из Верхнего Нойбаха, которые поссорились с фрау Инге из-за ее знаменитого рецепта: они считали, что их рецепт лучше.

Когда мы подъехали к церкви, ребята уже вытащили дракона на улицу и прилаживали к нему шесты, на которых мы будем его носить. Дракон провисел целый год в темной комнате в огромном мешке, сложенный, как гармошка, и потому выглядел печальным и помятым. Невозможно найти такую комнату, в которую можно было бы поместить нашего дракона и не помять, — когда мы несем его по улице, голова его подходит к «Шпаркассе», а хвост все еще тащится вдоль булочной, а ведь между «Шпаркассой» и булочной стоят дома нашего пастора и фрау Штрайх.

Ури сел на скамейку возле памятника жертвам, а я пошел помогать ребятам приводить дракона в порядок. Дракона сшили очень давно из цветных лоскутков и натянули на проволочный каркас, но каждый год его приходится чуть-чуть чинить — подшивать порванные лоскутки, подкрашивать красным пятна крови на шее и на хвосте и распрямлять помятый каркас. Когда все было готово, каждый из нас взял свой шест, и мы пошли по улицам. Мы шли, пили пиво из банок и пели песню

про дракона и принцессу. Я-то пива не пью и не знаю, стали бы они меня брать с собой, если бы я не пел лучше всех в церковном хоре.

Я очень люблю петь, — мне кажется, что когда я пою, люди забывают, какой я идиот. Только не наши ребята, они всегда помнят все плохое. И даже когда мы ходим по улицам с драконом, они все время напоминают мне, что я не такой, как они. Они стараются наступить мне на ногу или больно ущипнуть. Но сегодня никто из них не решался меня обидеть, потому что я пришел с Ури.

Ури не носил дракона вместе с нами, а бродил среди палаток и киосков, которых было без числа, — их поставили за одну ночь на площади и на лужайке перед школой, и они будут тут стоять сегодня и завтра, пока не кончится праздник. Но все почему-то знали, что Ури пришел со мной, и Дитер-фашист опять показал мне кулак, а я показал ему язык. И тогда он пригрозил мне:

— Ты лучше держи свой мерзкий отросток за зубами, а то я тебе его отрежу!

Я так и не понял, чего он от меня хочет, но сразу испугался, и мне расхотелось в сотый раз петь про дракона и принцессу. Мы наверно уже тысячу раз проперлись вверх по холму, а потом вниз к реке, потому что наша деревня построена так, что все улицы идут то снизу вверх, то сверху вниз. Руки у меня болели, я устал все время держать над головой этот дурацкий длинный шест, а в горле у меня совсем пересохло — ведь я не пил пиво и пел громче всех. Так что, когда кто-то больно наступил мне на ногу — раз, и еще раз, — потому что Ури отстал от нас, разглядывая профессорские дома в Верхнем Нойбахе, я бросил свой шест и побежал вниз по улице. Они закричали мне вслед:

— Клаус, ты куда? Мы же еще не кончили!

— Брось его! Он побежал поссать!

— Да нет, он побежал менять штаны, — он уже усался!

— Ты усался, Клаус? Уссался, да, Клаус? Клаус усался! Клаус!

Но я не остановился, хоть всю дорогу слышал их крики «Клаус! Клаус уссался! Клаус!». Я припустил к себе домой, представляя себе, что мамка приготовила мне на ужин. Но мамки дома не было и ужина тоже. С тех пор, как она перестала работать в замке, она почти каждый вечер уезжает в город, если только Эльза не зовет ее убирать и мыть посуду в кабачке. Меня она совсем забросила, потому что злится, — она хотела забирать всю мою зарплату, а фрау Инге сказала, что 20 марок она будет каждый раз отдавать мне. А кроме того, мамке, наверно, обидно, что мне можно ходить в замок, а ей нет.

«Ну и ладно, уехала и уехала!» — сказал я сердито. Я нарочно старался по сильнее на нее рассердиться — вместо того, чтобы заплакать. Я теперь реже плачу, и мамка жалуется, что я стал очень злой, и, конечно, валит все на фрау Инге, будто это она меня заколдовала. На себя она никогда ничего не валит, у нее всегда кто-то другой виноват. Она ведь знает, что я не люблю ходить на праздник без нее, потому что там собираются все те, которые надо мной смеются. Я бы и сейчас не пошел, но она не оставила мне ничего на ужин. А на площади понастроили разных киосков и в каждом продавали что-нибудь вкусное — сосиски с капустой, гирсы с булкой или жареных кур. У меня прямо слюнки потекли, когда я об этом вспомнил.

Я побежал на площадь и остановился возле киоска с курами — их было, наверно, сто штук, а может, даже больше. Они не были готовы и еще крутились на вертелах над огнем, но выглядели замечательно: видно было, что коричневая корочка на каждой курице уже хрустит. По всей площади пахло вкусным дымом, в центре на высоком помосте играл оркестр, и хозяин булочной Петер пел в микрофон. Он пел очень веселую песню про каких-то девушек в лесу, и все, кто пил пиво на площади, подпевали и размахивали пивными кружками. Всем было весело, только мне было грустно — я не знал, кто, кроме мамки, захочет ходить со мной среди киосков и палаток. Наверно, никто не захочет. Я купил половинку курицы на алюминиевом подносе и стал ис-

кать хорошее место, чтобы ее съесть. Мне было очень жалко денег, — курица стоила шесть марок пятьдесят пфеннигов — на эти деньги я бы мог целую неделю играть на автомате в «Губертусе», но делать было нечего: я здорово проголодался.

И тут я увидел Ури и фрау Инге. Они стояли возле тира, где можно было купить десять патронов и стрелять по мишеням. Ури стрелял, а фрау Инге смеялась. Я подошел к ним поближе и стал со своей курицей так, чтобы они могли меня заметить. Мне очень хотелось, чтобы они меня позвали и чтобы все вокруг увидели, как они со мной разговаривают, не думая, что я такой уж идиот. Ури выстрелил еще раз, фрау Инге захлопала в ладоши, и хозяин тира Мартин — он держит в соседнем городке магазин детских игрушек — бросил на прилавок большого розового плюшевого мишку. Этот мишка висел у него на витрине с позапрошлого года, но никто не мог столько раз подряд попасть в мишень, чтобы его выиграть. Фрау Инге взяла мишку на руки, как ребенка, огляделась вокруг и увидела меня.

— Клаус! — весело позвала она — Иди сюда, мы с Ури хотим подарить тебе этого медведя!

Как раз в этот момент Петер допел свою песню, а музыканты кончили играть и стали пить пиво из кружек, которые они прятали под попитрами, так что на площади стало тихо, и все уставились на фрау Инге и на меня. Мне стало очень весело и хорошо, только руки у меня были в курином сале, и я сначала вытер их салфеткой, затем бросил поднос и салфетку в урну, а потом пошел к фрау Инге. Все вокруг стояли молча и смотрели, как я иду к ней, а она улыбается и протягивает мне плюшевого мишку.

И тут прямо мне навстречу откуда-то из темноты выскочила мамка. На ней был белый чепец и белый передник — значит, она никуда не уехала, а просто мыла пивные кружки в каком-то соседнем киоске. Она шагнула между мной и фрау Инге и протянула руку к мишке:

— Забери назад своего зверя, Инге, — сказала она, глядя фрау Инге прямо в глаза, — И не надейся, тебе не

удастся так заморозить моего ребенка, что он перестанет меня любить.

Фрау Инге все еще продолжала протягивать мне медведя, но рука ее вроде как ослабела и начала опускаться вниз, будто этот игрушечный медведь стал для нее слишком тяжелый.

— Ты сама не понимаешь, что говоришь, Марта, — сказала она растерянно, и мне стало страшно, потому что я раньше никогда не видел, чтобы фрау Инге растерялась. Тут оркестр заиграл снова, и булочник Петер схватил свой микрофон и сунул в рот, будто собирался его проглотить. Мамка под музыку сделала еще один шаг к фрау Инге и обеими руками оттолкнула ее руку с медведем. Фрау Инге покачнулась и прижала медведя к груди, чтобы не уронить его на землю, а мамка приблизила свое лицо к ее лицу — для этого ей пришлось встать на цыпочки, потому что фрау Инге намного ее выше, — и зашипела:

— Оставь его в покое, Инге! Зачем он тебе, такой идиот?

Это она про меня.

С этими словами она повернулась и пошла в свой киоск мыть бокалы и кружки. А мы остались втроем посреди толпы, которая уже давно про нас забыла и снова размахивала полными кружками и пела вместе с Петером про трех лихих чертей, нашедших одно золотое колечко. Фрау Инге все еще прижимала моего медведя к груди, будто не знала, что ей с ним делать дальше. А Ури подмигнул мне, взял у нее медведя и потащил ее за руку к тиму:

— Не огорчайся! Лучше давай опять купим патронов и я отстрелю тебе что-нибудь получше. Что ты хочешь, тот большой крендель или деревянный башмачок?

Но когда Ури подошел к тиму, Мартин начал поспешно закрывать ставни киоска с криком:

— Закрыто на перерыв!

— Какой перерыв? — не понял Ури.

— Законный перерыв! Каждый человек имеет право облегчить свой мочевой пузырь, — выкрикнул Мартин, повесил замок на киоск и быстро зашагал на школьный

двор, куда еще вчера вечером привезли вагончики-сортиры на колесах.

— Здорово ты его напугал своей стрельбой! — усмехнулась фрау Инге, и тут я увидел, что у Ури на плече висит пластиковая сумка, из которой выглядывают уши двух плюшевых зайцев. Значит, он еще до моего прихода настрелял тут несколько призов! То-то Мартину так приспичило в сортир!

— Может, подождем, пока он вернется? — спросил Ури, но фрау Инге решительно подхватила его под руку:

— Не стоит: он теперь будет сидеть в уборной, пока нам не надоест ждать. Лучше идем, я покажу тебе нашу печь, пока там еще не собралась толпа. Это очень знаменитая печь — она стоит тут с шестнадцатого века, топится один раз в году, и только в ней можно испечь наш знаменитый луковый пирог, ради которого сюда приезжают даже из дальних городов.

И она повела Ури вверх по ступенькам через узкий проход между церковью и школой к нашей знаменитой печке. Когда они повернулись ко мне спиной, мне вдруг стало очень обидно, что они унесли моего плюшевого мишку и не взяли меня с собой, и я, наконец, заплакал. Мои глаза, наверно, были на мокром месте еще с тех пор, как я пришел домой и не нашел там мамку, потому что слезы так и хлынули у меня из глаз. Мне очень хотелось, чтобы Ури заметил, что я плачу, и позвал меня идти с ними, но он уже ушел вверх по лестнице руке об руку с фрау Инге и с моим плюшевым мишкой под мышкой.

Я стоял, обливаясь слезами, и смотрел им вслед.

И тут я услышал смех — не хохот «Го-го-го!», как смеются наши ребята, и не визг «И-и-и-и!», как смеется мамка, а просто смех «Ха-ха-ха!» — не знаю, как объяснить. Я подумал, что смеются надо мной, и осторожно повернул голову в сторону большого дерева — туда, где смеялись. Под деревом, дымя сигаретами, стояли профессора и профессорши из Верхнего Нойбаха. Сразу было видно, что они оттуда — они не нафрантились в нарядные платья и пиджаки с галстуками, как все другие люди, а приперлись на праздник все, как один, в

джинсах, кроссовках и в простых майках. Можно было подумать, что они сбежали из детского дома для сироток, — я этих сироток видел как-то, когда мамка еще не разочаровалась и таскала меня по врачам.

УРИ

— Ты заметил этих, в джинсах? — спросила Инге, опираясь согнутой рукой на потемневшие от долгого употребления черепицы, облицовывающие верхний свод печи. Нижний свод, покрытый многовековой копотью, уходил далеко вглубь плотного каменного тела печи, скрывая от постороннего глаза могучую чугунную решетку колосников. Спичка в руке Ури погасла, и он, разогнувшись, оказался лицом к лицу с Инге:

— О ком ты?

— Видишь, вон, под деревом, с сигаретами? Нет, левей, за тиром, в джинсах и в кроссовках?

— Ну вижу, и что?

— Это наши профессора из Верхнего Нойбаха!

— А-а, те, с которыми ты поссорилась из-за рецепта лукового пирога?

— Ты, оказывается, все наши мелкие шплетни знаешь!

Прозвенела в голосе Инге едва уловимая досада, или ему это показалось? Она вроде бы уже жалела, что затеяла этот разговор, но отступать было поздно и ему, и ей:

— Неужели ты и вправду поссорилась с ними из-за какого-то дурацкого рецепта?

— Ты что, всерьез спрашиваешь? — сверкнула она глазами и уточнила:

— Во-первых, это они со мной поссорились, а не я с ними.

— А во-вторых?

— А во-вторых, я могла бы тебе рассказать, что легенда о луковом пироге играет в жизни нашей деревни почти такую же роль, как легенда о драконе. Но я не стану морочить тебе голову, потому что в нашем споре... нет, это был не спор... в нашей, ну...

Она запнулась, подыскивая слово.

— ...размолвке? — подсказал Ури.

— Да нет, это не просто размолвка. Это раскол.

— Всюду жизнь! — засмеялся Ури.

— Вовсе не смешно! — вспыхнула Инге, — Причина нашего раскола гораздо глубже, чем спор из-за кухонного рецепта. Хочешь, расскажу?

— Наше ли еврейское дело вникать в причины войны Нибелунгов?

Прикинувшись наивным простачком, Ури заткнул уши, потому что вовсе не хотел впутываться в их деревенские дразги, но она силком отодрала его руки от ушей и горько пожаловалась:

— Ну, послушай меня! Или ты думаешь, мне легко жить, имея в друзьях только тирана-папочку, кретина Клауса и курицу Штрайх?

Он было сжалился над ней и приготовился слушать, но тут вокруг печи вдруг началась большая кутерьма. Первым пришел Гейнц и ловко разжег на колосниках веселый огонь, в который два молодых парня в высоких сапогах со стальными гвоздиками начали подкладывать мелко наколотые сухие полешки, заранее заготовленные в поленищах под школьным забором.

Как только в печи заплясало пламя, на ветвях всех кленов в школьном дворе вспыхнули десятки разноцветных лампочек и осветили притаившиеся под церковной стеной длинные столы, на которых стояли дубовые бочонки, наполненные золотистыми шарами теста. Возле столов уже выстраивались ряды нарядных матрон в белых кружевных фартуках и в белых крахмальных чепчиках. Завершив построение, они разом, как по команде, высыпали на каждый стол горки муки из холщовых мешков и стали проворно раскатывать тесто на небольшие лепешки размером с десертную тарелку.

Ури на миг показалось, что он оказался на оперных подмостках, с которых сейчас слаженный хор веселых дровосеков в высоких сапогах со стальными гвоздиками и пышных матрон в белых крахмальных чепчиках

грянет что-нибудь возвышенное, вроде: «Сатана там правит бал, там правит бал, там правит бал!»

И действительно, музыка на площади оглушительно взвилась вверх, ведущий тенор выкрикнул первые слова, и вся толпа, нестройно вторя ему, запела что-то про ловкого черта, который отобрал у своих неудачливых друзей золотое колечко. Ощущение театральности происходящего было таким подлинным, что Ури даже начал озираться по сторонам в поисках актера, подходящего на роль Сатаны. Гейнц был несомненно герой отрицательный, но низшего ранга — скажем, провинциальный леший, не более, а уж два бритоголовых оболтуса в сапогах, несмотря на свой рост, и на это не тянули. И вдруг Ури почувствовал на себе чей-то взгляд, тяжелый и обжигающий. Он быстро обернулся в направлении источника и столкнулся глазами с Отто, — тот сидел в своем кресле позади третьего стола справа и неотрывно смотрел на Ури. Только тут Ури заметил, что пухлая дама в чепце, раскатывающая тесто на этом столе, была не кто иная, как фрау Штрайх. Отто сидел за ее спиной, излучая почти физически ощутимую черную волну зла, так что Ури без всяких скидок тут же определил его на роль Сатаны. Или, в крайнем случае, на роль того черта, который отобрал у своих друзей золотое колечко.

— Так ты приволокла сюда отца? — спросил он Инге.

— Традиционный семейный выезд, — беспомощно пожалала она плечами. — Не забывай, что мы — местные феодалы и обязаны блюсти.

Тут музыка замолкла, — оркестр делал перерыв каждые четверть часа, чтобы музыканты могли выпить пива, — и воздух наполнился громким ревом множества автомобилей, подъезжающих со стороны шоссе, взбирающихся в гору или маневрирующих, чтобы припарковаться. С холма, на котором стояла печь, была видна почти вся витая обрывистая дорога, ведущая к Нойбаху из большого мира, — она выглядела, как гирлянда сдвоенных автомобильных фар, медленно наползающих на деревню из бесконечного лесного простора.

— Господи! — невольно вырвалось у Ури — Весь мир сюда съезжается, что ли?

— Может, не весь, но половина, — усмехнулась Инге — Погляди вниз: это начало очереди за луковым пирогом.

Ури обернулся и ахнул: вниз по холму, обвивая его серпантинном, выстраивалась длинная вереница нарядных пар, хвост которой обегал всю площадь по краю и терялся где-то в темноте дальних улиц.

— И ты уступила фамильную честь создания начинки для этого великого пирога каким-то захудалым профессоршам из Верхнего Нойбаха? — шутивно ужаснулась Ури, но Инге не отозвалась на его шутку. Лицо ее омрачилось:

— Т-с-с! Вот они, везут начинку, — прошептала она ему на ухо.

От этого легкого касания ее губ у него за ухом кровь его, прерывая дыхание, привычно взметнулась от низа живота к горлу, но он все-таки успел с сожалением подумать, что ему не избежать вовлеченности в ее проблемы и тайны. Что у нее есть тайны, он не сомневался, — бывали минуты, когда концентрация напряженности силовых полей в замке накаляла там атмосферу до полной невыносимости.

Громкий крик «Посторонись!» прервал его сожаления, — по узкой, мощенной красным камнем дорожке, избегающей вверх по холму параллельно ступенькам, дюжий молодец средних лет в джинсах и кедах катил сетчатую тележку, заполненную высокими кастрюлями, прикрытыми блестящими крышками. Следом за ним к печи направлялась стайка молодых женщин — тоже в джинсах и кедах. Все они на ходу повязывали белые крахмальные фартуки поверх своих застиранных спортивных маек. К запаху дыма примешался острый аромат свеженарезанного лука.

— Это и есть твои профессорши? — спросил Ури. — Какие-то несолидные вертихвостки. Впрочем, домики у них очень даже неплохие. Я их хорошо рассмотрел, пока Клаус таскал дракона по Верхнему Нойбаху.

Профессорши со своими кастрюлями быстро раставались по столам, и каждая начала круглым черпаком выкладывать горки начинки на разделанные круги теста. В начинке был не только лук, но и мелко настроганные ломтики ветчины, густо посыпанные приправами. Каждая горка тут же равномерно разминалась специальной плоской ложкой по всему кругу лепешки. К тому времени, как полсотни лепешек были готовы, высокое яркое пламя в печи сменилось ровным алым мерцанием раскаленных древесных углей, затянутых поверху тонкой черной паутиной угольной пыли. Гейнц со своими подручными пододвинул к печи длинный, крытый жестью стол, и еще две матроны в белых чепцах вступили в освещенный круг. Каждая взяла в руки небольшую металлическую лопатку — это, собственно, были не настоящие лопаты, а плоские противни, насаженные на длинные ручки. На каждый противень положили по лепешке с начинкой и отправили в печь на раскаленные угли. Из печи потянуло вкусным запахом печеного теста и жареного лука, очередь на миг взволнованно загудела и затаила дыхание.

Три минуты проползли в благоговейной тишине. Затем обе печные матроны одновременно слаженно наклонились, вынули из печи лопаты с первыми испеченными пирогами, которые они единым умелым движением смахнули на заготовленные заранее белые картонные тарелки, и с поклоном протянули одну тарелку Инге, а вторую — Отто. Отто застучал лапой по рельсу, и фрау Штрайх проворно схватила его тарелку и поднесла к его носу — понюхать. Инге подняла свою тарелку высоко над головой, чтобы все видели, и бросила в поднесенную ей с поклоном корзинку два блестящих пятимарковых кругляша. Только сейчас Ури обратил внимание на ее платье, освещенное алым заревом печи, — с туго стянутым в талии зеленым бархатным корсажем и длинной, падающей тяжелыми складками юбкой из золотой парчи. Инге откинула от запястий широкие, шитые золотом рукава, осторожно, чтобы не обжечь пальцы, свернула пирог в трубочку и надкусила. На площади отча-

янно грянул оркестр, и все тот же высокий тенор завел песню о драконе. Очередь дружно запела вместе с ним.

И тут началась настоящая фантазмагория. Потеряв всякую связь с реальностью, Ури следил за разворачивающимся перед его глазами зрелищем. Раз — качнулись белые крахмальные чепцы, два — взлетели в воздух круглые черпаки с благоуханной начинкой, три — шлепнулись на противни лепешки и поехали в печь, взметая над углями мириады синих искр. И все ползла и ползла вверх по склону холма драконообразная вереница пожирателей пирога, и все летели и летели в плетеную корзинку сверкающие диски монет — пять марок за каждую лепешку. А над всей этой языческой вакханалией молчаливо взлетал за деревьями к небу готический шпиль церкви, отчужденной от собственных распоясавшихся прихожан холодным презрением к земной суете.

Инге подошла к Ури и протянула ему картонку с пирогом:

— Не хочешь попробовать?

Пирог таял во рту, вкусно похрустывая на зубах душистым печеным луком и ломкими лепестками подсушенной на углях ветчины. Он хотел было сообщить Инге, что начинка в порядке и не стоило из-за нее начинать войну Нибелунгов, но тут за его спиной прозвенел ехидный стеклянный голосок:

— Не правда ли, не такая уж плохая начинка?

Инге тут же оставила поле боя, — она сделала вид, что не слышала вопроса, и направилась к заднему поддувалу печи проверять, хватает ли там дровишек, наколотых изрядно вспотевшим подручным Гейнца. А Ури, оставшись один на один с недоеденным пирогом и с ехидным голосом, поспешно сунул весь пирог в рот, чтобы выиграть время для ответа. Пока он обрабатывал зубами непосильную порцию тугого теста, он успел внимательно рассмотреть владелицу стеклянного голоса. Можно было подумать, что какой-то шутник-стеклодув сперва выдул ее целиком из прозрачного стекла, а потом, разочаровавшись в своем творении, расколотил его

на части, которые упаковал в соответствующие джинсовые оболочки и собрал в одно хрупкое тельце с помощью хитроумной системы поясов с пряжками и без. Наглядевшись, Ури проглотил, наконец, пирог и сказал, не придумав ничего более остроумного:

— Вообще-то неплохо, но, по-моему, слишком много ветчины.

Стеклянная барышня зазвенела, как хрустальная люстра на ветру:

— О-о, вам не по вкусу ветчина? Вы, наверно, тот самый залетный парашютист из Израиля? Но в таком случае вам любое количество ветчины должно казаться лишним!

— Вы преподаете логику? — вежливо осведомился Ури.

— Как вы догадались? — стеклянные пальчики кокетливо взметнулись вверх поправить стеклянные кудряшки.

— Я не догадался, я просто сделал логический вывод из известного силлогизма, что сапожник ходит без сапог.

Проводимость мыслей в стекле, вероятно, была невысока. Во всяком случае, стеклянная барышня не сразу усекала, что ее хотели обидеть. Она несколько секунд простояла в молчаливом недоумении, пока до нее, наконец, ни дошел смысл того, что сказал ей Ури. Когда лицо ее осветилось пониманием, Ури подумал, что она сейчас рассерженно отвернется и оставит его в покое. Но не тут-то было! Легкий румянец собеседования сменился на барышни щеках более темными пятнами злости, которые быстро поползли вниз по шее за жесткую кромку джинсового декольте. Ури по неопытности принял их за знаки смущения.

— У вас такой отличный немецкий, просто чудо! — почти ласково прозвенел стеклянный голос. — Любопытно, столь же прекрасен ли ваш арабский?

Речь у нее была высокоинтеллигентской литературной тональности, ничем не напоминающей простонародный местный распев, и Ури поначалу не понял, что вопрос задан неспроста. И потому простосердечно ответил, что — увы! — арабский его крайне примитивен и

вообще близок к нулю. Именно этого ей и было надо, и она тут же яростно ринулась на Ури, разворачивая на ходу свои боевые знамена:

— Это весьма показательно, с какой готовностью вы изучаете язык своих палачей, пренебрегая при этом языком своих жертв! Она неожиданно задрезжала, словно даже тембром голоса хотела показать Ури, что хрупкое стекло ее доброжелательства разбито и есть серьезная угроза ранения осколками. Атака ее застала Ури врасплох, и он не знал, что лучше — отбиваться или каяться. Внутренне он был готов и на то, и на другое, потому что еще не пришел к согласию с самим собой в вопросе о жертвах и палачах. Но, похоже, от него ничего и не требовалось, — его воинственная собеседница явно предпочитала монолог диалогу, тем более, что обращалась она не столько к нему, сколько ко всему прогрессивному человечеству. По мере произнесения своей речи она все больше и больше заходила в кликушеском восторге, в который приводил ее звук собственного голоса.

— Не правда ли, странно, что у таких людей, как вы, которые сами были жертвами преследований, нет ни на йоту сочувствия к другим жертвам. Я бы спросила вас, откуда это равнодушие, эта жестокость, если бы заранее не знала ответ: вы, как и все другие в этом самодовольном потребительском мире, привыкли жить за счет обездоленных и униженных! Вы отравлены изобилием, и голодная смерть миллионов не лишает вас аппетита! Вы избалованы благополучием — и мысль об ужасах гражданских войн в нищих странах третьего мира не лишает вас сна! Вы даже не хотите знать о трагедиях, которые разыгрываются рядом с вами. Вот скажите, бывали ли вы когда-нибудь в лагере палестинских беженцев?

Тут она, наконец, обратила к Ури свой плохо сфокусированный взгляд:

— Видели ли вы там оборванных отважных детей, бросающих камни в солдат, вооруженных до зубов современной военной техникой?

Если бы она была способна слушать, Ури мог бы рассказать ей про лагерь беженцев такие подробности,

от которых ее стеклянные волосики встали бы дыбом на макушке. Но слушать она не умела и подробностями не интересовалась. Она звонко вдохнула воздух, чтобы продолжить свою проповедь, но тут вернулась Инге и решительно положила конец их односторонней беседе:

— Хватит пророчествовать, Доротейя. А то, пока ты здесь напрасно пытаешься заманить Ури в лоно христианского милосердия, твой дорогой супруг опять успел заманить прелестную Вильму в кусты.

Услышав новость про дорогого супруга и прелестную Вильму, Доротейя немедленно спустилась с небес на землю, и взгляд ее остро сфокусировался на текущей мимо очереди. Очевидно, не найдя искомым лиц на месте, она коротко спросила:

— Где они?

И, не дослушав до конца брошенное Инге: «В саду за церковью», почти побежала в указанную сторону, дребезжа на бегу стеклянными сочленениями суставов.

— Никак не могу решить, — недобро усмехнулась Инге, — революционный пыл нашей Доротейи еще не поднялся до уровня идей сексуальной революции или уже перерос их? — Инге взяла Ури под руку и стронула с места. — Пошли, нам пора.

— Куда? — спросил Ури, почти готовый к тому, что им пора на Лысую гору, где состоится ежегодный шабаш ведьм в честь Вальпургиевой ночи. Вся обстановка сегодняшнего праздника предрасполагала к вере в потусторонние силы — в леших, русалок, водяных и прочую чертовщину, так что даже ревнивая Доротейя могла сойти за модернизованную ведьму с интеллектуальным уклоном. Но реальность оказалась более прозаичной, — они просто должны были захватить с собой Отто и идти смотреть ежегодный деревенский спектакль, для которого на баскетбольной площадке за школой возвели легкую деревянную сцену и расставили полукруглыми рядами стулья и садовые скамейки.

Осторожно катя кресло Отто по неровным камням дорожки, Ури не столько спросил, сколько констатировал факт:

— Скажи, ты ведь поссорилась с ними не просто из-за пирога, правда?

— Я уже пыталась тебе это объяснить, но ты тогда не хотел слушать.

— Считай, что я передумал. Можешь объяснять.

— Ты ведь слышал речи Доротеи? Ей ты можешь не придавать значения, — она просто глупый попугай, но это — идеология целого круга, которую я не переносу.

— Ты хочешь сказать, что ваша распря носит политический характер?

— Трудно определить, политический или личный. Тут так все сплелось...

— Что значит — личный? Ты пыталась отбить ее мужа?

— Глупости, при чем тут ее муж? Тут замешан совсем другой человек.

— В чем замешан? В тесте?

— Ну хорошо, считай, что я неудачно выразилась: не замешан, а... — Инге запнулась и прикусила губу, — Это совсем из другой жизни, к Доротее это не имеет никакого отношения. Понимаешь, у меня когда-то был друг, он не просто проповедовал эти идеи, он их создавал.

— Он тоже был профессор?

— Ну да, профессор.

— Он был твой друг, но взгляды его тебе не нравились, да?

— Да нет, тогда эти взгляды казались мне откровением.

— Когда это — тогда?

— Давно, когда я еще училась в университете.

— В каком университете? Ты же была стюардессой!

— Ну и что? Разве стюардессам нельзя учиться в университете?

— Можно, конечно, но ты мне об этом не рассказывала.

— Я тебе еще обо многом не рассказывала.

— Может, сейчас расскажешь? Например, когда ты училась — до того, как стала летать, или после?

— Ни то, ни другое, — сказала Инге неопределенно.
— А все-таки, до или после? — Ури начинал сердиться.

Тут Отто вдруг ни с того ни с сего заколотил лапой в рельс, и Инге осеклась на полуслове:

— Это долгая история... — замялась она и наклонилась, чтобы освободить колесо кресла, застрявшее в расщелине между камнями, хотя колесо можно было без труда вытащить из расщелины, не наклоняясь. Ури так и не понял, чем был вызван взрыв эмоций Отто, — застрявшим колесом или желанием заткнуть Инге рот, потому что, как только Инге замолчала, старик тут же угомонился и стал вертеть головой, выискивая кого-то в бурлящем вокруг людском водовороте. Глядя на его быстро снующие по сторонам глаза, Ури подумал, что мозг Отто работает гораздо лучше, чем его немощное тело, и почувствовал вдруг неожиданный укол жалости к несчастному старику.

Тем временем чье-то лицо привлекло внимание Отто, и он снова заколотил в рельс — на этот раз членораздельно, — он требовал, чтобы Инге привела к нему какого-то Дитера. «Это племянника фрау Штрайх, что ли?» — спросила Инге, передала ручку кресла Ури и побежала вниз по склону холма, чуть пока охотничьего ферайна и вынырнув уже с другой стороны в сопровождении бритоголового парня в черном кожаном костюме со стальными кнопками, которого Ури пару раз видел в «Губертусе».

Парень подошел к Отто, неожиданно стал по стойке «Смирно!» и щелкнул каблуками.

— «Как живешь, Дитер?» — отстучал Отто. К удивлению Ури, Дитер его понял и ответил кратко, по-военному:

- Отлично, господин Губертус!
- «Как поживает твой дед?»
- Дед в прошлом году умер, господин Губертус!
- «Жаль! Он был хороший солдат. Мы с ним когда-то пол-Европы прошагали плечом к плечу.»
- Так точно, господин Губертус!
- «А как поживает твой отец?»

— Отлично, господин Губертус! Он разводит форель.

— «Я рад. А ты продолжаешь играть в футбол?»

— Так точно, продолжаю, господин Губертус!

— «Ну, желаю тебе удачи. Можешь идти к своим друзьям. Ты ведь тут с друзьями?»

— Так точно, с друзьями, господин Губертус!

Дитер прощально щелкнул каблуками, круто развернулся и зашагал вниз к павильону охотничьего ферайна.

— Надеюсь, ты исполнил свой долг барона, папа? — спросила Инге и покатила кресло к баскетбольной площадке, где уже собралось много народа.

Когда они пошли к сцене по узкому проходу между скамейками, кишащая вокруг толпа смолкла и расступилась, пропуская их вперед. Ури поежился, всей кожей ощущая направленные на него взгляды — иногда просто любопытные, иногда открыто недоброжелательные.

— Чего они на меня уставились? — шепнул он Инге.

— У тебя мания величия: они смотрят не на тебя, а на нас с Отто. Я же тебе сказала, мы — местные феодалы, Шен-герр и Шен-фрау. Мои бабки и прапрабабки освящали луковый пирог каждый год с тех пор, как мой черти-какой прадед, барон Густав фон Губертус, построил для своих крестьян эту печь.

Инге обернула ноги и плечи Отто шерстяным клетчатый пледом, а сама села рядом с ним в приготовленное для нее в первом ряду резное, обитое алым бархатом кресло. Ури, стараясь привлечь к себе как можно меньше внимания, пристроился на скамье за ее спиной. На сцену начали выходить актеры с куклами, среди них Ури заметил Марту, — она была без куклы, но держала в руке большую пластиковую сумку с длинными ручками. Два молодых парня вынесли надувного резинового крокодила, довольно удачно подтримированного под дракона, следом за ними появилась Эльза, катя перед собой складной детский стульчик на колесиках. На просцениум вышел плотный, коротко остриженный мужчина средних лет, в котором Ури узнал главного сегодняшнего певца. «Это наш булочник Петер», — шепнула ему Инге.

Булочник Петер поднес ко рту микрофон и объявил, что сейчас будет исполнена кровавая драма «Наша ведьма из замка». Услышав название драмы, Ури почувствовал под ложечкой внезапный холодок опасения и покосился на Инге, но она застыла в своем феодальном кресле, гордо распрямив плечи и откинув золотую голову на алую бархатную спинку. Ури не видел ее лица — он видел только крутой взлет ее длинной шеи, маленькое, похожее на раковину, ухо и тень ресниц над бледной щекой. Он отвел глаза вниз и, заметив, как судорожно ее пальцы стискивают резной подлокотник кресла, понял, что и она замерла в предчувствии неприятностей.

Неприятности не заставили себя ждать: едва только Петер запел изрядно поднадоевшую уже Ури песню о драконе, как Марта извлекла из сумки ту самую ведьму работы Гейнца, которая карикатурно напоминала Инге, и с коварной улыбкой подняла ее над головой. Зрители радостно загудели и захлопали в ладоши.

Уже после двух первых пропетых Петером строк стало ясно, что поет он не саму оригинальную песню, а самодельный ее вариант, написанный каким-то местным, явно не слишком искусственным любителем поэзии. Актеры не очень уверенно, но с большим энтузиазмом начали разыгрывать излагаемый в песне сюжет. В складной детский стульчик к Эльзе посадили бородатого садового гнома с металлической пятерней, и Марта, перехватив у Эльзы стульчик, покатила его одной рукой, другой прикрывая лицо деревянной пародией на лицо Инге. Кажется, эта дуреха с тяжелым задом, сидящим почти на коленях ее коротких ножек, всерьез вообразила, что она может выдавать себя за Инге!

Вспыхнувшие над сценой разноцветные прожектора осветили нарисованный на заднике полуразрушенный красный замок, и Хозяйка — неважно, Инге она была или не Инге — покатила стульчик с одноруким гномом навстречу выползающему из развалин резиновому дракону. Дракон подполз совсем близко, обвился вокруг ног Хозяйки и прижался головой к ее коленям, в ответ на что она оттолкнула подальше стульчик с Гномом,

наклонилась и начала нежно гладить зубастую драконью морду. Покинутый Гном сердито застучал металлической пятерней по стульчику, но Хозяйка и Дракон, все более страстно сплетаясь в изрядно похабной версии эротического экстаза, не обратили на него никакого внимания. Разъяренный Гном стукнул по ручке стульчика так, что над сценой загрохотал гром, погасли прожектора и умолк Петер. В наступившей тьме со сцены донесся шорох, топот, приглушенный смех, а потом восторженно взвизгнул женский голос, и Ури заподозрил, что кто-то из участников спектакля, возбужденный сладострастным сплетением тел Хозяйки и Дракона, под шумок ущипнул Марту за пышный зад.

Наконец снова вспыхнули прожектора и выхватили из темноты певца Петера, поспешно допивающего последние глотки из высокой пивной кружки, и любвеобильную Хозяйку в объятиях молодого парня — одного из той пары, что таскала раньше по сцене Дракона. На голове у парня красовался рыцарский шлем, а Дракон исчез бесследно. Петер тут же пояснил публике, что Дракон превратился в прекрасного Рыцаря и женился на Хозяйке. Все были счастливы, кроме бородатого Гнома, в бурное негодование которого перехватившая его опять Эльза вложила неподдельную страсть. Да и остальные актеры участвовали в спектакле наравне с куклами, то и дело подменяя и поддерживая их, благодаря чему даже общая неумелость труппы не снижала выразительности ее игры.

Счастливая семейная жизнь Хозяйки с Рыцарем продолжалась недолго, потому что коварный Гном заманил Рыцаря на вершину скалы якобы для дружеской беседы, а там при пособничестве Эльзы, разогнался до большой скорости и столкнул его в пропасть. Рыцарь рухнул вниз и опять превратился в Дракона. Хозяйка зарыдала, Петер запел траурный марш, а публика захолопала в ладоши. Но зловредный Гном и не думал раскаиваться, — притворившись, что он пытается утешить дочь, он все норовил исподтишка погладить ее круглые колени. Пока дочь отталкивала его настойчивую метал-

лическую пятерню, из развалин замка снова выполз Дракон. Не утруждая себя вариациями, он обвился вокруг ног Хозяйки и прижался головой к ее коленям. Тогда она отпихнула ногой стульчик с Гномом, наклонилась к Дракону и начала нежно гладить его зубастую морду. Покинутый Гном сердито застучал по подлокотнику, но Хозяйка и Дракон, не обращая на него никакого внимания, сладострастно слились в эротическом экстазе. Разъяренный Гном опять стукнул пятерней изо всех Эльзиных сил, от чего загрохотал гром, погасли прожектора и умолк Петер. На темной сцене зашуршали и захихикали, и Петер пробежал по проходу к пивному киоску.

Когда Петер, утирая губы, нетвердым шагом вернулся на место, над сценой вспыхнул свет — и все повторилось снова, только теперь Хозяйка вышла замуж за второго носильщика Дракона и опять была вполне довольна жизнью. Но семейное счастье дочери вовсе не устраивало ревнивого старика. Польхая яростью, он заманил ее нового супруга на ту же роковую скалу и столь же успешным пинком сбросил его в пропасть. Только на этот раз коварство Гнома не осталось безнаказанным: услышав надсадный крик летящего в пропасть возлюбленного, Хозяйка, подрагивая пышными мясами, взбежала на скалу и вне себя от ярости покатила кресло с Гномом к самому краю. После короткой, но выразительной борьбы между Эльзой и Мартой правосудие восторжествовало, и Гном сверзился в пропасть, на лету превращаясь в Дракона. Последний трюк, проделанный весьма искусно при помощи спящего несинхронного мигания прожекторов, привел публику в неописуемый восторг. К бурной овации толпы присоединился колокольный звон, производимый лапой Отто, — похоже было, что он аплодирует спектаклю вместе со всеми. Когда овации, наконец, смолкли и разгоряченные успехом артисты стали под водительством Петера спускаться со сцены в зал, высокий резкий голос вдруг перекрыл нестройный гул расходящейся публики:

— Какая мерзость!

Никто не обратил внимания, когда на скамейку за креслом Отто поднялась фрау Штрайх — уже без чепца и фартука. Картинно расположившись в луче единственного непогашенного прожектора с зеленым фильтром, отчего лицо ее выглядело зловещим, как лицо утопленника, она несколько раз внятно выкрикнула в толпу:

— Какая мерзость! Какая мерзость!

Для вящего драматического эффекта не хватало только, чтобы она простерла карающую руку над головами провинившихся. Правда, было неясно, кого и за что она осуждала, — сыгранный ли только что спектакль или идущую мимо в обнимку женскую пару влюбленных в джинсах и застиранных тренировочных майках. Хотя эти страстно ласкающие друг друга прилюдно, университетские дамы издали были похожи, как близнецы, в одной из них Ури узнал свою стеклянную разоблачительницу Доротею.

— А вторая — та самая Вильма, которую муж Доротеи напрасно пытался отбить у своей любвеобильной супруги, — пояснил ему на ухо голос Инге, привычно угадавшей его невысказанный вопрос. О спектакле им не удалось перемолвиться ни словом, потому что фрау Штрайх, с демонстративной преданностью и заботой подоткнув плед вокруг ног Отто, довезла его кресло до фургона и простояла рядом с ними все время, пока Ури втаскивал его внутрь.

В замок они возвращались в полном молчании и разобщенности, — Ури за рулем, а Инге в фургоне, рядом с Отто, который вдруг раскапризничался и ни за что не хотел оставаться один. По возвращении Инге тут же пошла укладывать Отто в постель, а Ури поднялся в кухню и остановился на пороге, пытаясь поймать за хвост какой-то ускользающий от него образ. Он не мог вспомнить, что именно он старается вспомнить, но твердо знал, что это нечто жизненно важное. Медленно, как слепой, нащупывая путь, он прошел весь длинный коридор от кухни до наглухо перекрытой мраморной лестницы в башню. Потом повернул обратно, но не успел

сделать и пару шагов, как взгляд его упал на лестницу, сбегающую вниз в рыцарский зал.

И тут он вдруг вспомнил все — ржавый скрип старого замка потайной двери, сопротивляющегося поворотам ключа, и свою нелепую фигуру в кольчуге и рыцарском шлеме, пытающуюся скрыться за низкой створкой стенного шкафа, набитого мужскими пиджаками, брюками и ботинками. Ури перемахнул через перила и, оказавшись прямо под лестницей перед шкафом, рванул на себя его скошенную дверцу, опасаясь, что она заперта. Но дверца с легкостью распахнулась, обнаружив пустое, пахнущее затхлостью темное пространство, — никаких брюк и ботинок там не было. Пока Ури пытался осознать этот очевидный, но пугающий факт, в глубине зала взрывчато шелкнул замок, и зеркало повернулось вокруг невидимой оси, пропуская Инге. Она вошла, как и тогда, в сопровождении Ральфа, освещая себе дорогу маленьким ручным фонариком. Но на этот раз Ури не стал от нее прятаться: спокойно дождавшись, пока острый луч выхватит его из темноты перед распахнутой дверцей пустого шкафа, он тихо спросил:

— А куда делся этот твой таинственный Карл? Он что, действительно превратился в дракона?

Не отвечая и не останавливаясь, Инге подошла к сторожевому рыцарю, нащарила выключатель за его спиной и включила свет. Потом обернулась к Ури и молча, словно предостерегая, опустила руку на тяжелую голову Ральфа. Хоть Ури уже успел узнать, что ее молчание бывает веселее всяких слов, по спине его на миг пробежали мурашки. А чего, собственно, он ожидал от нее? — спросил он себя. Что она засмеется и, тряхнув волосами, утешит его, уверяя, что никакого Карла никогда и не было? Дело ведь было не в дурацком деревенском спектакле — Ури и до того знал про Карла довольно много из сбивчивых рассказов Клауса, который раньше обожал Карла так же, как он теперь обожал Ури. Зачем же он задал этот вопрос, — чтобы разоблачить ее и обидеть или чтобы просто получить ответ? Так она его, в конце концов, и спросила:

— Что ты хочешь — разоблачить меня или просто получить ответ?

Ури покосился на пустой шкаф, подумал мельком: «Она ведь даже не знает, что я видел тогда эти Карловы шмотки» и упростил себе жизнь:

— Я бы предпочел просто получить ответ.

Инге еще секунду помедлила, словно пробовала какое-то слово на вкус, и сказала устало:

— Я и сама долго пыталась угадать, куда он делся, пока это не стало мне безразлично.

— И потому ты убрала из шкафа его вещи?

Только тут она заметила распахнутые дверцы пустого шкафа и отмахнулась легко, не придавая значения:

— Ах, это! Да, Господи, они были тут временно. Потом я перевесила их в более удобное место, — какая тебе разница?

— Что значит — временно?

Инге прикусила губу и нахмурилась. Почуввав напряжение между людьми, Ральф прижал уши и зарокотал на низких нотах, — он никогда не упускал случая подчеркнуть важность своей роли в жизни замка. После короткого колебания Инге объяснила:

— В ту ночь, что я тебя привезла, я наспех вынесла эти вещи из твоей комнаты и сунула их в шкаф, потому что ничего лучшего не могла тогда придумать.

Ури стало не по себе:

— Ты хочешь сказать, что Карл жил в той же комнате, в которой живу я?

Вглядевшись в его лицо, Инге неожиданно засмеялась:

— Чего ты испугался, Ури? Что ты можешь превратиться в дракона?

Ури вдруг почувствовал себя совершенным болваном и, как ни странно, на душе у него от этого полегчало.

— Ничего я не испугался, — пробормотал он, уставясь в пол, и сам удивился тому, как по-детски прозвучали его слова. Тогда он поднял голову, поглядел Инге прямо в глаза и добавил, хоть ему это было нелегко:

— Знаешь, у меня кошки на душе скребутся после этого представления.

— Знаю, — отозвалась Инге. — У меня тоже.

Ну вот, главное было сказано — конечно, и у нее тоже! Он ведь видел, как во время спектакля побелели косточки ее пальцев, вцепившихся в подлокотники кресла. Значит, ему необязательно сейчас решать, доверяет он ей или нет. Острая радость обожгла его при мысли, что он не обязан ничего решать, не выслушав ее. Не обязан ничего решать, не обязан никуда уезжать и вообще ничего никому не обязан. А вслед за радостью пришло досадное осознание того, что он увязает в сладкой патоке этой жизни все глубже и глубже. Инге несомненно прочла по его лицу всю эту гамму чувств, как раскрытую книгу, и на миг коснулась его щеки ладонью, словно птица крылом на лету, — призывно, просительно, утешительно, маняще — все сразу.

— Пошли спать, уже поздно, я еле стою на ногах от усталости, — взмолилась она и пошла вверх по лестнице. Ури шагнул было за ней, но Ральф, ревниво оттолкнув его, ринулся вслед за хозяйкой. Оставшись в одиночестве у подножия лестницы, Ури спросил у уходящей во тьму коридора спины.

— Но кто же он все-таки такой, твой Карл?

Странно, но собственный вопрос вдруг перехватил дыхание Ури и пригвоздил его к месту. Он стоял под лестницей и слушал, как каблучки Инге, не меняя ритма, процокали по дубовым доскам коридора до самой кухни. Потом открылась кухонная дверь, и темнота озарилась апельсиновым отсветом кухонного абажура, наполняя сердце Ури ностальгической тоской по утерянной беззаботности их уютных вечерних бесед и маленьких пиров в предвкушении приближающейся ночи любви. Он мысленно обругал себя, — зачем ему понадобилось ворошить прошлое Инге? Что ему до злопахательства деревенских шутников? Какое ему дело до этого неведомо куда сгинувшего Карла? Но едва только он окончательно решил воздержаться от дальнейших распросов, Инге окликнула его сверху:

— Ты всю ночь собираешься простоять там, Ури?

Она оказалась совсем близко, на верхней ступеньке. Погруженный в свои мысли, Ури даже не заметил, как

она подошла, тем более что парадных туфелек на высоких каблучках на ней уже не было. Она стояла босая, держа в руках лакированный поднос с высокой бутылкой и двумя хрустальными бокалами, наполненными прозрачной зеленоватой жидкостью. Прямые пальцы ее ног были тесно прижаты один к другому с чувственной нежностью влюбленных, так что Ури вдруг нестерпимо захотелось коснуться их губами, что он и сделал.

— Я умираю от жажды, — сказала Инге как ни в чем не бывало. — А ты?

— Я тоже, — ответил он двусмысленно и взял у нее из рук поднос. — А что ты сегодня туда подмешала?

— Траву забвения, — засмеялась Инге и направилась к дверям своей спальни. На пороге она остановилась, пропустила Ури внутрь, а затем носком босой ноги уперлась в грудь неотступного Ральфа:

— А ты останешься тут, ясно?

Ральф обиженно хрюкнул и хотел протиснуться в спальню, но Инге оттолкнула его всей ступней, и он, притворно смирившись, растянулся на полу под самой дверью.

— Наверняка будет подслушивать, — предположил Ури, ставя поднос на кофейный столик. — Может, ты бы и ему чего-нибудь подсыпала, а то он у тебя чрезмерно сексуально озабоченный?

Не принимая шутки, Инге подошла к нему вплотную, положила руки на его плечи и заглянула ему в глаза:

— Нам надо поговорить, правда?

Господи, зачем? Ведь он только что принял мудрое решение ни о чем не говорить, ничего не выяснять! И поэтому он отстранился, взял с подноса бокал, отхлебнул большой глоток и обратил к Инге абсолютно невинный взгляд армейского придурка:

— О чем?

— Ты же сам только что спросил меня про Карла!

— Про какого Карла?

Он заметил, что она начинает сердиться.

— Что еще ты придумал, Ури?

— А зачем ты подмешала мне в вино траву забвения? Разве не для того, чтобы я все забыл?

— Но ты ведь не забыл?

Может, и не траву забвения, но что-то она в это вино, наверное, подмешала, потому что в неведомых доселе уголках его подсознания заискрились огненные сполохи, и жизнь опять показалась не такой уж мрачной... И перспективы предстоящих откровений не такими уж пугающими. В конце концов, он ничем не рискует, если даже выслушает признания Инге насчет ее таинственного Карла, тем более, что увильнуть от этого разговора все равно не удастся, раз он сам его спровоцировал. Так что к чертям его мудрые решения, пусть она говорит, о чем хочет. Он даже расщедрился настолько, что подкинул ей первый мяч:

— Он ведь был твой любовник, правда? — спросил он, неожиданно для себя обнаружив, что предпочел бы, чтобы она возмутилась таким предположением против всякой очевидности, — «Глупости! Конечно, нет!».

Но Инге и не подумала отрицать, а только постаралась удостовериться в его, Ури, благоразумии:

— Я надеюсь, ты не станешь ревновать к прошлому?

А благоразумие, как назло, подвело. «И еще как стану!» — пронеслось у него в голове, но он попытался скрыть это от нее и промолчал, хоть прекрасно знал, что она видит его насквозь.

— И напрасно! — сказала она. — Эта история уже давно поросла травой забвения.

Тут она не то, чтобы просто врала, но уж точно искажала правду, и Ури не выдержал:

— Быстро же эта трава растет! Еще и года не прошло, как твой Карл сбежал...

Однако Инге не дала ему закончить его разоблачительную тираду:

— «Еще и башмаков не износила», да? Будем считать заседание суда открытым?

— Будем, — согласился Ури. — И начнем сначала. Кто же он такой, твой Карл?

— Что за странный вопрос! Ну, работал парень у меня в свинарнике, забивал свиней...

— Просто работал — и все? Не надо, Инге. Я ведь знаю, что он человек непростой.

— Откуда ты можешь знать, что за человек Карл?

— От Клауса.

Инге захохотала:

— Это же надо — от Клауса! Более надежного свидетеля ты не мог представить?

— Напрасно ты смеешься. Клауса, конечно, трудно назвать гигантом мысли, но в его дырявой голове есть забавная способность магнитофонно записывать особо полюбившиеся ему фразы. Ты не поверишь, но в основном это фразы Карла.

— Например?

— Например: «Все запреты придуманы нарочно для меня, чтобы мне было что нарушать». Хочешь еще?

— Ну?

— «Я живу в социальном вакууме — без дома, без семьи, без будущего, но зато и вне этой бездушной камеродробилки». Узнаешь?

— И все это произнес Клаус? Он, бедняга, и слов-то таких не знает.

— Я же сказал тебе: он — магнитофон. А магнитофон никаких слов не знает, он только воспроизводит при нажатии кнопки то, что было записано раньше.

— Странно, почему он ничего подобного никогда не воспроизвел мне?

— Может, потому, что тебе не хотелось нажать на нужную кнопку. Будто ты не догадываешься, какую кнопку у Клауса надо нажать тебе. Бедняга влюблен в тебя по уши.

— Ну, а какую кнопку надо было нажать тебе?

— Примерно ту же самую. Я ведь теперь соучаствую в его эротических снах о тебе.

— Что значит — теперь? С каких пор?

— Раньше он видел сны о тебе и о Карле. Он обожал Карла как объект твоей любви. Теперь он обожает меня за то же самое.

— Ну и фантазии у тебя! Кто из вас начитался Фрейда — Клаус или ты?

— Боюсь, что Фрейда начитался Карл. Иначе почему бы он нанялся к тебе забивать свиней?

Инге, не отвечая, взяла свой бокал, покрутила его в пальцах, полюбовалась прохладным отблеском жидкости в хрустале и начала отхлебывать вино мелкими глотками.

— А как ты думаешь, почему? — после долгой паузы спросила она.

— Может, потому, что ты ему, как и мне, регулярно подсыпала в вино приворотное зелье?

Ури предполагал сказать это в шутку, но почему-то слова его прозвучали вызывающе и даже враждебно. Инге отшатнулась, как будто он ее ударил, и уронила бокал на поднос. Бокал не разбился, но угрожающе зазвенел, отчего за закрытой дверью жалобно заскулил Ральф. Он недвусмысленно намекал хозяйке, что в интересах ее же собственной безопасности ей не следует пренебрегать своим верным стражем. Инге твердой рукой водворила бокал на поднос и, не сделав никакой попытки утихомирить пса, обернулась к Ури.

— Выходит, Марта сыграла свою игру правильно, — сказала она печально — Она вбила клин между нами так ловко, что даже приворотное зелье не помогло.

— При чем тут Марта? — огрызнулся Ури, хотя отлично знал, при чем.

Но Инге не успела ему ответить, потому что в этот момент к пронзительным завываниям Ральфа присоединился знакомый колокольный звон.

— Ну вот, только проблем с Отто мне сейчас не достает! — поморщилась Инге и поспешно нашарила ногой стоящие под креслом комнатные туфли.

— Что ему вдруг понадобилось среди ночи? — риторически спросил Ури.

— Наверно, у него тоже саднит сердце после сегодняшнего представления.

— С чего бы это? По-моему, он очень весело аплодировал артистам.

— Я думаю, ты ошибаешься, — Инге подхватила поднос и пошла к дверям.

— Ты не всегда так сразу бежишь на его зов, — упрекнул ее Ури, чувствуя себя одновременно виноватым и обиженным.

Как только Инге отворила дверь в коридор, Ральф тут же сменил скорбный вой на радостный визг и, чуть не сбив ее с ног, восторженно бросился передними лапами ей на грудь. Инге стряхнула с себя его тяжелые лапы и позвала ласково:

— Пошли со мной, псина.

— А я? — спросил Ури — Мне тоже идти?

— Не нужно, ты его раздражаешь.

— Кого — этого? — Ури кивнул на Ральфа.

— И этого, и того. Так что лучше оставайся тут. Я тебе позвоню, если будет нужно. Только не засыпай по дожди, пока я вернусь — мы ведь не договорили.

— Что же мне пока делать, телевизор смотреть, что ли?

Инге остановилась на пороге:

— А ты подумай.

— О чем мне думать в три часа ночи?

— Я дам тебе тему для размышлений: представь себе, что Карл — тот самый профессор, радикальные взгляды которого когда-то казались мне откровением.

И вышла в темноту на колокольный зов, оставив Ури наедине с Карлом, который оказался бывшим профессором, бывшим любовником, бывшим гуру и Бог знает кем еще.

ИНГЕ

Инге еще с порога поняла, что на этот раз Отто и впрямь не в порядке, безо всякого притворства. Вообще-то за эти годы он сам приучил ее не слишком доверять его театральным спектаклям с предсмертными хрипами и закатившимися глазами, но сегодня он даже выглядел не так уж драматично — наверно, потому, что страдал истинно, а не напоказ. Сердце Инге сжалось от

смешанного чувства жалости и вины: страсть к Ури — или любовь, или просто наваждение, кто знает? — захватила ее настолько, что она последнее время совсем забросила отца.

Пытаясь удержать его жалкую искусственную руку, слабо, но настойчиво колотящую в рельс, она несколько раз повторила утешительно:

— Все в порядке, Отто, успокойся, я здесь.

Но он, не замечая Инге, продолжал упорно отстукивать что-то короткое и незнакомое — вроде бы одно слово, которое она не смогла сразу расшифровать, хоть и привыкла схватывать на лету не слишком сложные требования и просьбы отца. Поспешно закатывая рукав его ночной сорочки, чтобы измерить ему давление, она пыталась понять, чего он добивается. Вышло что-то несусветное, вроде «не нагрела» или «обгорела». Решив, что это бред, Инге мысленно отмахнулась от его настояний, тем более что давление оказалось угрожающе высоким. Она нашла в настенной аптечке нужную ампулу и, быстро наполнив шприц, отстегнула протез, — поразительно, но именно сегодня, словно предчувствуя приступ, отец ни в какую не согласился снять протез перед сном, — перетянула культю повыше локтя резиновым жгутом и стала искать подходящую вену для укола. Она надеялась, что ей удастся приостановить развитие гипертонического криза — очень уж не хотелось тащить старика среди ночи в больницу, да и сил, честно говоря, на это не было. Пока она медленно вводила в вену лекарство, обрубок отцовской руки продолжал ритмично дергаться в ее ладони, наверняка отстукивая то же самое непонятное слово. Но после всех сегодняшних передраг у нее просто не было сил напрячься, чтобы распознать нечеткие знаки его воли.

Лекарство, слава Богу, подействовало почти сразу — уже через несколько минут веки Отто дрогнули, и он открыл глаза. Взгляд, правда, был еще затуманенный, но он быстро прояснялся, да и цвет его лица начал постепенно возвращаться к норме, так что с больницей

можно было, пожалуй, повременить. Заново измеряя отцу давление, которое, к счастью, тоже плавно спускалось к нормальному, Инге мучилась вопросом, связан ли этот ночной приступ с давешним спектаклем? Или просто старику уже не под силу такие торжественные выезды и многолюдные праздники?

Странно, но вид усохшего немощного тельца Отто, скрюченного под периной в нелепом изгибе, нехвата вытряхнул из глубин памяти Инге полустертую временем картину из прошлого: отец, еще молодой и кудрявый, бежит по дороге вверх к замку, неся ее на плечах, а она хохочет, двумя руками держась за его протез. Неужто и впрямь было так: она была маленькой девочкой и любила его? Столько событий отдалили ее от тех дней! Почему именно сейчас память о детстве настигла ее так остро, что она почувствовала на языке вкус воскресного пирога с ревенем и сливами, который пекла ее давно потерянная где-то в пути мать? Пирог нарезали тонкими ломтиками и перед тем, как отправить в рот, каждый ломтик поливали сбитыми сливками с сахаром и корицей, получалась волшебного вкуса смесь, которая ласкала небо, как песня о первой любви. Инге слотнула обильную слюну, вызванную совершенно реалистическим вкусом пирога во рту, — с чего бы это, уж не дурной ли это знак, обращенный к ее нечистой совести, нечто вроде предупреждения о скорой смерти отца? Ей вдруг стало страшно: кто мог проникнуть в темные подвалы ее подсознания, где порой мелькала, — да, каюсь, мелькала! — коварная надежда на освобождение?

Испуганная и пристыженная, Инге прислушалась к дыханию отца. Оно было хриплым, но ровным. Кажется, можно идти спать. «Нет, нет, сегодня ни в коем случае нельзя оставлять его одного!» — сказала она вслух, наказывая себя за дурные мысли, и, как была, в нарядном платье, рухнула на неудобный узкий диванчик в углу. На секунду на задворках сознания возник образ Ури, ожидающего ее где-то там, на кухне, но и кухня, и Ури были в эту минуту так страшно далеки от нее, что

видение мелькнуло и исчезло, как всплеск на волны на водной глади.

Уже засыпая, Инге с неожиданной легкостью расшифровала то ускользавшее от понимания слово, которое упорно отстукивал раньше Отто: «Габриэла!» — призывал он. — «Габриэла!». Кого он имел в виду? Никого с таким именем Инге не знала. Может, это какая-нибудь таинственная возлюбленная из его прошлого?

На рассвете Отто опять застонал, заметался и снова отстучал обрубок руки по стене свой призыв к неведомой Габриэле. Однажды расшифровав это имя, Инге теперь узнала его с легкостью. Пытаясь опять вернуться в непрочный сон, она с ужасом подумала о том, что, пожалуй, становится страшно оставлять отца ночью одного. Выбор был небольшой — или брать его на ночь на свою половину, что практически исключало пребывание там Ури, или приглашать ночную сиделку, на что не было денег. В результате этих неутешительных размышлений разные противоборствующие образы замелькали на внутреннем экране ее мозга, стремительно прогоняя сон. Их было много, и каждый требовал внимания: мыльная пена на губах Карла, сбривающего усы, разъяренная Марта в мокром вишневом пальто, отец, с ненавистью глядящий на Ури, фрау Штрайх с ночным горшком в руке. И тут Инге вдруг осенило: фрау Штрайх — конечно же, фрау Штрайх! Как она могла забыть? Ведь и у фрау Штрайх, как у всех людей, есть имя, хоть это не вяжется с ее постымым обликом, с ее недовольно поджатыми ртом и осуждающим взглядом, — и зовут ее Габриэла!

Такое имя гораздо больше подошло бы гибкой темнокудрой танцовщице с заметной примесью испанской крови, и, может быть, потому, подсознательно чувствуя это несоответствие, фрау Штрайх избегала сообщать его окружающим. И все-таки Отто должен знать, что ее зовут Габриэла, чтобы именно Габриэлу, а не Инге отчаянно призывать в критическую минуту! Чудо, да и только! На экране памяти тут же услужливо возник окруженный зеленым сиянием силуэт Габриэлы Штрайх, гневно воз-

несшийся после спектакля над креслом Отто, и к этому вспомнилось, что отец давненько не жаловался на свою сиделку. «Что-то за этим скрывается.» — вяло подумала Инге, проваливаясь, наконец, в желанное душноватое забытьё.

Разбудил ее осторожный шорох шагов, невнятный шёпот и позвякиванье ложечки о фарфор. Она с трудом открыла глаза и сразу увидела темное, затянутое ровной сеткой дождя окно. Этого следовало ожидать — осень каждый год неотвратимо наступала на другой день после праздника дракона, на какое бы число ни выпадал этот праздник. Опять звякнула ложечка, и, преодолевая напряжение в затылке от неудобного сна, Инге повернула голову в направлении звука. Одетый, умытый и явно довольный жизнью Отто уже сидел в своем кресле, придерживая вилкой протеза тарелку с манной кашей, из которой фрау Штрайх зачерпывала порцию за порцией и ловко отправляла ему в рот. При этом она приговаривала ласковым шёпотом, каким заботливая няня разговаривает с шаловливым ребенком:

— А вот мы еще ложечку! А вот мы еще ложечку!

Инге секунду помедлила, наблюдая эти нежности. Значит, она вчера не ошиблась: между отцом и сиделкой больше не было прежнего мучительно враждебного напряжения — наоборот, фрау Штрайх прямо-таки окутывала своего подопечного теплом и симпатией. Почувствовала ли Инге укол ревности? «Глупости!» — оборвала она себя, привычно анализируя собственные побуждения. — «Я только рада!». И, вскочив с диванчика, спросила, поспешно приглаживая волосы:

— Который час?

— Скоро восемь, — ответила новаяявленная хранительница Габриэла, ни на миг не прерывая заботливого снования ложечки с кашей между тарелкой и ртом Отто.

— И давно вы здесь? — удивилась Инге, поскольку, согласно договоренности, фрау Штрайх должна была приходить к восьми.

— Я сегодня поторопилась прийти, — пояснила сиделка, — потому что очень тревожилась за Отто. Сердце

подсказало мне, что от вчерашнего безобразия нельзя ждать добра.

Кто бы мог подумать, что у фрау Штрайх есть не только имя, но и сердце? Охватив взглядом хлопотливые руки сиделки и убагодворенное лицо отца. Инге заторопилась уходить:

— Ну и чудно! Раз вы уже здесь, я могу идти.

Снаружи моросил противный мелкий дождик из тех, что тянутся порой от понедельника до субботы, не столько увлажняя землю, сколько заполняя воздух мелкими колючими брызгами. Чувствуя всю неуместность своего праздничного наряда среди унылого дождевого беспредела, Инге первым делом забежала в свинарник — ведь это надо же — так проспать! Но там прекрасно обошлись без нее — свиньи уже были чисто вымыты, и хмурый Клаус смешивал в миксере их утреннее пойло. Инге хотела было шутиливо почесать его за ухом, как она часто делала раньше, чтобы заставить беднягу расплыться в улыбке, но вспомнила выдумки Ури о его эротических снах, — а вдруг Ури прав и не стоит играть с огнем? И воздержалась, ограничившись лишь дружеским кивком и вопросом:

— А Ури что, еще спит?

Клаус медленно поднял не нее глаза — они были очень светлые и такие прозрачные, что Инге порой казалось, что сквозь них можно увидеть слабые извилины его ушибленного мозга.

— Ури помыл свиней и пошел готовить завтрак, — вяло пробубнил он. — Велел мне прийти через час пить кофе.

У Инге отлегло от сердца, — где-то в глубине ее души таилось опасение, что после ее ночных откровений Ури мог собрать свои нехитрые монатки и слинять. После двух месяцев работы в свинарнике денег у него уже было предостаточно, и ее часто радовала мысль, что он задерживается здесь не из-за заработка. А вот Клаус был явно не в порядке.

— В чем дело, Клаус? — спросила она, благоразумно стараясь пригасить ласковые нотки в собственном голосе. — Ты чем-то огорчен?

Клаус уставился на нее в смятении, но не смог выдавить из себя ни слова — он, как обычно, жаждал открыть ей душу, но какая-то внешняя сила останавливала его. За многие годы знакомства с Клаусом Инге хорошо изучила его порывы и запреты. Поэтому представив себе, сколько грубых шуток по поводу Хозяйки, Гнома и Дракона он услышал вчера после спектакля, она не стала настаивать, не желая напрасно тревожить его уязвимую душу, да и свою тоже.

— Ладно, поговорим потом, — с притворной бодростью воскликнула она и пошла к выходу. — Приходи пить кофе!

Пока Инге галопом пробежала под морозящим дождеком от свинарника к кухне, она лихорадочно перебрала в уме разные варианты того, что она расскажет Ури о Карле — все, ничего или часть? И если часть — то какую именно? Взбежав на крыльцо, она распахнула дверь, и в нос ей ударил вкусный запах корицы и горячих яблок. Ури, очень миленький в ее кружевном фартуке, колдовал над сковородкой у плиты.

— Явилась, наконец? — сказал он не оборачиваясь. — Хорош бы я был, если бы так и ждал тебя до утра.

— А ты не ждал?

— Вот именно, что ждал. Но не дождался, а так и заснул в кресле у тебя в комнате.

— Бедный ты мой, бедный, — пожалела она его. — А что ты жарить?

— Садись к столу — узнаешь.

Но Инге к столу не села, а отпросилась сперва принять душ. После трудной ночи на коротком жестком диванчике она чувствовала себя старой лошадью с грязной нечесаной гривой. Когда четверть часа спустя она вышла на кухню, смыв с себя тоску и усталость прошедших суток, Ури сидел за столом, на котором рядом с кофейным сервизом стояла большая тарелка с зелено-коричневыми лепешками.

— Ну, что ты тут изготовил? — спросила Инге, втягивая ноздрями пряный аромат разогретой в оливковом масле корицы.

— Настоящие яблочные оладьи! — с гордостью сообщил Ури.

— Это что за зверь? Никогда не пробовала!

— Как так — не пробовала? Это — народное немецкое блюдо.

— Кто тебе это сказал?

— Моя мама. К каждому уроку немецкого языка, который она в меня впихивала силой, она подавала яблочные оладьи. Рецепт этих оладьев передается у нас в семье из поколения в поколение.

— Первый раз слышу. Вот картофельные оладьи с яблочным муссом — это действительно народное немецкое блюдо, но я боюсь, что концепция яблочных оладьев была разработана и реализована исключительно твоими еврейскими предками.

Инге налила себе кофе и подцепила вилкой одну оладью:

— Однако надо признать, — сказала она, распробовав кисло-сладкую упругую мякоть, — что результат получился восхитительный.

— Я рад, что мои еврейские предки не подвели. А теперь, — поднял на нее взгляд Ури, — раз мы благополучно решили вопрос об оладьях, можно вернуться к проблеме Карла.

— Что тут выяснять, Ури? — внезапно потеряв аппетит, Инге опустила вилку с надкушенной оладьей. Хоть она все время знала, ожидала, предвидела, что Ури снова заговорит о Карле, слова его странным образом застигли ее врасплох. — Ведь я вчера ночью все тебе рассказала.

— Все ли?

— Хорошо, что еще ты хочешь узнать? Пожалуйста, спрашивай.

— Задавайте вопросы, господин следователь, — хмыкнул Ури. — Чтобы я не сболтнула чего лишнего невзначай. Итак, начнем?

— Начнем, раз так надо. — Инге отставила подальше чашку с недопитым кофе. — Это же надо так испортить завтрак!

— Приступим к следствию по делу об исчезновении Карла... Кстати, как его фамилия?

— Фамилия? — Инге беспомощно заморгала и прикусила губу. На язык лезло вовсе не то, что надо.

— Ты что, фамилию его забыла?

— А почему бы нет? — огрызнулась она. — Уже скоро год, как я выбросила его из головы.

— О-кей, забыла, так забыла. Итак, основные данные: имя — Карл, фамилии не имеет, ученое звание — профессор... Профессор по какой части?

Этот допрос уже не выглядел шутивным. Инге встревоженно заглянула в глубь любимых, миндалевидных, зеленовато-карих глаз — их быстро заполняло зловеще разгорающееся пламя неконтролируемой ярости. Ей несколько раз приходилось наблюдать, как на него «накапывает», и она уже знала, что, если не удастся пресечь приступ в первые минуты, потом никакими средствами нельзя будет погасить эту ярость, пока она не сожжет дотла все его душевные ресурсы.

— Специалист по сравнительной антропологии, — очень ровным голосом сказала Инге, стараясь приглушить пульсирующие вспышки его раздражения.

— Итак, продолжим: ученое звание — профессор сравнительной антропологии, трудовой статус — наемный рабочий, узкая специализация — забой свиней. Убедительно ли это звучит с точки зрения сравнительной антропологии?

— Послушай, — начала Инге неторопливо, чтобы выиграть время, пока она потихоньку, стараясь не спугнуть Ури, отодвигала свой стул от стола. Ей уже было ясно, что о полной откровенности не может быть и речи. — У людей ведь бывают разные обстоятельства.

— Именно эти обстоятельства мы и стремимся выяснить в ходе настоящего расследования, не так ли?

Инге вышла из-за стола, осторожно прошла за спину Ури и, остановившись за его стулом, начала массировать ему затылок и плечи, чтобы хоть слегка уменьшить напряжение его готовых к атаке мышц. Он нетерпеливо стряхнул ее руки:

— Я хочу понять, почему профессор сравнительной антропологии покинул светлый храм науки для того, чтобы забивать здесь свиней и выгребать свиное дерьмо?

«Главное, не переборщить» — приказала себе Инге, понимая, что Ури достаточно чуток, чтобы уловить даже мелкий оттенок фальши. Она опять легко, едва касаясь, пробежала пальцами по его затылку, и на этот раз он ее не оттолкнул — он, небось, сам боялся надвигающегося приступа и жаждал его избежать.

— Ну, свиней забивать он просто любил, возможно из врожденного садизма, — бросила она Ури огрызок правды, чтобы ослабить его подозрительность. — А насчет остального... Тебе ведь Клаус цитировал его речи, чего же тебе неясно? Он — типичный психопат-мятежник, который ни с кем и нигде не может долго ужиться.

— Что значит, ни с кем? — мышцы на спине Ури слегка расслабились, и голосовые связки, наверно, тоже, потому что из голоса его стали потихоньку исчезать металлические нотки. — С женой и детьми, что ли?

— С женой и детьми тоже. Но главное — с университетским начальством, — с облегчением подтвердила Инге, чувствуя, что на этот раз ей, кажется, удастся мирно уладить это скользкое дело.

— Ты хочешь сказать, что его выставили из университета? Из какого?

«Ну, быстрее, быстрее соображай!» — скомандовала она себе, вкладывая все свое искусство в кончики пальцев. И ответила небрежно, как об обыденном:

— Из многих. Из одних выставили, из других сам ушел.

— А жена тоже его выставила или он сам ушел?

— На этот счет у него были разные версии. Иногда он говорил, что сам ушел, а иногда — что ему настойчиво предложили убраться.

— И какой из них ты верила?

Это был уже совсем человеческий разговор, и в таком разговоре у нее на руках были все карты.

— А мне было все равно. Главное, что он убежал ко мне!

— Ты так его любила?

«Как пишут на коробках с бокалами?» — пронеслось у нее в голове — «Что-то вроде: осторожно — стекло!». И она протанцевала слово за словом, словно на пуантах по столу среди хрупких бокалов:

— Сначала — очень любила. Зато тем сильнее его разлюбила. Потом.

— Когда это — потом?

— Ну, когда он поселился здесь, и я стала жить с ним рядом. До того мы ведь встречались только урывками. Так что каждая встреча была праздником. А тут у нас пошла обыденная жизнь, а в обыденной жизни ему не было места.

— Ты у него училась, что ли?

— Да нет, я ведь училась в Гейдельберге. А он никогда там не преподавал.

— Откуда мне знать, где ты училась и где он преподавал? — рассердился Ури. — Ты ведь только вчера об этом проговорила.

— Если тебе интересно, я все расскажу тебе подробно, — тихо ответила на этот справедливый упрек Инге, вся — воплощенная кротость.

— Прямо так-таки все расскажешь? Например, какую роль сыграл Карл в твоей знаменитой ссоре с профессоршами из Верхнего Нойбаха?

От этого вопроса Инге просто опешила.

— При чем тут моя ссора с профессоршами?

— Но такой человек, как твой Карл, уж наверняка не должен был пропустить этих милашек!

— Ты что, думаешь, я не поделила Карла с этими лесбиянками? — засмеялась Инге с облегчением. — Ты ошибся, они даже не были знакомы. А жаль, они бы слушали его речи с восторгом.

— Чего ж ты их не познакомила?

Инге принялась машинально разминать вилкой душистую яблочную массу:

— Карл последнее время стал страшный нелюдим, — сказала она после долгой паузы. — Он ведь со всем миром рассорился и всех, кого мог, отверг: жену, детей,

студентов, университетскую братию — всех, кроме меня. А уж наших сытых радикалов он и вовсе знать не хотел.

— Почему, ведь он с ними даже не был знаком?

— Он презирал их за их сытое благополучие. Ты же вчера видел их виллы?

— Да, впечатляющие домики! Не бедные.

— А он считал, что они из идеологических соображений должны бы были жить в бедности.

— А действительно, из каких соображений эти профессора свили свое прелестное гнездо в вашем медвежьем углу?

Слава Богу, — подумала Инге, с удовольствием возвращаясь к оладьям. — Кажется, он отвлекся от Карла и направил свой интерес в другом направлении. Тут она могла позволить себе полную откровенность:

— Недавно тут неподалеку построили большой университет. В промышленном городке, километрах в двадцати пяти отсюда. Городишко сам по себе неплохой, но скучный, серый, лишенный красот, а кроме того — сегодня модно жить на природе. Вот тамошние профессора и выбрали наш Нойбах — именно за то, что это медвежий угол. Сперва один купил участок, потом еще два, а потом все гуртом повалили...

В дверях без стука возникла фигура Клауса. Он не входя топтался на пороге, и тонкие губы его жевали воздух в неловкой попытке выразить что-то непривычное, но важное. Инге глянула на часы — его время пить кофе еще не наступило.

— В чем дело, Клаус? Что-то случилось?

— Эти ... профессорши.... — выкрикнул он наконец, — из Верхнего Нойбаха!

Слова его прозвучали столь естественным продолжением их разговора, что Инге на мгновение показалось, будто Клаус тоже решил принять в этом разговоре участие. Она терпеливо дождалась, пока Клаус немного успокоится, после чего спросила:

— Так что ты хотел сказать о профессоршах?

Клаус глубоко вдохнул воздух и сказал, запинаясь:

— Приехали. Там, у ворот. Там, на красной машине.

Инге резко оттолкнула тарелку:

— Что ты мелешь? Кто приехал?

Клаус, испуганно пятясь, тыкал пальцем в сторону ворот:

— Они, обе. Там, у ворот. На красной машине.

Инге вышла на крыльцо и глянула туда, куда указывал палец Клауса:

— О, Боже!

— Что, действительно они?

— Они. На красной машине. Что им тут понадобилось?

— Они что, никогда у тебя не бывали?

— Тысячу лет назад, до ссоры. — От ворот донесся пронзительный звон колокольчика. — Что же делать? Притвориться, что мы не слышим?

Колокольчик трезвонил с неотступной равномерностью, и Инге стало ясно, что никакое притворство не поможет.

— Иди, открой им, Клаус, — обреченно сказала она. — И пригласи в дом.

КЛАУС

Потому что мамка говорит неправду, вот! Я так ей и сказал — и нечего сразу драться. Я бы тоже мог ей вмазать, если бы захотел, — я сильнее ее. Я бы мог схватить ее за руки, — нет, это не выйдет, она будет пинать меня ногами, — я лучше скручу ей руки сзади за спиной одной рукой, как Ури меня учил, когда показывал приемы, но она может начать лягаться, так что надо стоять от нее сбоку, и тогда ей будет трудно меня лягнуть. Она, конечно, станет вырываться, но я сильнее и могу сделать ей больно, чтоб она знала, как врать. Чтоб она знала! Чтоб знала! Чтоб знала!

Ну вот, из-за нее я сломал руль на своем велосипеде! Теперь придется катить его в гору до самого замка, там мы с Ури его починим. Ури может что угодно починить, фрау Инге говорит, что у него золотые руки. Но я много

раз об него ударялся, когда он учил меня приемам, и точно знаю, что они совсем не золотые — обыкновенные руки, как у всех. И мамка все врет, когда говорит, что он не такой, как все люди, а исчадь зла: мы когда ходили с ним в карьер за камнями, он подошел к дереву пописать, а я пошел за ним посмотреть, и ничего там, куда он писал, не случилось. А мамка говорила, что там все должно было почернеть и превратиться в пепел.

С тех пор, как мамка стала часто ночевать у тети Луизы, она начала здорово завираться. А вчера после праздника она совсем обалдела. Привела зачем-то в дом пьяного булочника Петера, и они среди ночи стали пить пиво и рассказывать друг другу, как они здорово проучили фрау Инге — чтоб не задавалась. Они так громко хохотали, что я никак не мог заснуть. Я терпел, терпел, но в конце концов не выдержал и заорал, чтобы они перестали шуметь, потому что мне надо рано вставать на работу. И тут мамка совсем взбесилась и пошла врать, и пошла — будто мне фрау Инге дороже родной матери, потому что она меня околдовала приворотными травами, которые у нее в шкафу за стеклом. И что она, мамка, еще до этих трав доберется и расскажет о них кому надо, а потом понесла такое про Карла и про Ури и даже про Отто, что я не выдержал, схватил велосипед и поехал в замок. Лучше я открою калитку своим ключом и лягу спать на полу в кормовой, — у меня там есть старое одеяло и матрац, — чем слушать ее вранье. Я думал, что мамка пожалеет, побежит за мной и станет просить, чтобы я не уезжал среди ночи, но она только погрозила мне вслед кулаком и крикнула:

— Ну и катись к своей ведьме, раз тебе у родной матери плохо!

Я так не нее разозлился, что сперва даже не заметил, как начался дождь. Я почувствовал, что за шиворот течет, только когда руль вдруг отломался — не помню, как я его своротил, я все время думал про мамкину шею, какая она белая и жирная. И вот теперь из-за нее я должен катить велосипед в гору одной рукой, а в другой нести руль, так что даже нечем заслониться от этого

противного дождя. Ужасно не люблю, когда начинается осень — скоро темнеть начнет совсем рано и на дороге всегда будет стоять туман, а у меня от этого тумана мозги будто склеиваются в голове, и я начинаю на всех сердиться. Иногда даже на фрау Инге.

В замке никто не заметил, что я пришел, хотя в спальне фрау Инге все еще горел свет. Я подумал, что она там делает до самого рассвета, и прокрался к окну заглянуть — а вдруг мамка не врет и она и вправду там воровжит, чтобы все в нее влюблялись? Мне сначала показалось, что в комнате никого нет, а потом я увидел чьи-то ноги в ботинках, и тогда я прижался носом к стеклу, чтобы получше разглядеть, кто там сидит, но это оказался просто Ури, — он почему-то спал в кресле одетый, а фрау Инге нигде не было видно.

Тут мне тоже страшно захотелось спать, так что я с трудом дотащился до свинарника и повалился в кормовой на матрац, даже одеяло не стал доставать.

Но только я заснул, как следом за мной явился пьяный булочник Петер и стал поливать меня пивом из большой кружки, — такая кружка во время праздника висит над входом в палатку певческого ферайна, в котором Петер председатель. Пиво лилось мне в уши и за воротник, так что мне в конце концов пришлось открыть глаза и тут оказалось, что это вовсе не Петер, а Ури — поливает меня водой из шланга и смеется.

— Просыпайся, а то все на свете проспичь. Даже фрау Штрайх уже пришла, а ты еще дрыхнешь, — сказал он мне совсем не сердито. Он очень редко на меня сердится — не то, что другие. — А почему ты спишь здесь, а не у себя дома?

Я не знал, как ему объяснить, почему я сплю здесь, а не дома, — не мог же я ему рассказать, что говорила мамка о нем и о фрау Инге, но он сам догадался и хлопал меня по плечу:

— Из-за мамаша, да? А ты плюнь и разотри, вот так, как я, — он плюнул себе под ноги и растер плевков каблуком. — У меня ведь с моей мамашей тоже есть проблемы, не только у тебя.

Я очень удивился, мне и в голову не приходило, что у Ури тоже есть мамка, как у других. Пока я удивлялся, Ури взял свой шланг и пошел к дверям. На пороге он остановился и направил струю из шланга на какую-то грязную точку на стенке:

— Но это не самые страшные проблемы, они смываются потоком времени, как грязь со стены.

С Ури иногда бывает, что он заговаривается — возьмет и скажет что-нибудь невнятное, вроде стихов, которые мы проходили в школе, когда я еще туда ходил. Ури обернулся, посмотрел на меня и, конечно, сразу увидел, что я ничего не понял.

— Ты можешь повторить то, что я сказал? — спросил он.

Повторить-то я точно мог, хоть и не понял.

— Но это не самые страшные проблемы, они смываются потоком времени, как грязь со стены, — сказал я быстро.

— Цены тебе нет, Клаус, — засмеялся Ури и начал мыть подстилки под свиньями, а я взял морковку из ящика на полу и стал грызть.

— Ты, небось, голодный, — сказал Ури. — Я сейчас тут домою и пойду готовить завтрак. Так что приходи через час пить кофе.

Ждать целый час было трудно, очень бурчало в животе, но я погрыз еще немножко морковки и стал придумывать, что Ури может приготовить на завтрак. Пока я смешивал в миксере корм для свиней, у меня перед глазами проходили разные замечательные картины, вроде сосисок с капустой или шамальценброда с картофельным салатом. Потом среди этих картин появилось лицо фрау Инге — я так размечтался о завтраке, что даже не заметил, как она вошла. Она почему-то была в том самом нарядном платье, в котором она вчера ходила на праздник, глаза у нее были усталые а волосы — не причесаны. Я вспомнил, как Ури ночью тоже спал в кресле одетый, и мне стало казаться, что у них что-то случилось. Тем более, что фрау Инге не улыбалась, как обычно, а смотрела на меня как-то недобро, — наверно, из-

за мамки. Я только не мог понять, как она узнала, какие ужасные вещи мамка плела про нее ночью Петеру. Но это было неважно, — важно было, что она про это знает и сердится за это на меня.

Она что-то сказала, — я не расслышал, что, — и быстро ушла, и я совсем расстроился, потому что не знал, идти мне к ним завтракать или нет. Я стоял и все крутил и крутил в миксере похлебку для свиней, хотя она давно уже была готова, и с трудом удерживался, чтобы не заплакать. Как-то вдруг получилось, что никто-никто на свете меня не любит: мамка отпустила меня среди ночи и не попросила остаться, а фрау Инге все равно сердится на меня из-за мамки. И даже к Отто я не могу пойти, как раньше, чтобы все ему рассказать: Отто теперь стал дружить с фрау Штрайх больше, чем со мной, и совсем не радуется, когда я к нему прихожу. Мне даже иногда кажется, что он хочет, чтобы я поскорей ушел.

Тут кто-то налетел на меня сзади и больно ударил под коленки, так что я чуть не упал. Это был мой друг Ганс, и мне стало стыдно, что я про него совсем забыл, а ведь он один-единственный меня любит. От этого я огорчился еще больше, потому что мой Ганс за последнее время здорово вырос, и я теперь ужасно боюсь, как бы фрау Инге его не зарезала, когда у нее будет большой заказ из колбасной фабрики. Я все время собираюсь попросить ее, чтобы она его вообще не резала, а оставила на развод — у нее есть такие кабаны на развод они живут в отдельном загоне, их не режут, а кормят специальной едой и запускают к свиньям, когда у маток течка. Карл любил говорить, что у него руки чешутся их всех перерезать, потому что они — типичные представители класса паразитов. Но мне все равно, пусть Ганс будет паразит — только бы фрау Инге оставила его жить в свинарнике, чтобы мне было с кем дружить.

Я повез тележку с кормом в свинарник, а Ганс с радостным хрюканьем побежал за мной. Когда я разливал пойло по кормушкам, я подумал, что просить фрау Инге про Ганса не поможет, потому что вспомнил, как она

велела, чтобы я прекратил нежничать с Гансом — она так и сказала

«Прекрати с ним нежничать, а то ты создаешь моральную проблему». Я не знаю, что такое «моральная проблема», а когда я спросил про это у мамки, она шлепнула меня по губам и сказала, чтобы я не умничал. Наверно, она тоже не знает, но это точно что-то плохое.

Я решил не рассказывать Гансу про эту моральную проблему — зачем его пугать, что его каждый день могут зарезать, если я все равно не могу его спасти? Я просто присел возле него на корточки и начал чесать его за ухом, и тут вдруг громко зазвонил колокольчик у ворот. Я очень удивился, потому что фрау Инге не говорила, что она кого-то ждет, и пошел посмотреть, кто бы это мог быть. На улице моросил противный холодный дождик, из-за которого было трудно разглядеть, кто стоит у ворот в длинном прозрачном плаще, но это точно был кто-то незнакомый. Рядом с незнакомой фигурой в длинном плаще был припаркован незнакомый темно-красный Оппель. Я нарочно шел к воротам медленно, чтобы сперва рассмотреть, кто это приехал, — фрау Инге не любит, когда я открываю чужим. Сейчас еще не так, а когда у нас жил Карл, так она просто запрещала мне открывать ворота.

Но когда я подошел ближе, то увидел, что это вовсе не незнакомые люди, а две профессорши из Верхнего Нойбаха — как раз те самые, которые поссорились с фрау Инге из-за начинки лукового пирога. Они очень друг на друга похожи, только одна красивая, а вторая страшолудная. Страшолудная звонила в колокольчик, а красивая выглядывала из Оппеля и кричала страшолудной:

— Звони, звони еще, Доротея, она точно дома!

Потом она заметила меня, — я как раз остановился, чтобы решить, открывать им или нет, — и начала махать мне изо всех сил:

— Отвори ворота, Клаус, мы знаем, что фрау Инге дома!

Я очень испугался — откуда она могла знать, что меня зовут Клаус, разве я был с ней знаком? И я не стал им

открывать, а побежал к фрау Инге сказать, что к ней приехали те самые профессорши из Верхнего Нойбаха. По дороге я вспомнил, как один раз мамка и Эльза мыли посуду на кухне и думали, что я не слышу, так они говорили про этих двух такое, такое, такое! — нет, я ни за что не мог бы это повторить.

В кухне было тепло и пахло чем-то вкусным, но фрау Инге не позвала меня есть, а спросила, зачем я пришел. Когда она услышала, какие гости явились к ней в красном Опшеле, она нисколько не обрадовалась. Сперва она сомневалась, впускать их или нет, но они все не унимались и трезвонили в колокольчик, как ненормальные. Так что она велела мне пойти и открыть им калитку.

— Ничего не поделаешь, — сказала она, — они дамы настырные, они будут стоять у ворот, пока мы их не впустим.

Но я все не уходил и топтался на пороге, потому что не знал, возвращаться мне на кухню или нет, и слышал, как Ури спросил:

— А почему их называют так коллективно — «профессорши»? Они что, профессорские жены или сами профессора?

— Кто как, — ответила фрау Инге. — Твоя прекрасная Доротея — и жена, и профессорша, а Вильма — только профессорша.

Я подумал, что мамка опять наврала, потому что раз у одной из них есть муж, значит, того, что они тогда с Эльзой плели, быть не может. Тут фрау Инге заметила, что я все еще не ушел и сказала:

— Иди уже, наконец,пусти их, Клаус, и веди их прямо сюда, не давай им болтаться по двору и все разглядывать. Небось они за тем и явились без приглашения.

И мне сразу стало очень весело и хорошо — я ведь знаю фрау Инге: уж если я приведу этих профессорш на кухню, так она и мне даст поесть. Поэтому я улыбался, когда отворил им калитку, и страхолюдная сказала красивой:

— Ну вот, Вильма, а ты говорила, что она нас не впустит. Причем, ты заметила, что этот идиот к ней ушел хмурый, а от нее вернулся с улыбкой?

Она хоть и профессорша, а тоже, как все, думает, что при мне можно что угодно сказать про меня. Но я не стал рассказывать страхолюдной Доротее, что я о ней думаю, а просто посторонился и молча пропустил ее во двор. Красивая Вильма за нею не пошла, а крикнула мне, нельзя ли открыть ворота, чтобы она въехала во двор на машине. Но я притворился, будто не понимаю, чего она хочет, — раз они считают меня идиотом, пусть им будет хуже, — и сделал вид, что собираюсь запереть калитку. Так что Вильме пришлось быстренько припарковать свой Оппель за воротами и поспешить за мной.

Пока я вел Вильму и Доротею к замку, они ширяли глазами во все стороны, а у входа в старую башню отстали от меня и начали о чем-то шептаться. Тогда я сказал им, чтобы они не останавливались и шли за мной.

— Куда ты так спешишь, Клаус? — спросила красивая Вильма. — То ты полчаса не открывал, а теперь бежишь, будто с цепи сорвался.

— Теперь он бежит к своей хозяйке, — сказала страхолюдная Доротея, и обе они противно засмеялись — непонятно над чем.

Мы вошли в кухню, Ури там уже не было, а фрау Инге стояла у стола и составляла тарелки и чашки на поднос. Я остановился в дверях и сказал:

— Вот они. Обе.

— Добрый день, Инге, — сказала Доротея с порога.

— Добрый день, Инге, — сказала Вильма и протиснулась между Доротеей и мной.

— Добрый день, — сказала фрау Инге, положила на поднос вилки и ножи, поставила поднос на стол и стала молча ждать, что будет дальше. Бедные Вильма и Доротея никогда раньше не бывали в нашем замке и еще не знали, как трудно вынести молчание фрау Инге. Но они быстро узнали и затрепыхались, как форели на сковородке, когда мамка приносит их по воскресеньям от пьяницы Эрвина из Крумбаха и жарит на обед.

— Вы, наверно, удивляетесь, Инге, что мы пришли к вам.... — заторопилась Вильма.

— ... и даже не позвонили перед тем, как прийти! — подхватила Доротея. — Но мы боялись, что вы не захотите нас видеть...

— ... после всего....

— ... после нашей нелепой ссоры из-за этой начинки...

— ... это наша вина, мы признаем...

— ... не правда ли, смешно — интеллигентным людям ссориться из-за какого-то пирога...

— ... стыдно перед простыми людьми...

— ... и мы решили исправить...

Они, видать, уже совсем замучились перебивать друг друга, но фрау Инге продолжала молчать. Они немножко помолчали все вместе, а потом Вильма и Доротея начали все сначала, — куда им тягаться с фрау Инге, она любого может перемолчать!

— ... Так мы решили прийти...

— ... простите, что без звонка...

— ... но мы боялись, что вы не захотите ...

— ... после всего....

— ... это наша вина, мы признаем...

— ... не правда ли, смешно — интеллигентным людям ссориться из-за какого-то пирога...

Тут фрау Инге, наконец, надоела их болтовня, и она сказала хмуро, без улыбки:

— Может, вы выпьете по чашечке кофе?

Обе задрыги — и красивая, и страхолюдная — так обрадовались, будто две недели уже кофе не пили. Они прямо побежали к столу, с которого фрау Инге стала убирать поднос с грязными чашками, чтобы поставить туда чистые. А я продолжал стоять на пороге, потому что не знал, что мне делать — уходить или оставаться. Тут фрау Инге, наконец, меня заметила. Раньше эти две настырные дамы — надо будет спросить Ури, что такое «дамы» (он, конечно, знает) — так ее уболтали, что она про меня вообще забыла.

— Боже, Клаус, — мне она улыбнулась, не то, что этим задрыгам, — ты ведь сегодня не завтракал! Иди сними сапоги и садись к столу.

Страхолюдная Доротея наклонила голову к плечу и стала похожа на кривой торшер, который стоит в спальне у фрау Инге:

— Видите ли, дорогая Инге, мы бы хотели поговорить с вами наедине.

Фрау Инге высоко подняла брови:

— Что-то серьезное?

Доротея открыла рот и хотела, наверно, сказать, что да, серьезное, потому что Вильма наступила ей на ногу под столом, — мне с порога хорошо было видно, как одна грязная кроссовка прижала носком другую грязную кроссовку — тогда Доротея закрыла рот и ничего и не сказала. А я пошел на крыльцо снимать сапоги. С крыльца я увидел Ури в рабочем комбинезоне: он возился с красными камнями, которые приготовил когда-то Карл, чтобы пристроить добавочную комнату к боковой стене свинарника, где второй выход. Ури помахал мне издали, чтобы я подошел поближе. Мне уже очень хотелось идти завтракать, но Ури снова позвал меня, так что пришлось спуститься с крыльца и подойти к нему.

— Ну, как там наши гости? Зачем пожаловали? — спросил он.

Я немножко подумал и ответил:

— Наверно, чтобы пить кофе.

Ури засмеялся и опять объявил, что мне цены нет. Не знаю, может, он хотел этим сказать, что за меня никто ничего бы не заплатил, — ну и не надо, пусть не платят!

— Ладно, иди есть. Только обязательно запомни все, о чем они там будут говорить и Расскажи мне, ладно?

Я сказал «Ладно, запомню» и вернулся на кухню — фрау Инге уже налила кофе своим гостям и поставила чашку и бутерброды для меня. Я был такой голодный, что сразу набросился на бутерброды и сперва прослушал, о чем говорили за столом. Когда я прожевал первый бутерброд и взялся за второй, я вдруг услышал мамкино имя:

— ...должны отреагировать на злобные инсинуации Марты, — говорила Доротея про мамку на незнакомом языке.

— Т-с-с! — зашипела Вильма и показала глазами на меня. Доротея посмотрела на меня, но, по-моему, не увидела, потому что глаза ее были затянуты какой-то блестящей пленкой, в которой отражался маленький-маленький я и маленькая-маленькая фрау Инге с кофейником в руке.

— На что тут реагировать? — спросила фрау Инге уже по-немецки.

— Но ведь нельзя допустить, чтобы эта... — начала Доротея, но Вильма опять зашипела и показала глазами на меня.

— Нет, так невозможно разговаривать, — сказала Доротея и взяла с блюда свою чашку с кофе, к которой она до сих пор не прикоснулась. — Мне кажется, в этом замке есть достаточно комнат, где можно было бы обсудить этот вопрос без помех.

Фрау Инге налила мне кофе и поставила кофейник на стол:

— О чем тут еще говорить? Все и так ясно. — сказала она устало, и я вспомнил, что она всю ночь бродила где-то в своем парадном платье, пока Ури спал одетый в кресле в ее спальне.

— Как это, не о чем говорить? — расплескав мой кофе, красивая Вильма вскочила из-за стола и начала нервно шагать по кухне. — Мы сюда специально приехали, чтобы предложить вам свою помощь!

Мне показалось, что и на ней, и на Доротее надеты те же самые мятые майки, в которых они были вчера на празднике, — может, они тоже спали в одежде? Наверно, вчера была такая ночь, что всем пришлось спать в одежде. Интересно, а мамка и булочник Петер тоже так и заснули, не раздеваясь? Да нет, я свою мамку знаю, она хоть кого заставит раздеться!

— Хотела бы я знать, над чем ты смеешься, Клаус? — сердито спросила Доротея. — Что ты нашел смешного в моих словах?

По-моему, она страшно разозлилась, а я удивился, чего она ко мне привязалась, — я в это время представлял себе мамку и булочника Петера без одежды и даже не заметил, что Доротея что-то сказала.

— Оставьте его, — вступилась за меня фрау Инге, он вас даже не слышал, он думал о своем — правда, Клаус?

Я всегда удивляюсь, как она до всего догадывается?

И тут я вспомнил, что обещал пересказать Ури весь их разговор, а сам почти все прослушал. Я решил: пусть будет не сначала, но все, что они скажут теперь, я постараюсь запомнить. Я взял с тарелки третий бутерброд — он был с сыром, а я сыр не очень люблю — и стал медленно его жевать, делая вид, что я вовсе не слушаю. Я и на самом деле не слушал, а только запоминал, — это гораздо легче. Когда я запомнил столько, что голова у меня начала лопаться, я быстро проглотил последний кусок сыра, сказал «Спасибо», встал из-за стола и направился к выходу.

— Слава Богу, наконец можно будет поговорить спокойно, — сказала Доротея, когда я выходил.

Я надел сапоги, подошел к Ури и стал смотреть, как он укладывает камни. Руки его так и летали: сперва он наливал толстый слой цемента, потом клал на него ровный ряд камней, тесно прижимая один к другому, потом заливал в щели еще цемента и разравнивал его мастерком. Он почувствовал, что я стою за его спиной, и обернулся:

— А, Клаус! Ну как, поел? Можешь рассказать, что ты там услышал?

Я глубоко вдохнул воздух и сказал, что могу, только быстрее, пока я не забыл. Мне очень хотелось, чтобы Ури был мной доволен: до сих пор все, кому не лень, меня ругали, и только он заметил, что я могу запомнить и повторить какой угодно разговор. Он даже говорит, что такой памяти, как у меня, он не встречал у самых умных людей. Иногда он читает мне страницу из какой-нибудь ученой книги, и я ему эту страницу повторяю, хоть часто ни слова не понимаю, а он следит по книге, правильно я повторяю или нет. Почти всегда я повторяю все слово в слово, и тогда Ури восхищается, хлопает меня по плечу и говорит, что я — настоящий органический магнитофон! Мне очень нравится, когда он так говорит — ведь до сих пор никто никогда мной не восхищался.

Ури положил мастерок, скомандовал «Начинай!», и я начал:

— Нельзя допустить, чтобы такой клеветнический выпад остался безнаказанным!

— Я совершенно не понимаю, о чем идет речь.

— Зачем вы так говорите, Инге? Вы прекрасно знаете, о чем я говорю!

— Понятия не имею!

— Мы понимаем, что вам неприятно, и уважаем ваши чувства, но ...

— Бред какой-то! Какие чувства?

— Этот гнусный спектакль!

— Мы, к сожалению, опоздали и не видели начала...

— ...но нам рассказали, как эти люди издевались над вами и над вашим больным отцом.

— Мы опоздали, а то бы мы ни за что не допустили такого издевательства...

— Да с чего вы взяли, что речь шла о нас с отцом? Ведь имен никто не называл!

— Ну и что? Аналогия была такая прозрачная, что и без имен все поняли намек.

— Да не было никакого намека! Вы что, хотите, чтобы я самолично узнала себя в героине деревенского балагана?

— Вы просто выворачиваете все наизнанку!

— Это вы выворачиваете, а не я! И вообще, что вам за дело до наших деревенских дрызг?

— Мы такие же жители этой деревни, как и вы!

— Доротея даже член местного совета!

— Такие же, да не совсем! Моя семья владеет этим замком с шестнадцатого века.

После этих слов я замолчал. На лбу у меня выступил пот и стал заливать глаза.

— Ты все это прямо так сходу запомнил? Ты гений, Клаус! — восхитился мной Ури. — Давай дальше.

Но я не мог дальше, я сел на камень и сказал «Все!».

— Все? — огорчился Ури. — Жалко, прервалось на самом интересном месте.

Я тоже огорчился, что я больше не смог запомнить, а Ури попросил:

— А ну-ка повтори мне эту фразу про прозрачную аналогию.

Но я уже ничего не мог повторить: как только я из себя все это выпустил, оно тут же куда-то исчезло, и я ни слова не мог вспомнить. Я испугался, что Ури больше не будет считать меня гением, а станет, как все, думать, что у меня голова, как дырявая корзина, но он похлопал меня по плечу и сказал, что все в порядке. Тут дверь из кухни открылась, и все трое вышли на крыльцо — фрау Инге и обе дамы. Я не успел спросить Ури, что такое «дамы», но, наверно, это что-то плохое — такие они были противные. Фрау Инге помахала Ури с крыльца:

— Пошли с нами, Ури! Мы идем осматривать замок.

Я сказал тихо-тихо:

— А можно я тоже пойду?

А Ури крикнул громко:

— Фрау Инге, можно Клауса взять с нами? Он сегодня всю работу уже сделал!

Он сказал неправду, — мне еще надо было прокрутить в миксере овощи свиньям на вечер и вымыть окна и двери у Отто, но я, конечно, мог бы сделать это позже, если бы фрау Инге позволила мне пойти с ними осматривать замок. Когда-то раньше я осматривал замок с Карлом, но Карл очень любил тайны и не всегда брал меня с собой. Были такие места, которые он не хотел, чтобы я видел. Вот было бы здорово посмотреть их сейчас!

УРИ

— С чего мы начнем? — спросила Инге своих гостей. — Сегодня я долго не могу, у меня работы непочатый край.

— С того, что порекомендует Вильма, — поспешно сказала Доротея. — Она преподает архитектуру средних веков и знает про старые замки абсолютно все.

Но Вильма, казалось, ни слова не слышала — она так вертела головой, разглядывая башни и стену, что ей

грозила опасность превратиться во флюгер. Наконец она не столько произнесла, сколько пропела:

— Боже, неужели я действительно здесь? Я ведь давно потеряла надежду проникнуть за эти заколдованные стены. — Тут она повернулась к Инге. — Пошли, дорогая Инге, я расскажу вам, какое сокровище оказалось у вас в руках! Только хорошо бы взять с собой план замка. У вас должен быть план.

— План замка? — Инге наморщила лоб, силясь вспомнить.

— У вас обязательно должен быть план, — настойчиво повторила Вильма.

Инге прикусила нижнюю губу и задумалась.

— По правде говоря, я видела его последний раз много лет назад, когда все здесь перестраивала. Понятия не имею, куда он девался с тех пор! Может быть, он в шкапулке, которая стоит в рыцарской трапезной?

Вильма и Доротея так и повисли на ней.

— Рыцарская трапезная! У вас сохранилась рыцарская трапезная? — зачирикали они, перебивая одна другую. — Подлинная трапезная? Какого века?

Инге бросила быстрый взгляд на Ури, но он развел руками, — мол, делать нечего, ты же сама предложила показать им замок.

— Хотите посмотреть? — спросила Инге и взялась за ручку двери.

Обе дамы завизжали от восторга и, обгоняя друг друга, ринулись за ней. Клаус тоже хотел было пойти с ними, но Ури его не пустил:

— Рыцарскую трапезную тебе смотреть необязательно, ты там каждую неделю пыль вытираешь. Так что иди пока помой посуду и наведи порядок на кухне, — сказал он и пошел обратно обмазывать цементом свои камни.

Клаус вымыл посуду, протер пол на кухне и даже помыл газовую плиту, а они все еще топали и чирикали в рыцарской трапезной. Наконец он не выдержал и вышел на крыльцо:

— Ури, можно, я порду посмотрю, что у них там творится?

— Я сам пойду, — ответил Ури, положил мастерок, вытер руки и пошел в трапезную. Там горели два канделябра, которые образовали светлые круги по обе стороны рыцарского стола, — в одном круге Доротея и Вильма, напялив шлемы и доспехи, любовались своим отражением в большом зеркале, в другом Инге стояла на коленях перед нижним ящиком старинного комода. Остальные ящики комода были выдвинуты, и весь хлам из них был разбросан по полу, а на верхней доске стояла открытая чеканная шкатулка, из которой Инге вытряхнула все бумаги.

— Не могу понять, куда этот план мог запропасться, — сказала она, обращаясь то ли к Ури, то ли к отражению Доротеи и Вильмы, совсем неотличимых за опущенными забралами. Она закрыла нижний ящик, поднялась с колен и стала аккуратно собирать разбросанные бумаги, внимательно просматривая каждый листок прежде, чем вложить его в шкатулку. Доротея и Вильма сняли со стены шпаги и с громкими криками скрестили их, не отрывая глаз от зеркала. Инге вздрогнула, не разглядывая бросила в шкатулку последнюю пачку бумаг и со звоном захлопнула крышку. Потом быстро сгребла в охапку раскиданные по полу старинные одежды, кое-как рассовала их по ящикам комода и обратилась к отражению в зеркале:

— Прошу прощения, дорогие гости, но нам придется отложить осмотр замка до другого раза.

Вильма подняла забрало:

— Как это — отложить? — воскликнула она. — Ведь мы же договорились!

Инге устало откинула волосы со лба:

— Мне очень жаль, но я боюсь, мы договорились неправильно. Во-первых, я так и не нашла план.

Доротея сняла шлем:

— Бог с ним, на первый раз можно и без плана.

— А во-вторых, — сказала фрау Инге твердо, — уже двенадцать часов, и у меня полно работы.

— Но мы так мечтали увидеть замок! — захныкала Вильма, выбираясь из доспехов.

— Не огорчайтесь, вы еще его увидите, когда я найду план, — пообещала Инге, делая шаг в сторону лестницы. — Теперь, когда мы благополучно разрешили наши непримиримые противоречия по поводу лукового пирога, что может помешать нам... — она засмеялась, и обе гости засмеялись вместе с ней.

— На случай, если план не найдется, вы можете обратиться в Управление по охране памятников. — сказала Вильма. — Там в архиве хранятся планы и родословные всех замков этого периода.

— А где оно, это Управление? Никогда о нем не слышала, — удивилась Инге.

— В Байерхофе. В земле Гессен. Вы там когда-нибудь бывали?

— Боюсь, что никогда.

— Тогда вы просто обязаны поехать посмотреть! — вскинулась Вильма.

Это прелестный старинный город — настоящая жемчужина! Он сохранился с семнадцатого века в таком виде, как его построили.

— Даже американские бомбардировщики обошли его в сорок пятом, — вставила словечко Доротея.

— Далеко он?

— Отсюда километров двести — не больше. Если вы поедете туда, обратитесь к моему учителю — профессору Курту Рунге; он ведает этим архивом. Можете сослаться на меня. Моя девичья фамилия Шенке Вильма Шенке.

За спиной Ури раздался странный звук, словно кто-то поперхнулся хлебной крошкой, но сдерживается, стесняясь кашлять вслух. Ури обернулся и увидел Клауса — он пялился на Вильму, разинув рот, в уголках губ у него запеклась слюна.

КЛАУС

Когда я услышал про девичью фамилию, я понял, что мамке ни в чем нельзя верить. Раз у Вильмы была девичья фамилия, значит, у нее был муж. Выходит, и у

Вильмы был муж, и у Доротеи был муж! А значит, напрасно мамка с Эльзой про них насочиняли, будто они лижут друг друга языком в таких местах! Замужние женщины так делать не могут! Или все-таки могут? Тут я стал представлять себе, как они это делают, мне стало страшно жарко, и я не заметил, что все погасили свет и ушли, а я остался один в темноте.

УРИ

Ури взял из пачки белый лист, написал: «Дорогая моя старушка»; прочел написанное, поморщился и зачеркнул. Под зачеркнутым написал: «Клара, цветок души моей»; прочел написанное, опять поморщился, скомкал лист и бросил в корзинку. Идея написать матери письмо осенила его внезапно и поразила своей простотой. Просто письмо, подробное, спокойное, обстоятельное, — вместо бессмысленных дорогостоящих телефонных разговоров, после которых у него на губах оставалась вязкая горечь от собственного хамства. Тут была какая-то загадка: стоило ему услышать голос матери, как из глубин его подсознания вырывались неведомые гнусные химеры, — поразительно, когда в тайниках его души (души ли?) успело накопиться столько желчи? И самое ужасное, что мать не пыталась уклониться, не прикрывала лицо руками, а кротко позволяла ему расправляться с нею со всей жестокостью, на какую он был способен. А с нею он был способен на многое. И чем больше хамства она ему прощала, чем покорнее звучали ее ответы, тем сильнее он распался.

Возможно, все дело было в том, что он инстинктивно угадывал за ее кротостью тот темный ужас, который охватил ее после всего, что с ним случилось. Она считала его тяжело, неизлечимо больным, так же, как и все его бывшие друзья, с которыми он в результате успешно расплевался. С друзьями, как и с подружками, проделать это было куда легче, чем с матерью, их терпения не хватило надолго. А вот мать в своей всепрощающей

покорности была непобедима. Ури чувствовал, что для него было бы смертельно раствориться в ее жалости, и потому сопротивлялся как мог.

«Итак, будем писать мамке письмо». — вздохнул он вслух и вдруг понял, как он должен к ней обратиться. Он придвинул к себе новый лист и написал с легкостью: «Привет, мамка!». Он написал эту фразу по-немецки и засмеялся, представив себе, как поразит ее такое обращение. После этого непочтительного вступления он перешел на иврит — все-таки писать справа налево было куда сподручней, — и слова свободным потоком потекли из-под его пера:

«Не удивляйся: так называет свою свирепую мать мой подручный дурачок Клаус, — я тебе о нем как-нибудь напишу подробно — это отдельная тема. А пока я отвечу на твой главный вопрос: я еще не знаю, когда я вернусь. Мне тут хорошо и спокойно, хотя я часто (но к счастью, не всегда) укоряю себя, что мне не должно быть хорошо и спокойно в Германии. Как ни странно, — а впрочем, может быть, это естественно, — но здесь я начал гораздо больше понимать твое настойчивое отталкивание от этой страны. Отталкивание от нее и притяжение к ней. Я даже съездил на еврейское кладбище в Цвайбрюккен и нашел там могилу твоей бабушки. Мне не повезло — или повезло, если тебе угодно, — потому что накануне, то ли в насмешку, то ли в наказание, именно на этом кладбище порезвились хулиганы. Они перевернули и разбили несколько мегильных плит (к счастью, не бабушкину) и разрисовали все стены и памятники свастиками. Этой милостью они нас не обошли, так что твоя либеральная душа может быть спокойна — тут мы слились со своим народом.

Вообще здесь, в нашей лесной глухомани скрыта какая-то тайна. Тут почти нет и давно не было евреев, — говорят, и до Гитлера их, то есть нас, было здесь немного. Еврейское кладбище в Цвайбрюккене подтверждает это: оно такое маленькое, и основная масса могил относится к прошлым векам. Я боюсь, семье твоей бабушки было здесь одиноко. Однако многие городишки

в наших окрестностях носят фамилии моих школьных друзей — я уже побывал в Канделе, Манделе, Гинзбурге, Ландау и Майзеле — значит, все они отсюда родом. Можешь им это при случае сообщить.

Но это все между прочим, а по делу я хотел объяснить тебе, что меня здесь удерживает, если такое вообще можно объяснить. Да, ты права, меня здесь удерживает Инге, или, как ты называешь, ее «эта женщина». Мне странно слышать такое определение от тебя — тебя ведь столько раз так обзывали, и ты знаешь по себе, как это обидно и несправедливо. Ты спрашиваешь, люблю ли я ее. Я не знаю, что значит «любить», слово это потеряло для меня смысл вместе со многими другими важными словами. Люблю ли я тебя? Любил ли я Ирит? Ведь оказалось, что мне было легче с нею расстаться, чем продолжать нашу душераздирающую драму. Был ли я виноват в этом? Мог ли я вести себя иначе?

Но я не хочу возвращаться к тому страшному времени, когда мне легче было числить себя среди мертвых, чем среди живых, потому что среди живых мне было неуютно. Я только пытаюсь объяснить тебе, что привязывает меня к Инге. Ты только не смейся, но я думаю, что она меня приворожила — она сама полусхрипав называет себя ведьмой и говорит, что пару веков назад ее бы сожгли на костре. Знаешь, бывают минуты, когда я в это верю, потому что ворожкой ли, колдовством ли, не знаю, но она вернула меня к жизни. Тем более, что место здесь вполне подходящее для колдовства: всего в паре километров от нас находится гора Лемберг, где ведьмы когда-то плясали на Вальпургиеву ночь, если ты еще помнишь ваши немецкие легенды. Кто их знает, может, они и сейчас там пляшут, — во всяком случае, здесь, в деревне, одна половина жителей подозревает вторую (а вторая — первую), что они лешие, ведьмы и колдуны. Но кто бы они ни были, мне здесь хорошо и спокойно. Если тебе так легче, можешь рассматривать это место как санаторий для нервных больных.

Ну вот, а теперь, когда я написал тебе о главном, я постараюсь удовлетворить твое любопытство и описать

тебе внешнюю сторону своей жизни. Я живу в очень старинном замке, на три четверти разрушенном и на одну четверть пристойно модернизованном. Я думаю, что ты — с твоим изысканным чувством прекрасного и любовью к европейской культуре — сумела бы по-настоящему оценить красоту моего временного жилища. Ты заметила? — я пишу «временного» и потому (но не только потому) не приглашаю тебя приехать и восхититься. Ведь ты сама внушила мне, что нога твоя никогда не ступит на проклятую немецкую землю, и я тебе верю, потому что вера в тебя — это, пожалуй, единственная вера, которая у меня осталась, — если не считать, конечно, вновь приобретенной веры в нечистую силу.

Но вернемся к замку. Он построен из местного кроваво-красного камня, из которого в этой округе построено все — от дровяного сарая до Фрайбургского собора. Представляешь, какая это красота — красные зубчатые стены на склоне горы в кольце густого темно-зеленого леса, над которыми взлетают ввысь мрачные красные башни со стрельчатыми бойницами! Последний художественный штрих внешнему виду замка придает многоцветная мозаика, искусно выложенная над его старинными двустворчатыми воротами несколько веков назад. Наш дурачок Клаус — я часто его цитирую, потому что в его словах мне слышится необъяснимая мудрость юродивого, — так описывает эту мозаику: «На этой картинке пять рыцарей на конях барахтаются в мыльной пене, которая сливается на них сверху из какой-то невидной нам стиральной машины». Похоже, эти рыцари подъехали к воротам снизу из деревни по извилистой горной дороге.

А ведь внутри замок еще красивей, чем снаружи. Честно говоря, до сих пор я видел только комнаты и переходы, доступные поверхностному обзору, и лишь недавно обнаружил, что можно проникнуть в ту часть замка, которую я считал запретной. Дело в том, что замок по сути состоит из трех замков разного возраста: самый древний, построенный еще в двенадцатом веке сильно разрушен, средний тоже разрушен, но не так сильно, а самый юный — всего лишь середина шестнадцатого века, со-

всем дитя, ха-ха-ха! — неплохо сохранился. Его возвели (не могу употребить глагол менее возвышенный применительно к такому архитектурному чуду) уже предки Инге, а она его частично перестроила и модернизовала.

Признаюсь, я несколько раз пытался пробраться в запечатанные семью печатями старинные покои, но мне это оказалось не под силу, тем более, что когда Инге об этом узнала — дурачок Клаус проболтался, — она учинила мне страшный скандал. Она кричала, что это опасно, потому что там все рушится, и умоляла меня больше туда не лазить. И я пообещал прекратить свою поисковую активность, тем более что работы у меня тут по горло и времени на детские глупости нет.

А теперь самое интересное: у нас тут произошли разные мелкие перетасовки, в результате которых замок повернулся ко мне передом, а к лесу задом. Все началось с того, что к нам в гости повадились две местные профессорши-лесбиянки, — предупреждаю, никакого отношения к здешним колдунам и чародейкам они не имеют, они — из университетских кругов. Тебе может показаться, что я совсем зарапортовался — то у меня шабаш леших и ведьм, то шабаш лесбиянок и профессоров, но ничего не поделаешь: такова реальность здешней жизни. Так вот, эти две прекрасные дамы, — впрочем, прекрасная из них только одна, а вторая — страшной войны, вся составлена из разнокалиберных осколков стекла, — но эта деталь нисколько не снижает интенсивности их взаимной страсти; о чем это я? Ах да, так эти дамы последнее время зачастили к нам, и мы с Инге никак не можем решить, ради кого из нас: ради Инге, ради меня или ради замка. Не исключено, что ради всех троих.

Внешним предлогом их визитов служит профессиональный интерес Вильмы — это та, которая красивая, — она пишет книгу о средневековой архитектуре этих мест, а Доротея, — та, что из осколков стекла, — просто сопровождает ее, ибо они неразлучны. И вот в связи с этой книгой они жаждут осмотреть замок. Ты спросишь, почему они возникли с этим требованием именно сейчас, и я мог бы тебе это объяснить, но это тоже отдель-

ная история, так что ее я расскажу тебе как-нибудь отдельно. Но суть состоит в том, что именно сейчас они буквально атакуют Инге и настойчиво требуют разрешения обойти все запертые покои, залы, лестницы, подвалы и переходы. Инге не решается пускать их одних и, если очень уж занята, то посылает меня их сопровождать при условии, что мы не будем заходить в помещения, огороженные веревками. Когда-то, когда Инге перестраивала жилую часть замка, какие-то специалисты огородили особо опасные места.

Мои подопечные — дамы любопытные, любвеобильные и любознательные, а главное — большие борцы (или лучше «борицы»? или, может, «поборницы»?) за права человека. И потому вперемешку с лекциями по истории и архитектуре феодальных княжеств Баден, Пфальц и Вюртемберг я впридачу к каждой экскурсии получаю суровый втык за свое дурное обращение с палестинцами. От полного морального уничтожения меня спасает только их еще не полностью угасшее, но стремительно угасающее на глазах немецкое чувство вины перед евреями.

Если бы не эти их безудержные взрывы либеральной патетики, наши экскурсии по заброшенным пустынным палатам и переходам замка можно было бы назвать романтическими — там всегда или темно, или, по крайней мере, сумрачно и очень тихо, так что мы произвольно приглушаем свои шаги и голоса, чтобы не слишком нарушать эту тишину. Милые лесбиянки все время нежно ходят рука об руку, а иногда обнимаются и целуются у меня за спиной и воркуют вполголоса, как два голубка. Но я, собственно, собирался рассказать не о них, а о замке. Их я упомянул попутно — уж слишком они живописны, чтобы их просто так миновать.

Замок при ближайшем рассмотрении оказался куда обширнее, чем он выглядит снаружи, потому что он уходит глубоко внутрь огромной скалы, в которую он встроен. Эрудированная Вильма утверждает, будто строители замка так хитроумно использовали все извивы и впадины этой неприступной скалы, что создали в результате архитектурное чудо.

Вчера мы бродили по этому архитектурному чуду особенно долго. Было воскресенье, и сиделка старика Отто фрау Штрайх увезла его с утра в церковь — послушать, как наш Клаус поет в церковном хоре, — ты даже не поверишь, какая в этом медвежьем углу богатая и напряженная общественная жизнь! — так что Инге тоже присоединилась к нашей экспедиции. Она, конечно, хорошо знает замок, и под ее руководством мы прошли через потайную зеркальную дверь в рыцарской трапезной — никакими словами нельзя описать тот восторженный трепет, который охватил наших лесбиянок, когда эта дверь начала бесшумно поворачиваться вокруг центральной оси, открывая за собой черное зияние подземного хода.

Я много раз проходил по этому подземному ходу — он ведет из комнат Инге в комнаты Отто, — но только мимоходом заглядывал в ответвляющийся от него другой подземный ход, по которому повела нас вчера Инге. Вообще я вынужден признать, что беспардонное вторжение либеральных дам в нашу размеренную трудовую жизнь превратило ее в некое подобие праздника, — вроде никогда не было времени, а вот теперь вдруг нашлось. И веселой праздничной процессией мы пошли по сводчатым подземным коридорам, освещая себе путь пускай не факелами, а всего лишь электрическими карманными фонариками, но все же... Потому что в этих коридорах даже фонарики создают атмосферу мистической тайны.

Подземный ход довольно долго спускался вниз, пока не привел нас в круглый красный зал, расположенный в подножии самой древней башни. Дневной свет проникает в зал сквозь разные прорехи вроде выбитых окон и отвалившихся дверей — поэтому, хотя погода была дождливая и небо серое, наши фонарики стали бесполезны, а их свет бледным и бестелесным. Но даже в этом бледном сумеречном свете было видно, как прекрасны пропорции зала, хоть многое в нем сильно разрушено.

Инге сказала, что она покажет нам что-то любопытное, и повела нас по полуразрушенной лестнице

на вырубленную в стене галерею, опоясывающую зал на уровне второго этажа — да, я забыл сказать, что зал очень высокий, а над ним взлетает к небу грозная сторожевая башня. Мы шли гуськом, осторожно глядя себе под ноги, потому что каменный пол галереи изрядно выщерблен и в некоторых колоннах баллюстрада зияют опасные трещины. На полпути в стене прорублен узкий проход, в который мы свернули, и, пройдя несколько шагов, вышли на главную стену замка. Замечу, что зубчатые стены замка сохранились лучше всех других его частей — их действительно строили на совесть, ведь от их прочности зависела жизнь строителей! Зубцы той стены, на которую мы вышли, — метра в полтора толщиной, а вдоль зубцов по внутреннему краю стены вьется каменная дорожка шириной еще в пол-метра, а то и больше.

— Смотрите! — сказала Инге и указала на непонятное цилиндрическое строение с куполообразной крышей, втиснутое в зазор между главной стеной и угловой башней, так что его нельзя увидеть ни со двора, ни с дороги. Под самой крышей в том месте, где строение подходит вплотную к идущей вдоль зубцов дорожке, в его цилиндрическом теле зияет узкий проем, в который можно влезть со стены.

— Загляни туда, Ури, — предложила мне Инге.

Я сунул голову в проем и осветил фонариком внутреннюю полость строения: там было темно и таинственно, покрытые плесенью цилиндрические стены уходили далеко вниз, в пустоту.

Инге спросила, кто знает, что это, но никто из нас с ходу не смог придумать ничего путного. Мы с Доротеей высказали пару дурацких предположений, которые нам казались страшно остроумными, но Инге отмела все наши идеи. Пока мы смеялись над собой, Вильма взяла у меня фонарик и стала вглядываться в темное пространство под проемом.

— Это цистерна! Водяная цистерна! — вдруг завопила она, теряя от возбуждения все свои дамские профессорские манеры.

— Правильно, — подтвердила Инге, — это древняя водяная цистерна. В ней хранили воду при долгой осаде, когда в замке пряталась вся деревня со скотом и лошадьми.

— И все? — спросила Вильма, явно предвкушая какое-то откровение.

— Не совсем, — отозвалась Инге. — Если верить легенде, в очень давние времена эту цистерну наполняли водой не только для питья. Когда грозный враг стеной шел на приступ и защитники замка теряли надежду его отстоять...

Вильма захлопала в ладоши:

— Я так и знала! Они открывали цистерну снизу и разом выливали из нее всю воду! Сбрасывали настоящий водопад на головы наступающих врагов!

Вильма была счастлива — какая это находка для ее книги! Оказывается, сейчас очень редко можно найти сохранный механизм, способный сбросить тонны воды на головы нападающего врага. Она спросила, работает ли это устройство до сих пор, но Инге только пожалала плечами и ответила, что последние четыреста лет вряд ли кто-нибудь это проверял. Чтобы показать нам, как глубоко вниз уходит цистерна, Инге бросила туда камень, и мы довольно долго ждали, пока он ударится о дно. Так что, если эту цистерну честно наполнить доверху, можно затопить небольшой город. Только тут до меня дошел смысл мозаики над воротами замка в трактовке нашего мыслителя Клауса: вот из какой стиральной машины мыльная пена льется обильным потоком на испуганных рыцарей и на их не менее испуганных лошадей!

— А откуда берется вода? — спросила практичная Доротейя.

Инге указала вверх, на отвесно возносящуюся над замком красную скалу:

— Там — наверху, в расщелине, есть источник — из-за него, наверно, и построили здесь когда-то замок. Лет двадцать назад мой отец провел водопровод, чтобы использовать воду этого источника в нашем хозяйстве. А

раньше этой водой в случае надобности наполняли цистерну.

Я присмотрелся получше и заметил, что с вершины скалы в цистерну идет сухой каменный желоб, дальняя часть которого теряется где-то наверху. Однако любознательную Доротею не удовлетворил услышанный ею рассказ:

— А почему сейчас цистерна пустая? В нее вода не льется вообще?

— Нет, сток в этот желоб перекрыт специально сконструированным шлюзом, отводящим воду в водопровод.

— А вдруг вам понадобится наполнить цистерну? — не унималась Доротея.

— Мне трудно представить такого врага, на голову которого мне бы захотелось ее опрокинуть, — сухо сказала Инге, и я заподозрил, что ей уже начала надоедать эта суета вокруг красот приносящая пользу только Вильме, а ей — Инге — одни хлопоты. Но настырную Доротею не так просто было остановить:

— Ну, а если все же понадобится, как это сделать?

Хоть Инге, похоже, уже устала от этого напора любознательности, она предпочла не подвергать риску зыбкое, едва установившееся перемирие и безропотно повела наш маленький разведотряд по стене — туда, где сторожевая башня смыкается со скалой. Там нашим глазам открылась почти невидимая из других точек вырубленная прямо в скале крутая лестница, ведущая к шлюзу.

Восторженная Доротея хотела немедленно начать карабкаться наверх, но Инге показала на толстую веревку, преграждающую вход, и объяснила, что взбираться по лестнице запрещено, потому что опасно. Доротея со вздохом отступила и стала умолять Инге спуститься вниз, в подвал, чтобы посмотреть, как работает сбросовый механизм цистерны. Но Инге спускаться вниз оказалась под тем предлогом, что у нас нет плана.

— Что, план так и не нашелся? — удивилась Вильма. — Вы хорошо искали?

— Я все шкафы перерыла, — пожала плечами Инге. — Но он исчез бесследно.

Мне показалось, что прекрасная Вильма, живые мозги которой были гораздо подвижней стеклянных мозгов Доротеи, тоже догадалась, что Инге уже наскучила эта экскурсия. И желая сохранить возможность прийти сюда в другой раз, она выступила с неожиданной и, на мой взгляд, блестящей идеей — нужно привести замок в порядок и показывать его туристам за деньги!

— Ну, а где взять деньги, чтобы привести замок в такой порядок, за который туристы будут платить деньги? — спросила Инге.

Вильма тут же объяснила, что деньги может дать то самое Управление по Охране Памятников, о котором она уже говорила на днях. Нужно только правильно составить просьбу-проект. Она готова помочь Инге составить проект и посодействовать, где надо.

Мне эта идея показалась просто замечательной, но Инге вовсе не понравилось, что она, пра пра пра правнучка баронов Губертусов, станет показывать свое родовое имение всякому сброду. Однако у хитрожопой Вильмы был на это достойный ответ: «В Бергцаберне за вход в замок берут десять марок, и от посетителей отбою нет. А ведь их замку далеко до вашего. Так что вы сможете спокойно брать все пятнадцать. Или вам деньги не нужны?».

А кому не нужны деньги? Инге они точно нужны, — она тащит на себе все это грандиозное хозяйство и отца-инвалида впридачу. Или про отца-инвалида я тебе еще не рассказывал? Слушай, мне так много пришлось бы тебе рассказать, чтобы ты могла составить хоть смутное представление о моей здешней жизни, а мое терпение уже иссякает. Поэтому я обрываю письмо на полуслове и иду кормить своих свинок, ладно?

Всего хорошего, мамка.

Твой дорогой (в пересчете на марки) сыночек Ури.

P.S. Чтобы тебе было понятно, о чем речь, прилагаю к письму наспех набросанный мной портрет замка. Ты видишь, я настолько пришел в себя, что мысль о писании портретов мне уже не так отвратительна, как несколько месяцев назад. Твой У.

ОТТО

Когда Отто надоели вопросы Инге, он сделал вид, будто задремал. Но хоть он закрыл глаза и даже начал слегка похрапывать, — единственный звук, который он производил так же хорошо, как и до болезни, — она не ушла на цыпочках, боясь потревожить его сон, а упрямо осталась стоять над его головой и настаивать, что план замка должен быть где-то у него. Она даже пустилась в выяснение каких-то давно забытых никому не нужных обстоятельств, при которых она отдала план ему на хранение, но ему смертельно скучно было все это слушать, потому что его ни в чем не надо было убеждать. Он прекрасно знал, что план хранится у него, и отлично представлял, куда он его спрятал, но вовсе не собирался ей этот план отдавать.

Он чуть было не рассказал ей, как непросто было ему с его протезом и парализованной рукой спрятать этот дурацкий план, который стал для него угрозой и обузой. Правда, у него хватило ума и предусмотрительности спрятать план заранее — еще до того, как само наличие этого плана в замке могло бросить тень подозрения и на него, и на Инге. И какую благодарность он получил от нее за свою самоотверженность и осторожность? Никакой.

Отто так обиделся на дочь за эту черствость, что перестал храпеть и поднял было лапу, чтобы отстучать ей свои обиды, но во время спохватился. Он что, совсем обалдел? Ведь она же ничего не знает, именно от нее-то и весь секрет, на всех других ему плевать. Он даже еле слышно застонал от ужаса при мысли о своей возможной оплошности, однако Габриэла этот стон услышала и истолковала его по-своему. Она выскочила из кухни, где готовила ему на обед его любимый протертый суп из зеленого горошка, и набросилась на Инге с обвинениями, что она подвергает опасности здоровье отца.

Инге так опешила от этой неожиданной атаки, что поначалу даже не нашлась, что ответить, а просто виновато забормотала: «Да, да, фрау Штрайх... конечно, фрау

Штрайх...». Было очень смешно слушать ее бормотание, — можно было подумать, что это она работает у Габриэлы, а не Габриэла у нее. Как он мог так ошибаться и называть Габриэлу глупой курицей? Она оказалась совсем не глупой и совсем не курицей! Но кто, глядя на нее, мог бы заподозрить в ней такую смелость и широту ума? Ее лицо, бледное и бесформенное, не допускало даже намека на эти качества. Как ни печально, он вынужден был признать, что Создатель не потратил много усилий на лицо Габриэлы, но он, Отто, уже давно вышел из того возраста, когда о женщинах судят по лицу.

Похоже, к Инге тем временем вернулась ее хозяйская самоуверенность, потому что разговор между ней и Габриэлой перешел в легкую перебранку, и голоса их зазвенели на более высоких нотах. Отто услышал, как дочь сказала тоном, не допускающим возражения:

— Пожалуйста, фрау Штрайх, оставьте нас одних на пять минут. Мне нужно обсудить с отцом важную семейную проблему.

Габриэла начала было протестовать, но Отто, испугавшись, что сейчас они рассорятся и Инге уволит Габриэлу, как она уволила Марту, — уж кому, как не ему было знать, какая его дочь стерва! — лихорадочно заколотил лапой в рельс:

«Суп! Суп подгорит, Габриэла!»

Неясно, поняла ли Габриэла его предостережение или просто вспомнила про суп, но она молча вышла на кухню и закрыла за собой дверь, оставив Отто недине с дочерью. Инге долю секунды поглядела ей вслед и с улыбкой перевела взгляд на отца:

— Ишь, как она бросилась тебя спасать! У тебя с ней роман, что ли?

Отто, польщенный таким предположением, ответил ей с некой даже лихостью, о которой он последние, мучительные свои годы и думать уже забыл:

— А что, только тебе можно романы заводить?

Инге рассмеялась и с неожиданной нежностью погладила его по сильно полысевшей, но все еще кудрявой голове:

— Что ж, роман так роман, лишь бы на здоровье! О-о, я вижу, она тебя даже постригла? Ну и ну!

Она так давно не прикасалась к нему, — по-человечески не прикасалась, а не по необходимости, когда надо было поменять ему пеленку или ночную сорочку! Он с немой мольбой прижался щекой к ее руке, чтобы она не сразу ее отдернула. Еще минута, и он все бы ей рассказал, но, к счастью, — ничего себе счастье! — он уже не способен был мигом выпалить то, что рвалось из него наружу. А пока он поднимал лапу к рельсу, дочь успела отнять руку, и он, в свою очередь успел подумать, что ей противно прикасаться к его ссохшейся старческой коже, и от этой привычной мысли все вернулось на свои места — осторожность, недоверие, неприязнь.

— Куда же мог запропасться этот план? — спросила она, ничуть не подозревая о пронесшейся в его душе мгновенной буре чувств.

Что ж, так даже лучше, пусть и дальше не подозревает. Ее недогадливость ему на руку — пусть она и дальше не подозревает, что он спрятал этот план. Инге начала задумчиво шагать из угла в угол, обращая то ли к нему, то ли к себе самой:

— Черт-те что! Я уже всюду, где могла, искала. Ума не приложу, где еще его искать. Я помню, что он долго лежал в маминой шкатулке среди других старых бумаг. Я его так ясно себе представляю — коричневая папка, а в ней несколько больших желтоватых листов с планами отдельных частей. Но это было давно, куда же он делся потом? Куда я могла его перепрятать?

Она резко остановилась перед античным бюро орехового дерева, в котором хранились всякие нужные и ненужные документы, накопившиеся за долгую жизнь Отто, и принялась перебирать аккуратно перевязанные разноцветными тесемками связки старых писем, банковских счетов и контрактов. Отто дважды ударил лапой в рельс: он терпеть не мог, когда рылись в его бумагах — нужно было срочно вызывать Габриэлу. Та немедленно возникла на пороге с чашкой супа на подносе, — наверно, стояла под дверью и ждала удобного момента, чтобы ворваться.

— А вот и наш супчик! — радостно объявила она и, не глядя на Инге, быстрым шагом направилась к креслу Отто. — Замечательный супчик, именно такой, как мы любим!

Инге с треском закрыла выдвинутые ящики комода и невидящими глазами уставилась на ловкие руки Габриэлы, повязывающей салфетку под подбородком Отто. Предоставив Габриэле готовить его к приему пищи, что стало теперь для него непростой процедурой, Отто продолжал напряженно следить за дочерью — что-то неуловимое в ее поведении тревожило его. Она секунду постояла задумчиво прикусив губу, потом тряхнула волосами и сказала то ли ему, то ли себе самой, то ли фрау Штрайх:

— Ничего не поделаешь, придется ехать в Байерхоф! «Зачем?» — сердито отстучал Отто, хотя он прекрасно знал, зачем ездят в Байерхоф.

— В Управление по Охране Памятников. Там можно получить новую копию плана.

При упоминании Управления по Охране Памятников Отто пришел в ярость и, расплескивая по скатерти аппетитный супчик Габриэлы, принялся сбрасывать с обеденного столика все, до чего мог дотянуться — вилку, ложку, нож, солонку и плетеную хлебницу с хлебом. Некоторое время Инге молча следила, как фрау Штрайх, обиженно поджав губы, поднимает и кладет на стол сброшенные предметы, которые Отто тут же сбрасывает обратно.

— В чем дело, папа? — наконец спросила она.

«Что за горячка? Чего вдруг тебе срочно понадобился план?»

— Хочу кое-что отремонтировать и перестроить.

«Ты что, получила наследство? Интересно, от кого?»

— Почему именно наследство? Есть другие способы получить деньги на ремонт памятника архитектуры.

«С какой стати кто-то даст тебе деньги на ремонт твоего памятника?»

— Есть фонды, которые дают на это деньги, если я обязуюсь после ремонта открыть замок для публики.

Если бы Отто мог взреветь, он бы взревел. Если бы он мог вскочить и стукнуть по столу кулаком, он бы

вскочил и стукнул по столу кулаком. Но ничего этого он не мог. Единственное, что ему оставалось, это сбросить со стола фарфоровую чашку с замечательным протертым супом из зеленого горошка, что он и сделал. Габриэла ахнула и закрыла лицо руками. Отто на мгновение стало ее жалко, но сейчас ему было не до нее, тем более что с закрытым лицом она выглядела куда лучше, чем с открытым. Поэтому он оставил ее стоять, как она стояла, и заколотил в рельс со всей яростью, на которую был способен:

«Запрещаю! Запрещаю! Запрещаю!»

В ответ Инге повернулась и молча пошла к двери. Отто заколотил еще громче:

«Вернись! Не смей уходить!» Но она, конечно, и не подумала вернуться — она открыла входную дверь и сказала с порога:

— Не стоит так горячиться, Отто, ты все равно ничего не можешь мне запретить. А мне придется на это пойти, как мне это ни противно, потому что я не вижу другого способа заработать хоть еще немного денег.

«К черту деньги!» — отстучал он, краем глаза следя, как Габриэла отняла руки от лица, взяла тряпку и начала вытирать пол.

— Поверь, папа, у меня больше нет сил бороться за каждый пфенниг, чтобы сводить концы с концами в этом проклятом замке, — тихо сказала Инге и ушла.

Глядя, как за ней закрывается тяжелая дубовая дверь, Отто откинул голову на спинку кресла и громко заскулил. Ему было жаль себя, потому что он не хотел быть ей в тягость, ему было жаль ее, потому что он был ей в тягость, но сейчас ему было особенно жаль замечательный протертый суп из зеленого горошка, который он расплескал по полу без всякой пользы.

ИНГЕ

— Итак, в путь! Труба трубит! — пропела Инге, затягивая ремень пассажирского сиденья.

Пока Ури давал последние инструкции Клаусу, Ральф сделал очередную отчаянную попытку протиснуться в кабину, а когда она не удалась, решительно растянулся на асфальте прямо под колесами, всем своим видом давая понять, чтобы они и не помышляли уехать без него.

— Что будем с ним делать? — спросил Ури, — с собой, что ли, возьмем?

— Ни за что! — твердо сказала Инге. — Мы едем далеко и по делу.

Ури сел за руль и начал затягивать ремень:

— Так что, переехать его? Ты же знаешь, я давно мечтаю.

Инге задумчиво разглядывала содержимое своей дорожной сумки:

— Может, и не переехать, но уж обмануть его точно придется, — она вынула из сумки бархатную комнатную туфельку и скомандовала:

— Клаус, открой ворота! А только мы выедем, тут же закрой!

Как только Клаус развел в стороны тяжелые створки ворот, Инге размахнулась, изо всех сил швырнула туфельку прочь от машины и крикнула:

— Ральф, аппорт!

Ральф метнулся за туфелькой, Ури нажал на газ, фургон рванул с места, сходу проскочил через мост и затормозил над самым обрывом. Инге посмотрела назад: Ральф с туфелькой в зубах тщетно пытался прорваться в щель между сходящимися створками ворот. Инге откинулась на спинку сиденья и залилась счастливым детским смехом:

— Мы свободны! Свободны! Я ведь не верила, что мне когда-нибудь удастся вырваться! На целых два дня!

Сзади за закрытыми воротами Ральф зашелся протяжным обиженным лаем.

— Поехали скорей! — сказала Инге. — Пока я его не пожалела.

— А туфелька как же? Она ведь тебе нужна.

— Туфельку мы оставим Ральфу для утешения. Тем более что он все равно ее не отдаст.

Ури, осторожно маневрируя скоростями, разворачивал фургон на краю обрыва:

— Жалко, красивые были туфельки. Очень тебе шли.

— Чем не пожертвуешь ради нескольких мгновений свободы!

— Кстати, дорого тебе вся эта затея обошлась? — полюбопытствовал Ури, выводя, наконец, фургон на дорогу.

— Дешевле, чем я предполагала. И фрау Штрайх, и Клаус согласились взять меньше денег при условии, что я дам им обоим отгул в День Охотника. На этот раз он выпадает на середину недели.

— Господи, неужто опять праздник? Скоро?

— Где-то в конце месяца.

— Сколько у вас тут праздников, уму непостижимо! — то ли восхитился, то ли возмутился Ури. — Можно подумать, что в будний день вам что-то мешает есть сосиски и пить пиво!

— Праздники в нашей глуши — главное средство от скуки. А не то люди бы тут совсем посходили с ума. Я их очень понимаю, я сама иногда готова сойти с ума.

Когда они выехали на скоростное шоссе, ведущее на северо-восток к Байерхофу, солнце уже почти зашло. Подсвеченная розовым сиянием заката асфальтовая лента дороги плавными извивами спускалась в усеянную пестрой россыпью деревушек долину Рейна. Им повезло: надоедливый холодный дождь утром прекратился, и появилась надежда, что начинается короткое, но прекрасное бабье лето. Инге открыла большую карту Германии и расправила ее у себя на коленях:

— Ехать часа три, а то и больше, — она опять беспричинно засмеялась. — Я уже и забыла, какое это счастье — мчаться по шоссе далеко-далеко — это почти как лететь.

— А ты любила летать? — сквозь зубы спросил Ури.

— Очень, — ответила Инге, невольно отмечая напряженность его голоса. Она мельком подумала, что он ревнует ее к прошлому, и эгоистично порадовалась этой ревности. Пусть ревнует, пусть подозревает, пусть что

угодно думает и делает, только бы это удержало его возле нее подольше.

— А почему? — спросил он. — Чего там хорошего: висишь между небом и землей, а пассажиры капризничают, один требует воды, другой — виски.

— Бог с ними, с пассажирами, они не в счет. Полеты как наркотик: когда втягиваешься, то становится невозможно без них жить. В полете есть нечто особенное — ты оставляешь привычную жизнь далеко внизу и забываешь о ней, выключаешь ее, как телевизор. И начинаешь новую страницу. И так каждый раз.

— И много таких страниц ты накопила за эти годы?

Сейчас в его голосе звучала уже не скрытая, а открытая ревность, и острое предчувствие, что он сейчас вернется к разговору о Карле, кольнуло Инге за какую-то долю секунды до того, как он спросил:

— Ведь своего Карла ты тоже встретила в самолете?

Она повернулась и поглядела на Ури, но увидела только его профиль: он неотрывно смотрел на медленно вращающуюся вокруг шоссе зелено-розовую панораму, в которой невысокие холмы с торчащими то тут, то там островерхими крышами церквей плавно переходили в просторные, окаймленные лесом дуга. Инге легко коснулась ладонью его лежащих на руле пальцев, но они в ответ не дрогнули приветственно, а неприязненно напрыглись. Она подумала, что не стоит портить из-за Карла с таким трудом организованное и так прекрасно начавшееся путешествие. Лучше всего принять вызов Ури и рассказать ему что-нибудь о Карле. Нужно только быстро решить, что именно.

— Послушай, — начала она осторожно, готовая к любой враждебной реакции Ури. — Какой смысл каждый раз выскакивать на меня с очередным разоблачительным вопросом и тут же убегать в кусты, не желая слышать ответ? Ты должен решить для себя, хочешь ты узнать что-нибудь о Карле или не хочешь.

Ури молчал, явно задетый ее пронизательностью.

— Ладно, — продолжила Инге немного погодя. — Будем считать твое молчание положительным ответом.

Карл сыграл в моей жизни слишком большую роль, чтобы делать вид, будто его вовсе не было. Так что слушай.

Ты прав: я действительно познакомилась с Карлом в самолете. Я до этого уже три года летала на «Люфтганзе», и мне надоело — одни и те же города, одни и те же лица. И я перешла в «Тай-Эр», тем более что там за цвет моих глаз платили чуть больше. В один из первых моих перелетов — мы летели из Амстердама в Бангкок — наш самолет попал в ужасную нестабильность, и всем, даже стюардессам, было велено сесть и пристегнуться. Когда мы шли гуськом к своим местам, самолет так трянуло, что девушка, шедшая впереди всех, не удержалась на ногах и покатила по проходу. Две или три нервные пассажирки отчаянно вскрикнули, а остальные, хоть и молчали, но лица их застыли от напряжения как восковые маски. Какой-то парень очень молодой, почти мальчик — громко спросил: «Мы что, сейчас разобьемся?»

Тогда капитан, который мог видеть весь салон на экране телевизора, приказал стюардессам немедленно сесть на свободные места в салоне, и я оказалась рядом с Карлом. Сперва я не обратила на него особого внимания — мне тоже было не по себе: за все три года, что я летала, я не попадала в такую болтанку. Поэтому я даже не посмотрела, кто это сидит рядом со мной, завернувшись в плед, и читает книгу. Меня сначала даже не поразило, что кто-то способен читать в таких обстоятельствах, мне было просто не до того. Я, может быть, никогда бы с ним не познакомилась, если бы все так и продолжалось, но самолет швырнуло куда-то вбок, и свет погас. Тут уж вскрикнули не только нервные пассажирки. Клянусь, в мгновенном воле ужаса, который раздался в темноте, я слышала немало мужских голосов. Капитан сказал в микрофон что-то успокаивающее по-английски, но, по-моему, никто ему не поверил.

И тут я почувствовала у себя на плече твердую мужскую руку, и спокойный голос сказал по-немецки:

— Успокойся, девочка. Увидишь, все обойдется.

Мне вдруг стало страшно весело и совсем не страшно. Карл потом говорил, что он давно меня заприметил и чуть ли не наворожил, чтобы я села рядом с ним. Он готов был приписать себе не только погасший свет, но даже и надвигающийся на нас из глубин Индийского Океана то ли тайфун, то ли циклон. И все это ради меня.

Наш самолет, как ты понимаешь, не разбился, и мы после короткой паники совершили вынужденную посадку в Бомбее, где нас оставили на ночь в связи с этим самым надвигающимся то ли тайфуном, то ли циклоном. Таким образом, Карлу представилась возможность пригласить меня сперва в ресторан, а потом к себе в номер.

— И ты вот так сразу согласилась пойти к нему в номер?

— Нет, я сначала возразила, что не могу пойти с ним вот так сразу. А он ответил, что жизнь коротка и редко допускает чудеса. И потому чудесами нельзя пренебрегать. А разве наша встреча — не чудо?

— И этого довода тебе было достаточно? Ведь ты его даже толком не видела!

— Ну, положим, к этому времени я уже успела его хорошенько рассмотреть и по уши в него влюбиться. Вернее, влюбилась я в него еще до того, как рассмотрела, потому что посадку мы совершали в полной темноте, если не считать двух синих лампочек, которые зажглись где-то посреди паники в двух концах салона.

— Чем же он так тебя покорила?

— Всем: магнетической силой голоса, магнетической силой руки на моем плече, тем, что он не спокойно читал книгу, когда все потеряли головы от страха. И главное — тем, что он затеял всю эту заваруху ради меня.

— Ты не хочешь сказать, что ты поверила, будто он вызвал тайфун из глубин Индийского Океана?

— Конечно, поверила! Мне так хотелось в это верить! Карл меня потряс — я никогда не встречала такого человека, как он. Дело не в том, что он был молодой и красивый, я уже повидала за эти годы и молодых, и

красивых. Нет, главное — он был особенный, не такой, как все.

— Ты хочешь сказать, что ты всех уже знала?

— Не всех, но многих. За время своих скитаний по свету я успела завести и завершить несколько коротких романов, от которых у меня остался довольно противный осадок. Даже и тогда у меня был очередной друг, который время от времени требовал, чтобы я перестала летать и вышла за него замуж. Но я не соглашалась, — у меня было предчувствие, что я еще встречу своего принца.

— И Карл оказался твоим принцем?

Задавая эти вопросы неестественно равнодушным голосом, Ури ни разу даже мельком не глянул на Инге, а сосредоточенно всматривался в законную панораму, хоть там давно уже стало совершенно темно. Несмотря на то, что Инге была готова к такой реакции, она слегка испугалась, что переборщила в своем описании Карла, но назад дороги уже не было. Что ж, если некуда отступать, остается только смелее идти в атаку:

— Во всяком случае, я думала тогда, что он — мой принц. И я считала так много лет, хотя мне пришлось внести большие поправки в первоначальный образ принца.

— А тебя не тревожила мысль, что этот Карл просто морочит тебе голову, чтобы завлечь тебя на одну ночь, а потом забыть навсегда? Подумай сама: хорошенькая молоденькая стюардесса, готовая по первому зову пойти к нему в номер!

— Может, он сперва так и думал, но я-то твердо решила, что этого не будет.

— Что значит «решила?» В кандалы ты его заковала, что ли?

— Зачем в кандалы? Я хоть и не была тогда настоящей ведьмой, но кое-какими секретами этого мастерства я уже владела. Впрочем, оказалось, что он меня в конце концов все равно обвел вокруг пальца, но это уже другой рассказ. А тогда, ты не поверишь, но я с первой минуты знала, что это всерьез и надолго. И так оно и было. После той первой ночи в Бомбее я постро-

ила всю свою жизнь вокруг Карла: я верила всему, что он говорил, и, нарушая все графики, старалась летать туда, куда летал он.

— То есть ты с ним не жила, ты с ним летала?

— Да, каждая наша встреча была праздником. Он внушил мне, что для любви нет ничего страшней обыденности. И я не просто летала в чужие страны, я летала на свидания с Карлом.

— А он что, часто летал?

Инге почувствовала, что она ступила на тонкий лед и осторожно-осторожно пошла по кромке правды:

— Да, довольно часто. Он тогда еще не рассорился со всем миром, и у него было полно приглашений. Он всегда летал без жены, а я летела за ним в Сингапур или в Гонконг или в другой экзотический город, а там менялась с кем-нибудь или сказывалась больной и оставалась с ним. И была счастлива. Когда его начали реже приглашать на Дальний Восток, я опять вернулась в «Люфтганзу», но в наших отношениях к тому времени появилась трещинка — сначала маленькая, почти незаметная, но она стала все расти, все расширяться... А потом заболела мама, мне пришлось вернуться домой. Потом, перед самой маминой смертью, с отцом случился удар и его парализовало — и все кончилось. Не только Карл, а вообще вся моя прежняя жизнь. И тогда я перегрызла зубами свою тоску по Карлу и свою ностальгию по полетам и стала ведьмой.

Она засмеялась, приглашая Ури разделить с ней шутку:

— Чтобы летать хоть на помеле.

Но Ури молчал, и Инге стало совсем неудобно. Кто его знает, может, она вообще напрасно затеяла этот разговор? Но после спектакля в деревне Ури стал слишком часто задавать вопросы о Карле — и всегда непросто, а с подвохом, с подначкой, будто пытаясь ее на чем-то поймать. Инге иногда казалось, что зловещая тень Карла бродит где-то поблизости, — она не сомневалась, что с него вполне станет сторожить ее даже издали, даже когда она ему уже не нужна. А если он хотел разрушить ее хрупкую связь

с Ури, у нее как бы не было другого выхода — ей нужно было вызвать Ури на прямой разговор, чтобы пригасить сокрушительные волны недоверия, возникающие между ними каждый раз, как произносилось имя «Карл». Сделать это было непросто, учитывая, что она могла рассказать только часть правды и что имя «Карл» стало произноситься последнее время все чаще и чаще.

Инге на секунду закрыла глаза, стряхивая с себя гипноз собственного рассказа. Карл ушел в прошлое, он, слава Богу, пропал, исчез, провалился в тартарары, а Ури был здесь, рядом, она каждой клеточкой своего тела жаждала коснуться его, прильнуть к нему, не дать ему ускользнуть. Она отстегнула ремень и, перегнувшись через сиденье, поцеловала Ури в нежную точку, где шея соединяется с ухом:

— Бог с ним, с Карлом. На мой сегодняшний вкус ты гораздо больше подходишь на роль принца, дорогой мой парашютист.

По ветровому стеклу внезапно забарабанили крупные дождевые капли.

— Вот тебе и бабье лето, — улыбнулся Ури, включая дворники, и на миг ответно прижался щекой к ее лицу. Инге со вздохом облегчения откинулась на спинку сиденья — на этот раз, кажется, пронесло.

КЛАУС

Я включил телевизор и пошел наливать себе бобовый суп со шпиком, который мамка сварила перед уходом. Я не мог вспомнить, ушла она в «Губертус» помогать Эльзе или уехала в город к тете Луизе, но суп был еще теплый, так что я не стал его греть — если его и подогреть, он все равно вкуснее не будет. Есть, однако, хотелось сильно, а ничего другого не было ни в холодильнике, ни на плите, так что я налил себе полную салатницу супа и поставил ее на столик перед телевизором: хорошо, когда мамки нет дома, — я могу есть из чего угодно и где угодно! Я стал хлебать суп и искать в

телевизоре что-нибудь интересное, но ничего интересного не было: по одной программе показывали спорт, по другой — викторину. Я терпеть не могу спорт и викторину — зачем мне смотреть на других, какие они ловкие и умные, если я такой идиот?

Я поискал еще, нашел новости про какую-то войну — я эти войны уже не различаю, у них каждый день какая-нибудь новая война — и скучный фильм про двух учительниц. Я люблю такие фильмы, чтобы кто-нибудь кого-нибудь убил, но не на войне, а в обычной жизни, на войне неинтересно. Но учительницы все говорили, говорили, говорили и никого не собирались убивать, так что я снова переключил программу. Там показывали кино про домашних животных, какие они друзья человека — сперва про кошек и собак, потом про лошадей, а потом про свиней. Свины в телевизоре были чистые и симпатичные, но ни одна не могла сравниться с моим другом Гансом.

Как только я подумал про Ганса, я тут же вспомнил, что обещал фрау Инге приехать вечером покормить свиней. Я вскочил с дивана и опрокинул салатницу с супом. Как же это я, — пообещал и забыл? Правильно говорит мамка, что у меня не голова, а дырявая корзина! А ведь фрау Инге пообещала мне за это отгул в День Охотника! Я стал быстро вытирать пол и искать свою куртку, которая, как назло, исчезла, будто сквозь землю провалилась. Я глянул на часы: было почти полдевятого — значит, я опоздал уже на полтора часа, а ведь надо еще доехать! Я порывлся в шкаф. Мамкиного пальто там не было, — значит, она уехала в город к тете Луизе и мне можно взять ее куртку, потому что она сегодня вряд ли вернется.

Я схватил куртку, сунул руки в рукава и побежал к велосипеду, пытаясь на ходу застегнуть молнию. Я, наверно, сильно вырос с тех пор, как надевал эту куртку последний раз, потому что она здорово жала мне под мышками и молния застряла на полпути. Хоть снова стал накрапывать дождь, я решил, что доеду и в расстегнутой куртке, просто надо ехать быстрее. Я нажал на педали,

втянул голову в плечи и помчался. По дороге я размышлял, что бы я сделал с деньгами, которые фрау Инге обещала заплатить за эти два вечера, если бы она отдала их мне, а не мамке, и даже не заметил, как доехал до замка. Дождь за это время припустил как следует.

Я соскочил с велосипеда, сунул руку в карман куртки и похолодел — ключей там не было! Я начал рыться в карманах брюк, хоть я никогда ничего туда не кладу, потому что они дырявые. Но мне казалось, что если я очень постараюсь, то ключи где-нибудь найдутся. И вдруг я все понял: ключи-то были в кармане моей куртки, а не мамкиной! Получалось, что мне надо было ехать под дождем обратно домой, искать там свою куртку, которая неизвестно куда пропала, а потом, если я ее найду, тащить назад в замок. Дождь лил все сильнее и сильнее, и я совсем промок, но я все равно должен был покормить свиней, — я ведь обещал фрау Инге, а она обещала, что постарается заплатить за это мне, а не мамке!

Тогда я решил позвонить, хотя точно знал, что и фрау Инге, и Ури уехали на два дня по каким-то делам. Но я все-таки позвонил и долго ждал, что мне кто-нибудь откроет. Но никто мне не открыл, только Ральф прибежал к воротам и стал радостно махать хвостом. Но что толку от Ральфа, он все равно не может отпереть ворота. Я сказал ему:

— Ральф, пойдн скажн фразу Штрайх, чтобы она меня впустила.

Он навострнл уши, но, конечно, ни черта не понял. Особенно он не мог понять, почему я стою за воротами и не захожу. Я сказал ему:

— У меня нет ключа. Понимаешь? Ключа нет! — я растопырил пальцы и показал Ральфу, что у меня в руках ничего нет.

Он завизжал и стал бросаться передними лапами на ворота, просить, чтобы я скорее заходил. Ну что мне было делать? Время шло, и дождь лил как из ведра. Мне надо было во что бы ни стало попасть во двор, а остальное уже пустяки — я знал, куда фрау Инге прячет ключ от свинарника.

И тогда я решил поползти в замок по подземному ходу.

Я никогда не полз по подземному ходу ночью и даже не представлял, что там может быть так темно и страшно. Единственное, что хорошо, это то, что там невозможно сбиться с дороги, а то бы я обязательно заблудился. Несколько раз я даже решал плюнуть на эту затею и вернуться обратно, но вспоминал про голодного Ганса и про то, что фрау Инге обещала отдать деньги мне, а не мамке, и полз дальше. Не знаю, сколько времени прошло, — мне показалось, что целый год, — пока я, наконец, увидел свет далеко впереди. Тогда я пополз быстрее и добрался до того места, где подземный ход под конец сильно расширяется и можно даже встать на ноги.

Свет пробивался из-под плиты, заслоняющей вход. Карл всегда требовал, чтобы я точно ставил ее на место, но с тех пор, как он у нас не живет, я не очень стараюсь, — какая разница, если даже кто-нибудь заметит, что там подземный ход? Мне повезло: когда я был здесь последний раз, я приткнул плиту кое-как, так что с одной стороны осталась широкая щель, и поэтому я еще издали увидел свет яркой лампы под круглым белым абажуром, которая по приказу фрау Инге и днем, и ночью горела на площадке перед дверью в комнаты Отто.

Я осторожно отодвинул плиту, вылез на площадку и стал подниматься по лестнице, которая ведет в нижний коридор. Мне не хотелось объяснять фрау Штрайх, откуда я вылез, но сегодня можно было не бояться, что она услышит мои шаги и закричит «Кто там ходит?», потому что из комнат Отто доносилась громкая музыка — они, наверно, смотрели телевизор. Все-таки, когда я дойдя до входа в столовую, я увидел, что дверь открыта. Мне было вовсе ни к чему попадаться на глаза фрау Штрайх, и я на минутку остановился и заглянул внутрь, чтобы проверить, не смотрит ли она на меня.

В столовой было темно, только ярко светился экран телевизора, перед которым спиной к двери сидели Отто и фрау Штрайх: он — глубоко в своем кресле, так что видна была только его макушка, а она — на маленьком стульчи-

ке у его ног. Я начал уже пробираться на цыпочках мимо открытой двери в столовую, но по дороге я глянул на экран — интересно, что они смотрят — комедию или викторину? Я глянул и обомлел. На экране большая волосатая рука гладила круглый белый живот с пупом посредине. Когда я был маленький, мамка позволяла мне мыться вместе с ней под душем, и мне очень нравилось гладить ее живот — он был круглый и белый, совсем как этот на экране, только рука у меня была маленькая и без волос. Мамка даже позволяла мне класть палец ей в пуп и очень от этого смеялась, но потом я что-то сделал не так — и она рассердилась, больно оттолкнула мою руку и больше не пускала меня к себе под душ.

Но волосатую руку на экране никто не отталкивал, и она поползла дальше — от пупа вверх, доползла до груди и стала делать круги влево и вправо. И слева, и справа было одно и то же: большие белые сиськи. Таких сисек я никогда не видел, потому что такой программы у нас в телевизоре нет, а мамкины сиськи совсем не похожи на эти. Потом картинка потемнела, музыка заиграла громче, и вместо одной руки появились две. Каждая рука обхватила пальцами одну сиську и сдавила ее — тут Отто засопел так сильно, что даже громкая музыка в телевизоре не смогла его заглушить, и я увидел, как фрау Штрайх положила руку ему на колено. У меня в голове закачалось и внизу живота стало горячо-горячо.

Вдруг экран потемнел, музыка стихла — и я испугался, что сейчас они обернутся и меня увидят. Я не знаю, почему это было так страшно, — ведь я не делал ничего плохого и пришел в замок по делу, фрау Инге даже обещала мне за это заплатить. Но я почему-то знал, что если они сейчас увидят, как я стою в дверях и пялюсь на экран, мне будет ужасно нехорошо. Но хоть я знал, что мне пора уходить, я не мог сдвинуться с места и продолжал стоять, как приклеенный, будучи не в силах оторвать глаза от экрана.

Теперь там появилась лесная поляна, а по ней весело бегали красивые девушки в купальных костюмах. Вдруг они все разом остановились и стали смотреть куда-то в сторону, — там через лес шла дорога, а по дороге быстро

шагал молодой человек в сером пиджаке. В одной руке он держал портфель и был похож на учителя, который спешит в школу на урок. Сначала девушки следили, как он приближается к поляне, а когда он подошел совсем близко, они разбежались в разные стороны и спрятались в кусты. Молодой человек вышел на поляну и остановился, делая вид, что он слушает пение птиц, но это пели не птицы, а сидящие за кустами девушки в купальных костюмах. Они пели очень красиво, у нас в хоре никто так не умеет, и от этого пения молодой учитель забыл, что он спешит на урок: он поставил портфель, снял пиджак и лег на траву посреди поляны. Как только он лег, девушки выскочили из-за кустов и бросились на него. Они стали катать его по траве, кувыркаться через него, а потом все вместе с хохотом навалились на него, так что нельзя было разобрать, где чьи руки, где чьи ноги. Когда молодой человек, наконец, выбрался из этой кучи, он был совершенно голый, так что он уже не был похож на учителя. Некоторые девушки тоже оказались голые, а остальные начали быстро срывать с себя свои купальные костюмы и гоняться за бывшим учителем, который делал вид, что он хочет от них убежать, а на самом деле только притворялся, потому что ему очень нравились эти девушки и их игры. Я заметил, что ему это нравится, по одному признаку, про который нельзя говорить вслух — мамка много раз меня за это шлепала. Но и девушки тоже заметили по этому признаку, что они ему нравятся, они только не знали, какая из них нравится ему больше. И тогда они решили это проверить. Они опять повалили его на траву, — помоему, он не очень сопротивлялся — и стали проверять: каждая девушка садилась на него сверху и проверяла. И оказалось, что все они нравятся ему одинаково.

Пока они так его проверяли, Отто совсем разволновался, — он стал громко хрипеть, и хоть фрау Штрайх все время гладила его колено, он не успокаивался, а задыхался все больше и больше, так что я совсем струсил. Если ему станет и вправду плохо, фрау Штрайх побежит к телефону и, конечно, первым делом увидит меня. От этой мысли я пришел в такой ужас, что мои

ноги сами оторвались от пола и понесли меня к выходу. Но мне не удалось выйти, потому что дверь во двор была заперта. Я очень удивился — сколько я себя помню, эту дверь не запирали никогда. Но делать было нечего, не мог же я попросить фрау Штрайх, чтобы она оставила Отто без присмотра и прибежала с ключом отпираться мне дверь. Тогда я решил пройти по подземному коридору в кухню фрау Инге и выйти во двор там.

Я на цыпочках пошел назад мимо двери в столовую, но по дороге не удержался и заглянул. Мне очень хотелось узнать, какой номер программы они смотрят, чтобы найти ее на нашем телевизоре и тоже смотреть, когда мамки нет дома. Но сначала я глянул на экран — мне было интересно, какую еще игру придумали за это время веселые девушки и бывший учитель. Но они все куда-то исчезли, а на их месте толстый мужчина в трусах подглядывал в щелочку, как голая толстая женщина принимает ванну. Толстая женщина была наполовину под водой, но она мыла себя розовой губкой в разных местах, что нравилось толстому мужчине, — это было видно по тому же признаку, несмотря на то, что он был в трусах. Я не стал дальше смотреть, хотя мне очень хотелось узнать, чем это кончится, а только попытался разглядеть номер канала, который горел синим светом внизу под экраном. Но никакого номера не было — там вместо цифр горели три буквы. Значит, я не смогу смотреть эту программу, когда мамки нет дома, потому что в нашем телевизоре программы с буквами точно нет — там все только с цифрами.

Я тихонько отошел от двери, спустился в нижний коридор и через кухню вышел во двор. Дождь все еще шел, но не такой сильный. Перед глазами у меня все время кружились картинки, которые я видел только что в телевизоре, и мне было трудно сообразить, куда надо идти и что надо делать. Я долго стоял под дождем и думал, как повезло бывшему учителю, что такие красивые девушки захотели катать его по траве, пока, наконец, не вспомнил, зачем я сюда пришел. И только когда я скрутил весь корм в миксере и покатыл его в тележке в свинарник, до меня вдруг дошло, почему у них под экраном горели бук-

вы, а не цифры. Потому что фрау Штрайх и Отто смотрели фильм по видео, вот почему! Я стал кормить свиной, но был так занят, что даже не обращал внимания на своего друга Ганса, который терся об мою ногу и просил, чтобы я почесал ему спинку. Я все ломал голову, где бы я тоже мог достать такой фильм, как у них, чтобы смотреть его, когда мамки нет дома. Но мне не повезло, и я так ничего и не придумал.

Было уже довольно поздно, когда я все закончил и собрался уходить. Снаружи моросил совсем мелкий дождик, и я представил себе, как здорово будет вернуться домой, нагреть и доесть свой суп и сесть смотреть телевизор, пусть там даже нет таких замечательных фильмов, как тот, что смотрели Отто и фрау Штрайх. Но как только я подошел к воротам, я опять вспомнил про эти проклятые ключи, которые я оставил дома вместе с курткой. Выходило, что я опять не могу открыть эти проклятые ворота и должен назад тоже ползти по подземному ходу. Наверно, я мог бы постучать к фрау Штрайх и попросить, чтобы она открыла мне эти проклятые ворота, — ведь я пришел в замок по делу, и фрау Инге даже обещала мне за это заплатить, — но во всех окнах Отто было темно и тихо. Значит, они уже легли спать, а я бы скорей прополз сто тысяч километров, чем пошел бы будить фрау Штрайх. Так что мне оставалось только пройти через кухню в нижний коридор и по подземному ходу выбраться из замка к своему велосипеду. Но все-таки не такой уж я идиот: я вспомнил, как там темно, и сообразил взять в кухне фонарик, чтобы освещать себе дорогу.

Я очень устал, и хоть с фонариком ползти было легче, я с трудом добрался до выхода из подземного лаза. Когда я, наконец, высунул голову из каменной дыры, выходящей в карьер, и осветил фонариком вокруг, я увидел прямо перед своим носом огромную ногу в кожаном сапоге со стальными кнопками.

— А-а, это ты, крошка Клаус! — раздался из темноты голос Дитера-фашиста. — А я стою и гадаю, что это там среди скал светится? Пойду, думаю, проверю: может, там и вправду вельмы водятся?

ЧАСТЬ II

**ЗВОНОК
ИЗ
НИОТКУДА**

УРИ

Вместо трех часов Инге и Ури ехали до Байерхофа не меньше пяти.

Во-первых, дождь хлестал по асфальту с почти человеческим остервенением и практически лишил Ури удовольствия воспользоваться замечательной немецкой привилегией неограниченной скорости. Во-вторых, на шоссе то и дело наползали клочья какого-то неплотного пузырячатого тумана, которые рассеивали свет фар и мешали читать надписи на придорожных щитах. В результате они проскочили поворот на Байерхоф и заметили это только через двадцать минут гонки по скоростному шоссе, а затем еще двадцать минут никак не могли развернуться. Потом пришлось остановиться поужинать в маленьком придорожном кафе, потому что и Ури, и Инге страшно проголодались.

Поэтому, когда перед ними наконец приветственно взлетел вверх черно-белый полосатый шлагбаум, над которым трепыхалось в потоках дождя красочное полотнище с выкриком: «Добро пожаловать в Байерхоф!», запотевшие часы на сторожевой башне показывали уже половину двенадцатого.

— Чудно, теперь будем искать отель! — с притворной бодростью объявила Инге, вытаскивая из бардачка многоцветную карту Байерхофа.

— У тебя есть карта? — поразился Ури, искусно лавируя среди бесконечных рядов автомобилей, сделавших узкие старинные улицы города почти непроходимыми.

— Я очень предусмотрительная, — похвасталась Инге, разглядывая карту.

— Если ты такая предусмотрительная, почему ты не заказала отель заранее по телефону?

— Из суеверия. Я боялась, что если я закажу отель заранее, наша поездка сорвется.

Невинное суеверие Инге обернулось серьезной проблемой: после полуторачасовых блужданий под проливным дождем они убедились, что ни в одном отеле Бай-

ерхофа нет свободной комнаты. Это было необъяснимо; все отели выглядели совершенно пустыми — ни в холлах, ни в барах, ни в кафетериях они не увидели ни одной живой души.

— Впрочем, может, все уже спят, — предположила Инге, когда они выбрались на площадь перед ратушей, до отказа забитую мокрыми машинами. Там был последний из отмеченных на карте отелей, в котором им еще не успели отказать. Пока Инге вела переговоры с усталым ночным портье, Ури с трудом припарковал фургон, остановился на пороге отеля и огляделся вокруг.

Перед ним расстилалась просторная, мощенная каменными плитами площадь. В центре площади уходил далеко в затянутое тучами небо неправдоподобно стрельчатый готический собор, неуловимо похожий на межконтинентальную ракету. Отель был тоже узкий и тоже устремлялся в небо, но у него для этого были простые земные причины — его с двух сторон теснили такие же узкие соседние дома, — тогда как собор одиноко стоял посреди обширного простора площади и ничто, кроме внутреннего стремления, не побуждало его тянуться вверх.

Ури собирался поделиться этими соображениями с Инге, но не успел. Она подбежала к нему, сияя улыбкой, и сообщила, что здесь есть свободный номер, — правда, одноместный, но она пообещала портье взятку, если он закроет глаза на то, что их двое. Согласен ли Ури на одноместный номер, если там окажется не слишком широкая кровать, или лучше сперва пойти посмотреть? Ури засмеялся ее вопросу и сказал, что с ней он готов спать на самой что ни на есть узкой кровати. Он сам удивился не только легкости, с которой далась ему эти слова, но и скрытому в них однозначно эротическому подтексту. Потому что, говоря это, он не столько представил, сколько почувствовал, как он лежит с Инге на очень узкой кровати, вынужденно сплетаясь с ней руками, ногами, плечами и бедрами. Он всей кожей ощутил упругую податливость ее живота у него под коленом — и его вдруг охватило таким жаром, что он рыв-

ком поднял оставленную им на пороге дорожную сумку и, бросив на ходу: «Иди, договаривайся, только быстрее!», зашагал к лифту.

Когда через минуту Инге вошла в лифт с ключом от номера в руке, он притянул ее к себе, не дожидаясь, пока сойдутся медлительные створки скользящих дверей. Она на миг прижалась к нему фронтально всем телом, так что он разом ощутил ее всю — от ключиц до колен, — и торопливо нашаривая пуговицы ее блузки, прижал ее к обитой малиновым плюшем стенке лифта. Но она отстранилась, уперлась ладонями ему в грудь и заглянула в глаза:

— Куда ты так спешишь?

В голове у него так громко пульсировала кровь, что он расслышал ее с трудом, но все таки расслышал и заставил себя улыбнуться в ответ:

— Я примериваюсь, как мы сможем спать вдвоем на очень узкой кровати.

В этот момент допотопный скрипучий лифт содрогнулся всем своим немощным телом и резко остановился. Когда медлительные створки дверей наконец разошлись с глубоким вздохом, оказалось, что им еще предстоит подняться по винтовой лестнице на чердачный этаж, где расположен был их номер. Кровать под скошенной чердачной крышей оказалась не такой уж узкой, но она выглядела слишком хлипкой и пугливо вздрагивала от малейшего касания. Тогда Инге стряхнула локтем нетерпеливые пальцы Ури, вытащила из стенового шкафа большое пуховое одеяло и бросила его на покрытый потертым ковром пол. Ури показалось, что еще никогда они не любились так долго и сладко, как на этом чужом одеяле, наспех брошенном на потертый ковер в незнакомой комнате в центре незнакомого, залитого дождем города.

Он так бы и заснул на этом одеяле, если бы Инге не заставила его подняться и лечь на кровать. Уже окончательно проваливаясь в наполненный шорохами дождя сон, Ури почувствовал, как Инге накрыла его одеялом и прикорнула рядом с ним. И тут же где-то под окном

взрвели трубы, громко грянул оркестр и загремели барабаны. Ури спросил сквозь сон: «Что это?» И открыл глаза — и в комнате, и на площади было тихо. Тишину нарушал только монотонный перепляс дождевых капель на наклонном стекле чердачного окна. Рука Инге успокоительно легла ему на веки: «Спи, спи, все в порядке.»

И он заснул, чтобы тут же проснуться от чудовищного рева сотен моторов. Это уже был не сон. Можно было подумать, что все припаркованные вдоль улиц города автомобили рванули с мест одновременно. Ури вскочил, подошел к окну и распахнул набухшую от дождя раму. Хоть дождь лил с прежней силой, там — внизу, на площади — бурлил человеческий водоворот — среди отъезжающих машин бойко сновали летучие отряды разноцветных зонтиков, театрально подсвеченных бесчисленными фарами. Громкие голоса и всплески звонкого смеха взлетали над площадью, перекрывая рев моторов и отрывистое кваканье предостерегающих клаксонов. Ури зачарованно следил, как непредсказуемые группы зонтиков дружно, словно по команде, захлопывались и ныряли в темные угробы машин, которые тут же срывались с мест и исчезали в лабиринте вытекающих из площади улочек.

— Откуда они все выскочили? — спросил откуда-то из темноты голос Инге.

Захваченный стремительным ритмом театрального разезда за окном Ури даже не услышал, как она подошла и встала за его спиной. Ладонь ее легла ему на плечо, легко пробежала по крутым мускулам предплечья и ласкающими круговыми движениями спустилась в чувствительное углубление под мышкой.

— Может, они были в соборе? — предположил Ури.

— Вряд ли. Собор бы их всех не вместил. А кроме того, что они там так долго делали в темноте?

— Ну значит, они летали куда-нибудь пососедству на местный шабаш ведьм. А тебя не пригласили из-за меня, чтобы ты в другой раз осторожней выбирала себе попутчика.

Она засмеялась и уткнулась носом ему в плечо. Тогда он слегка откинулся назад и прижался к ней спиной,

сливаясь с ней в одно существо и чувствуя, как на него снисходит покой и благодать. Опасаясь эту благодать нарушить, они молча застыли у открытого окна — высоко-высоко над веселым балаганом на площади.

Не прошло и пяти минут, как площадь опустела и затихла. Она выглядела такой же пустынной и мокрой, как до всей этой кутерьмы, если не считать того, что раньше потоки дождя плясали на лакированных крышах машин, а теперь на отполированных веками булыжных плитах. Только несколько машин, их фургон и еще с полдюжины, не больше, — были рассеяны по булыжному простору между отелем и собором.

Инге потянула Ури за руку:

— Пошли спать, представление окончено.

— А может, нам все это привиделось и никого тут не было? — спросил Ури, закрывая окно.

— А машины куда делись? Машин-то ведь было полно!

— Ну, не знаю, может, какое-нибудь другое чудо, — упрямо сказал Ури. — Когда-то в детстве я читал сказку про мальчика, перед которым из глубин океана вдруг возник затонувший много веков назад прекрасный город, полный людей, лошадей, лавок с товарами. Люди умоляли мальчика купить у них что-нибудь за одну монетку, и это бы их спасло, но пока мальчик рылся по карманам в поисках монетки, время прошло — и город опять на много веков ушел обратно под воду. На поверхности океана остались только какие-то жалкие обломки, недостойные затопления. Совсем как тут.

— Ладно, утром мы все выясним, а сейчас давай спать, — сонно сказала Инге, поплотней натягивая одеяло, и Ури тут же заснул, как будто его выключили.

Утром, когда он проснулся, Инге не было ни в комнате, ни в ванной, зато за окном в совершенно безоблачном небе нежно сияло нежаркое европейское солнце. От вчерашнего проливного дождя не осталось никакого следа, разве что все дома и деревья, окружающие площадь, выглядели как-то по-особому свежими и умытыми. Не успел Ури принять душ и одеться, как на ле-

стнице весело зацокали каблочки Инге, и через секунду она появилась в дверях, тоже по-особому свежая и умытая. Ури уставился на нее, не узнавая, — он, привыкший видеть ее в домашней одежде в свинарнике или на кухне, даже не предполагал, как элегантно она может выглядеть в светло-сером костюме и в открытых светлых туфлях, подчеркивающих ее высокий подъем и изящные линии щиколоток.

— Ну, знаешь, — притворно ужаснулся он, — за такой красоткой я даже шлейф недостойн носить!

Инге игриво приподняла край своей едва доходящей до колен юбки:

— Я думаю, проблему шлейфа мы можем считать решенной. Так что пошли скорей, я покажу тебе, чем вчера ночью занимались под дождем многочисленные гости этого города.

Отмахнувшись от требования Ури сперва выпить кофе, она потащила его за руку вниз — сперва по винтовой лестнице, а потом, минуя закрытые створки допотопного лифта: «Ну его к чертям, его целый год придется ждать!», — по деревянным лакированным ступеням парадной лестницы — все шесть этажей бегом.

Ури больше не возражал, его тоже захватил напор ее энергии. Он бежал вслед за ней и беспричинно смеялся, как не смеялся уже давно — с того самого проклятого дня, который он привык считать последним днем своей жизни.

Деревянные ступеньки весело мелькали у него под ногами, и он милостиво подумал на бегу, что хорошо бы порадовать этим старушку Клару, — такой он был сегодня добрый.

Смеясь, они вырвались из дверей отеля на отороченный старинными домами каменный простор перед собором. Только сегодня при свете дня Ури смог по-настоящему оценить гармоничную красоту взлетающего высоко в небо готического гиганта. Но Инге не дала ему остановиться, чтобы рассматривать детали.

— Потом, потом, — повторяла она. А сейчас пошли со мной — и ты увидишь такое!

Они пересекли площадь и, обогнув собор, неожиданно оказались на вершине пологого холма, сбегаящего вниз к извилистой реке, которая то тут, то там проглядывала серебристо-синими кляксами среди густой зелени прибрежного парка. От реки вверх по холму причудливым веером разбегались улицы старого города, а прямо у них из-под ног навстречу городу спускался грандиозный каменный амфитеатр, напомнивший Ури римские амфитеатры, рассыпанные по склонам холмов у него на родине.

— Оказывается, сейчас в Байерхофе проходит ежегодная Театральная Неделя. Вот здесь, — Инге показала на уходящие далеко вниз ступени амфитеатра, — вчера с девяти часов вечера до трех часов ночи сидели зрители, а там, на дне, видишь? — была сцена и шел спектакль, в котором было занято сорок пять актеров и большой оркестр.

Ури посмотрел вниз — туда, где амфитеатр замыкала обширная круглая площадка, почти что площадь:

— Под проливным дождем?

— Под проливным дождем. Лучший берлинский театр давал «Трехгрошовую Оперу» Брехта. А мы были совсем рядом и пропустили!

— Зато мы видели театральный разезд. Это тоже было шикарное зрелище. Ну, и кроме того...

Инге прижала палец к его губам:

— Т-с-с! Я помню, что мы делали кроме того.

Но все же она еще немного погоревала, что они, как последние растяпы, не заметили спектакль, который шел прямо у них под окном, и согласилась, наконец, идти пить кофе. Они уже направились было обратно к отелю, но не успели еще обогнуть собор, как за спиной у них раздался дробный топот бегущих ног, и на них обрушился ураган вскриков, взвизгов, пронзительно терпких духов, крылатых рукавов, мокрых поцелуев, порхающих ладоней и острых локтей.

— Вы тут?

— Какая встреча, какая встреча!

— Давно вы тут?

- И надолго?
- Ах, какая радость!
- Где вы остановились?
- А мы неподалеку!
- Чудо, просто чудо!

Конечно, они должны были быть здесь, в самом повороте культурной жизни, — неразлучные Вильма и Доротея, а как же иначе? Они даже принарядились по такому случаю — сменили драные джинсы и майки на короткие плиссированные юбочки и кокетливые блузки с кружевными оборками у ворота и по краю крылатых рукавов. Блузки были совершенно одинакового покроя и отличались только цветом — у Доротеи белая а у Вильмы черная, тогда как юбочка у Доротеи была черная, а у Вильмы белая, что превращало их самих, когда они стояли рядом, в настоящее произведение искусства. Картинно стоя рядом и обвивая друг друга тонкими руками, они потребовали, чтобы Инге и Ури доложили им немедленно, что они уже видели, а что только собирались посмотреть. Узнавши, что Инге и Ури еще не видели ничего, любвеобильные лесбиянки пришли в восторг и объявили, что они сами им все покажут.

Пока Инге обдумывала, как поделикатнее охладить их пыл, Ури напомнил ей, что они еще не завтракали.

— Как, до сих пор не завтракали? — вопросительно зазвенела стеклянными суставами Доротея.

— Мы вчера очень поздно приехали, — кратко удовлетворила ее любопытстью Инге.

— О-о, так вы и «Трехгрошовую Оперу» не видели? — встрепенулась Вильма, заранее огорчаясь их неудаче.

— Но как же, как же, как же... — в стеклянном горле у Доротеи явно что-то заиклилось, и она никак не могла выбраться из собственного вопроса.

— Ведь музыкальное сопровождение к спектаклю было такое громкое, вы не могли не слышать, — не допускающим отговорок тоном сказала Вильма, на лету перехватывая упрек Доротеи.

Ури надоели их причитания и он объяснил с любезной улыбкой:

— Но мы не слышали: мы занимались любовью.

Что ж, если он рассчитывал этой эскападой от них избавиться, то — увы! — он сильно просчитался. Похоже, наоборот, такая откровенность только подхлестнула интерес прелестных подружек: их двухголовое черно-белое тело сладострастно затрепетало, и Ури испугался, что их с Инге сейчас немедленно пригласят принять участие в коллективной оргии. Чтобы предупредить такое приглашение, он поспешно добавил:

— А кроме того, я терпеть не могу Брехта.

Услыхав это святотатство, Вильма властным взмахом руки погасила жадный огонек, выпыхнувший было в глазах Доротеи, и разговор принял новый оборот.

Прервать их разгорающийся литературный спор было все-таки легче, чем вырваться из их эротических сетей. Сделать это можно было только пустив в ход оружие еще более жизненно важное для них, чем радости плоти — их интерес к средневековой архитектуре. Ури незаметно показал Инге глазами на их отель, она кивнула и сказала голосом, не допускающим возражений:

— Мне жаль, но я вынуждена прервать ваш увлекательный спор, иначе я не успею в Управление по Охране Памятников на свидание с профессором Куртом Рунге, которого так любезно порекомендовала мне Вильма. А ведь мы именно ради этого приехали.

— Неужели только ради этого? — воскликнула Вильма со счастливым смехом, предвкушая, какую пользу она сможет извлечь из этого визита. Ради такого дела она была готова опустить их подобру-поздорову. Но избавиться от внимания Доротеи было куда трудней, — возможно, потому, что она интересовалась не только женщинами, но и мужчинами:

— Но Ури ведь не пойдет с вами к профессору Рунге? — уточнила она. — Значит, он может пойти с нами осматривать город.

Выхода не было, и Ури пришлось согласиться, но при условии, что Доротея не начнет, как обычно, читать ему проповедь о необходимости христианской любви к его палестинским братьям. Она поклялась, что про-

поведи читать не будет, и они условились встретиться через час в старом городе в кафе «Селина» — Доротея настаивала, что любой прохожий покажет ему это знаменитое кафе, которое считается местной достопримечательностью наряду с собором. А еще через два часа они втроем, побродив по улицам, вернутся в кафе и будут ждать Инге, которая должна присоединиться к ним после своего свидания с Рунге.

— Я надеюсь, Ури, они не сумеют за это время соблазнить тебя на любовь втроем, — полушутя, но и полусерьезно сказала Инге, когда они наконец остались вдвоем.

— Если они меня соблазнят, ты сразу узнаешь о моем падении по кровавым царапинам, которые оставляет на коже каждое прикосновение к стеклянным престелям Доротеи.

— Ладно, ты меня убедил! — засмеялась Инге. — Идем пить кофе!

После завтрака Ури проводил Инге до здания Управления по Охране Памятников, которое оказалось маленьким древним кирпичным дворцом, затиснутым между двумя еще более древними церквями. Вообще весь Байерхоф представлял собой единый массивный памятник архитектуры такой сохранности, что, казалось, он ни в какой охране не нуждается.

Расставшись с Инге, Ури отправился искать кафе «Селина». Несмотря на то, что день был рабочий, а не выходной, вокруг былолюдно и празднично. Крутая узкая улица, по которой он шел, спускалась к реке полукруглыми каменными ступенями, которые время от времени прерывались овальными площадками, отороченными цветочными бордюрами. На каждой площадке в том ее крыле, которое нависало над рекой, был построен невысокий деревянный помост, и на каждом помосте выступал перед проходящей мимо публикой маленький камерный оркестр, или квартет, или трио. Глядя на усердных оркестрантов, красочно одетых в средневековые национальные костюмы различных немецких земель, Ури, как когда-то на деревенском празднике, перестал

вдруг верить в реальность происходящего и почувствовал себя зрителем в огромном театральном зале, раскинувшимся под крышей неба.

Все вокруг было декорацией — и пасторально вьющаяся среди деревьев река, и старинные дома, грациозно сбегающие к реке по склону холма, и сам этот холм, увенчанный неправдоподобной стрельчатой ракетой рвущегося ввысь собора. А расфуфыренные любители искусства, снующие вверх и вниз между собором и рекой, были просто статистами в этом многокрасочном, коллективно задуманном спектакле. Оставалось только удивляться, как народ со столь развитым чувством прекрасного мог наворотить столько зла за короткий промежуток времени от начала до конца Третьего Рейха. Ури с удивлением обнаружил, что он этому удивляется, за что его бы заслуженно осудили все его одноклассники из тель-авивской гимназии «Герцлия», которые точно знали, что удивляться тут нечему. А может, они правы и этому склонному к театральности народу неважно, в каком спектакле быть статистом, лишь бы ему выдали костюмы и выпустили на сцену?

Этим вопросом он с ходу огорошил Вильму и Доротею, которые ожидали его в кафе «Селина», симметрично склоняясь над белым кофейным сервизом, художественно рассеянным по черному мраморному столику. Ури подсел к их столику, отказался от кофе и огляделся: что-что, а уж кафе «Селина» точно было декорацией, скорее даже не оперной, а опереточной. Наслаждаясь тем, что он чужеродным джинсовым пятном вклинивается в черно-белую абстрактную панораму кафе, Ури высказал вслух свою гипотезу о статистах. Разворачивая перед экзальтированными подружками свою культурогическую идею, Ури злорадно предвкушал их бурное возмущение. И точно, обе тут же заклокотали, перебивая друг друга: если бы они не дорожили его общением, они бы немедленно прогнали его прочь за такое кощунство, забыв приличия — дружно орали они. Но наоравшись всласть, они его не прогнали, а, напротив,

подхватили с двух сторон под руки и поволокли осматривать местные достопримечательности.

Пока они живописной тройкой бродили по извилистым улочкам, истоптанным ногами двадцати поколений, Ури остро чувствовал, как он во всем противопоставлен и противоположен своим спутницам, и, пропуская мимо ушей их щебет, пытался разгадать секрет их заинтересованности в нем. Учитывая их склонности, трудно было предположить, что их влечение к нему носит сексуальный характер. Зато он мог поверить, что они, как и Клаус, оказались вовлеченными в мощное электрическое поле, натянутое между ним и Инге. А уж их интерес к Инге не представлял никакой загадки: она увлекала их и как хозяйка замка, и как женщина, — о, как он их понимал! Он на миг отключился и представил себе, как они с Инге обнимались вчера ночью на брошенном на пол одеяле.

Внешний мир вдруг перестал кружиться, и в него ворвался непривычно сердитый вопрос Вильмы:

— ...бум-бум-бум-бум-ческого настроения?

Ури вернулся к действительности и огляделся: они стояли на мощенной розовым гранитом площадке, козырьком нависающей над рекой. Он сосредоточился на голосе Вильмы и медленно осознал, что она задает ему свой вопрос уже не первый раз. Он сделал вежливое лицо и виновато переспросил, что именно она там «...бум-бум-бум-бум» не понимает?

Но Вильма не успела ему ответить — из-под каменной арки, ведущей в соседнюю улочку, появилась экзотическая пара: немолодой, но моложавый мужчина с развевающимися седыми локонами и совсем юная босая девушка с очевидной примесью негритянской крови. Мужчина шагал, опираясь на черную трость с костяным набалдашником, на его узких плечах свободно, как на вешалке, болтался в такт шагам ярко-голубой бархатный пиджак, из-под которого вглядывало белое кружевное жабо. Девушка семенила рядом с ним, проворно отталкиваясь от розовых гранитных плит босыми коричневыми ступнями. Едва завидев мужчину с

тостью, Доротея коротко взвизгнула и повисла у него на шее:

— Руперт, Руперт, Руперт! Как я рада! Как рада! — повторяла она счастливым голосом.

Отлепившись, наконец, от Руперта, она чуть отстранилась, уперлась обеими руками ему в грудь и окинула его любовным, но критическим взглядом:

— Худой, бледный, старый, но красивый, как всегда!

— Такой уж старый? — кокетливо спросил Руперт, чем сразу напомнил Ури одного из вечно молодых поклонников матери.

— Древний и прекрасный, как этот город! — восторженно прыснула Доротея и обернулась к Вильме:

— Вы ведь знакомы? Это — Руперт Вендеманн — тот самый, знаменитый.

— Ну, конечно, мы знакомы, — сказала Вильма, протягивая Руперту руку. — Мы не раз встречались на конгрессах по защите прав национальных меньшинств. Вы ведь помните меня?

— Как же, как же, — затряс седыми локонами Руперт, задерживая в ладонях руку Вильмы. — Разве вас можно забыть?

Ури почувствовал себя лишним. Стараясь не привлекать внимания, он осторожно попятился и облокотился на ограждающий площадку гранитный парапет.

— Что же вы не знакомите нас со своей очаровательной спутницей? — с нескрываемым интересом спросила Вильма. Неизвестно, догадывался ли Руперт о возможных мотивах интереса Вильмы к его шоколадной босоножке, но выхода у него не было. Он по-хозяйски обнял ее за плечи и представил:

— Это Ульрике, моя верная помощница.

Ульрике впроставала из широкого цыганского рукава коричневую веточку руки и грациозно протянула ее в сторону хищных пальцев Доротеи, скрестившихся по пути с хищными пальцами Вильмы.

— Глядя на это детское лицо, — продекламировал Руперт хорошо поставленным баритоном, — вы никогда не поверите, какой запас энергии скрывается за ним.

Вот уже больше месяца мы с Ульрике колесим из университета в университет и целые дни собираем подписи под нашей петицией. Покажи им, Ульрике!

«Интересно, а что они делают по ночам?» — с непонятной ему самому неприязнью полюбопытствовал Ури, пока бессловесная Ульрике открывала висящую у нее на плече холщевую сумку, расшитую пестрой народной вышивкой крестом. Из сумки она вытащила туго скатанный рулон бумаги и начала его разворачивать. Рулон был устроен весьма хитроумно — там, по сути, было два рулона, соединенных так, что бумага, смотанная с первого, девственно-чистого, тут же наматывалась на второй, покрытый разноцветными рядами подписей.

— Наша цель, — провозгласила Ульрике, — собрать десять тысяч подписей.

— И мы уже к ней близки! — гордо подхватил Руперт.

— А что за петиция? — встрепелась Доротея.

— Как, вы не знаете? — изумился Руперт. — Странно, мне казалось, что все честные люди уже включились в нашу борьбу!

— В какую борьбу? — встревоженно осведомилась Вильма, явно опасаясь, что она пропустила что-то важное.

Ульрике проворно вытащила из сумки голубую листовку с портретом смуглого усатого парня в куфие:

— Это — Мухаммад Насиб, школьный учитель, высланный из Хеврона израильскими оккупационными властями. Мы требуем, чтобы ему разрешили вернуться на родину.

— А за что его выслали? — полюбопытствовала Доротея.

— Его обвиняют в том, что он во время уроков высылал своих учеников на улицы бросать камни в израильских оккупантов.

— Может, и вправду нехорошо бросать камни во время уроков? — предположила Доротея, задумчиво наматывая стеклянную пряжу на стеклянный мизинец.

— Это зависит от условий! — с ученическим жаром отрубил Ульрике и ткнула шоколадным пальчиком в какую-то строчку на листовке. — Вот, почитайте, тут написано: «Угнетенные меньшинства имеют полное право на насилие».

— Ради Бога, Ульрике, только не здесь! — возмущенно перебил ее Руперт. — Эту листовку надо читать вдумчиво, а не так, стоя на одной ноге. Послушайте, тут поблизости есть очаровательное кафе — «Селина», если не ошибаюсь. Давайте пойдем туда. Не знаю, как вам, а нам с Ульрике давно пора перекусить.

— Прекрасная идея! Нам тоже надо в кафе «Селина»! — воскликнула Доротея и вдруг вспомнила про Ури. — Боже мой, мы забыли познакомить Руперта с Ури!

Она начала тревожно озираться, словно заподозрила, что Ури мог тайком от них сбежать. Обнаружив его у парапета, она позвала:

— Что вы там прячетесь, Ури? Идите сюда, мы познакомим вас с замечательным человеком.

Ясно было, что нет никакой надежды избежать знакомства с этим замечательным человеком, столь отвратно похожим на ненавистного поклонника матери. Зато можно было похулиганить всласть. Ури резко оттолкнулся от парапета, на миг взлетел в воздух и приземлился на руки прямо у босых ног Ульрике. Глядя снизу вверх на изумленно застывшие над ним лица, он отрапортовал:

— Старший лейтенант истребительной десантной бригады израильской оккупационной армии Ури Райх!

У Руперта хватило ума принять шутку за шутку: он милостиво засмеялся и скомандовал Ури «Вольно!». Все вздохнули с облегчением в надежде, что Ури сейчас встанет на ноги и конфликт можно будет считать исчерпанным. Они, бедняги, не имели никакого представления, сколько времени может простоять на руках тренированный парашютист из десантной бригады израильской оккупационной армии! Безо всякого к ним сожаления он не спеша прошелся на руках вокруг Ульрике и сокрушенно сказал:

— Моя мама всегда говорила мне, что немцы — расисты, но я ей не верил. А теперь я вижу, что она права.

После этого драматичного заявления он рывком встал на ноги и, указывая на босые коричневые ступни Ульрике, патетически произнес:

— Какая жестокость — заставлять представительницу угнетенного меньшинства ходить босиком по холодным камням!

— Никакая я не представительница, я — немка! — обиженно выкрикнула Ульрике. — Мой отец раньше был американский солдат, а теперь он немецкий гражданин!

— Ну и что? — пожал плечами Ури. — Мой дед был немецкий солдат и немецкий гражданин, но это не помешало ему в тридцать восьмом году отправиться в Треллинку.

Он сам удивился своей горячности. Жаль, что его не слышала старушка-Клара — ведь он ни с того ни с сего заговорил ее словами, от которых отталкивался всю свою сознательную жизнь.

— Ури! — примирительно укорила его Вильма. — Мы ведь договорились не вступать сегодня в политические споры.

— Хорошо, но тогда никаких политические споры — ни ваших, ни моих.

Доротья согласно закивала и даже утешительно потрепала его по щеке, как капризного мальчика. Однако Руперт не готов был по требованию какого-то мальчишки отказаться от своей миссии и начал было возражать, но его горячо перебила окончательно сбросившая маску кротости Ульрике:

— А босиком я хожу, потому что хочу чувствовать своей кожей землю, по которой я ступаю! А не потому, что у меня нет туфель! — она порылась в своей необъятной сумке, вытащила из ее глубин черные атласные башмачки, похожие на балетные, и подняла их высоко над головой, чтобы все могли их видеть. — Вот они, пожалуйста!

Ури с удивлением заметил, что у нее на ресницах дрожат две слезинки, и подумал, что он, пожалуй, пере-

борщил, — он ведь намеревался уязвить только Руперта, а получилось, что он уязвил эту шоколадную дурочку. Надо было срочно спасать положение. Он выхватил башмачки из рук Ульрике и опустил перед ней на одно колено:

— Я прошу вас, прелестная босоножка, нарушить сегодня свои принципы и надеть эти изящные башмачки, иначе вы вынуждаете меня тоже снять туфли, что будет совсем не так эстетично. Но я не могу ходить обутый рядом с босой дамой!

— Ну хорошо, если вам так это важно. — внезапно согласилась Ульрике и послушно сунула ноги в башмачки. Все сразу зашумели, захлопали в ладоши и дружно двинулись вниз в сторону кафе «Селина». Хоть Руперту явно не пришлась по душе легкая победа Ури над Ульрике, он постарался не подать виду. Он подхватил под локти Вильму и Доротею, словно хотел отгородиться ими от наглого израильского молодчика. Зато Ульрике вцепилась в Ури, как клещ, и всю дорогу восторженно объясняла ему, какой Руперт замечательный:

— Неужели вы никогда о нем не слыхали? Ведь его знает вся Европа!

— Что же он такое сделал? — вынужден был спросить Ури, хотя его вовсе не интересовали подвиги Руперта.

— Он публично сжег все свои картины! — объявила Ульрике. — Вынес их на Курфюрстендамм, облил керосином и сжег!

Она остановилась, чтобы перевести дыхание и посмотреть, какое впечатление произвели на Ури ее слова. А он не удержался и ехидно уточнил:

— Что, такие они были бездарные?

— Наоборот! Они были гениальные!

— Зачем же ему понадобилось их сжигать?

— Чтобы бросить кисть в лицо этому бездушному обществу самодовольных и сытых!

— Общество обществом, а картины небось были бездарные, а то бы он их не сжег. Интересно, он с тех пор хоть что-нибудь путное написал?

— С тех пор он вообще бросил живопись и посвятил свою жизнь защите прав человека!

— Вот видите, я был прав!

— Как вам не стыдно!

— Предположим, мне стыдно. Но я бы хотел знать, на что он живет? Да еще ездит по всей стране и в отелях останавливается, причем, небось, не в самых дешевых, правда?

Шоколадные щеки Ульрике покрылись странной лиловой сыпью, — так, наверно, выглядели на ее темной коже малиновые пятна гневного румянца:

— Вы! Вы! Вы! — в ярости выдохнула она, не находя других слов, но Ури уже понесло:

— И при этом еще платит своей хорошенькой секретарше такую приличную зарплату, что той хватает денег даже на атласные башмачки, достойные Синдереллы!

Горячая кровь бывшего американского солдата черной волной прилила к кудрявой голове его дочери, и она бесстрашно бросилась на Ури. Громко рыдая, она принялась колотить его в грудь маленькими коричневыми кулачками.

— Как вы смеете? Как вы смеете так о нем говорить? Он столько сделал, столько сделал, — для бедных, для обиженных, для униженных! Столько сделал!

Ури испуганно огляделся, с ужасом представляя, как должны отреагировать на эту сцену его миролюбивые лесбиянки, но, к счастью, пока он пререкался с Ульрике, они успели завернуть за угол и скрыться за белой дверью кафе «Селина». Убедившись, что никто их не видит, Ури взял шоколадную воительницу за хрупкие локотки и приподнял в воздух, умиrotворяюще бормоча:

— Не надо принимать мои слова так близко к сердцу, Ульрике! Я ведь просто вас дразнил. Клянусь, просто дразнил.

Все еще держа Ульрике за локти, он слегка качнул ее, как ребенка, и поставил обратно на землю. Эта небольшая встряска странным образом ее мгновенно успокоила и даже привела в хорошее настроение. Глаза ее засветились каким-то масляным блеском, она прими-

рительно коснулась щеки Ури коричневой ладошкой и проворковала:

— Ладно, не будем ссориться из-за пустяков. Побежали в кафе, я проголодалась!

И вприпрыжку поскакала вниз по ступенькам навстречу призывному аромату кофе, струящемуся из-за двери кафе «Селина». Остальная компания уютно расположилась за большим овальным столом у окна, на котором уже стоял пирог и бойкая официантка расставляла сверкающие белизной кофейные чашки. Они были так увлечены каким-то спором, что не обратили внимания на вошедших с опозданием Ури и Ульрике, предоставив их самим себе.

Ури сел на свободный стул лицом к окну, а Ульрике рядом с ним спиной к залу и, взяв с подноса белый кофейник, налила кофе себе и Ури. Потом придвинула поближе блюдо с залитым сбитыми сливками яблочным пирогом и начала деловито вращать его, выбирая себе кусок. Наконец, она нашла то, что искала, — Ури так и не понял, что именно, — положила выбранный ею кусок пирога на тарелку и, искоса поглядывая на Ури, стала украдкой облизывать острым, непривычно темным — цвета чернил — языком свои перепачканные сбитыми сливками пальцы. Она облизывала их долго и увлеченно, неотрывно глядя Ури в глаза странным, маслянисто поблескивающим взглядом, в котором читался некий невыразимый словами тайный звериный призыв. Насмотревшись вволю, она нащупала под столом ногу Ури, прижалась к ней атласным башмачком и спросила, легко переходя на «ты»:

— Ты бывал во Франкфурте в подземном городе, где ночные клубы?

Он отодвинул ногу и сказал небрежно, надеясь перевести эту опасную игру в милую шутку:

— Во Франкфурте я бывал только в зоопарке.

Она так сосредоточилась на своей попытке опять найти под столом его ногу, что сперва даже не поняла его ответ:

— В каком зоопарке?

— Разве ты не знаешь, — сказал он, тоже переходя на «ты», — что во Франкфурте находится самый большой в мире в зоопарк?

Ногами он при этом плотно обхватил ножки стула, из-за чего она никак не могла удобно, не привлекая внимания окружающих, прижаться к нему под столом. Тогда она удовлетворилась тем, что уперлась гладкой подошвой башмачка в его колено и зашептала быстро-быстро, словно опасалась, что ее перебьют:

— Там под землей построили целый город: в центре круглая площадь, а от площади лучами расходятся улицы, полные ночных клубов. Чего только там нет! Стриптиз, живой секс на сцене, порнуха, что угодно. Но главное, там можно присоединиться к группе, ты понимаешь? Но пускают только парами, меня не пустят без партнера, а Руперт ни за что не хочет, — я думаю, он боится, что будет там самый старый. Хочешь, давай смотреть туда сегодня вечером. У тебя есть машина?

У Ури слова застряли в горле. Где-то в самом удаленном уголке сознания шевельнулась шаловливая мыслишка: а что, если и впрямь махнуть во Франкфурт с этой шоколадной куколкой? Да нет, что за блажь. Инге никогда ему этого не простит, а он еще не готов потерять Инге. И он ответил чистосердечно:

— Нет, машины у меня нет. Я ведь приехал сюда не один.

— А с этими? — Ульрике непочтительно кивнула в сторону лесбиянок. — Ну и что? Их можно взять с собой, у них там найдутся свои интересы.

Любопытно, значит, она знала, кто они такие.

— А как же Руперт? Ему это может не понравиться.

— Руперт?

Глаза Ульрике на миг затуманились. Слегка сдвинув брови, она нерешительно оттопырила нижнюю губку влево и вверх и коротким толчком вытолкнула через образовавшийся зазор маленькую порцию воздуха — опять та же типичная немецкая гримаска! Приходилось признать, что шоколадная босоножка, несмотря на свою экзотическую наружность, действи-

тельно была немка. Пока Ульрике обдумывала, как устранить Руперта на эту ночь, — Ури так и не узнал, какие средства представлялись ей более привлекательными: снотворное, яд или просто хороший удар по голове, — за окном, на лестнице, ведущей к кафе, появилась Инге. Сердце Ури рванулось ей навстречу в ускоренном ритме — она бежала вниз со счастливой улыбкой, легко перепрыгивая длинными ногами через две ступеньки враз, и он понял, что она спешит к нему. Она отворила дверь и застыла на пороге, как вкопанная. Лицо ее побледнело так резко, что полоска неярко подкрашенных губ запылала на нем, как кровавая рана. Ури сначала показалась, что она, как обычно, тут же догадалась, о чем они тут сговариваются с Ульрике, но она их даже не заметила. Взгляд ее был прикован к Руперту. Почувствовав пристальный взгляд Инге, Руперт обернулся и вопросительно уставился на нее.

Но Инге уже пришла в себя, — она нашла глазами Ури, глазами же указала ему на выход и, осторожно попятившись, потянула на себя ручку двери, надеясь выскочить из кафе, пока ни Вильма, ни Доротея ее не заметили.

Но нет, Вильма уже ее увидела.

— Инге! Наконец-то! — весело воскликнула она, расширяя праздничный круг.

— Идите к нам, мы предусмотрительно взяли прибор и на вашу долю.

Инге отпустила ручку двери и после секундного колебания, тряхнув волосами, обреченно направилась к их столу, где все уже суетились, освобождая для нее место.

— Знакомьтесь, — представила ее Вильма. — Инге Губертус, владелица самого красивого замка в земле Райн-Пфальц.

При звуке своего имени Инге вздрогнула и подняла глаза на Руперта, который, поднявшись со стула, стоял, протягивая ей руку и неотрывно глядя в ее лицо. С непонятной ему самому тревогой Ури наблюдал, как

синие зеркала любимых глаз заволакиваются непрозрачной мутной пленкой, — как у подстреленной птицы.

— Ну как, с победой? Профессор Рунге нашел план замка? — спросила Доротея, но Инге, сосредоточив все свое внимание на Руперте, даже не подала виду, что слышала ее вопрос.

— А это — знаменитый Руперт Вендемани, тот самый, который сжег свои картины! — заранее наслаждаясь ожидаемым эффектом, представила Руперта Вильма.

Бесконечно долго, как в замедленной съемке, задерживая руку Инге в своей, Руперт поднес ее к губам и спросил:

— Не правда ли, мы когда-то встречались?

— Не думаю, — тихо сказала Инге, отнимая руку.

— А мне кажется, я вас где-то видел.

— Нет, — покачала головой Инге. — Я вас не видела никогда.

— Постарайтесь вспомнить, фрау Инге. Может быть, мы были с вами знакомы в какой-то другой жизни?

— Не думаю, — твердо ответила Инге. — Даже в другой жизни. Вас, — улыбаясь, она подчеркнуто сделала ударение на этом «вас», и Ури понял, что она уже овладела собой, — вас я не могла бы забыть.

ИНГЕ

— Это был твой Карл? — спросил Ури, когда они, наконец, вырвались из цепких рук Вильмы и Доротеи и остались одни.

— Кто — Руперт? — От возмущения Инге на миг даже потеряла дар речи. — С чего ты взял?

— Ты так испугалась, когда его увидела.

— Хорошего же ты обо мне мнения! По-твоему, я могла много лет быть во власти этого, этого... — она запнулась, не находя слов.

— ...старого петуха, — подсказал Ури.

— Ну вот, ты сам видишь, что он за птица. Как же ты мог принять его за Карла?

— Не знаю, я Карла не видел. — упрямо сказал Ури. — Может, он тоже старый петух.

— Да нет, он — птица совсем другого полета. Так что никакой связи.

— Тогда зачем ты сказала им, что мы уезжаем сегодня?

— Зачем? Чтобы от них отделаться!

— Вот я и спрашиваю: почему ты так жаждала от них отделаться?

Инге уже поняла, что он будет допытываться до победного конца, но все-таки попробовала последнюю уловку, чтобы увернуться от его допроса:

— Например, потому что мне не понравились твои шуры-муры с этой черной курочкой.

— Выходит, ты — расистка?

— Я не думаю, что твои шуры-муры с белой курочкой понравились бы мне больше.

Лица Ури она не видела, потому что он, не отвечая, наклонился к замочной скважине: старинный замок их номера не любил открываться с первого раза.

— Ты знаешь, — сказал он, не глядя на Инге, — эта шоколадная курочка пригласила меня тайком от Руперта махнуть с ней сегодня вечером во Франкфурт в какой-то подземный эротический рай.

— Ну и темп! Ты, я вижу, прямо на ходу подметки рвешь!

— Я думаю, ей просто нужен партнер, потому что туда пускают только пары.

— И что ты ей ответил?

— Я сказал, что у меня на сегодня другие планы.

Тут в скрипучем металлическом нутре замка что-то наконец лягнуло, и дверь неохотно отворилась. Они вошли в комнату и, не сговариваясь, как подкошенные, рухнули на кровать. Оба смертельно устали от праздничной суматохи этого дня — от неожиданно вернувшейся жары, от беспорядочной болтовни, от обилия съеденных пирожных, от долгого хождения вверх-вниз по крутым улицам. Инге закинула, руку за плечо Ури, положила ему на живот согнутую в колене ногу и уткнулась носом ему под мышку, с наслаждением вдыхая за-

пах его тела. «Боже, как хорошо!» — мелькнуло сполохом по краю ее сознания. Пальцы ее соскользнули с его плеча и начали медленно расстегивать пуговицы его рубашки.

— Лежать бы так долго-долго, бесконечно долго, — прошептала она, зарываясь лицом в кудрявую поросль у него на груди и чувствуя, как куда-то стремительно испаряется усталость. — И ничего мне больше не надо.

Он мог бы съязвить: «Так-таки ничего?», но не съязвил, а стал молча выпрастывать ее плечи из элегантного светлого жакета, подаренного ей когда-то Карлом. Расправившись с жакетом и с блузкой, он пробежал кончиками пальцев по ее позвонкам от шеи вниз, от чего у них обоих сразу перехватило дыхание. Но прежде, чем они поспешно стянули друг с друга остатки одежды и в исступлении скатились с кровати прямо на потертый ковер на полу, он все же успел спросить:

— Зачем мне нужны какие-то курочки, когда мне достался белый лебедь?

Но любовь любовью, однако Инге не сомневалась, что Ури так легко не забудет сцену в кафе, и потому не удивилась, когда он, едва открыв глаза после короткого сна, тут же спросил:

— Но ты с этим Рупертом где-то раньше встречалась, ведь точно?

— Если бы я с ним раньше встречалась, он бы меня вспомнил, — отпарировала Инге даже не пытаясь скрыть от себя неотвратимости того, что случилось, обреченно подумала: «И он еще вспомнит.» Потому, наверно, слова ее прозвучали неубедительно — Ури, во всяком случае, ей не поверил:

— Он, может быть, тебя не вспомнил, но ты-то его узнала сразу, как только вошла в кафе.

— С чего ты это взял?

— У тебя стало такое лицо, будто ты увидела призрак. И ты попыталась тут же от двери рвануть обратно, просто Вильма тебя засекла в последний момент.

«Ну и наблюдательный паршивец!» — чертыхнулась про себя Инге, а вслух сказала:

— У тебя просто богатая фантазия.

Но она уже знала, что придется в чем-то сознаться. Как всегда, оставался главный вопрос — в чем и до какого предела? Как она устала от этой постоянной необходимости скрывать правду! Как хорошо было бы обвить руками его шею и все-все ему рассказать! Но она представила себе на миг, как окаменеет его лицо, как неприязненно стиснутся губы, и он холодно скажет... Нет, она даже в самых сокровенных своих помыслах не могла бы решиться услышать все то, что он может в этом случае ей сказать. Ни за что! Ни за что! Она должна врать и выкручиваться до последней возможности, лишь бы только скрыть от него свою проклятую тайну. А раз так, у нее не оставалось другого выхода. Она потянула Ури за руку:

— Пошли в душ, я помою тебе спинку...

Он глянул на нее вопросительно и, как ей показалось, даже сердито, так что она поспешно добавила:

... и, так и быть, расскажу тебе, где я видела Руперта. Только учти, это страшная тайна, которую я много лет старалась забыть.

— Но не забыла? — спросил Ури с подначкой, но все же встал и пошел за ней в ванную.

Инге, конечно, не случайно задумала начать свою исповедь в ванной, — телесный контакт, который возникнет между ними, когда она будет намывать ему спину, должен помочь ей приоткрыть правду ровно настолько, чтобы замаскировать ложь. Она выдавила из флакона несколько капель душистого бальзама на свою любимую розовую губку и со всей нежностью, на какую была способна, — в этом ей, слава Богу, не надо было притворяться! — стала круговыми движениями гладить его плечи, лопатки, тугие мышцы ягодиц.

— Ты меня слушаешь? — спросила она.

— Ты же молчишь, — ненастойчиво упрекнул он ее в ответ. Намывание спины явно располагало его к миролюбию.

— Разве? — удивилась Инге. — А я-то думала, я тебе уже все рассказала! Кончиками пальцев.

— Ладно, рассказывай, не тяни, — он решительно отстранился и сел на край ванны.

— Это было давно, несколько лет назад, — начала она, находя некоторое утешение в равномерном шуме льющейся воды. — Я тогда скопила кое-какие деньги, чтобы уволиться из «Люфтганзы» и поступить в университет.

— В Гейдельберге?

Она тут же насторожилась — «Господи милосердный, как он это раскопал и что еще ему известно?»

— В Гейдельберге, да. А откуда ты знаешь?

— От тебя, ты же сама мне рассказала. А что, это секрет? — он перекинул ноги через край ванны, встал и, завернувшись в махровую простыню, вышел из ванной.

«Вот дура, так дура! Совсем голову потеряла» — обругала она себя и, набросив на плечи махровый белый халат, пошла за ним:

— Да нет, какой тут может быть секрет? Просто я забыла, что мы об этом уже говорили.

Он стоял у окна и смотрел на разгорающийся над площадью неправдоподобный багряный закат. Собственно, неправдоподобным был не сам закат, а то, что он сотворил с мирными старинными домами, тесным кольцом оцепившими площадь: казалось, что они польхают в многократно отраженном в их окнах зареве заходящего солнца. Инге подошла к окну, прижалась к Ури и застыла, зачарованная заоконной панорамой, наполненной неуловимым движением света и теней. Ури положил руку ей на плечо, не понуждая ее к рассказу, но все же напоминая, что он ждет.

— Я была счастлива, что поступила в университет, — начала Инге, — но недолго. Оказалось, что учиться в Гейдельберге совсем непросто. Студенты там были тогда в странном смятении. Впрочем, не только там. Это были бурные годы. Вся Германия кипела и пузырилась. На студентов нашло какое-то помешательство, какой-то массовый психоз: повсюду создавались кружки, коммуны, группы. И я, конечно, тут же попала в самый

водоворот, я ведь тоже была всем недовольна. Поскольку я училась на медицинском, я очень быстро оказалась членом КСП — Коммуны Социальных Пациентов, созданной при университетской психбольнице доктором Куртом Хорманном. Он считался настоящим героем: он вел курс групповой психотерапии и внушал своим пациентам, что они — единственно здоровые представители больного общества. Незадолго до моего приезда его как раз выгнали с кафедры, но его пациенты устроили массовую голодовку и добились его восстановления.

Она вдруг замолчала.

— И что же дальше? — нетерпеливо сказал Ури.

— Я не знаю, стоит ли забивать тебе голову этими подробностями? А без них ты не поймешь, о чем речь. Ведь ты ничего об этом не знаешь, правда? О студенческих волнениях тех лет, о войне с полицией и о терроре левых радикалов?

— И знаю, и не знаю. Краем уха что-то слышал, но в сознании ничего не удержалось. Знаешь, у нас в Израиле своих проблем хватает.

— Тогда слушай и терпи. Очень скоро наша Коммуна Социальных Пациентов превратилась в большую агрессивную группу, потому что доктор Хорманн объявил, что принимает всех, так как все члены современного больного общества по сути «пациенты». КСП росла, как на дрожжах, от новых «пациентов» просто не было отбою. На собраниях Коммуны можно было встретить самых разных людей, — непризнанных художников в рваных джинсах и шелковых пиджаках, мрачных пролетариев в кожаных куртках и просто недолеченных психов. Сначала эти люди казались мне необычайно умными и значительными. Я восхищалась тем, что они стремятся к высшему и не похожи на обывателей, готовых перегрызть друг другу глотки, лишь бы прорваться к пирогу.

Я помню, как на одном многолюдном сборище на сцену выскочил какой-то начинающий поэт и стал призывать нас к восстанию. «Мы должны разрушить это прогнившее общество, идеал которого прост как счи-

талка: производить, чтобы иметь возможность потреблять то, что произведено, и опять производить, и опять потреблять, и так без конца. А наша задача — положить этому конец!». Тут все завьли от восторга, и кто-то громко крикнул: «Психи, к оружию!» Потом я узнала, что Хорманн действительно вел переговоры с террористической группой Баадера-Майнгоф о нашем присоединении к ним. Но тогда я ни о чем таком не подозревала, мне просто нравилось ходить на вечеринки «пациентов», там всегда красиво говорили о чем-нибудь важном и пели хором «Психи, к оружию!».

Там я чувствовала себя героиней захватывающего приключенческого фильма.

— Ну, а при чем тут Руперт? Он что, тоже был «пациент»?

— Потерпи, сейчас я дойду и до Руперта. Постепенно отношения руководства Коммуны с властями обострялись, тем более что всю Европу к тому времени поверг в трепет левый террор. Ты даже не представляешь, что у нас тогда творилось, — террористы взрывали поезда, похищали и убивали известных людей, поджигали универмаги, похищали самолеты.

— Еще бы! — усмехнулся Ури. — Куда мне это понять? Ведь у нас ничего подобного не бывало!

Инге виновато поцеловала его где-то за ухом:

— Прости! Я забыла, что у вас тоже так.

— Или тебе вдруг показалось, что, в отличие от вас, мы это заслужили? Твой друг Руперт мне сегодня что-то в этом роде объяснял.

— Мой друг Руперт? Ну знаешь! Неплохого друга ты мне выбрал!

— Но ты ведь мне так и не рассказала, в чем он провинился!

— Да нет, ни в чем таком он не провинился, просто у меня с ним связаны неприятные воспоминания. У нас в коммуне была одна девушка — то ли Беттина, то ли Беата — надо же, как я могла забыть? Настоящая пациентка, а не социальная — толстая, отечная, несчастная, вечно искала себе мужика, но редко находила. Из-за

этого или из-за чего другого, но она в конце концов выбросилась из окна и разбилась насмерть. В записке, которую она оставила, она обвиняла в своей смерти всех сытых и довольных. Эта записка была опубликована в одной из центральных газет, а в другой газете появилась статья, намекающая, что Коммуна довела бедную Беттину до самоубийства для утверждения своих радикальных идей. В Коммуне разразилась буря протестов и Хорманн созвал экстренное собрание. Мы должны были показать всему обществу, что это мы судим его, а не оно нас. И что мы готовы к бою. Хотя меня к тому времени уже начали точить какие-то неопределенные сомнения, на собрание я все-таки пошла: мне было жалко Беттину. Собрание было в университетском спортзале, туда набилось человек триста, а то и больше, стульев не было, сидели на полу. На стульях за столом сидели только члены правления КСП и приглашенные гости из Берлина — мрачная, очень худая женщина огромного роста по имени Марикие — говорили, что она нелегальная и что это ее подпольная кличка, — и наш дорогой Руперт.

— Что, Руперт тоже был нелегальный?

— Что ты, он всегда был легальный, он ведь так обожает красоваться у всех на виду! Но выступает он как самый крайний авангардист и радикал. Вся эта история произошла до того, как он сжег свои картины, — тогда он еще считался художником, и волосы у него еще не поседели. А может, он их красил, кто его знает, с него вполне могло статься. Во всяком случае, когда он встал, чтобы произнести речь, наши девчонки захихикали и нашептали мне, что он никогда не носит трусов и шьет себе на заказ шелковые брюки в обтяжку, чтобы выставить напоказ все свое богатство. Я потом присмотрелась и — что ты думаешь? Он точно был без трусов!

— Да ну? А я ничего такого не заметил.

— Возможно, с возрастом ему стало нечем хвастаться, и он сменил свои привычки.

— Не из-за трусов же ты не захотела сознаться, что была с ним знакома?

— Да не была я с ним знакома! У тебя просто не хватает терпения дослушать! — вспыхнула Инге, но тут же мысленно себя одернула: «Спокойней, соберись с мыслями, ты ходишь по лезвию ножа!».

За окном почти стемнело, и на площадь, все еще отсвечивающую розовым даже в сумерках, опять начали съезжаться машины и стекаться людские толпы. Инге облокотилась на низкий подоконник и сказала:

— Какая удобная точка для человека с автоматом! Надо было позвать Руперта к нам сюда, он бы это оценил.

— Он что, призывал вас к вооруженной борьбе?

— Что-то в этом роде. Перед его выступлением по залу разбросали фотографии Беттины в гробу, и одна девушка закричала, что раз Беттина не могла жить в этом обществе, значит, она-то и была по-настоящему здоровой. Подхватив эту идею, Руперт произнес зажигательную речь, — я уже не помню подробностей, помню только, что он поздравил нас с тем, что мы «пациенты». Если больное общество считает нас больными, — объявил он нам — мы должны быть польщены, потому что это — признание нашего истинного здоровья. Но поскольку наши права ущемлены, мы, отстаивая их, имеем право, как и всякое меньшинство, в случае необходимости прибегать к насилию. В ответ на его речь кто-то потребовал, чтобы мы немедленно вышли на улицы и начали громить потребителей в их храмах, то есть в магазинах и ресторанах, но ему возразили, что не все к этому готовы. Тут в зал вбежал доктор Хорманн — я в суматохе как-то даже не заметила его отсутствия — и крикнул, что против Коммуны готовится полицейский рейд. Передние ряды стали скандировать: «Психи, к оружию! Психи, к оружию!», а тощая террористка Марике вытащила из-под стола ящик, полный ружей, и стала раздавать их желающим. Тут началась настоящая вакханалия, — все повскакали со своих мест и ринулись за оружием. Кажется, я одна осталась сидеть на полу, потому что где-то на окраине сознания у меня возник вопрос: как ящик с ружьями

оказался под столом? Этот вопрос просто пригвоздил меня к полу — неужели весь этот спектакль был спланирован заранее? Я вглядывалась в искаженные безумным восторгом лица своих товарищей по Коммуне и думала: «Что я здесь делаю?». Тут кто-то наступил мне на руку, и я испугалась, что меня сейчас затопчут. Я поднялась с места и пошла к выходу. К счастью, в эту минуту никто не обратил на меня внимания, так что мне удалось незаметно выскользнуть из зала. Я прикрыла за собой дверь и быстро пошла к воротам. Пройдя несколько шагов, я услышала за спиной торопливые шаги. Кто-то звал меня: «Девушка, погодите, возьмите меня с собой!». Я обернулась и увидела Руперта — он бежал за мной и был совсем близко. Убедившись, что я его заметила, он простер ко мне руки, а я от него шарханулась, как от прокаженного: его шелковые брюки в обтяжку не оставляли сомнения в том, что наши девчонки были правы. Меня охватило отвращение, и я помчалась от него прочь, как хороший спринтер. Он сперва пытался меня догнать, но быстро отстал и только кричал мне вслед: «Куда вы уносите такие красивые ножки?», но я даже не обернулась. Вот и все. Больше я его не видела.

— А что случилось с остальными? — спросил Ури, который слушал ее рассказ, затаив дыхание, как ребенок сказку.

— Ничего с ними тогда не случилось. Напрасно они забаррикадировали вход в зал, никакого рейда в тот день не было, и Марике благополучно увезла свой ящик с ружьями обратно в Берлин. Уж не знаю, как ей удалось провезти его через все кордоны Восточной Германии. Я даже подозреваю, что именно они и послали ее к нам. Но я больше не вернулась в Коммуну. После той ночи они мне стали противны, я просто не могла их больше видеть. Однако оказалось, что невысказанно, выйдя из Коммуны, остаться в университете. Мне пришлось убраться из Гейдельберга и сдавать экзамены за тот год экстерном.

— Они что, угрожали тебе?

— Не то, чтобы прямо угрожали, но смотрели на меня, как на врага. А их невозможно было игнорировать, их было слишком много. Потом я узнала, что доктора Хорманна и двух других заводит арестовали за подстрекательство к беспорядкам, и Коммуна распалась. Члены ее разбрелись кто куда. Были такие, которые потом вступили в террористические группы, участвовали в терактах и были арестованы — некоторые все еще сидят в тюрьмах. А одну девушку — Зильке Кранцлер, жуткую уродину, с которой я вместе училась, — до сих пор разыскивает полиция. Можно считать, что она сделала карьеру: ее портрет ты можешь увидеть на дверях всех почтовых отделений Германии.

— Подумать только, мне и в голову не приходило, что у тебя такое богатое прошлое!

— Ничего себе — богатство! Я просто испортила себе жизнь.

— Ты что, так больше и не вернулась в университет?

— Нет, я снова начала летать. Мои деньги как раз подошли к концу, а я почему-то не могла зарабатывать на жизнь, как другие студентки. Оказалось, что я толком не гожусь ни в няньки, ни в официантки.

И тут он спросил то, что должен был спросить давно, с самого начала. Инге даже начала уже недоумевать, — неужто не спросит?

— А какое отношение ко всему этому имеет Карл?

— С Карлом я тогда еще не была знакома, — чисто-сердечно призналась Инге, сама поражаясь тому, что было такое время, когда еще она не была знакома с Карлом.

В этот миг площадь вдруг озарилась ярким светом множества разноцветных прожекторов, разом вспыхнувших на крышах домов, окружающих собор. Лучи прожекторов были направлены так, что Инге на мгновение показалось, будто собор оторвался от земли и устремился вверх, в заоблачные дали, куда долетают только ангелы и реактивные самолеты.

— Смотри, вон наш Руперт! — воскликнул Ури.

— Где?

— Вон, видишь? На ступенях собора!

Инге перегнулась через узкий подоконник и увидела далеко внизу седую голову и голубой пиджак Руперта, а рядом с ним тоненькую фигурку Ульрике. Вздымая вверх руку с зажатой в ней пачкой листов, Руперт что-то говорил, обращаясь к спящей вокруг пестрой толпе, — до Инге доносился только звук его голоса, но слов она не могла разобрать, да и не хотела. Закончив говорить, он размахнулся и бросил листки в текущий мимо него людской поток. Листки, подхваченные легким вечерним ветром, закружились над головами прохожих и спланировали им под ноги. Некоторые из прохожих наклонились и подняли маленькие светлые квадратики, упавшие к их ногам, остальные прошли по ним, не обращая внимания. Облокотясь о подоконник рядом с Инге, Ури наблюдал, как Ульрике вынула из висящей у нее на плече сумки новую пачку листовок и протянула ее Руперту. Он взял их и снова обратился к толпе.

— Интересно, — спросил Ури без особого любопытства, глядя на развевающиеся на ветру седые локоны Руперта, — нашла ли эта сексуально озабоченная курочка какого-нибудь партнера, готового смотаться с ней сегодня ночью во Франкфурт?

ОТТО

«Отто, можешь не волноваться, что план замка пропал,» — сказала ему Инге, мгновенно порхнув губами по его щеке и тут же отстраняясь. Небось от своего еврейчика она не отстраняется так поспешно. Вчера перед ужином Отто наблюдал из окна, как еврейчик подводит под крышу каменную пристройку к свинарнику, которую начал еще Карл, и видел, как дочь подошла к нему сзади и без всякого стеснения прямо так и присосалась к его шее. А он, мерзавец, уронил мастерок, которым до ее прихода разравнивал цемент, и мало того, что, не оборачиваясь, откинулся назад, чтобы ей было сподручней его целовать, так еще вдобавок протянул

назад свои грязные руки и прижал ее к себе. В этой дурацкой позе они застыли и простояли так, чуть покачиваясь, наверно, целый час. Отто едва с ума не сошел, ожидая, когда они, наконец, вспомнят о нем и позовут его ужинать, но они и не думали разлепляться. Он хотел было начать бить в рельс, чтобы прекратить это безобразие, но сообразил, что не стоит даже стараться: этих двоих сейчас воистину даже водой не разольешь.

Отто закрыл глаза, опять переживая вчерашнюю невыносимую сцену, а Инге продолжала как ни в чем ни бывало, совершенно не замечая его страданий:

— Я привезла из Байерхофа другой план. Может, не такой подробный, как тот старый, но тоже достаточно хороший. Хочешь посмотреть?

Ну конечно, он хотел посмотреть, еще как хотел! Ему очень важно было узнать, что значит «не такой подробный» — есть ли там главное? То, ради чего он спрятал старый план. Тот был действительно подробный — Отто заказал его за большие деньги хорошему специалисту через несколько лет после войны, когда понял, что если он хочет выжить и сохранить фамильный замок, то должен кое-что тут перестроить.

Инге подвезла Отто к столу, надела ему на нос очки, и он напряженно уставился на хрустящий лист, который она услужливо расстелила перед ним. Что и говорить, государственная организация не способна была выполнить работу так тщательно, как выполнил ее за деньги хороший специалист: отпечаток на листе был довольно туманный, и Отто никак не мог разглядеть, есть ли там то, что он хотел бы утаить, или нет. Он не хотел привлекать внимание дочери к тому месту плана, которое его интересовало, но никак не мог сориентироваться, в какой части плана это место искать. Не поднимая головы, он покосился на Инге — слава Богу, она стояла слева от него, и он мог смотреть на нее исподтишка. Она склонилась над планом из-за его плеча, так что ее щека почти касалась его лица. Он на миг представил себе, как она придвигается ближе, прижимается щекой к его щеке и долго-долго стоит рядом с ним,

чуть покачиваясь и согревая своим теплом его умирающее тело. Если бы она сейчас это сделала, он бы, может, расчувствовался и во всем ей признался. Но ей такое и в голову не пришло — зачем он ей, когда у нее под рукой есть классный племенной жеребец, — правда, не совсем подходящего племени, но ей, как видно, именно это в нем и нравилось.

А раз так, те его, Отто, задача состояла в том, чтобы не допустить этих двоих туда, куда им не следовало лезть. Для начала он притворился, что внимательно всматривается в план, а на самом деле он просто тянул время, чтобы придумать, как заполучить план хотя бы на пару часов. К счастью, несмотря на его физическую немощь, мозг его пока работал отлично, и он быстро сообразил, что надо сделать. Он с гордостью подумал о себе, что есть еще порох в пороховницах, только нет ни души, которая могла бы его сообразительность оценить. Даже Габриэле — а она сегодня понимала его лучше, чем кто-либо другой, — даже ей не решился бы рассказать, как ловко он задумал обвести вокруг пальца свою непутевую дочь.

Наспех просчитав в уме все варианты, он горько заснонал и закрыл глаза. Какая жалость, что он не мог заслонить их ладонью, — это бы выглядело куда убедительней, — впрочем, не беда: его уловка сработала и так.

— В чем дело, папа? — встревоженно спросила дочь.

«Проклятые глаза, — отстучал он, — отпечаток такой мутный, я ничего не могу разглядеть.»

— Ты хочешь, чтобы я тебе помогла? — она прямо из кожи лезла, чтобы его задобрить: небось, боялась, что он запретит ей перестраивать замок.

«Как ты можешь мне помочь? Лучше всего включи мне еще одну сильную лампу и оставь на вечер этот план мне. Я рассмотрю его на досуге.»

— Ладно, если ты хочешь его рассматривать, я включу тебе вторую лампу после ужина. А сейчас поехали на кухню — пора есть.

Как Отто ни любил ужинать у нее на кухне, — а она, негодяйка, нечасто брала его к себе, — на этот раз он

твердо отказался, сославшись на легкое головокружение: сегодня у него были дела поважней, и надо было успеть завершить задуманное до того, как она придет укладывать его спать. Дочь не стала настаивать, она только пожала плечами: «Как хочешь. Мое дело — пригласить.» Отто немедленно показалось, что она вздохнула с облегчением, — конечно, теперь она без помех может весь вечер тискаться со своим ненаглядным парашютистом! И он сгоряча чуть было не заявил, что передумал и готов ужинать с ними на кухне, но во время опомнился и промолчал. Бог с ним, с этим ужином у Инге на кухне — может, она завтра опять его пригласит. А вот сделать то, что он задумал, завтра будет уже поздно.

Пока Инге явно торопясь скорей уйти, наспех кормила Отто ужином, мысли ее витали где-то далеко, «кружились на парашюте» — съязвил про себя Отто. Наконец она ушла, оставив его под лампой наедине с расстеленным на столе планом замка, и он углубился в изучение сложного переплетения штрихов и линий. Ему, несомненно, очень помогло то, что он хорошо знал расположение всех наземных и подземных залов и лабиринтов: в молодости, когда у него были силы бродить по опасным переходам и мечтать, он основательно изучил свои владения в надежде когда-нибудь достать деньги на ремонт. Увы, мечты так и остались мечтами: надо было как-то зарабатывать, чтобы содержать больную жену, да и собственное здоровье подвело его слишком рано.

Зато теперь, когда нависающая за плечом тень дочери не рассеивала его внимание, он сразу нашел то, что искал. Так оно и есть! Хоть отпечаток был неважный и тонкие штриховые линии, обозначающие лестницы, при пересечении с пунктирами, обозначающими стены подземных коридоров, часто сливались в неразборчивые кляксы, однако при желании в этом месиве многое можно было разглядеть. Поскольку у Отто не было никакого контроля над желаниями других, у него оставался один-единственный выход — лишить их возможности удовлетворить неудобную ему часть этих желаний. Он хорошенько всмотрелся в паутинное хитросплетение в

нижнем левом углу листа, — он мог действовать только наверняка — а значит, прежде, чем что-либо предпринять, он обязан был убедиться, что не ошибся. Но нет, слава Богу, он не ошибся, — это именно тот коридор, именно та дверь.

Отто глянул на часы и ужаснулся, как много времени уже прошло. Надо было спешить, оставались считанные минуты: вот-вот явится Инге укладывать его в постель — и тогда все, он упустил свой шанс. Он приподнял лапу и начал примеряться, куда ее опустить. Шея у него болела, глаза почти ничего не видели, отягченная протезом рука не хотела подчиняться, но все это не освобождало его от необходимости выполнить то, что необходимо было выполнить. Итак, в атаку!

Он с грохотом опустил лапу на план, тут же отдернул ее назад и посмотрел с опаской на то, что получилось. Увы! Не получилось ничего: его удар не произвел никакого эффекта — глянцеви́тый бумажный лист остался таким же гладким и блестящим, каким он был до того. Значит, просто ударом лапы его порвать нельзя. Что же делать? Времени было в обрез, нужно было срочно искать выход.

Отто кое-как скомкал план вилкой протеза, потом, нажав ногой на педаль ручного зажима, схватил им смятый лист и, рискуя каждую секунду его уронить, покатился в свою спальню, где над кроватью был укреплен пушпир для чтения с планшетом в углу. Напряженно прислушиваясь, не идет ли уже к нему Инге, Отто с усилием сунул край плана под планшет. Теперь надо было опять найти нужное место и расположить его прямо под планшетом, чтобы опять не вышло промаха. К счастью, он с самого начала сунул план в зажим правильным концом. Кто знает, сумел ли бы он довести задуманное до конца без этой маленькой удачи. Впрочем, ему вообще сегодня везло, потому что Инге явно опаздывала — в другой раз Отто бы уже давно довел себя до кипения, представляя на разные лады, чем она, позабыв о нем, занимается там со своим парашютистом. Зато сегодня он был этому только рад.

После небольшой передышки он поточнее приладил план под планшетом, внимательно прицелился — сейчас надо было действовать наверняка, — снова нажал ногой на педаль ручного зажима и, захватив им свободный край листа, рывком покати́л кресло прочь от кровати. Лист разорвался с пронзительным хрустом, словно там что-то взорвалось. Отто хорошенько трянуло и понесло вперед вместе с креслом, однако он умудрился затормозить за два сантиметра от летящего на него дверного косяка. От непривычного физического напряжения все тело его покрылось холодной испариной, и сердце колотилось в груди, как пожарный колокол. Что ж, пусть колотится, зато он сумел сделать то, что задумал, и сделал это неплохо. Отто высоко ценил каждую маленькую победу, которую ему удавалось одержать над любым врагом — все равно над каким, потому что она отдаляла победу его главного врага — неизбежно приближающейся смерти.

Впрочем, радоваться было еще рано, следовало сперва убедиться, что план порван в нужном месте. Отто развернулся и посмотрел на зажатый в пюпитре край листа — не стоило даже пытаться вытащить его оттуда, это было выше его сил. От всех этих поворотов и разворотов было трудно дышать, в груди словно застрял острый кусок стекла, но он страшным усилием преодолел удушье и поднес к здоровому глазу кусок плана, оставшийся в зажиме его протеза. Как и следовало ожидать, точность его маневров не была стопроцентной: линия разрыва не полностью соответствовала его замыслу, и главная опасная точка довольно четко чернела на оставшемся нетронутым желтоватом островке между косой штриховкой лестницы и параллельными пунктирами подземного коридора.

Ясно понимая, что не стоит и пытаться оторвать такой маленький клочок своим грубым зажимом, Отто сунул рваный край плана в рот и из последних сил заставил себя размолоть зубами этот крошечный кусочек скользкой бумаги за полминуты до того, как со двора донеслась виноватая дробь шагов спешащей к нему дочери.

«Раньше надо было спешить, дорогая! Ты уже опоздала!» — злорадно подумал Отто, быстро въезжая в спальню, где над кроватью болтался прижатый планшетом верхний кусок плана. Его утомленную грудь распирал счастливый смех: почти все было позади, оставалось только выполнить завершающую часть его замысла, лучше всего освоенную им за последние годы: создать видимость несчастного случая, в результате которого у него в руках порвался план. Это он умел, хоть и очень устал, главное было — успеть до прихода Инге докатиться до кровати. Докатившись, он услышал, как она открывает входную дверь, с трудом спустил с кресла здоровую ногу, резко наклонился вперед, оттолкнулся протезом от спинки кресла и, больно ударившись плечом обо что-то твердое, рухнул на пол.

УРИ

«Ты знаешь, мамка, — написал Ури, — я должен признаться, что я уже начинаю по тебе скучать. Для этого понадобилось почти полгода разлуки, а ведь было время, когда я без тебя и дня прожить не мог, чем, впрочем, изрядно тебе докучал. Потому что как раз тогда ты прекрасно могла жить без меня. Ты, конечно, немедленно взовьешься и заявишь, что это беспардонная ложь и такого никогда не было, но признайся — в глубине души ты знаешь, что это святая правда. Я, впрочем, сам не понимаю, зачем я завел этот надрывный разговор, когда хотел всего лишь порадовать тебя тем, что я по тебе скучаю. Наверно, затем, чтобы ты не сделала из моего неосторожного признания вывод, будто я намереваюсь все здесь бросить и помчаться к тебе на крыльях сыновней любви. Так что лучше давай сразу уточним — пока все остается по-прежнему, и я никуда не собираюсь отсюда уезжать. И, пожалуйста, больше не задавай мне вопроса, насколько мое решение окончательное, — ведь окончательным не случайно называли решение еврейского вопроса, поскольку оно действительно было окончатель-

ным. Тогда как всякое решение другого типа всегда можно без особых затруднений заменить на противоположное. Чего я пока — подчеркиваю: «ПОКА» — делать не собираюсь. Точка.»

Покончив с самой трудной частью письма, Ури откинулся на спинку кресла и стал наблюдать, как во дворе за окном строители настилают крышу на каменную пристройку к свинарнику, которую, говорят, начал строить еще Карл. Начал, да так и бросил недостроенной. Вообще этот таинственный Карл не так уж много тут наследил до того, как исчезнуть — после него, вроде бы, не осталось ничего, кроме нескольких рядов аккуратно уложенных, скрепленных цементом красных камней, разномастного вороха одежды и разрозненных воспоминаний, застрявших в феноменальной памяти бедняги Клауса. Он как-то умудрился ни с кем в деревне даже не познакомиться — ни с любопытными завсегда-таями кабачка «Губертус», ни с любознательными профессоршами их Верхнего Нойбаха.

Странно. Не правда ли, странно? «А впрочем, какое мне до этого дело?» — мысленно пожал плечами Ури и снова взялся за перо.

«Я думаю, что ты должна быть мною довольна, — ты бы меня сейчас просто не узнала. Как написали бы в одном из ваших многословных немецких романов, которые ты заставляла меня читать в детстве: «Куда девался тот нервный раздерганый юнец, с которым мы расстались совсем недавно? Перед нами стоял стройный, уверенный в себе красавец и на все руки мастер, равно способный и на хладнокровное выжидание, и на стремительное действие. «Так вот, без ложной скромности заявляю: этот красавец — я! Можешь судить сама.

Во-первых, я здесь не только ухаживаю за свиньями, но и весьма успешно продвигаюсь к освоению той гражданской профессии, на которую ты меня когда-то безрезультатно нацеливала. Кстати, чтобы тебя не мучил невысказанный, но прозрачно прочитываемый мной вопрос, отвечаю без всякого понуждения: да, она мне платит — и платит хорошо, в твердой немецкой валюте,

как я того заслуживаю, а я, преодолев ее довольно настойчивое сопротивление, плачу ей за комнату и еду. Ну, а все остальное — наше личное дело, так что можешь успокоиться: я не выступаю тут ни в роли Альфонса, ни в роли влюбленного фраера. Работа моя весьма разнообразна. Я недавно, наконец, закончил кладку стен холодильной комнаты, которую Инге давно мечтала пристроить к своему свинарнику. На прошлой неделе из города приезжали монтажники, которые провели трубы и установили холодильный аппарат. Так что теперь осталось только настелить крышу, и мой маленький шедевр будет завершен — я надеюсь, что это произойдет сегодня к концу рабочего дня. Я чувствую, как ты уже готова возразить, что ты вовсе не прочила своему вундеркинду будущее свинопаса или строительного рабочего, но ты просто не дала мне закончить мою нескромную похвальбу.

Об окончании строительства холодильной комнаты я упомянул только для того, чтобы объяснить, что у меня освободилось теперь ежедневно несколько часов, которые я намерен тратить на восстановление замка. Конечно, к настоящей реставрации красот замка можно приступить только при участии профессионалов, но на профессионалов пока нет денег — когда-то еще удастся получить обещанное Инге финансирование проекта! Поэтому мы решили привести кое-что в порядок собственными силами, тем более что к нашим услугам есть с трудом добытый план замка, мои золотые руки и всегда готовая дать совет Вильма. Насколько я понимаю, предполагаемые деньги можно получить только на совместный проект, где в роли продюсера будет выступать Инге, а в роли исполнителя — Вильма, так что ее интерес вряд ли можно назвать бескорыстным.

Она и вправду большая специалистка в этой области и страстно жаждет участвовать в реставрации замка, поскольку рассчитывает таким образом сделать гигантский прогресс в своей карьере. Если бы Инге позволила ей поселиться в палатке среди наших живописных развалин, она бы немедленно перебралась сюда из своей

роскошной виллы, прихватив с собой компьютер, собаку и Доротею. Но Инге сурово ограничила ее тремя трехчасовыми посещениями в неделю, утверждая, что для нее, Инге, и это — непомерная перегрузка.

Свои три часа Вильма использует до последней доли секунды и теперь, освободившись от холодильника, я хожу вместе с ней делать обмеры и помогаю ей чертить чертежи обмеренных помещений. Работа эта кропотливая и занудная, но я уже многому научился и могу похвастаться, что моя техническая смекалка не раз нам пригодилась. Вильма почти всегда приезжает по утрам одна, без Доротеи, — у той то ли лекции, то ли муж вернулся из-за границы, то ли у них наступило временное охлаждение, черт их разберет. Инге пока поощряет мое увлечение реставрацией, хоть я иногда задаю себе вопрос, допустила ли бы она, чтобы я проводил долгие часы наедине с прекрасной Вильмой в романтических сумерках древних развалин, если бы та не была заведомой лесбиянкой. И тут же получаю (от себя же) четкий ответ: «Да она бы эту Вильму на порог не пустила!» Так что да здравствует сексуальная революция!»

На этом лозунге чистый лист кончился, и Ури потянулся за следующим, но оказалось, что кончилась вся пачка. Встать с кресла не хотелось, он сегодня, выполняя указания Вильмы, хорошо накарабкался вверх-вниз по лестницам замка, но если он намерен дописать и отправить это письмо, придется пойти поискать бумагу. Ури лениво поднялся, подошел к открытому окну и засмотрелся: день был по-летнему теплый, полный золотого отблеска опавших и опадающих листьев. На строительной площадке шел перекур. Рассевшись на оставшихся от стройки камнях, рабочие жевали свои бутерброды, запивая их кофе из пластиковых крышек термосов, а подрядчик, разложив на коленях большой лист, втолковывал что-то склонившейся над ним Инге. Инге явно не соглашалась, судя по тому, как качалась вправо-влево-влево-вправо ее гладкая грива цвета опавших листьев. Инге стояла, упираясь согнутой левой ногой в красную каменную глыбу. Она с утра упаковывала для зим-

ней спячки свои бесчисленные висячие герани и была одета для работы в саду — в короткие бежевые шорты и низкие коричневые сапоги. У входа в свинарник застыл Клаус с мешком картошки в руке — он зачарованно пялился на голые колени Инге, из левого уголка его раскрытого рта тянулась тонкая струйка слюны.

Ури в который раз стало жаль беднягу — вот и Вильма обижает Клауса и ни за что не хочет брать его с ними на обмеры замка. Она говорит, что в его присутствии ее все время тошнит от отвращения, особенно из-за слюны, которая вечно течет у него изо рта. Вчера Ури случайно вошел в кормовую и подсмотрел, как Клаус изо всех сил пинает носком сапога мешок с отрубями, обливаясь слезами и приговаривая: «Вот тебе, дама! Вот тебе! Получай!». Увидев Ури, он страшно смутился, но плакать не перестал. Через минуту Ури без особого труда выдавил из него признание, что так он расправлялся с глупой дамой, которая что думает, то при нем и говорит, будто он ничего не понимает. А он очень даже понимает, и все может повторить слово в слово. Он громко шмыгнул и спросил, утирая нос рукавом:

— А что такое — «дама»?

Ури с трудом удержался, чтобы не рассмеяться, и на миг задумался, как бы объяснить Клаусу слово «дама» подоступней. Наверно, он придумал не слишком удачно, потому что Клаус был разочарован, когда узнал, что «дама» — это женщина, которая красиво одета. Он тут же начал отчаянно спорить, доказывая, что Вильма и Доротея одеты совсем не красиво в рваные джинсы, майки и кеды — а значит, никакие они не дамы. А кроме того, мамка с Эльзой рассказывали всякие ужасы про то, как они лижут друг друга языками, но он, Клаус, в это не верит, раз они не дамы, потому что именно дамы — это как раз те, которые лижут. Завершив свою невразумительную тираду горьким всхлипом, Клаус еще раз пнул мешок сапогом и начал высыпать оттуда отруби в ведро, чтобы готовить свиньям корм на вечер.

Пока Ури вспоминал вчерашнюю сцену, Инге почувствовала на себе взгляд Клауса и оглянулась. Клаус

тут же отвел глаза и, взвалив мешок на плечо, поспешно вошел в свинарник, а Инге вернулась к своему спору с подрядчиком. Эта маленькая драма, подсмотренная Ури из полутьмы комнаты, вдруг напомнила ему эпизод из пасторального фильма ужасов, где идиллические крестьяне, сгребая идиллические же опавшие листья, ни с того ни с сего превращаются в кровожадных вампиров, так что ему понадобилось встряхнуться, чтобы вернуться в реальность. Зачем он, собственно, встал с кресла? Ах да, кончилась бумага! Что ж, сказал он себе, пошли искать бумагу.

Ури вспомнил, как Инге на днях аккуратно вкладывала пачку бумаги в верхний ящик резного бюро у себя в спальне. Он вошел в спальню, открыл ящик и потянул на себя несколько страниц разом. Как видно, обертка пачки не была надорвана до конца, и вся пачка вывалилась на пол, а вслед за ней из ящика выпорхнул желтый лист с дюжиной напечатанных черным по желтому полю фотографических портретов. Ури поймал лист на лету и пробежал взглядом по рядам угрюмых напряженных лиц — террористы, которых разыскивает полиция. Он видел эти лица сотни раз на дверях почты, банков, супермаркетов, но никогда к ним как следует не приглядывался, — что ему до их немецких проблем? Однако сейчас он невольно присмотрелся к ним, пораженный каким-то неуловимым сходством всех двенадцати, будто они принадлежали к одной семье. А может, на них лежала объединяющая всех печать мрачной обреченности? Или, еще верней, их просто напросто объединяло унылое качество работы полицейского фотографа?

Ага, вот и Зильке Кранцлер, которую однажды упоминала Инге. Неужто ради нее Инге хранит этот лист у себя в ящике бюро? Действительно, страшный мордорот. Да и остальные ей под стать, особенно девушки. Наверно, хорошенькие девушки находят лучшее применение для излишков своей энергии. Впрочем, одно мужское лицо выделялось среди остальных — ясностью взгляда, добротностью черт, гордой посадкой головы. Даже тщательно ухоженная полоска усов не делала это

лицо фатоватым. «Гюнтер фон Корф» — прочел Ури под портретом. Ишь ты, «фон» — значит, еще и благородных кровей — интересно, зачем этому вагнеровскому Зигфриду понадобились кровавые игры с заложниками и похищением самолетов? Ури был крупный специалист по Рихарду Вагнеру — в пику матери, которая запрещала в ее присутствии упоминать его имя.

В кухне послышалось шарканье шагов и хлопнула дверь холодильника — это Клаус пришел за своим бутербродом. Черт побери, уже полтретьего, пора приниматься за работу, — по приемам Клаусом пищи можно было проверять часы. Ури положил желтый лист с портретами террористов обратно в ящик и небрежно сунул поверх него пачку бумаги, из которой он взял несколько листков. Закрывая ящик, он подумал, что Инге, конечно, сразу заметит следы его неловкого копания в ее бумагах — ему никогда не удавалось вернуть вещи, к которым он прикасался, в то священнодейственное состояние немецкого порядка, в каком она их неизменно оставляла. За окном на уровне его колен появилось сосредоточенное лицо Инге: она аккуратно снимала горшки герани с крюков, вбитых в основание рамы, и относила их куда-то влево, где стоял невидимый из комнаты стол. При каком-то повороте головы она заметила Ури, наблюдающего за ней сквозь стекло, и, не прерывая работы, улыбнулась ему рассеянно, словно с экрана телевизора.

Очистив от герани окно своей спальни, Инге исчезла из поля зрения Ури — наверно, отправилась дальше вдоль стен снимать остальные горшки, которых у нее было не счесть — а он, не выходя из спальни, присел к ее бюро.

«Я уже не помню, мамка, на чем я остановился на предьдущей странице, — размашисто написал он, — но это неважно, я начну сначала. Это будет опять про замок, потому что замок сегодня — мое главное увлечение, если не считать его хозяйки, конечно, — я добавляю это специально, чтобы ты не строила себе иллюзий, что есть надежда меня с нею разлучить. Сейчас,

пока пишу тебе, я все время люблюсь из окна той сосредоточенной грацией, с которой она снимает с крюков висячие горшки герани, упаковывает их каждый отдельно в нейлоновые мешки с проколотыми по центру дырочками для дыхания и увозит на тележке в специально для них приспособленный погреб, где они будут зимовать. Сегодня утром перед завтраком я попробовал невинно поддразнить ее, обозвав бедную герань символом буржуазного благополучия, а она почему-то вдруг ужасно на меня рассердилась и с вызовом объявила, что она достаточно насмотрелась на идиотизм врагов буржуазного благополучия, чтобы прислушиваться к таким бредням. Произнося эту маленькую речь, она выглядела еще более привлекательной, чем обычно, — тем более что она теперь к завтраку переодевается в какой-то невообразимо завлекающий кружевной пеньюар, кушленный ею втридорога, по-моему, специально, чтобы соблазнять меня, — так что я, грешным делом, не удержался, и нам пришлось отложить завтрак на полчаса. В результате этого опоздания Инге простила мне мой радикализм, а Вильма уволокла меня из кухни, не дав допить кофе».

Ури перечитал написанное, восхитился стройностью изложения и подумал, жалея мать: «Все-таки садист во мне неистребим», — но вычеркивать свой маленький шедевр не стал, а понесся дальше на волне вдохновения.

«Сегодня мы с Вильмой обследовали первый подвальный уровень, в котором имеет смысл приступить к реставрационным работам сразу, как только появятся деньги. Мы прошли через круглый зал, я тебе о нем уже писал раньше, но только теперь я постиг замысел строителя — Вильма приволокла книги с картинками, описывающие подобные хоромы во всей их красе. Это нужно видеть, рассказать об этом не хватит слов. По плану у этого зала должен быть двойник на нижнем уровне, который можно было бы назвать подвальным, если бы замок не был построен на крутом склоне. Когда-то давно в нижний зал вела пристойная лестница, но от нее, к сожалению, немного осталось, и вход в зал намертво

заложили каменными плитами, так что мы было отчаялись туда попасть. Однако кто-то до нас, видно, уже пробовал туда пробраться, так как сохранившаяся часть лестницы покрыта наспех сколоченным дощатым настилом совсем недавнего происхождения, — я еще не успел выяснить у Инге, кто и для чего его там настелил.

Но сегодня мы, наконец, отыскали отмеченный на плане пунктиром секретный вход, открывающий дорогу из верхнего зала в нижний. Через этот вход мы с большими предосторожностями проникли в короткий коридор, в котором обнаружили две окованные железом двери. Я пишу «обнаружили», потому что у нас на днях произошел небольшой казус: старый инвалид Отто, отец Инге — хороший фрукт, достойный отдельного письма, — потерял сознание, когда разглядывал новый план замка, и оторвал от него один угол. Мне удалось довольно точно этот угол приклеить, но между разорванными краями осталась маленькая дырочка, которая приходится как раз на секретный вход и скрытый за ним коридор.

При виде этих таинственных дверей Вильма затрепетала, как боевой конь при звуке боевой трубы, — простишь ли ты мне этот пошлый образ, всплывший неведомо из каких глубин моего подсознания, никогда не знавшего ни одного боевого коня? Вильма уже давно с нетерпением предвкушала торжественный миг, когда она сможет войти в недоступное подземелье под круглым залом, до сих пор отгороженное от мира каменными стенами и обломками лестниц. Судя по разорванному и потому не совсем разборчивому плану, там когда-то располагалась семейная сокровищница баронов Губертус по соседству со страшной темницей, куда навеки заточали врагов этого семейства.

Увидев эти две двери, Вильма бросилась к первой и начала торопливо подбирать к ней ключ. Дрожащими от возбуждения пальцами она срывала один за другим старинные ключи, нанизанные на стальной обруч, который мы, уходя из кухни, сняли с крюка, вбитого в простенке между окнами. Но как она ни старалась, ни один ключ к

этой двери не подошел. Тогда она потребовала, чтобы я побежал бегом за машинным маслом, и я послушно побежал — она вошла в такой транс, что отказать ей было бы преступлением. Но когда я вернулся, она, не желая никому доверить такое важное дело, выхватила у меня флакон и стала по капле вливать масло в замочную скважину собственными изящно наманикюрованными профессорскими пальчиками. Однако упрямый замок, хоть и обильно смазанный, не проявил ни малейшей готовности открыться, чтобы впустить нас в зачарованные подземные покои. Так что Вильме пришлось сдаться и предоставить возню с ключами мне. Но даже я не сумел подобрать ключ к этому проклятому замку.

— Но ведь Инге уверила меня, что на этом обруче есть все ключи! — обиженно повторяла Вильма, пока я в тысячный раз пытался затолкать в неуступчивую замочную скважину очередного бородатого красавца, — я забыл сказать, что каждый ключ являет собой истинное произведение древнего кузнечного искусства. А может, даже ювелирного; суди сама — рисунок прилагаю.

В конце концов мы вынуждены были признать, что несмотря на заверения Инге, ключ от этой двери можно считать потерянным, и направились к другой двери, сомнительную честь открытия которой Вильма сразу уступила мне. Может быть, именно поэтому уже второй, снятый мною с обруча ключ с легкостью ее открыл, и мы с молодецким гиканьем ринулись во тьму, нащупывая дорогу своими маломощными электрическими фонариками.

Очень быстро перед нами опять оказался лестница, красивым полукругом уходящая вниз, в темноту — к счастью, я не слишком сильно разогнался и успел в последнюю минуту притормозить восторженный бег Вильмы, а не то она могла бы запросто сверзиться в неведомую даль. Мы перевели дыхание и начали вглядываться в черный провал у нас под ногами. Лестница и впрямь выглядела многообещающе, однако неясно было, скольких ступенек не хватает, и я, собрав весь свой здравый смысл, уговорил Вильму не ходить вниз без большого

керосинового фонаря, который висит у нас в свинарнике. Мы немножко поторговались, кто за ним пойдет, и в конце концов решили идти вместе.

Когда мы выбрались на порог кухни, меня ужасно поразил дневной свет — мои глаза так приспособились к темноте, что мне сначала было трудно воспринять переливы солнечных лучей на устилающем двор ковре из опавших листьев. Черт тебя разберет, мать, — ты всю жизнь жаждала привить мне любовь к европейской культуре, ты двадцать лет выламывала мне руки, причуя держать вилку и нож как следует, ты заставляла меня ходить в оперу, когда мои друзья ходили в цирк, но никогда, никогда ты даже не попыталась рассказать мне про опавшие листья! А как я мог хоть что-нибудь понять про твою ненаглядную Европу, в которой вся культура построена на золотистом шорохе опавших листьев, если я родился в стране, где не бывает листопада?

На этом справедливом упреке я закончу сегодня письмо — даже ты не сможешь назвать его коротким. Я только еще раз повторю, что никакого адреса, кроме ящика в почтовом отделении, я тебе пока не дам, потому что терпеть не могу сюрпризов. И не вздумай искать меня по номеру почтового отделения — я выбрал для этой цели городишко подальше отсюда, так что не трудись понапрасну.

И не забудь порадоваться, что твой сын по тебе скучает, такое бывает нечасто.

Твой любимый сын».

Завершив ежемесячное выполнение сыновнего долга, Ури опять открыл верхний ящик бюро, на этот раз в поисках конверта. Но сунув руку под бумагу, он тут же вспомнил, что конверты лежат отдельно, в специально предназначенном для них отделении, как положено в образцовом немецком хозяйстве, — не то, что у его безалаберной матери. Однако прежде, чем закрыть ящик с бумагой, он на миг задержал взгляд на случайно попавшемся опять под руку желтом листе с портретами террористов. К его удивлению это оказался не тот же самый лист, хоть и выглядел он идентичным: фотогра-

фия Зильке Кранцлер сдвинулась из третьего ряда во второй, а ясновельможный Гюнтер фон Корф занял первое место в левом верхнем углу. «Да у нее тут целая коллекция!» — присвистнул Ури, с любопытством приподнимая пачку бумаги. Под пачкой он нашел еще два листа — тот, что он видел раньше, и третий, на котором знакомые лица были расположены в ином порядке.

Ури решил, что эти листы должны различаться датами их выхода из печати, но не успел проверить это предположение — прямо над ухом громко зазвонил телефон. Ури сначала не хотел снимать трубку, вряд ли кто-нибудь звонит ему, а Инге предпочитала сама отвечать своим абонентам. Однако телефон продолжал настойчиво трезвонить, а Инге все не появлялась — вероятно, она укладывала спать очередную партию гераней и не слышала звонка. Как видно, кто-то очень упрямый висел на другом конце провода и не собирался давать отбой. Так что в конце концов Ури нехотя поднял трубку именно в тот момент, когда запыхавшаяся Инге схватила параллельную трубку в кухне.

Ури услышал ее чуть хрипловатое «Алло!» и уже собрался было положить трубку, когда знакомый красиво поставленный баритон произнес:

— Фройлин Губертус? Говорит Руперт Вендемманн.

Хоть подслушивать чужие разговоры было нехорошо, трубка так и прикипела к уху Ури. Инге молчала, слышно было только ее напряженное дыхание.

— Я надеюсь, вы меня помните? — не выдержав ее молчания, спросил Руперт.

— Конечно. Вы — тот самый знаменитый, который сжег свои картины.

— Перестаньте притворяться, Инге. Тогда в кафе вы меня узнали сразу, как только вошли.

— Чего вы от меня хотите? — прямо и жестко спросила Инге.

Ури хорошо знал, как в минуты такой жесткости у нее темнеют глаза и пересыхают губы, от чего ее голос сразу теряет обычно переливающиеся в нем музыкальные полутона и становится вялым и тусклым. Но это не

смutilo Руперта Вендемманна, который собственные картины сжег — и то ничего, выжил.

— Я хочу поговорить с вами с глазу на глаз.

— О чем?

— Об одном нашем общем знакомом.

— У нас с вами нет общих знакомых.

— Сеньора, вы уже бросили свои пятьдесят пфеннигов в фонтан Тренто?

— Что?

— Я бы бросил целую марку, лишь бы вернуться сюда опять!

— Что с вами, Руперт? Вы пьяны или у вас бред?

— Вот что, Инге, мне надоели ваши игры. Я еду к вам.

— Что значит — ко мне? Я вас не приглашала.

— Я звоню из автомата, который сразу за мостом — там, где начинается подъем к вам в замок. Я буду у вас через пять минут.

— Но я сейчас не могу, у меня тут полно рабочих...

— Я не отниму у вас много времени.

— Я не могу потратить на вас более получаса...

Ури понял, что Инге сдастся, и быстро положил трубку, — очень кстати, потому что она уже стояла на пороге спальни. Если раньше Ури не понимал выражения «на ней не было лица», то теперь он его понял.

— Ури! — хрипло сказала Инге в то время, как рука ее оттягивала от горла несколько не сдавливающий его расстегнутый ворот клетчатой рабочей рубахи. — Какое счастье, что ты здесь! Быстро уведи отсюда Клауса!

— Откуда — отсюда? Он же в свинарнике! — опешил Ури. Он мог ожидать какой угодно просьбы, но при чем тут Клаус?

— С глаз долой! Чтобы никто его не мог найти! — голос Инге поднялся до таких панических нот, каких Ури никогда у нее не слышал.

— Что я ему скажу? — по-дурацки спросил он, не в силах видеть, как пальцы Инге пытаются лихорадочно оторвать незастегнутую верхнюю пуговицу воротника, который вовсе ее не душил.

— Скажи, что хочешь, только уведи его поскорей!

— Но я бы не хотел оставлять тебя наедине с этим... — начал было Ури и прикусил язык, немедленно понимая, что он выдает себя с головой — сейчас Инге догадается, что он подслушивал ее разговор с Рупертом! Но она даже не обратила внимания на его обмолвку: мысли ее были далеко.

— Ради Бога, срочно уведи Клауса! — взмолилась она, схватила его за руку и потащила из комнаты. На кухне она торопливо глянула в окно и Ури заметил, что ее бьет дрожь:

— Только не выводи его из замка на дорогу, а просто убери с глаз!

— Усыпить его, что ли? — начал было Ури, но тут его осенило: чудно, он воспользуется случаем и поведет Клауса в нижний подвал, который он обмерял сегодня для Вильмы! Заодно и сам еще раз на него взглянет.

— Хорошо, тогда я поведу его осматривать замок, он давно мечтает. Но все-таки, может, ты сперва объяснишь мне, в чем дело? — не удержался и спросил он.

— Только не сейчас. Сейчас уходи! Скорей, скорей!

И она почти силой вытолкнула его на порог:

— Уводи его скорей! И раньше, чем через два часа, не возвращайся!

Господи, ну при чем тут Клаус?

КЛАУС

Я никому, кроме Ганса, не стал рассказывать про то, что тогда ночью я налетел на Дитера-фашиста, который поджидал меня у выхода из подземелья. А может, никого он не поджидал, а просто проезжал мимо на велосипеде и увидел свет моего фонарика. Только непонятно, куда он мог ехать мимо замка так поздно, если наша дорога ведет только в замок и больше никуда.

Я никому не стал про это рассказывать, совсем не потому, что Дитер опять пригрозил меня убить, если я буду болтать, а потому что мне противно про это рас-

сказывать. Не знаю, зачем ему понадобилось меня специально поджидать, чтобы наступать мне сапогами на лицо, ведь я ничего плохого ему не сделал. Я мог бы влезть обратно в подземный ход, но боялся, что он сделает какую-нибудь пакость, и я не смогу оттуда вылезти. Поэтому я просто закрыл глаза, чтобы не видеть его противные сапоги у себя перед носом, но уши я закрыть не мог, и мне пришлось выслушать все глупости, которые он наговорил.

Сначала он придумал, что я, наверно, подручный дракона, раз выползаю прямо из скалы. Чтобы доказать ему, что никакой я не подручный, мне пришлось сознаться, что я просто выбираюсь из замка по подземному ходу. Тогда он начал приставать ко мне, чтобы я ему рассказал, зачем я пробирался в замок тайком по подземному ходу, если у меня есть ключи от ворот — уж не для того ли, чтобы подглядывать за Отто и фрау Штрайх? Потому что они вряд ли пригласили меня посмотреть с ними такой завлекательный фильм, правда?

— А фильм ничего, да? — спросил он и загоготал — Особенно те девушки в кустах, да? Или тебе больше понравилась толстуха в ванне?

Потом он придвинул свой черный сапог совсем близко к моему носу и сказал:

— Что же ты молчишь, крошка Клаус?

Я так испугался, что у меня язык приклеился к зубам. Откуда он мог знать, какой фильм смотрели Отто и фрау Штрайх, когда ворота были заперты и даже я не мог войти в замок? Но Дитеру, наверно, было неважно, отвечаю я или нет, потому что он оставил мой нос в покое и начал хвастаться, будто без него ни Отто, ни фрау Штрайх никакой фильм не могли бы увидеть. Все он, все он, Дитер! Но они, сволочи, не ценят, что ради их удовольствия он должен под дождем тащиться в гору, потому что его драгоценная тетушка не может ни на минуту оставить своего драгоценного старого идиота, а кассету нужно вернуть завтра утром. Но ничего, добавил он и противно заржал, старому идиоту это влетит в хорошую копеечку.

Из всей этой белиберды я понял только, что старым идиотом Дитер называет не меня, а Отто. Если бы я пересказал Ури всю чушь, которую молол Дитер, он, может, объяснил бы мне, как Отто может влететь в какую-то копеечку, когда он даже ходить не умеет. Но я не стал рассказывать Ури про Дитера — иначе пришлось бы объяснять, что я забыл дома ключи. А мне не хотелось, чтобы и Ури тоже думал, что у меня голова, как дырявая корзина. И про то, что Дитер пинал меня, тоже не хотелось. Тем более, что мне быстро повезло: дождь усилился, и Дитеру надоело мокнуть из-за меня. Он последний раз больно ткнул меня сапогом в ухо и припустил к своему велосипеду, а я дождался, когда он уберется, вылез, взял свой велосипед и поехал домой.

Мамка в ту ночь не вернулась домой ночевать и так и не узнала, что я ездил вечером в замок кормить свиней. Поэтому фрау Инге отдала все мои пятнадцать марок мне, и у меня теперь есть куча денег, чтобы в День Охотника пойти в «Губертус» играть на автомате.

Конечно, было бы здорово, если бы Ури тоже пошел со мной поиграть. Совсем не потому, что он будет тогда бросать в автомат свои монеты, — сейчас мне это не важно, ведь у меня есть целых пятнадцать марок — так много еще никогда не было. Просто если я приду в «Губертус» с Ури, я могу не бояться, что туда припрется Дитер-фашист в своих блестящих черных сапогах. Интересно, он помыл свои сапоги после того вечера в карьере, когда он топтался вокруг меня под дождем, так что забрызгал их грязью до самого верха?

Когда я попросил Ури пойти со мной в День Охотника играть на автомате, он сказал, что так далеко вперед он загадывать не может, тем более что в этот день отгул и у меня, и у фрау Штрайх. Сегодня, когда он зашел в свинарник за фонарем, я хотел ему напомнить, что День Охотника будет завтра, но он от меня отмахнулся и сказал, что завтра будет завтра. А зато сегодня, если я потороплюсь, он поведет меня осматривать замок. Он не велел мне идти через кухню, а потащил мимо рабочих из города ко входу в комнаты Отто. У нас те-

перь полно чужого народу — входят, выходят, приезжают, уезжают, и я должен все время бегать открывать им ворота. А когда я мимо них прохожу, они толкают друг друга локтями, показывают на меня и смеются. Но сегодня я шел не один, а с Ури, так что пусть смеются сколько влезет, мне на них плевать.

В тот момент, как мы спускались по ступенькам, которые ведут к Отто, кто-то начал громко звонить в звонок у ворот. Я хотел побежать открыть, но Ури меня не пустил. Он сказал, что фрау Инге сама отопрет ворота, потому что она послала нас в ответственную экспедицию и мы не должны отклоняться. Я не успел спросить Ури, что такое «экспедиция», потому что фрау Штрайх выскочила нам навстречу и стала выяснять, что нам надо. Каждый раз, когда я встречаю фрау Штрайх, я не смотрю в ее сторону, чтобы она не догадалась по моим глазам, что я видел, как они смотрели тот фильм. Но она не понимает, в чем дело, и сердится на меня, что я с ней не здороваюсь.

Она и сейчас начала было сердиться, но Ури сказал ей, что она сегодня очень хорошо выглядит, хотя, по-моему, она была такая же уродина, как всегда, — и она от нас отстала. Мы пошли по подземному переходу, и я только тут заметил, что Ури, кроме фонаря, держит в руке большое кольцо с ключами, которое всегда висит в кухне.

— Ты знаешь, что это за ключи? — спросил он.

Я сказал, что знаю: это ключи, которые всегда висят в кухне. Правильно, сказал Ури, а что кроме этого? Я не мог придумать, что еще, и тогда Ури спросил, трогал ли я когда-нибудь эти ключи? Я подумал и сказал, что я их трогаю каждый раз, когда вытираю пыль в кухне.

— А ты их считал? — спросил Ури.

— Зачем их считать? — удивился я. — Я и так знаю, сколько их.

— Ну, и сколько их? — спросил Ури.

— Тринадцать, — быстро сказал я, потому что знал точно.

— Тринадцать, говоришь? — переспросил Ури и остановился. Мы как раз дошли до того места, где от подземного перехода ответвляется коридор в круглый зал.

— Давай-ка пересчитаем.

И мы стали считать. Но сколько мы ни пересчитывали, у нас получалось двенадцать. Мне стало очень обидно, потому что я точно знал, что на кольце тринадцать ключей. Это не то, чтобы я придумал, а даже слово такое есть — чертова дюжина. Фрау Инге всегда говорит мне: «Кlaus, ты уже перетер нашу чертову дюжину красавцев?». Потому что наши ключи очень красивые и большие, размером с мою ладонь, и головка каждого ключа изображает какого-нибудь рыцаря или героя. Я точно знаю, что их чертова дюжина, просто я их давно не пересчитывал — зачем пересчитывать, раз я и так знаю?

Мне стало так обидно, что я захотел тут же пойти к фрау Инге, — пусть она подтвердит, что она всегда называет их «чертова дюжина красавцев». Но Ури не пустил меня к фрау Инге, он сказал:

— Мы поговорим с ней потом. А сейчас пошли в зал, а не то скоро стемнеет, и я не смогу показать тебе что-то интересное.

И мы пошли по коридору в круглый зал, — туда, где лестница вниз и откуда мы с Карлом выкатывали когда-то камни для постройки. Даже наш старый настил остался там, где мы его настелили: хоть никто больше им не пользовался, никто его оттуда не убрал. Когда я сказал об этом Ури, он громко свистнул и засмеялся:

— Ах, так вот для чего этот настил!

Потом он посмотрел на меня как-то странно, схватил меня за волосы своей большой лапой и притянул меня поближе, но не больно — не так, как мамка, когда хочет меня проучить.

— Скажи, еще много секретов у тебя есть?

Я не знал, что сказать, и спросил у него, что такое секреты. Он объяснил, что секрет — это если я знаю что-нибудь такое, чего нельзя рассказывать другим. Тогда я стал вспоминать, какие такие вещи я знаю, про которые никому нельзя рассказывать. И оказалось, что таких вещей полно. Я, например, знаю про подземный ход и про то, как Отто велел мне вызвать скорую по-

мошь, а сам думал, что приедет полиция, и про то, что мы с Дитером-фашистом ехали в том вагоне, из которого Ури выпрыгнул на парашюте, и про то, какой фильм смотрели Отто и фрау Штрайх, когда думали, что никого нет дома, и про то, как Дитер-фашист наступал мне сапогами на лицо. Я только раньше не знал, что это секреты. И еще мне было непонятно, когда считается секрет — когда его знаю только я? Вот Дитер-фашист, например, тоже знает, что мы ехали в том поезде, так это считается секрет или нет?

Тут Ури зажег керосиновый фонарь, который мы принесли с собой, и начал светить мне в лицо:

— Я вижу, у тебя оказалось много секретов! — засмеялся он. — Если ты уже все пересчитал, идем дальше! Вот тебе фонарик — и пошли.

Я не стал спорить, взял у него электрический фонарик и прошел вслед за Ури под низкой аркой в узкий простенок, который никуда не вел. То есть я раньше думал, что он никуда не ведет, но Ури подвел меня к кирпичной стенке и спросил, что это. Я сказал: кирпичная стенка! «Стенка, говоришь?» — сказал Ури с сомнением, поднес фонарь поближе к стенке и нажал ладонью на один кирпич. И тут весь кусок стенки направо от кирпича вдруг закрипел и двинулся на нас. Я так испугался, что попятился и чуть не упал, но тут стенка остановилась и стала тихонько поворачиваться, открывая за собой совершенно черную пустоту, из которой на нас пахнуло противным гнилым запахом, каким иногда воняет из пасти Ральфа, когда он зевает.

— Видишь, это совсем не стенка, а дверь! — сказал Ури и вошел в черный проем, а я остался снаружи, потому что мне было как-то боязно туда идти — а вдруг эта дверь сама закроется и опять превратится в стенку? И мы навсегда останемся там в вонючей темноте. Ури обернулся и посмотрел на меня:

— Не дрейфь, Клаус! Я умею открывать эту дверь изнутри.

Он протянул руку куда-то влево, дверь повернулась обратно и с тихим скрипом сошлась со стеной. Ури исчез

и я остался один в пустом простенке, который никуда не вел. И тогда я закричал-завопил-завыл так громко, что стена опять разошлась и вернула мне Ури вместе с запахом зевоты Ральфа. Ури, смеясь, выглянул из проема, схватил меня за рукав и потащил за собой прямо к Ральфу в пасть:

— Пошли, герой, пошли, хватить трусить!

Я стал упираться и хвататься пальцами за кирпичи, но кирпичи были гладкие, и пальцы мои по ним скользили, не захватывая, а Ури был гораздо сильнее меня, так что мы с ним, толкая друг друга, протиснулись в проем и двинулись вперед, больно ударяясь о стенки коридора, который прятался от нас в темноте. Наконец Ури остановился, поднял фонарь повыше и показал мне две железные двери, похожие на два глаза в очках. Он пнул ногой одну дверь:

— От этой двери ключ пропал, а эту, — он пнул вторую, — мы сейчас откроем.

И стал выбирать ключ из связки. И тогда я вдруг вспомнил секрет про ключ, но не стал его рассказывать, потому что если рассказать кому-нибудь секрет, то это уже не будет секрет. Но мне очень-очень хотелось рассказать Ури хоть что-нибудь, и я спросил у него, что станет с секретом, если я его кому-нибудь расскажу. Ури объяснил мне, что надо сделать, чтобы секрет остался секретом: надо рассказать его по секрету. Для этого тот человек, которому я расскажу свой секрет, должен поклясться, что он больше никому его не расскажет.

— А ты можешь поклясться на крови? — спросил я Ури.

Он так удивился, что уронил ключ:

— Господи, Клаус, кто научил тебя таким глупостям?

Я чуть было не рассказал ему, кто меня научил, но вспомнил, что и это тоже секрет, и спросил:

— А ты поклянешься на крови, что никому про это не разболтаешь?

— Ни за что, — сказал он и наклонился за ключем, — я не стану тратить свою драгоценную кровь на глупости.

Он поднял ключ и стал отпирать дверь. За этой дверью было еще темней и еще сильней воняло. Ури опять посветил мне в лицо и сказал:

— Ладно, если ты не хочешь, можешь со мной не ходить.

Но я не захотел оставаться один в темноте, и мы вместе стали осторожно спускаться по лестнице, очень похожей на ту, что в круглом зале, только эта шла вниз до самого конца. Когда мы спустились, Ури начал светить вокруг большим фонарем, а я своим маленьким фонариком, и нам показалось, что это такой же круглый зал, как и наверху. Главное, мы убедились, что в полу не было дыр, и мы, держась за стены, смогли обойти весь зал: оказалось, что он не совсем круглый, потому что одна его часть отгорожена каменной перегородкой.

— Вот и все, — сказал Ури. — Жаль! Ни в темницу, ни в сокровищницу отсюда нельзя попасть без того, чтобы пробить эту стену. Но ничего, мы с тобой что-нибудь придумаем, правда? Ведь должен же быть еще какой-то вход!

И мы пошли обратно. Мы поднимались по лестнице уже не так осторожно, как спускались, потому что идти наверх было совсем не страшно. Когда я перестал бояться, мне стало очень весело оттого, что Ури взял меня с собой, чтобы показать мне секретную дверь и новый зал под лестницей. И тогда мне захотелось сделать ему что-нибудь приятное. Я только не знал, что. Может, рассказать ему какой-нибудь секрет?

— Ури, — спросил я, пока он запирал железную дверь. — Ты ни за что не хочешь поклясться на крови?

Ури не сказал ни да, ни нет, а только попросил:

— Посвети-ка мне сюда фонариком.

И стал расстегивать обруч с ключами, чтобы повесить на него ключ от железной двери. Мне показалось, что он на меня сердится, потому что он сегодня был какой-то странный, не такой, как всегда. Может быть обиделся на меня за то, что я ему не доверяю? И тогда я решил обязательно рассказать ему какой-нибудь секрет, даже если он не захочет поклясться на крови — пусть посмеется. Я

так ему и сказал — я думал, что он обрадуется, но он отмахнулся от меня, совсем как мамка:

— Слушай, отстань от меня со своими глупостями.

И быстрым шагом направился к секретной двери, а я побежал за ним, пугаясь, что он выйдет первый и оставит меня одного в темноте. Но он все-таки вспомнил, что я боюсь, остановился перед самой дверью и пропустил меня вперед. Когда мы вышли, он нажал на кирпич, щель в стене закрылась, и стена в простенке стала на вид обыкновенной стеной, как все другие.

Мы прошли под аркой и снова оказались в круглом зале. Там уже стало совсем темно, но все-таки не так, как в подвале, а как бывает в замке, когда солнце уже зашло. Ури остановился возле лестницы и стал прислушиваться к тому, что творится наверху во дворе. Но он ничего не мог услышать, потому что во дворе было тихо. Строители, конечно, уже давно уехали в город в своем микроавтобусе и фрау Штрайх тоже — она никогда не задерживается после конца своего рабочего дня. Наверно, они с Отто смотрят свои фильмы днем после обеда, когда все в замке заняты делом и не обращают на них внимания.

Ури постоял-постоял, прислушиваясь, а потом погасил большой фонарь и сел на обломок камня, который мы с Карлом не стали выволакивать отсюда, потому что он не годился для постройки. Он помолчал минуту и спросил:

— А что, тебе очень хочется рассказать мне какой-нибудь секрет?

Не знаю, как он догадался, но мне и вправду очень хотелось, хотя было уже поздно и мне пора было ехать домой обедать.

— Ну и расскажи, раз хочется, — посоветовал мне Ури. Потом подумал и добавил:

— Не бойся, я тебя не выдам.

Я сперва не знал, какой секрет ему лучше рассказать, но раз мы были в круглом зале, я начал рассказывать секрет про круглый зал, — как Отто попросил меня вызвать скорую помощь, а сам велел мне взять его по нижнему

коридору вслед за Карлом, который куда-то спешил. И как Отто велел, чтобы я вез его быстрее и быстрее, и все время стучал мне лапой: «Скорей! Скорей! Скорей». Но мне показалось, что Ури слушает меня не очень внимательно, хотя я не видел его лица в темноте. Когда я дошел до того, как Карл велел мне идти наверх открывать ворота полиции, во дворе хлопнула дверца машины. Ури схватил меня за руку и сказал мне шепотом:

— Стоп, замолчи!

Я сказал было еще одно слово, но Ури вскочил с камня и прикрыл мне рот ладонью. Я замолчал и услышал, как наверху зафыркал включенный мотор. Это была не наша машина и не машина фрау Штрайх, а чья-то чужая, — наши машины я узнаю по звуку мотора. Ури стиснул мне локоть так сильно, будто боялся, что я убегу, хоть я никуда убежать не собирался. Куда я мог убежать в темноте? Чужая машина немножко поревела во дворе, разворачиваясь, выехала за ворота, погазовала на повороте и покатила вниз к шоссе, так что скоро ее не стало слышно. Тогда Ури отпустил мой локоть и сказал:

— Ладно, хватит. Пошли наверх!

Я стал спрашивать его, кто там был в чужой машине, но он быстро зашагал впереди меня по темному коридору, не дожидаясь, пока я посвечу ему под ноги фонариком. Мне ничего не оставалось, как светить ему в спину, — спина выглядела так, как в тот вечер в поезде, когда он выпрыгнул из окна.

УРИ

Ури ворвался в рыцарскую трапезную почти бегом — тревога неотступно грызла его, пока он таскал беднягу Клауса по подвалам и переходам замка. Он чуть было не закрыл за собой с ходу зеркальную дверь, но громкий топот и пыхтение напомнили ему, что Клаус спешит вслед за ним.

— Инге! — громко позвал Ури, но никто ему не ответил.

И в коридоре, и в кухне, и в комнатах было тихо и темно — свет погашен, шторы задернуты, ни шороха, ни шагов, ни дыхания. Ури быстро прошел через кухню, прыгая через две ступеньки, сбежал с крыльца и заглянул в свинарник — там тоже было темно, но свиньи узнали его, несмотря на темноту, и, радостно хрюкая, двинулись всей массой ему навстречу в надежде на внимание и ужин. Ури зажег свет: в кормушках было пусто и сухо. Значит, Инге свиней не кормила. Он распахнул двери гаража — фургон стоял на месте, ворота были заперты, калитка тоже. И некого было спросить, куда девалась Инге. Неужто уехала с Рупертом?

Куда? Зачем? Почему?

Ури прислонился к холодным прутьям калитки, пытаясь вспомнить что-то важное, мимолетно мелькнувшее в подслушанном телефонном разговоре Инге с Рупертом. Какие-то фразы, столь несуразно неуместные, столь неуместно несуразные, что он зарегистрировал их магнитофонно, без всякого намека на понимание, совсем как Клаус:

«— Сеньора, вы уже бросили свои пятьдесят пфеннигов в фонтан Тренто?

— Что?

— Я бы бросила целую марку, лишь бы вернуться сюда опять!»

Чушь какая-то! Даже в их загадочном словесном единке, в котором Руперт неясно почему победил, а Инге неясно почему уступила, эти театральные строки прозвучали абсолютной абракадаброй, безвкусной вставкой из другого спектакля. Но именно после них Инге позволила Руперту приехать в замок и отослала Ури прочь вместе с Клаусом. А теперь исчезла неизвестно куда.

На пороге кухни появился Клаус. Он стоял, опираясь на перила, и махал в воздухе каким-то зажатым в ладони белым листком, подцвеченным теплым розовато-оранжевым отблеском кухонного абажура:

— Записка, Ури! Она оставила записку!

Слава Богу, хоть записку оставила!

Взбегая на крыльцо, Ури наконец вспомнил, что он тоже бывал у фонтана Тренто — в Риме, в самом начале своей европейской прогулки! И даже бросил на дно фонтана какую-то мелкую итальянскую монетку, чтобы когда-нибудь туда вернуться. Воспоминание это нисколько не прояснило загадку намеков Руперта — может, Инге написала в своей записке что-нибудь вразумительное? Ури протянул руку за запиской, которую Клаус уже держал для него наготове, — на всякую чужую тревогу он реагировал, как барометр:

— Читай скорее! Что она написала?

Однако, увы! — она не написала ничего путного:

«Ури, поешь сам и покорми Клауса. Ужин на плите. Да, не забудь покормить свиней.»

И ни слова о том, что произошло и где ее искать. Он огляделся вокруг, соображая, куда направиться на поиски.

— Ури, — угадав его намерение, робко попросил Клаус, — я очень голодный. Поужинай со мной, раз она так велела. А потом я покормлю свиней, а ты пойдешь ее искать, ладно?

Ури услышал в голосе Клауса нотки искреннего беспокойства, и ему не осталось иного выхода, кроме как согласиться, — ведь сегодня Клаус проявил себя просто героем, когда пошел вслед за Ури вниз, во тьму подземелья. Честно говоря, спускаться туда в одиночку было бы страшновато. Кроме того, Ури тоже очень хотелось есть, а она ведь сама оставила для них с Клаусом ужин на плите, так что вряд ли в этот момент ее тащили куда-то в подвал с кляпом во рту!

Они поставили на стол сковороду тушеной капусты со шкварками и разделили ее по-братски, запивая свежавыдавленным яблочным соком. Проголодались оба изрядно, так что через пять минут они покончили и с капустой, и с полной хлебницей душистого ржаного хлеба, непонятно когда испеченного Инге. Пока они смачно жевали с наслаждением, которое даже тревога не могла омрачить, Клаус объявил, что он готов поведать Ури еще один секрет. Ури хотел было отмахнуться — мол,

ему сейчас не до секретов, но глаза Клауса прямо молили, чтобы Ури его послушал.

— Ладно, давай свой секрет! — согласился Ури.

И Клаус залопотал сбивчиво и возбужденно о том, как он ночью незаметно заглянул к Отто, а тот сидел в кресле, и фрау Штрайх сидела у его ног на низкой скамеечке, когда по телевизору показывали голых девушек, которые пели, как птицы, и срывали одежды со школьного учителя. Но учитель на них не сердился, потому что девушки ему очень нравились, — он, Клаус, знает один такой признак, но об этом признаке нельзя говорить вслух. Все девушки садились на учителя, чтобы проверить по этому признаку, какая из них нравится ему больше, но тут Отто стало плохо и он начал хрипеть и задыхаться, так что Клаусу пришлось убежать от страха, как бы фрау Штрайх его не заметила. А то бы она догадалась, что он тоже видел этот секретный фильм, который показывали не по телевизору, а по видео. Этот фильм принес фрау Штрайх за деньги ее племянник Дитер-фашист, с которым у Клауса тоже есть секрет, но этот секрет Клаус не может никому рассказать, хотя насчет этого секрета он не клялся на крови.

Когда до Ури дошло, что Клаус вовсе не сочиняет и что курица Штрайх тайно показывает старому тирану Отто настоящую порнуху, он чуть со стула не упал от смеха, забыв на секунду свою тревогу о пропавшей нивесте куда Инге.

— Нет, Клаус, тебе и впрямь цены нет! — сказал он искренне и, оставив озадаченного Клауса убирать со стола и кормить свиней, помчался в покои Отто, в надежде, что Инге нянчится с отцом.

Отто ждал его на пороге своей комнаты, освещенный маленьким дежурным фонариком и лиловато-голубым отблеском бормочущего за его спиной телевизора. Ури не удержался и краем глаза глянул на экран, чтобы проверить, не пляшут ли там снова голые девушки, но там все было скучно и благопристойно. Едва увидев его, старик стал поспешно отстукивать лапой дроб-

ные тревожные позывные, — значит, и он знал, что что-то стряслось.

«Скоре иди к Инге пусть ототрет!» — отстукивал Отто, путая от волнения буквы и теряя связь между словами. Однако Ури сообразил, что старик имеет в виду «ото-прет», и у него сразу отлегло от сердца — раз она должна что-то отпереть, значит, она здесь, в замке. Но все-таки дело было серьезное, раз Отто обратился к нему за помощью, — Ури давно заметил, что старик терпеть его не может.

— А где она?

Отто гневно запольхал на него своим единственным глазом — как он смеет не понимать, где она, когда нельзя медлить ни минуты! Но чем больше Отто сердился, тем труднее ему было найти нужные слова — судорожно лоя губами воздух он надолго застыл с занесенной для стука лапой. На минуту Ури показалось, что он силится что-то произнести и сейчас его хватит удар от невыносимости этого бесплодного усилия. Но старик преодолел себя и забарабанил сперва неразборчиво, а потом все ясней и ясней одно-единственное слово:

«гер-гер-гер-герани-геранигеранигерани-герани»

Так вот она где — в зимней спальне для гераней! Тогда все как будто в порядке, отчего же Отто гонит такую волну?

«она заперлась заперлась зачем заперлась зачем?» — забарабанил Отто.

— А действительно, зачем?

«кто-то приезжал кто?кто? ко мне не зашла пробежала и заперлась зачем?»

Вход в хранилище гераней был на один пролет ниже площадки Отто, так что старику было не под силу туда спуститься — вот почему он сменил сегодня гнев на милость! Ури на миг чуть не поддался соблазну наказать его и уйти, но тут же отмел такую недостойную мстительность, тем более что интересы их сегодня совпадали.

— Ладно, — сказал он утешительно, — не волнуйтесь. Я пойду посмотрю.

И сбежал по лестнице, спускающейся от двери Отто в полуразрушенную глубину замка. Эта часть была не такая древняя, как та, что примыкала к скале, так что пролет лестницы, ведущий вниз, был совершенно целый. Света яркой лампы, круглосуточно горящей по наказу Инге над дверью Отто, вполне хватало на то, чтобы Ури мог разглядеть в боковом переходе тяжелую железную дверь, преграждающую вход в просторный подвал, в котором Инге поселяла на зиму свои любимые цветы. Сверху донесся шорох колес: рискованно подкатив кресло к самому краю лестничной площадки Отто напряженно следил, как Ури безрезультатно дергал и толкал неподдающуюся дверь. Она была заперта изнутри.

— Инге! — крикнул Ури. — Это я, открой!

За дверью было тихо — черт его знает, то ли она не отвечала, то ли все это нагромождение каменных стен было абсолютно звуконепроницаемым.

— А может, ее там вовсе нет? — предположил Ури, в ответ на что на старик лихорадочно заколотил в рельс: «она там там иди за мной я покажу»

Ури еще пару раз подергал дверь, понял безнадежность своих усилий и вернулся на площадку к старику. Тот проворно развернулся и покатил вперед по подземному коридору, выбивая лапой по рельсу «Скорей, скорей, скорей!» Забавно — мельком подумал Ури, ускоряя шаг, он очень неплохо управляется со своим креслом, когда ему надо. В конце, когда он уже почти бегом поспевал за разогнавшимся креслом до предела Отто, какой-то неуловимый образ на миг появился и исчез на окраине его сознания: выбивая лапой по рельсу «скорей скорей скорей!», Отто катился в кресле по подземному коридору, а рядом бежала чья-то смутная тень. Образ промелькнул и исчез, потому что они свернули в неизвестное Ури ответвление коридора и добежали до обширной площадки, устланной двустворчатой плитой из дырчатого листового железа производства двадцатого века. Сквозь отверстия в плите пробивался тусклый свет, скорее всего не электрический — уж очень был он трепетный и тщедушный.

«Там там там она свет», — настойчиво застучал Отто. — Инге, открой! — крикнул Ури, наклоняясь над плитой. — Открой! Что ты там делаешь?

Но Инге опять не ответила, хотя на это раз не слышать его не могла.

Ури стал на колени, пытаясь заглянуть вниз, но отверстия были слишком маленькие, как сито. Снизу на Ури пахнуло теплым запахом дыма.

— Там что, есть печь? — спросил Ури.

«Камин вентиляция» отстучал в ответ Отто и, показывая на большой амбарный замок, скрепляющий створки плиты, добавил «идем ключ». Можно было подумать, что в час тревоги он решил пренебречь всеми нормами грамматики.

— Какой ключ? Где он? — спросил было Ури, но старик уже катился обратно, отбивая по дороге свой тревожный призыв: «скорей скорей скорей!». Делать было нечего, и Ури опять побежал за ним.

У себя в комнате старик подъехал к старинному секретеру орехового дерева и начал тыкать лапой в один из нижних ящичков. Ури открыл ящик, где среди разного домашнего хлама он нашел бронзовое кольцо с набором ключей — вполне современных, не таких древних, как «чертова дюжина красавцев». Он бросил ключи в жадно протянувшую лапу Отто, однако прежде, чем закрыть ящик, успел заметить там знакомый желтый лист с фотографиями террористов, засунутый на самое дно — под разрозненные портретные рамки, подсвечники и табакерки. Зарегистрировав этот лист на задворках своей памяти Ури нетерпеливо обернулся к Отто, который зачем-то протягивал ему связку обратно.

— Ну, что еще? — взяв у старика ключи, резко спросил Ури, раздраженный бессмысленной тратой времени.

«указывай на ключи я покажу нужный», — отстучал Отто.

«Вот черт, ведь он, несчастный, даже ключ из связки вытащить не может!» — устыдился своей резкости Ури.

Третий по порядку ключ, выбранный Ури, был признан подходящим и снят с кольца. Зажав его в кулаке

Ури снова вернулся к вентиляционной плите, стал на колени и со второй попытки отпер замок. Неотступный Отто, пристроившись в кресле за спиной Ури, дал ему знак приподнять плиту, которую вряд ли можно было назвать легкой. Однако Ури, напрягшись, отдрал одну массивную створку от другой и заглянул внутрь. Под ним была большая, погруженная в сумрак комната, в дальнем углу которой горел неяркий керосиновый фонарь, способный выхватить из тьмы только небольшой ломтик из обширного пространства, густо заполненного висящими в мешках цветочными горшками. В помощь фонарю в дальней торцовой стене зала вспыхивали, гасли и вспыхивали снова длинные языки зыбкого пламени, склонные окончательно погаснуть после каждой новой вспышки. В свете очередной вспышки Ури успел разглядеть на ярко озарившемся на миг фоне каменной кладки коленнопреклоненную фигуру Инге — она пыталась разжечь огонь в камине. Поза ее поразила Ури классически скульптурным выражением полной отрешенности от окружающего ее мира.

— Инге! — окликнул ее Ури. — Сейчас же открой дверь — или я прыгну вниз!

Она вздрогнула при звуке его голоса, повернулась к нему лицом и крикнула очень тихо — оказывается, за пределами отчаяния человек может кричать очень-очень тихо.

— Уходи отсюда, Ури! Уходи!

Вдруг она взмахнула руками, нелепо, как птица сло-манными крыльями, и крикнула опять, на этот раз громко, — похоже, она уже переступила даже ту границу, когда была способна на тихий крик:

— Папа! Ты с ума сошел! Ты сейчас упадешь!

Ури оглянулся: старик, похоже, вконец обезумел — он подъехал вплотную к прорехе между створками и, криво перевалившись через подлокотник кресла, заглядывал вниз из-за плеча Ури.

— Сейчас же заведи его отсюда, Ури! — еще громче закричала Инге.

Отто нечленораздельно заколотил в рельс. Из потока его невразумительного стука ясно было только одно, — что он не покинет поле боя добровольно. Преодолевая невольное отвращение, Ури положил руку на птичье плечико старика, силой удерживая его лихорадочно рвущуюся прочь руку:

— Отто согласится вернуться в свою комнату, — сказал он и слегка стиснул хрупкие кости. — Правда, Отто?

Протез повис в воздухе над рельсом, чуть покачиваясь, с угрозой ударить, но не ударяя. Ури прижал плечо чуть-чуть сильнее:

— Он вернется к себе, если ты отопрешь мне дверь. Правда, Отто?

Плечо дрогнуло под ладонью Ури и съезжилось еще больше в знак согласия:

«Правда вернусь», — отстучала лапа.

— Нет, нет, оставьте меня! Уходите оба! — упрямо повторила Инге.

В ответ Отто придвинулся еще ближе к щели между плитами, а Ури сказал:

— Если ты немедленно не откроешь дверь, я прыгну вниз.

«И я тоже», — нагло отстучал Отто.

Инге поднялась с колен:

— Хорошо, пусть будет по вашему. Закрой створки, Ури, и запири их на замок. Потом иди, уложи Отто и приходи вниз — я тебе открою.

Ури и Отто с секунду смотрели друг на друга, сомневаясь, верить ей или нет? Наконец Отто утвердительно закрыл здоровый глаз и покати кресло к своей двери. «По-моему, он первый раз за все это время смотрит на меня без особой вражды» — пронеслось в голове Ури, пока он закрывал створки и запирал замок. Когда он вошел к Отто, старик уже успел въехать в свою спальню и, осторожно ступая на здоровую ногу, самостоятельно перемещал свое немощное тело в кровать. Ури подошел было помочь, но Отто сам с отчаянным бесстрашием рухнул в постель, ударился о раму кровати, взвизгнул от боли тут же овла-

дев собой, застучал лапой в стену: «оставь меня я обойдусь иди к ней».

— Может, все же поменять пленку? — тихо спросил Ури, опасаясь задеть гордость старика.

«Я потерплю иди к ней», — засверкал на него здоровым глазом старик, но тут, к счастью, в дверях появился Клаус, весь какой-то взъерошенный:

— Ты нашел фрау Инге, Ури?

— Да. Она внизу, возится с геранями.

— Я пойду к ней, ладно? Мне очень надо с ней поговорить.

Отто предостерегающе стукнул лапой о стену, Ури покосился на него и покачал головой:

— Я боюсь, что сейчас это невозможно: она там заперлась и никого к себе не пускает.

— Но мне очень, очень нужно! — настойчиво повторил Клаус, взъерошиваясь еще больше.

— Обязательно сегодня? — попытался урезонить его Ури. — Завтра с утра поговоришь.

Клаус посмотрел на него так, будто в эту минуту решался вопрос его жизни:

— Нет. Завтра будет поздно.

Тут Отто, уверенный в том, что в эту минуту решается вопрос жизни Инге, опять заколотил в стену, напоминая Ури о неотложном. Выхода не было, надо было выставить Клауса и бежать к Инге.

— Сегодня никак не выйдет, она тебя не впустит, — твердо сказал Ури, жалея Клауса. — Но завтра ты с ней все уладишь.

— Раз так, — огорчился Клаус, — я улажу все сам. Сегодня. А завтра у меня отгул — День Охотника — ты разве забыл?

Ури действительно забыл и про День Охотника, и про отгул, но зато он сообразил, как замкнуть Отто и Клауса друг на друга:

— Слушай, Клаус, может, ты перед уходом поменяешь Отто пленку? — крикнул он, уже сбегая по лестнице вниз и с разбегу толкая плечом тяжелую железную дверь.

КЛАУС

Я терпеть не могу нервных, я с ними тоже становлюсь нервный. А когда я нервный, у меня все время во рту сохнет и ладони потеют.

Сегодня Ури позвал меня пойти с ним посмотреть на новый подвал, который они с Вильмой нашли под круглым залом, а сам был нервный. Он потащил меня вниз, где темно и воняет, и все время подгонял: «иди быстрее! иди быстрее!», а я быстро не могу, если у меня во рту сохнет. Я бы мог ему про это сказать, но он ничего не слушал, будто он был не со мной, а где-то в другом месте. Когда мы наконец вышли из подвала, я сильно проголодался и хотел идти домой ужинать, но он меня не отпускал — сел на камень в круглом зале и стал молчать. Целый час сидел и молчал. Я прямо чуть с ума не сошел и стал его просить, чтобы он отпустил меня домой, но он был как глухой, он даже не слышал, что я говорил. Тогда я, чтобы не молчать, решил рассказать ему страшный секрет, про который я должен был бы поклясться Карлу на крови, но не успел, потому что Карл тогда от нас сбежал и не вернулся. И пусть я даже не поклялся Карлу, секрет-то все равно был настоящий, потому что кроме Карла только я его знал, но Ури меня не слушал. Он вроде ждал, пока кто-то во дворе заведет чужую машину и уедет.

После этого мы поднялись наверх, прошли через рыцарский зал на кухню и сели ужинать. Хоть фрау Инге нажарила капусты и велела Ури меня покормить и хоть капуста была вкусная, с салом и со шкварками, сидеть рядом с Ури было трудно, потому что фрау Инге куда-то делась и он снова был нервный. Из-за этого все предметы на кухне стали противно звенеть — и чашки, и тарелки, и сковородки, а особенно ножи и вилки. Не знаю, слышал ли этот звон Ури, но он сам начал звенеть так громко, что у меня по всему телу пошла сыпь. Тогда я решил рассказать ему секрет про Отто и фрау Штрайх, чтобы заглушить все эти звоны.

Этот секрет так понравился Ури, что он даже засмеялся, но все равно не перестал звенеть. Он быстро кон-

чил есть, выскочил из-за стола и помчался через двор искать фрау Инге — при этом он звенел, как пожарная машина или скорая помощь. Когда он исчез за дверью Отто, я помыл посуду и пошел кормить свиней. Но хоть я плотно закрыл за собой дверь, я все равно слышал этот противный звон. Не знаю, может, это у меня в ушах звенело. Правда, как только мне навстречу выбежал Ганс и начал тереться об мои ноги, мне сразу стало лучше, и звон стал тише. Я дал Гансу сахар, — у меня в кармане всегда есть для него кусочек, — приготовил пошло свиньям на ужин, разлил его по кормушкам и собрался уходить, не дожидаясь, пока они кончат есть. Я надел куртку, отворил дверь и заткнул уши, потому что во дворе тоже все звенело — стекла в окнах, ручки на дверях, ветки на деревьях и даже опавшие листья, которые покрывали камни, как одеяло.

И хоть мне хотелось поскорей убраться из замка домой, пришлось вернуться, чтобы выпить воды, — когда я нервный, у меня во рту сильно сохнет. У нас над раковиной висит доска, на ней фрау Инге пишет мелом разные вещи на завтра и на другие дни. Я вспомнил, что завтра у меня отгул, и глянул, что она там написала — интересно, от какой работы я открутился? На доске была только одна запись:

«День Охотника. Вымыть кабанчика T15 и свинок T6 и T11 и запереть в загоне С — для отправки в станционный ресторан и на колбасную фабрику.»

В ушах у меня вдруг перестало звенеть, и в голове стало прозрачно-прозрачно, так что если бы кто-нибудь заглянул мне в одно ухо, он увидел бы весь свинарник через второе. Я забыл, что пришел сюда напиться, я стоял, как вкопанный, перечитывал запись фрау Инге и никак не мог понять, что там написано. Я не знаю, сколько бы я так простоял, если бы на меня сзади не налетел мой друг Ганс, который очень обрадовался, что я не ушел.

Ганс, как обычно, начал тереться об мои ноги и просить сахар, а я наклонился его погладить и осторожно посмотрел на его номерок — так, чтобы он не заметил и

не стал паниковать. Им всем, когда они родятся, вдевают в уши такие маленькие алюминиевые колечки с номерками, чтобы их различать. Я и раньше знал, что номер Ганса — 15, но мне вдруг показалось, что я мог ошибиться, я ведь часто путаюсь в цифрах. Но на этот раз я, как назло, не ошибся — на маленькой белой пластиночке, свисающей с уха Ганса, была нарисована колючая черная единица, а за ней пузатая черная пятерка. Я точно знал, что так пишут пятнадцать, и фрау Инге так же написала на доске, только доска была черная, а цифры белые, но все равно они обозначали, что завтра Ганса зарежут.

Я повторил вслух: «Завтра Ганса зарежут» — и ничего не почувствовал, будто у меня внутри все замерзло. Мне показалось, что у меня кишки в животе смерзлись, как свиные потроха у нас в морозилке, — фрау Инге дает их мне бесплатно в те дни, когда она возит мясо на колбасную фабрику. Я приношу их домой, и мамка тут же прячет их в морозилку, приговаривая противным тонким голоском, как будто ей пять лет: «Спасибо, тетя Инге, за то, что вы сами ни за что бы жрать не стали!».

Сначала я боялся двинуться, чтобы смерзшиеся кишки у меня в животе не разбились, но потом подумал, что только я могу спасти Ганса, который все еще продолжал тереться об мои ноги. И я сказал ему веселым голосом — так, чтобы он ничего не заметил и не испугался:

— Подожди меня тут. Сейчас я побегу и принесу тебе сахар!

Я бегом выскочил из свинарника, чтобы скорее найти фрау Инге и попросить ее зарезать завтра какого-нибудь другого кабанчика, а не Ганса. Но во дворе я остановился, как вкопанный: я вдруг вспомнил, что фрау Инге куда-то пропала и Ури пошел ее искать. В кухне было темно и в спальнях тоже, — значит, они еще не вернулись. Тогда я направился к Отто, хоть там что-то точно было не в порядке, потому что чем ближе я подходил, тем громче звенело у меня в ушах. Я толкнул дверь и вошел — всюду горел свет и все столы, стулья,

дверцы шкафов и стаканы в буфете дрожали и звенели, как в страшных фильмах, которые показывают по телевизору в субботу вечером после погоды. Ни в салоне, ни в коридоре никого не было, но из спальни доносился шум, и я пошел туда. Там все звенело еще громче, Отто лежал в кровати одетый и махал на Ури протезом, а фрау Инге не было. Я спросил Ури, нашел ли он фрау Инге, но из-за звона не расслышал, что он сказал. Тогда я крикнул громче:

— Где фрау Инге?

С ней что-то было не в порядке, потому что Ури сверкнул на меня глазами, будто выстрелил:

— Она внизу, возится с геранями.

Я сразу понял, что Ури говорит неправду, но не стал с ним спорить, а попросил:

— Я пойду к ней, можно?

Тут Отто начал стучать об стенку: «нет-нет-нет-нет», но я не собирался его слушаться:

— Так я пойду к ней, мне надо с ней поговорить.

Ури сначала не ответил — может, собирался мне позволить, но Отто продолжал стучать 5"нет-нет-нет-нет". Ури посмотрел на него и покачал головой:

— Нет, не выйдет. Она там заперлась и никого не выпускает.

Я так и знал: у них что-то случилось — чтобы Ури послушался Отто, такого я еще не видел! Но мне было не до них, мне нужно было спасти Ганса. И вдруг я понял, что я должен сделать, мне даже стало смешно, как я раньше не догадался. Замерзшие кишки у меня в животе вдруг как-то сами собой распустились, так что мне срочно понадобилось в сортир. Но мне не удалось сразу уйти, потому что Ури попросил меня поменять Отто пеленку. Я сперва хотел сказать «нет-нет-нет-», точно так, как Отто стучал мне, но потом я подумал, что раз фрау Инге заперлась давно, значит, она весь вечер не меняла Отто пеленку, и он насквозь промок и провонялся. И я решил, что я успею спасти Ганса, после того, как сбегая в сортир, поменяю Отто пеленку и надену на него ночную сорочку.

Ури не дождался, пока я выйду из сортира, а, прыгая через три ступеньки, помчался по лестнице в подвал. Я услышал, как внизу хлопнула дверь, — значит, ему фрау Инге все-таки открыла! А значит, я бы мог выскочить из сортира и побежать за ним вслед, — может, она бы и меня впустила. Но мне уже не хотелось ни о чем ее просить: я сам знал, что надо сделать, чтобы спасти Ганса.

УРИ

Дверь, слава Богу, на этот раз была незаперта, и от его рассчитанного на сопротивление толчка распахнулась так широко, что он, влетев в комнату, чуть не опрокинул большой стол, на котором была навалена плохо различимая в сумраке куча вещей. Инге, по-прежнему стоя на коленях перед высоким камином, все еще тщетно пыталась разжечь в нем огонь. Как раз в тот момент, когда Ури оказался рядом с ней, очередной столб пламени стремительно взметнулся к потолку и тут же опал, заполнив комнату дымным дыханием сырых сосновых веток. Инге, не поворачивая головы, сказала ровным мертвым голосом:

— Ради Бога, Ури, запри дверь.

Ури послушно вернулся к двери, взглядываясь по пути в наваленные на столе вещи. Насколько он мог разглядеть в мерцающем свете каминных углей, Инге сдвинула на край стола горшки с геранями, чтобы освободить место для груды брюк, пиджаков и рубак. На полу под столом в окружении свернутых в аккуратные клубки носков валялись две пары мужских туфель и белые кеды большого размера. На спинку стула была небрежно брошена бежевая нейлоновая куртка, из-под которой выглядывал край элегантного серого плаща. Ури запер дверь, подошел к Инге и положил руки ей на плечи. Она молча прижалась затылком к его коленям, и он почувствовал, что она дрожит.

— В чем дело? Что случилось? — спросил он, предчувствуя беду.

— Никак не могу разжечь камин, — все тем же мертвым голосом ответила она.

— А зачем? Тебе холодно? Ты вся дрожишь.

— Нужно срочно сжечь вещи Карла.

— Почему срочно? Почему сжечь?

Инге резко обернулась, обхватила колени Ури руками и, припав к ним лицом, забормотала:

— Я погибла! Погибла! Спаси меня, спаси меня, спаси меня!

Это невозможно было вынести — какие обстоятельства могли привести ее в такой ужас? Ее — сильную, уверенную в себе, всегда и везде способную найти вход и выход? Ури наклонился, подхватил Инге под локти, рывком поднял ее с колен и поставил на пол. Он обхватил ее плечи одной рукой, а ладонью второй поймал ее вздрагивающий подбородок и властным движением, твердым и ласковым одновременно, повернул ее лицом к себе. Она дернулась было — вырваться, но сникла в его жесткой хватке, смиряясь с его превосходством, и перестала дрожать. Ури вдруг почувствовал себя спокойным и взрослым, а ее — маленькой девочкой, которую он должен защитить. В этой роли защитника он не мог ни мельчить, ни притворяться.

— Зачем приезжал Руперт Вендемманн? — спросил он прямо, уже не боясь сознаться, что подслушал ее телефонный разговор с Рупертом.

Поразительно, но Инге восприняла его вопрос без всякого удивления:

— А так ты знаешь, кто приезжал?

— Знаю. Но зачем — не знаю.

— Он приезжал, чтобы спросить про Карла.

Один только звук этого имени, ею самой произнесенного, снова привел ее в трепет, и она рванулась к камину:

— Скорей, скорей! Нужно развести огонь и сжечь эти вещи!

Ури поймал ее за локти:

— Зачем их нужно сжигать?

— Ведь Руперт приходил его искать!

— Ну и что? Он же его не нашел.

Пока Ури произносил эти предназначенные для успокоения слова, до него вдруг дошло, зачем Инге было так важно убрать с глаз долой Клауса, до ушей наполненного рассказами о Карле. Неясным оставалось главное — чем расспросы Руперта угрожали Инге?

— Ты не понимаешь: он вспомнил, где мы с ним встречались!

— У фонтана Тренто?

Вопрос этот был ошибкой — Инге опять начала мелко дрожать и вонзила все десять ногтей в кисть Ури, сиюсь отвести ее от своего лица:

— Ты знал? Откуда ты знал? Кто тебя сюда послал?

Конечно, ей было не под силу справиться с ладонью Ури, который в борьбе клал на стол кисти всех молодцов своего взвода. Однако ему нужна была не физическая победа над ней, и он ослабил хватку. Ему надо было срочно сгладить вредный эффект напрасно вырвавшихся у него слов, — а это можно было сделать только лаской.

— Тише, тише! — прошептал он, легкими поцелуями касаясь ее век и щек. — Что ты мелешь? Кто мог меня послать и зачем?

— Чтобы найти Карла. Тебя послали, чтобы найти Карла? Кто послал?

— Может, ты объяснишь мне, кому нужен твой Карл и кто его ищет?

— Не знаю. Может, они. А может, полиция.

Ситуация очевидно оказывалась более запутанной, чем Ури предполагал. Как только он осознал это, на него внезапно снизошло странное холодное спокойствие — он почувствовал себя начальником штаба ответственной операции, готового к четким вопросам и жестким решениям. Первым делом, нужно было выяснить, о чем идет речь. Отложив на время вопрос о том, кто такие «они», он спросил:

— Почему Карла должна искать полиция?

— Ты же все знаешь, зачем же спрашивать?

Спорить было бесполезно — он просто притянул ее к себе, ясно сознавая, что его телу она доверяет больше, чем ему самому:

— Инге, послушай, давай договоримся о главном: я твой друг — и ты мне веришь. Договорились?

Она постояла несколько мгновений в его объятиях, напряженная и чуждая, готовая отстраниться, но не отстраняясь. Тогда он прижал ее к себе покрепче — так, чтобы она уже не могла отстраниться, если бы даже захотела, и ощутил, как между их телами засверкали, заструились знакомые электрические искры, восстанавливая их нарушенную было любовную связь. Он заглянул ей в глаза и повторил настойчиво:

— Ты мне веришь или нет?

— Верю, — после долгого молчания неуверенно сказала она.

— Тогда запомни: я ни о чем понятия не имею. Я просто подслушал, как Руперт сказал тебе по телефону про фонтан Тренто.

— Ты что, подслушивал мой разговор с Рупертом?

— Я ведь уже сознался.

— Просто подслушал — и все? — в ее неожиданном смехе опять зазвучали колокольчики. — И никто не посылал тебя сюда, чтобы прижиться тут и разузнать про Карла?

— Что значит — разузнать? Ты ведь не хочешь сказать, что вы с отцом его и вправду прикончили?

— Если бы мы его прикончили, это было бы не так страшно, как то, что я прятала его тут больше года.

— От кого?

— От всех — и от них, и от полиции.

Ури опять отложил вопрос о том, кто такие «они», и спросил о главном:

— Почему его нужно было прятать?

Неуловимым гибким движением Инге выскользнула из кольца его рук, быстро наклонилась, вынула из нижнего ящика углового комода плоскую резную шкатулку и нажала кнопку секретного замка. Крышка распахнулась с легким щелчком, открыв устланное потемнев-

шим алым бархатом нутро шкатулки, — на дне ее лежала тоненькая пачка желтых полицейских плакатов с портретами террористов. «Они тут просто помешались на коллекционировании этих желтых листков!» — успел восхититься Ури, пока Инге вынимала листки из шкатулки и выкладывала их веером на верхней доске комода в желтоватом круге, очерченном керосиновым фонарем, как набор карт при игре в покер. Постепенно все лица исчезли в складках веера — все, кроме надменного лица Гюнтера фон Корфа, многократно повторенного на открытой взгляду части каждого листка.

— Это — Карл, — обреченно сказала Инге.

«А ведь я это знал! — пронеслось в голове Ури. — Знал, но не хотел сознаваться себе, что знаю. Знал с той минуты, как нашел портрет этого вагнеровского Зигфрида у Инге в столе и услышал вкрадчивые угрозы Руперта Вендемманна!»

Это — Карл, — бессмысленно повторил он вслед за Инге, щетно подыскивая слова, чтобы... чтобы что? Возмутиться? Удивиться? Отречься? Или просто чтобы выиграть время?

Он мысленно пробежал по закромам своей памяти, пытаясь восстановить обрывки разбросанных там сведений о деятельности террористической группы Гюнтера фон Корфа: тренировочные лагеря в Ливане, похищенный самолет, пара взорванных железнодорожных мостов, три кровопролитных взрыва в общественном транспорте, несколько зверски убитых промышленных китов и с полдюжины подстреленной по пути мелкой шушеры вроде прохожих и полицейских. Хоть было это довольно давно, лет пять-шесть назад, Ури хорошо помнил и суд, и приговор, потому что из-за тесных связей группы с палестинцами о ней подробно писали израильские газеты. Почему же красавца Гюнтера опять разыскивает полиция, если он уже шесть лет сидит в тюрьме?

— Он что, убежал из тюрьмы? — Ури сам удивился тупости своего вопроса: ясно, что убежал, раз его разыскивает полиция, и поспешно добавил:

— Давно?

Инге даже не стала отвечать, а просто одним движением сребла все желтые листки, выбрала из них два и показала Ури даты — этот год и прошлый. Потом скомкала листки и швырнула их в камин на умирающие угли. Листки быстро съежились, затрепетали под натиском скрытого под пеплом жара, мгновенно вспыхнули все разом и тут же погасли, превратившись на глазах в жалкую кучку черных хлопьев. Не отводя взгляд от сгинувших в огне портретов, Ури уточнил:

— Ты хочешь сказать, что Гюнтер фон Корф больше года выгребал дерьмо здесь, в замке, пока его тщетно разыскивала полиция всего мира?

Инге молча кивнула.

— И все это время ты знала, кто он такой?

— Конечно, знала.

— Почему же ты... — начал он и запнулся, но она продолжила за него:

— ...не выдала его полиции?

— Ну, например, так?

— Я много лет его любила. И он пришел ко мне голодный, усталый, затравленный, больной. Он пришел ко мне, понимаешь? Ко мне! Как же я могла его выдать?

— А как ты могла его любить?

Инге молча подошла к камину и положила руки на решетку, словно пытаясь согреться и унять дрожь. Только сейчас Ури заметил, что в подвале холодно и сыро, а она так и не переделась после теплого дня. На ней были те же короткие бежевые шорты и низкие резиновые сапожки, в которых она весь день бродила по ковру опавших листьев, снимая с крюков герани и упаковывая их для зимней спячки. Трудно было поверить, что с тех пор прошло всего несколько часов!

После долгого молчания, которое физически ощущимо повисло между ними, рая кожу и легкие сырým, холодным воздухом и колючими ледяными осколками, Инге сказала, не оборачиваясь:

— Ты прав. Ты тысячу раз прав. Ты можешь уехать. Ты не обязан оставаться со мной. Возьми фургон и оставь на вокзальной стоянке. Я заберу его, когда смогу.

Пока она, глядя на черные хлопья пепла в угасающем камине, произносила эти гордые жалкие слова, Ури внезапно увидел ее, как во сне, — изнутри, сквозь одежду и плоть: она стояла перед ним на коленях и умоляла его остаться, не покидать ее, не бросать в беде, не выдавать на расправу. Теперь она окончательно превратилась в испуганную маленькую девочку, которую только он мог спасти. Чувствуя всю тяжесть своей ответственности, он шагнул к ней, повернул лицом к себе и сказал с притворным оптимизмом, с каким взрослые обращаются к детям, чтобы скрыть от них свою тревогу:

— Глупости! Никуда я не уеду. Мы сейчас пойдем наверх, и ты мне расскажешь всю эту историю сначала. А потом мы решим, как расхлебать эту кашу.

Она припала к его плечу и зарыдала так громко и отчаянно, как рыдают маленькие девочки, когда их, наконец-то находят в лесу, в котором они долго блуждали, потеряв надежду выбраться на дорогу.

ИНГЕ

Она бы, наверно, умерла, если бы Ури послушался ее, взял фургон и уехал, как она сама ему предложила. Именно так — не покончила бы с собой, не наложила бы на себя руки, а просто взяла бы и умерла. От удущья, от страха, от невозможности жить дальше, от неисправимости свершившегося, от всего.

Но он не отвернулся от нее, не уехал, не оставил ее на краю развернувшейся перед ней бездны, хоть, видит Бог, она того заслуживала. Он так прямо и спросил про Карла, имея в виду Гюнтера фон Кора:

— Как ты могла его любить?

Но она-то любила Карла, а не Гюнтера фон Кора, хоть это непросто было теперь объяснить. Это была такая давняя, такая долгая, такая надрывная история, которая сперва наполнила ее жизнь особым светом и смыслом, а потом эту жизнь разрушила. Как рассказать все

это Ури — у него ведь другой жизненный опыт, другие счета с миром?

С первого дня их любви — Инге не боялась этого слова, она с самого начала знала, что у нее это именно любовь, — она жила в трепете, что каждый новый день может быть последним. Каждый миг, обнимая Ури, вдыхая запах его разгоряченного тела в минуты страсти, слыша его смех в блаженные часы их вечерних бесед, следя за умелыми движениями его длинных пальцев во время любой работы, она снова и снова поражалась непомерности свалившегося на нее счастья. И ни на миг не могла избавиться от предчувствия, что зловещая тень Карла еще дождетя своего часа и накажет ее за эту любовь: ведь Карл не из тех, кто легко отступает от своего. А ее он навечно вписал в реестр своего имущества — с той памятной встречи в терпящем крушение самолете «Тай-Эр».

Интересно, где он сейчас? Чувствует ли, что она так и не сумела выскользнуть из цепкой его хватки? Какое нелепое, нелепое стечение обстоятельств столкнуло ее опять с этим фигляром Рупертом, который даже собственных картин не пожалел, лишь бы выставить напоказ свою ничтожную персону! Можно ли считать их случайную встречу случайным совпадением, а не рукой судьбы? Инге свято верила в руку судьбы, но она также верила и в свою способность отвести эту руку в критическую минуту.

— Спасибо, — тихо сказала она, наблюдая, как Ури сгребает в охапку куртки и пиджаки Карла. Все остальные вещи он уже сложил в большую сумку, в которой она раньше принесла эти вещи сюда.

— Плащ этот небось подарила Карлу ты? — спросил Ури, снимая со спинки стула элегантный серый плащ — единственную дорогую вещь этой коллекции. И подозрительно прищурился:

— А почему, собственно, ты его по-прежнему величаешь Карлом?

— Для меня он всегда был Карл. Так он представился мне тогда, в самолете, — Карл фон Гревниц.

— А в паспорте он кем числился?

— Вообще-то я, как ты можешь догадаться, паспорт его не проверяла. Но знаю, у него был паспорт на имя Карла фон Гревница. Во всяком случае, когда он летал со мной.

— С вельможным «фоном» он все же расстаться не захотел.

Нагруженные вещами Карла, они двинулись к выходу из цветочного подвала, потому что Ури придумал простое до гениальности решение проблемы этих вещей. Убедив Инге, что невозможно незаметно избавиться от такой кучи одежды, он спросил: кто знает, что эти шмотки принадлежат Карлу? Инге озадаченно прикусила губу:

— Никто, пожалуй. Разве что Клаус — Отто ведь не в счет.

— Вряд ли Клаус регистрирует в памяти вещи — у него настройка совсем на другие волны. — Ури надел пиджак Карла и застегнул на все пуговицы. — Смотри, как он на мне сидит, в самый раз!

— Ну и что с того, что сидит хорошо? — не поняла Инге.

— А то, что если никто не помнит, чьи эти пиджаки, можно, в случае нужды, выдать их за мои. Я повешу их к себе в шкаф, никому и в голову не придет усомниться.

Инге покорило, что Ури с такой легкостью надел на себя пиджак с плеча Карла. Она хотела как-то возразить, но вовремя сообразила, что она сама тоже вроде бы с плеча Карла, — и прикусила язык.

— А вдруг существует какая-то экспертиза, по составу пота, например... — неуверенно начала она.

— Вряд ли... Но даже если она и существует, можно завтра же все свезти в чистку — куда-нибудь подальше, в Вормс или в Шпеер. И тогда никакая экспертиза ничего не покажет.

— Все-то ты предусмотрел, еврейская голова! — то ли пошутила, то ли усомнилась Инге, запирая дверь. — Интересно, где тебя этой премудрости научили?

И, не глядя на Ури, направилась к лестнице. Неужели она все-таки ему не доверяет?

На верхней площадке их подждал Отто, весь издрожавшийся в тонкой ночной сорочке, взмокшей от нечеловеческих усилий, которые понадобились ему, чтобы без посторонней помощи перебраться из кровати обратно в кресло. Он сидел тихо-тихо, задерживая свое хрипкое дыхание ради того, чтобы захватить их врасплох. Зато, как только он увидел дочь, он поднял такой ужасный трезвон, что Инге уронила сумку, из которой веером рассыпались рубашки и выкатились клубки свернутых носков.

«Что случилось что случилось», — надрывно отступивал Отто.

— Ничего не случилось, папа. Все в порядке. А почему Клаус не снял с тебя протез?

Отто и не подумал ответить на ее вопрос. Он был полон своих вопросов:

«Зачем заперлась, пробежала не зашла зачем».

— Что ты придумал? Я просто спешила закончить с геранями — и все.

«Не ври не ври не ври кто-то приезжал кто кто приезжал».

— Кто именно тебя интересует? Сегодня через нас, кажется, сто человек проехало. Мы ведь заканчиваем стройку.

«Не ври не ври», — повторил Отто и переключил свой лихорадочно горящий взгляд на Ури, который пытался проскользнуть мимо с охапкой курток и пиджаков.

Стальная лапа заколотила в рельс с удвоенной скоростью:

«Стой Ури куда вещи Карла почему кто приезжал кто».

С чего она взяла, что Отто не в счет? Да у него память, как ни у кого другого!

Услышав про Карла, Ури приостановился было, но Инге нетерпеливо указала ему на дверь:

— Уходи скорей, уходи, я уложу его в постель и приду.

Отто отчаянно задергался в кресле, возражая всем телом:

«возьми меня к себе я не хочу один что случилось что случилось».

Отстучав этот отчаянный призыв, он ужасу Инге, с неожиданным проворством соскользнул с кресла на холодные камни лестничной площадки и стал корчиться в судорогах совсем близко к краю ступенек. Инге наклонилась, покачнулась, упала на колени и, не в силах удержать отца, в панике позвала: «Ури!» Он, слава Богу, услышал, рванулся обратно и, с ходу оценив ситуацию, уронил вещи на пол, чтобы перехватить старика в последний миг перед тем, как тот начал скатываться вниз в подвал.

— Для полноты картины мне сейчас только не хватало, чтобы у него начался приступ, — прошептала Инге, наполняя шприц, пока Ури укладывал Отто в постель. А потом собирал разбросанные по всему коридору вещи Карла, чтобы повесить их к себе в шкаф и освободить ее от страха.

Что бы она делала, если бы Ури и впрямь послушался ее, взял фургон и уехал? Да ничего бы она не делала, просто умерла бы — и все!

УРИ

Неясно было, почему старик закатил такую истерику из-за случайного визита какого-то незнакомца. Ури тщетно искал ответ на этот вопрос, пока они собирали разбросанные по всему коридору одежды Карла. Когда все мелочи были возвращены в сумку, Инге последний раз заглянула к Отто — старик спал на спине, нос его заострился, хрипкое дыхание было ровным.

— Пошли, — сказала Инге. — Я надеюсь, укола хватит до утра.

И они зашагали через ночной, пустынный, шуршащий опавшими листьями двор.

— А что холодильник? — на миг вернувшись к реальности, спросил Ури. — Они закончили монтаж?

Инге ответила не сразу, а чуть погодя, когда они уже поднимались на крыльцо, с деланным спокойствием,

чтобы Ури не заметил радостного звона в ее голосе. Она еще не поверила окончательно, что он останется, и его интерес к холодильнику добавлял ей надежды:

— Почти закончили. Утром приедут на пару часов доделать какие-то мелочи.

Она открыла дверь, и они наконец ввалились к себе, в ласковый буржуазный уют кухни.

— Если бы ты знал, как Карл презирал меня за мою любовь к обывательским радостям! — призналась Инге, открывая дверцу буфета, за которой она держала свой небольшой, но со вкусом подобранный набор напитков. — Давай выпьем по рюмочке «Ашбаха», а то меня знобит.

— Только чур! Никаких приворотных зелий, драконьих зубов и трав забвения! — предостерег ее по-израильски равнодушный к спиртному Ури по пути в свою комнату, где он поставил сумку Карла в одно кресло, а на спинку другого сбросил куртки и пиджаки, которые он завтра намеревался свезти в чистку. Под грузом наспех брошенных на спинку вещей кресло гулко рухнуло навзничь, непристойно задрав к потолку свои слишком изящные ножки. Пока Ури поднимал кресло и опять собирал в кучу в который раз разбросанные вещи, ему стало жарко. Он снял с себя куртку и бросил ее в то же кресло поверх одежды Карла, подумав мелком, насколько вид его комнаты нарушает сейчас все представления Инге о порядке и уюте. Он даже попытался немножко разровнять пеструю охапку вещей, в результате чего они снова свалились на пол. Тогда он отмахнулся от всего этого безобразия, — все равно завтра везти все в чистку! — и направился к двери. Почти у самого выхода он наступил на какой-то мелкий предмет — это оказался ключик от его почтового ящика, на который адресовала ему письма мать. Ключик, наверно, выпал из кармана его куртки, пока он перебрасывал ее с места на место.

Ури сунул ключик в наколенный карман джинсов и вышел в темный коридор. В кухне тоже было темно, неяркий свет струился из спальни Инге, — она ждала его, шагая из угла в угол, на столике у кровати стояли

два бокала и нераспечатанная бутылка душистого местного коньяка «Ашбах».

— Можешь сам открыть бутылку, чтобы убедиться, что я ничего не успела туда подмешать.

Ури осторожно вытащил пробку, налил коньяк на доньшко бокалов и сел в кресло под лампой.

— Я слушаю, — сказал он, согревая коньяк в ладонях. — И сядь, ради Бога, не мелькай передо мной, как тигрица в клетке.

Инге не села, но снизила скорость своих метаний по комнате и начала медленно, словно нащупывала путь через трясины:

— Для меня он всегда был Карл.

На этой фразе она запнулась и пожаловалась:

— Рассказать все по порядку трудней, чем выпрыгнуть из окна самолета. Уж кто-кто, а ты должен это понимать.

— Давай, прыгай! — подбодрил ее Ури теми же словами, какими он подбадривал новичков-курсантов перед первым прыжком. — Зато потом будешь чувствовать себя героем.

Инге вдохнула воздух глубоко в легкие, чтобы сказать как можно больше на одном выдохе:

— Я узнала, что его зовут Гюнтер фон Корф, только когда увидела его фотографию в газете. Вернее, во всех газетах. Во всех до одной. Его ведь долго не могли найти, потому что ни в каких операциях он сам не участвовал, — он был у них мозговым трестом. Он знал всех — его не знал почти никто. До того у него было только имя, а лица не было. Имя это к тому времени знали все, но ты сама понимаешь — мне и в голову не приходило... И вдруг на первых страницах всех газет я увидела... Ты не можешь себе представить мой ужас... Впрочем, нет, сперва я не поверила своим глазам, подумала: какое потрясающее сходство! Я ведь знала, что его зовут Карл фон Гревниц. Для меня он навсегда останется Карлом. Ты ведь знаешь, имя человека не случайно — оно отражает его глубинную сущность. Сущность Карла должна отличаться от сущности Гюнтера, несмотря на общую

для обоих приставку «фон». Впрочем, именно этот «фон», повторенный и в том, и в другом имени, заставил меня поверить, что это Карл. Потому что и «фон» отражает глубинную сущность, а Карл и не хотел потерять ничего из того, что было для него важно. Он очень чтит свою голубую кровь... и мою тоже... Я ведь тоже могла бы называть себя баронессой фон Губертус... Просто мне это казалось нелепостью, а ведь он меня за эту бесполезную приставку ценил...

— Инге, — перебил ее Ури. — Давай сначала факты, а психологию потом.

— Ты же сам спросил, как я могла его любить, — заупрямилась было Инге, но Ури тоже заупрямился:

— Об этом после. А сейчас скажи: что ты делала у фонтана Тренто?

— Сидела в кафе за углом и ждала Руперта Вендемманна. Только я не знала, что это будет именно он. Я ждала человека, который скажет мне пароль и заберет спортивную сумку с теннисной ракеткой, которую я привезла из Кельна.

— По просьбе Карла?

Инге молча развела руками — мол, по чьей бы еще?

— И это оказался Руперт?

— Он самый. Как всегда, в тугих шелковых брюках, натянутых прямо на голый член. Я узнала его сразу, как только увидела из окна, — когда он еще шел по улице, разглядывая вывески. Он вошел в кафе, огляделся, увидел меня и просиял: я ему явно понравилась.

— Как он тебя узнал?

— Я держала в руке черный дождевой зонтик, хоть погода была солнечная.

— О, Боже! Совсем как в кино!

— Для него это и было кино! Он подошел и сел напротив меня, так что сумка с ракеткой оказалась на стуле между нами. Я уже заказала по чашечке капучино для нас обоих. Он взял свою чашку, пригубил и спросил про фонтан Тренто. Я ответила как следовало. Он допил кофе, взял сумку и ушел.

— И все?

— Почти все. Если не считать того, что пока он пил свой капучино, он успел пригласить меня пообедать с ним в каком-то супермодном ресторанчике, где по вечерам собирался римский артистический авангард.

— И ты согласилась?

— К счастью, нет, — ведь подразумевалось, что в конце вечера я должна пойти с ним в койку.

— Ты знаешь, что было в сумке?

— Карл мне не сказал, а я не спросила. Я уже привыкла ничего лишнего у него не спрашивать.

— И даже не спросила, зачем вся эта таинственность с зонтиком и паролем?

— Можешь не сомневаться, что у Карла на все было вполне разумное объяснение. Зато сколько бессонных ночей я потратила потом, чтобы ответить себе, была ли в сумке просто взрывчатка или боеголовка той ракеты, которую запустили в окно премьер-министра Италии вскоре после моей встречи с Рупертом!

— Как ты думаешь, а Руперт знал, что в сумке?

— Скорей всего, нет. Иначе его бы тоже судили. А его потаскали-потаскали на допросы и отпустили. Так что он почти без затрат превратился в настоящего героя.

— Интересно, он вспомнил тогда о вашей встрече в Гейдельберге?

— Не думаю. Вряд ли он меня узнал. Он небось за свою долгую жизнь не за одной девушкой гонялся по улице. Но зато сегодня, когда он стал припирать меня к стене, та история в Гейдельберге оказалась мне очень кстати. Я напомнила ему, как он сбежал из зала, готового к бою с полицией. И сразу сбила его с толку.

— Он смутился? — не поверил Ури.

— Ну уж и смутился! Чтобы смутить Руперта, нужна артиллерия потяжелей моей. Но он почувствовал себя неловко. И почти поверил, что я узнала его по встрече в Гейдельберге, а не по встрече в Риме.

— Почти поверил?

— К сожалению, почти. Все-таки своим глазам он верит больше, чем моим уверениям.

— А чего он, собственно, хотел? Чтобы ты подтвердила в полиции, что он все же был замешан в игры Гюнтера фон Корфа? Или он тоже зовет его Карл?

В голосе Инге опять зазвучали панические нотки:

— Я тебе сказала: он ищет Карла!

— В каком смысле ищет?

— В том смысле, что Карл перехитрил всех и исчез, как иголка в стогу сена.

— Кого — всех?

— Я ведь хотела рассказать тебе все по порядку! — обиженно выкрикнула Инге. — Иначе ты не поймешь.

— Тише, не обижайся. Лучше объясни, для чего он ищет Карла? Для кого?

— Не знаю, от него всего можно ждать. Может, для них, а может, для полиции.

Тут Ури спросил наконец, кто такие «они», хотя, пожалуй, мог бы уже и сам ответить на этот вопрос. Но Инге не спешила с ответом. Она несколько секунд постояла, прикусив губу, а потом выдвинула ящик секретера и вытащила пачку желтых полицейских листков — ту самую, которую он обнаружил там сегодня утром, — или это было год назад?

— Вот «они» — те, кого полиция еще не нашла.

— Ты хочешь сказать, что они все еще существуют?

— Конечно. А как бы иначе Карл убежал из тюрьмы?

Ури вздохнул:

— Я сдаюсь, ты была права: расскажи мне все с самого начала.

— Я их боюсь, — торопливо заговорила Инге. — Их я боюсь даже больше, чем полицию. Полиция, какая бы она ни была, все-таки представляет закон. Для них же давно не существует законов. Они годами прячутся в каких-то тайных норах, живут там коммунами и сходят с ума от страха, от тесноты, от невозможности хоть на час остаться наедине с собой. Они смертельно надоедают друг другу, каждая мелочь их раздражает. Курят, занимаются групповым сексом, ревнуют всех ко всем и со временем начинают так ненавидеть друг друга, что находят облегчение в лю-

бой жестокой и опасной акции. Лишь бы вырваться на свежий воздух.

— Откуда ты все это знаешь?

— От Карла. Последние полгода перед арестом он жил в такой коммуне. Он говорил, что это были самые страшные полгода в его жизни. Их было шесть человек — четыре парня и две девушки. Все остальные, кроме Карла, так или иначе были замешаны в убийствах, их портреты были расклеены на всех дверях. На них шла настоящая охота, так что им просто некуда было деться. Это было не лучше тюрьмы — постоянное напряжение, недоверие к тем, кто помогал им снаружи, бессмысленные ссоры из-за пустяков, горы окурков на столах, на подоконниках, на полу, вечная очередь в уборную, а главное — полное бездействие и чудовищная скука. Поэтому он не захотел к ним вернуться, когда они помогли ему убежать из тюрьмы.

— Он им так и объявил: не хочу, мол, к вам возвращаться?

— Если бы я могла объяснить тебе, что за человек Карл, как работают его змеиные мозги, ты бы так не шутил!

Ури поймал себя на мысли, что такой Карл был, возможно, его злейший враг — не только из-за Инге, но из-за всего его жизненного расклада. Стоило ли его понимать? Стоило — хотя бы для того, чтобы устранить.

— Ладно, ладно, объясняй, — подбодрил он Инге. — Я постараюсь понять.

— Представь, они потратили уйму сил и изобретательности, чтобы вытащить его из-за решетки. Они рисковали ради него собственной свободой, потому что он был им нужен: он один умел придавать их лихорадочным действиям какой-то высший смысл. Вся операция была спланирована самим Карлом. И он, наконец, оказался за тюремных забором, за углом его ожидал крытый грузовик, внутри которого был спрятан «Фольксваген»-клоп. Карл вскочил в кузов грузовика, за которым тут же началась погоня. Водителю удалось ненадолго оторваться от погони, — так было запланировано, — и

свернуть в заранее подготовленную подземную стоянку. Там он на минуту остановил грузовик и выкатил через заднюю дверь мостки, по которым Карл в «Фольксвагене» выехал на шоссе, ведущее в Кельн, а грузовик помчался в противоположную сторону, отвлекая преследователей. Карлу следовало проехать восемь километров, свернуть в лес, где «они» поджидали его в другой машине. Но он тут же съехал с главного шоссе на мост, пересек Рейн и въехал в небольшой городок. Там он спокойно припарковал автомобиль на городской стоянке перед ратушей, взял из багажника сумку с приготовленной для него одеждой, не спеша вошел в туалет при ратуше, переоделся и ушел по лесным тропинкам сюда, в замок. Последние пару лет в тюрьме он изучал лесные пешеходные тропы Германии по краеведческим атласам, которые любезно поставляла ему тюремная библиотека.

— А ты знала, что он к тебе придет?

— В каком смысле — знала?

— Он тебя предупредил?

Инге даже засмеялась над нелепостью этого вопроса:

— Он никогда ни во что меня не посвящал — ни когда собирался прийти, ни когда собирался уйти. Но я знала, что он придет. С того часа, как по радио объявили о его побеге, я стала его ждать.

— А откуда он знал, где ты? Он что, бывал здесь раньше?

— Однажды мы собирались лететь на Сицилию, — я уже договорилась с одной подружкой, что она заменит меня на обратном пути, а я потом заменю ее. И вдруг в последнюю минуту позвонил Отто: у мамы первый раз случился приступ, и ее увезли в больницу в тяжелом состоянии. Я не могла лететь с Карлом, но у меня не было никакого способа ему об этом сообщить. Я помчалась в аэропорт и перехватила его перед самой регистрацией. И тут он ни с того ни с сего решил отказаться от своего полета и поехал со мной. Нет, нет, не думай, он ни разу не появился в замке, а снял комнату в отеле неподалеку: он прожил там неделю и приезжал за мной,

как только у меня выдавалась свободная минута. Все остальное время он гулял по окрестностям и бродил по лесу, так что он хорошо рассмотрел наши места. Однако после побега ему понадобилось почти трое суток, чтобы добраться сюда: несколько раз он сбивался с пути, а иногда подолгу пережидал за кустами, чтобы не попасться на глаза каким-то туристам. И все эти ужасные дни, пока радио и телевидение без умолку твердили, по какому номеру должен звонить каждый, кто увидит Гюнтера фон Корфа, я стояла у окна, прислушиваясь к каждому шороху, и ждала. Я изобрела какой-то не слишком убедительный предлог, чтобы сплавить из замка Марту и Клауса, — слава Богу, они не стали вдумываться в мои объяснения, раз я заплатила им за отгул.

Уже знакомым Ури движением она рванула от горла незастегнутую у ворота рубашку:

— Я не сомкнула глаз с той минуты, как услышала о побеге Карла, до самого его прихода. Я не знала, хочу ли я, чтобы он появился здесь, или не хочу. Впрочем, это было неважно — я физически чувствовала его приближение. Мне даже казалось, что я слышу его шаги — сперва почти неразличимые, как шепот, а потом все явственней, все громче, как барабанный бой. Не думай, что меня просто лихорадило и кровь стучала в висках! Едва он приблизился к воротам и остановился в темноте, раздумывая, как незаметно дать мне знать, что он тут, я сама подошла к калитке и увидела его!

— Ты небось за эти дни подходила к калитке тысячу раз!

Но Инге не услышала его, она вся была в прошлом:

— Когда я его впустила и посмотрела ему в глаза, у меня в голове замелькали черные мухи, и я с трудом удержалась, чтобы не потерять сознание. Не знаю, обрадовалась я или испугалась. Ведь я не видела его почти пять лет и понимала, что того Карла, которого я любила, больше нет, да и не было никогда. И все-таки я... я почувствовала такой — не знаю, как назвать: восторг, что ли? или взрыв, — будто земля качнулась подо мной и стены рухнули... стены склепа, в котором я провела

все эти годы. Нет, так опять выходит непонятно. Моя жизнь прервалась в тот страшный день, когда я увидела в газете фотографию Гюнтера фон Корфа и поняла, что это Карл. Я боялась выйти на улицу — мне казалось, что меня кто-нибудь опознает, хоть Карл позаботился, чтобы нас никогда не видели вместе. Но что значит никогда? В реальной жизни на всякое никогда есть иногда. Ведь мы вместе проводили дни и ночи в разных отелях в разных концах земного шара, обедали в каких-то ресторанах, садились вместе в такси. Значит, были клерки, горничные, официанты. Откуда я знала, как тщательно будет вестись следствие? А пакеты и сумки, которые я по просьбе Карла привозила и увозила, — их ведь передавали мне какие-то люди! Я была в такой панике, что ухватилась за робкую просьбу Отто приехать помочь ему ухаживать за больной мамой. Я бы, конечно, и так приехала, хоть у меня с мамой были очень тяжелые отношения... но я бы не осталась тут, в замке, на долгие годы, если бы не Карл. Я бы вырвалась, я бы нашла какой-то выход, даже когда с отцом случился первый удар. Но к тому времени уже полным ходом шел процесс Гюнтера фон Корфа, и обвинение каждый день находило новых сообщников, пособников, помощников. Охота велась по всей Германии. Хватали бывших соучеников и дальних знакомых. Я все время ждала, что сейчас придет моя очередь. Каждый раз, когда снизу от моста к замку подъезжала незнакомая машина, я думала, что это за мной. А главное, весь этот страх был только небольшим довеском к камню на моей шее. Ведь с уходом Карла из моей жизни весь мой мир рухнул — мне нечего и некого стало ждать. Четыре года до его ареста я прожила, считая дни, часы, минуты от одной встречи с ним до другой. Как часто, слушая болтовню других девчонок, я гордилась своей необыкновенной большой любовью, о которой никто не подозревал! Но с тех пор, как он поселился здесь, меня начали терзать сомнения, — любил ли он меня когда-нибудь или просто заранее выбрал за то, что мой замок был идеальным прибежищем для беглеца?

— Неужто он заглядывал так далеко вперед?

— Карл — прирожденный игрок, он всегда продумывает свои и чужие поступки на много ходов вперед. Он и бегство свое отсюда продумал и спланировал заранее. И день выбрал такой, когда ни меня, ни Марты в замке не было, — ему ведь ничего не стоило обвести вокруг пальца Отто и Клауса.

— Боюсь, ты недооцениваешь своего папашу, — усомнился вдруг Ури. Из неведомых закоулков его подсознания желтой бабочкой выпорхнул знакомый полицейский листок и закружился над креслом Отто, который, отстукивая по рельсу «скорей скорей скорей!», быстро ехал вниз по подземному коридору. — Даже такому мудрецу, как Карл, было бы непросто обвести вокруг пальца Отто.

Инге насторожилась:

— Что ты имеешь в виду?

— Как ты думаешь, Отто знал, кто такой Карл?

— Конечно, нет. Откуда он мог знать?

— Почему же он так его не любил?

— Откуда ты это знаешь? Опять от Клауса?

На этот вопрос можно было не отвечать, она и не ждала ответа:

— Тогда ты знаешь, за что он не любил Карла. За то же, за что тебя, — из ревности. Ну, а если даже и не любил, так что?

— Сам не знаю, — Ури на миг загнулся и добавил медленно, вслушиваясь в скрытый смысл собственных слов. — Сегодня, когда я искал у него в ящике ключ к люку над подвалом, я наткнулся там на полицейский листок с портретом фон Корфа.

— В ящике у Отто? — не поверила Инге.

— В ящике у Отто, — подтвердил Ури.

— Бред какой-то! — вспыхнула Инге.

— Можешь пойти к нему, открыть ящик и убедиться собственными глазами.

Инге перестала наконец метаться по комнате. Она остановилась и тревожно уставилась на Ури, словно умоляя его отказаться от своих слов:

— Я думаю, это случайное совпадение. Откуда бы он мог узнать?

Ури припомнил сбивчивую болтовню Клауса про две незаметные дырочки, просверленные им по просьбе Отто в дверях, ведущих в спальню Инге:

— А если предположить, что он иногда подслушивает под дверь твоєї спальни?

Если Инге об этом и подозревала, виду она не подавала. Она изобразила бурное негодование: ее возмутила сама чудовищность такого предположения — нет, нет, ее отец не способен на подобную низость! Но чем горячее Инге отрицала самую мысль о том, что ее(!) отец(!) мог подслушивать под ее — ее! — дверь, тем очевиднее становилось Ури, что она об этом если и не знала, то уж точно это подозревала. Но он не стал с ней спорить — к чему? Разве ему так важно вырвать у Инге признание, что ее отец за ней подглядывает? Ему сейчас было важно другое — ухватить за хвост какую-то ускользающую русалку-считалку, недосказанную сказку-развязку, смутная тень которой маячила у самой поверхности сознания, будто выплывала навстречу и тут же уходила вглубь, не даваясь в руки.

Зато ему в голову, словно в насмешку, лезли совершенно бесполезные байки Клауса о каких-то голых девушках, бегающих по лесу в поисках растерявшего свою одежду школьного учителя. Ури хотел было стряхнуть с себя и деvушек, и учителя, но кто-то чужой внутри него ехидно захохотал, и на фоне голых деvушек, слегка их заслоняя, возникли тени двух голов, обращенных к освещенному экрану телевизора. Головы качнулись, согласно склонились одна к другой и нежно потерлись одна о другую щеками. «Отто и фрау Штрайх!» — приходя в восторг, захихикал чужой голос. Тут Ури уже не мог удержаться, а не то бы он задохнулся от распиравшего его грудь смеха.

— Ты права, ты права! — поспешно согласился он с Инге.

— Не понимаю, что ты находишь тут смешным, — насторожилась она.

— Видишь ли, — протянул Ури, — если Отто за тобой и подглядывал, то это было раньше. А теперь он боится, как бы ты не начала подглядывать за ним...

— Я за ним?

— Ну да, ты за ним. Когда он запирается у себя наедине с прекрасной Габриэлой Штрайх.

Больше всего Инге поразило, что и Ури называет курицу Штрайх Габриэлой.

— И ты тоже знаешь, что ее зовут Габриэла? — так и вскинулась она.

— Конечно, знаю, как не знать? Ведь старик теперь целыми днями отстукивает ее имя: ему, наверно, нравится повторять: «Габриэла! Габриэла!» — Ури со свистом втянул в себя воздух, стараясь сдержать рвущийся наружу хохот. — Это благозвучное имя наводит его на воспоминания об интимных минутах.

— О каких интимных минутах ты говоришь? — озадаченно уставилась на него Инге. — Надеюсь, ты не хочешь сказать, что они... ну, что они... ты не хочешь сказать, что они...

И она замялась, так и не найдя подходящего слова, которое могло бы верно описать то, чем могли, а вернее, совершенно не могли, заниматься Отто и фрау Штрайх, запершись наедине в комнатах Отто.

— Именно это я хочу сказать. Они делают почти то самое, что ты думаешь. Только немножко другим способом.

— Ну и воображение у тебя! — возмутилась Инге, протягивая руку к бутылке с коньяком. Пока она наливала полный бокал «Ашбаха» для себя и изрядную порцию для Ури, рука ее дрожала так сильно, что дребезжание стекла о стекло невольно навело его на мысль о Доротее.

— А что прикажешь делать? Ведь у вас тут истинный рай извращенного воображения, — покаялся Ури и осторожно пригубил коньяк, который оказался вкусным, так что он процедил сквозь зубы еще пару плотков. Коньяк пошел хорошо и пришелся как нельзя кстати: сегодняшние тревоги вдруг показались не стоящими вни-

мания, и Ури разрешил себе отдаться на волю беспричинно нарастающего смеха:

— Я уж не говорю о леших, ведьмах и лесбиянках. К ним я уже как-то притерпелся. Но фрау Штрайх? Подумать только — сама непогрешимая фрау Штрайх! И с кем? С твоим дорогим папочкой!

— Что же они все-таки делают? — полюбопытствовала недогадливая Инге и в нарушение всех правил хорошего тона быстрыми глотками выпила весь коньяк, который до того плеснула себе щедрой рукой.

Ури стал пересказывать ей то, что услышал от Клауса, но никак не мог совладать с накотившим на него разрушительным приступом совершенно идиотского хохота. Тогда, за ужином, когда сердобольный Клаус, движимый желанием отвлечь его от тревожных мыслей, описывал ему приключения школьного учителя на лесной полянке, Ури был слишком взволнован таинственным исчезновением Инге, чтобы вдуматься в извращенный комизм подсмотренной Клаусом картины. Зато теперь он представил себе эту невероятную житейскую драму во всей ее театральной красе: парализованный старый маразматик, нежно сплетаясь руками с одередевшей от одиночества старой ханжой, сидит перед телевизором, тайком от всех наслаждаясь похабными забавами бывшего школьного учителя.

— ...они раздели его догола, повалили его на траву... раздели догола, догола... — Ури, захлебываясь словами, запивал их коньяком и никак не мог сдвинуться с мертвой точки, — раздели догола и стали на него садиться... чтобы проверить... ой, не могу!..

Ури стало не по себе, что он хохочет, а Инге напряженно молчит, и он повторил, ловя воздух непослушными, размякшими от смеха губами:

— ...они садились на него по очереди... чтобы проверить... ой, не могу!

— Что проверить? — спросила Инге ледяным голосом.

— Один признак... Клаус сказал, что он знает такой признак...

— Какой? — заинтересовалась наконец Инге, постепенно вовлекаясь в игру.

— Не знаю. Клаус не мог назвать его вслух. Потому что ему мамка не позволяет. Ты же знаешь высокие моральные принципы его мамки...

Тут Ури совсем скис от смеха и с удовольствием услышал, что при упоминании высоких моральных принципов Марты Инге тоже засмеялась:

— Что же было дальше? — спросила она уже не так сердито.

— Когда девушки убедились, что они ему нравятся, учитель остался очень доволен, а Отто начал сильно задыхаться. Клаус испугался, как бы его не хватил удар, но фрау Штрайх — представляешь, фрау Штрайх! — положила руку на колено Отто, чтобы он не так волновался... она ему — руку на колено! — восторженно выпалил Ури.

Не в силах совладать с сотрясающими его тело взрывами хохота, над которыми у него не было никакого контроля, Ури вывалился из кресла, подкатился к растерянно застывшей над ним Инге и ребром ладони подсек ее под коленками. Она резко качнулась от неожиданности и упала прямо на него. Но он не дал ей скатиться на пол, а перехватил на полпути, так что она мягко приземлилась в его объятия. Падая и пугаясь падения, она тоже начала хохотать.

— Куда она положила ему руку? — выговорила она наконец сквозь слезы душащего ее смеха, который, как губка, вбирал в себя все напряжение последних роковых часов.

— На колено.

— Ты уверен, что на колено? Зачем на колено?

— Может, чтобы проверить, что она ему нравится?

От этого фантастического предположения они, изнывая от хохота, в обнимку покатались по полу, наслаждаясь милостиво возвращенной им взаимностью, пока не свалили на себя хрупкий столик с открытой бутылкой «Ашбаха». Янтарная струя коньяка хлынула Ури в лицо и холодными ручейками растеклась по шее,

проникая глубоко за шиворот. Постепенно подавляя смех, Ури вытащил из заднего кармана джинсов смятый носовой платок и стал вытирать мокрую шею. Вдруг что-то острое укололо его под подбородком, и он нашупал в складках платка какой-то небольшой твердый предмет. Он осторожно расправил складки платка и оторопел: на ладонь ему выпал давешний ключик от почтового ящика, который он только что собственноручно сунул в наколенный карман. Он пошарил пальцами в наколенном кармане — нет, память ему не изменила: ключик по-прежнему был там.

Ури поднес к глазам ключик, зажатый в его ладони, и проверил номер, выдавленный на крошечной его головке. Сомнений не могло быть — это был номер его почтового ящика. Значит, тот второй — Ури опять пощупал наколенный карман, убеждаясь, что второй ключик никуда не исчез, — о Господи, конечно! Второй ключик мог выпасть только из кармана куртки Карла! Быстро подавив первое побуждение тут же поделиться этой новостью с Инге, Ури ласково коснулся губами ее волос. Она уже справилась с судорогами безудержного смеха и прильнула к нему, зарывшись лицом в прореху его распахнутой на груди рубахи. Ури провел ладонью вдоль изгиба ее спины и почувствовал, как она всей кожей ластится к нему. Но ему сейчас было не до ласк.

— А как ты со своим Карлом общалась? — спросил он.

Инге вздрогнула и отпрянула от него, словно он ее ударил. Голова ее скатилась с его груди на прикроватный коврик, руки соскользнули с его плеч. Ури не хотел ее обижать, но сейчас ему важно было получить ответ.

— Он тебе звонил или писал?

Она помедлила и сказала глухо:

— Господи, ты опять о Карле? Я думала, что на сегодня с ним покончили.

— Но все-таки — как он назначал тебе свидания — по телефону?

— Я никогда не звонила ему, и он никогда не звонил мне: это было первое условие продолжения наших встреч, которое он мне поставил.

— Как же ты его находила?

— Никак, я даже не знала, в каком городе он жил.

— Но как-то ты с ним встречалась?

— Инициатором каждого свидания был только он.

— А как он с тобой договаривался, если он никогда тебе не звонил?

— Он писал мне короткие записочки на почтовый ящик.

Конечно — Гюнтер фон Корф всегда предпочитал анонимность переписки через почтовый ящик! Очень интересно! Однако нужно было выяснить главное — в каком городе этот почтовый ящик искать.

— А если бы ты опоздала получить такую записочку?

— Я бы не могла опоздать — я ходила на почту по два раза в день.

— А когда он попал за решетку, ваша переписка прекратилась?

— В каком-то смысле — да. Свиданий он мне больше не назначал.

— А в каком-то смысле — нет?

— Ну да.

Она сказала что-то еще, но голос ее порой так затихал, что Ури не слышал. Он слегка тряхнул ее за плечо:

— Что ты сказала?

— Я сказала, в каком-то смысле — нет.

— То есть он тебе продолжал писать?

Инге немного оживилась и произнесла почти внятно:

— Примерно раз в полгода в ящике была крохотная записка.

— Что же он писал?

— Почти одно и то же: «Жди меня. И сохраняй этот ящик».

— Ты по-прежнему ходила на почту два раза в день?

— Нет, гораздо реже. Ведь для этого надо было ездить в Гейдельберг.

— Почему в Гейдельберг?

— Я жила там последний год перед арестом Карла.

Похоже, она опять начала засыпать после каждого слова, так медленно она говорила.

— А что ты делала в Гейдельберге?

Инге не ответила, плечи ее обмякли, она ровно дышала, прижимаясь щекой к жесткой щетине коврика для ног. Зажав в кулаке свой ключик, Ури осторожно поднялся с пола, достал из наколенного кармана второй ключик и положил на ладонь рядом с первым. Они лежали рядом — неразличимые, как близнецы, маленькие хранители чужих секретов, изошренные завитки человеческой изобретательности. Разницу в них можно было заметить, только внимательно присмотревшись к тонкой вязи цифр, сплетающихся в пятизначный номер на округлой поверхности каждой головки. Там, рядом с гирляндой цифр, стояла одна буква: на ключике Ури — «В» — Вормс, на новом ключике — «Г» — весьма возможно, что Гейдельберг. Оставалось только съездить туда и проверить, есть ли в этом ящике какие-нибудь письма.

Возможностей для неудачи такой экспедиции было не счастье: в ящике может не быть никаких писем, ключ может оказаться неподходящим, город может оказаться не Гейдельбергом, ящик мог давно сменить владельца. Спрашивать что-либо у Инге было бесполезно — она спала глубоким сном, и Ури стало жалко оставлять ее на холодном полу. Он снял покрывало, откинул край перины и, подхватив Инге под плечи и колени, рывком переложил ее на кровать. Когда он стал стаскивать с ее ног неуступчивые резиновые сапожки, она открыла глаза и сказала внятно:

— Будильник.

И тут же опять закатила глаза под веки так плотно, что даже тень от ресниц на щеке не дрожала. Ури неназойливо шекотнул ее за ухом:

— На который час будильник?

Она прошептала в подушку:

— На пять — День Охотника. Одну тушу — в станционный ресторан, и две — на колбасную фабрику.

И тут же заснула так крепко, что ничего не оставалось, как укрыть ее периной и погасить свет. Ури подошел к окну, чтобы задернуть штору, прикидывая по пути, что раз завтра — День Охотника, то ни фрау Штрайх, ни Клауса в замке не будет. А значит, кому-то из них двоих — или ему, или Инге, — придется оставаться с Отто. Ури очень не хотелось целый день убажывать капризного старика, да к тому же он обещал срочно свезти в чистку пиджаки и брюки Карла. Конечно, страх Инге, что кто-то явится завтра в замок искать следы Карла по наводке Руперта Вендемманна, казался Ури совершенно несостоятельным, однако все могло случиться. За кого-за кого, но за Руперта Ури бы не стал ручаться — он мог служить и полиции, и «им», и обоим.

А уж если везти вещи в чистку, это должен был сделать Ури, — никто не удивит, что он заботится о своем гардеробе. Тем более что это дало бы ему удобную возможность смотаться в Гейдельберг и проверить почтовый ящик Карла. По всему раскладу ему получалось очень кстати развезти также и заказанные на завтра свиные туши. Беда только в том, что этих бедняг предстояло еще забить, — Инге наверняка не успела сделать это в интервале между проигранной схваткой с Рупертом и несостоявшимся сожжением одежды Карла. Выходило, что если он хочет утром уехать из замка без помех, то должен преодолеть свое отвращение к крови и забить свиней собственноручно.

Он прижался лбом к холодному стеклу, закрыл глаза и, мысленно заставив себя запустить хитроумный механизм гильотины, прошел в воображении через все мучительные фазы работы мясника, — стремительно упал нож, в предсмертном ужасе завизжала свинья, и поток крови хлынул в мраморную ванну. К его удивлению, ничего особенного с ним при этом не произошло — в ушах не затрещали автоматные очереди, к горлу не подкатила предрвотная тошнота.

«Ну и отлично, не стану ее будить, а сам попробую управиться с теми свинками, которых она наверняка уже отобрала на завтра», — безрадостно, но твердо ре-

шил он и открыл глаза. Открыл и тут же закрыл: что-то с ним все же было не в порядке — может, перебрал коньяка? Ему на миг привиделось, что ошалевшее стадо свиней ритмично, словно под музыку, мечется по двору в шутовском хороводе. Он опять открыл глаза, но карнавальное видение за окном не исчезло. Напротив, по мере привыкания глаз к темноте в нем стали обозначаться вполне реалистические подробности вроде знакомых розовых пяточков и острых трубчатых ушек, то тут, то там выхваченных неверным лунным светом из плотной свиной массы.

«Да ведь это вовсе не фантазия!» — сообразил наконец Ури, протрезвев. — Просто наши свинки вырвались из свинарника и гуляют по двору!» Он покосился на Инге только для того, чтобы убедиться, что никакие события не способны сейчас нарушить ее сон. Придется в одиночку управляться с этой толпой, обалдевшей от свежего воздуха свободы. Загоняя в свинарник своих подопечных, которые отчаянно сопротивлялись и рвались обратно на воздух, Ури был полон сочувствия к ним — кому бы понравилось всю жизнь стоять в вонючем стойле в ожидании рокового дня, когда любящие хозяева поведут тебя через двойную дверь в забойную камеру?

Однако, несмотря на сочувствие и понимание, он довольно быстро вернул всех нарушителей порядка на места и закрыл загородки, удивляясь, как свиньи умудрились сорвать все замки и вырваться наружу. Предположим, Клаус в расстройстве забыл запереть входную дверь, но почему при этом сами собой открылись все обычно надежно запертые загородки? Так и не найдя ответа, Ури подошел к доске, на которой хозяйская рука Инге записывала мелом расписание основных событий дня. Там было выведено ее четким немецким почерком:

«День Охотника. Вымыть кабанчика № 15 и свинок № 6 и № 11 и запереть в загоне С — для отправки в станционный ресторан и на колбасную фабрику».

Ури довольно быстро нашел свинок № 6 и № 11, но кабанчика № 15 в свинарнике не оказалось. Неужто он

так хорошо спрятался во дворе, что Ури его не заметил? Было уже очень поздно, так что Ури не стал тратить время на поиски пропавшего, а добавил к двум первым свинкам еще одну под номером 23, тщательно вымыл всех троих под душем, как невест перед свадьбой, и приготовился поодиночке выводить их за герметическую двойную дверь — туда, куда он сам с того первого дня ни разу не заходил.

И только тут он сообразил, что давно не видел Ральфа. И не слышал. Ни тогда, когда ошалевшие свиньи метались по двору, ни тогда, когда он загонял их в свинарник. Куда он мог деться?

КЛАУС

Оказалось, что надеть на Ганса ошейник Ральфа не так просто, но я сделал из ошейника петлю, продел в нее его передние ноги и затянул. Получилось довольно прочно, и я вывел Ганса из свинарника. Когда Ральф увидел Ганса в своем ошейнике, он стал бросаться на него так, будто у него на свете не было ничего дороже этого ошейника. Я никогда не думал, что собаки так любят свои вещи — совсем как люди. Попробовал бы кто-нибудь надеть платье моей мамки, она бы ему показала! И Ральф тоже хотел показать Гансу, кто хозяин этого ошейника. Бедный Ганс ужасно испугался и хотел убежать назад в свинарник, но Ральф за ним погнался, так что мне пришлось крикнуть ему «Стоп!». Он не остановился, и я скомандовал ему «Сеть!». Он все-таки сел, но посмотрел на меня с ненавистью и тут же попробовал встать на ноги. Тогда я повторил «Сеть!», и мы молча застыли, глядя друг на друга.

Я понимал, что долго так продолжаться не будет: ему скоро надоеет на меня смотреть, тогда он рассердится и прыгнет. А Ральф, если сердится, то становится пострашней мамки! Я повторил «Сидеть!» и быстро потащил Ганса обратно в свинарник. Там я привязал его за поводок к загородке, а сам взял другой ошейник Раль-

фа — с медными колечками — и опять вышел во двор. Ральф стоял под дверью, ожидая меня с Гансом. Когда он увидел, что я вышел один, он так сильно разочаровался, что даже начал зевать и изображать, как он мною вовсе не интересуется.

Я подошел к нему поближе, сделал вид, что чешу его за ухом, а сам накиннул ему на горло ошейник и быстро застегнул, чтобы он не вырвался. Но он не вырывался, потому что в этом ошейнике мы с фрау Инге всегда водим его гулять в лес. И он, дурак большой, решил, что я сейчас поведу его в лес, и покорно пошел за мной, хоть я повел его не к воротам, а в новый холодильник, который как раз сегодня достроили рабочие из города.

Ральф сообразил, что я его обманываю, только когда я привязал поводок к трубе и пошел к дверям. Ох, он и взвыл! Совсем как мамка, когда она увидела свою куртку, в которой я прополз по подземному ходу в замок. Ральф рванулся за мной изо всех сил, но было уже поздно, — я выскочил из холодильника и захлопнул за собой дверь. Во дворе я немножко постоял, прислушиваясь, — не слышно ли снаружи, как Ральф там воет. Ури говорил, что звук из холодильника не выходит, потому что там нет щелей. И точно, Ральфа не было слышно, а уж он там, конечно, лаял и рычал во всю мощь своей собачьей глотки! Мне стало его немножко жалко, но что было делать, — ведь он помешал бы мне спасти Ганса.

Вдруг дверь Отто распахнулась, и оттуда вышел Ури с какими-то тряпками, а за ним фрау Инге с сумкой в руке. Мне повезло, что во дворе было темно, а я стоял под самой стенкой холодильника, — я быстро скользнул за угол и даже ни за что не зацепился, так что они меня не заметили. Когда они проходили мимо меня, Ури спросил, как там холодильник, — закончили или нет? Я жутко перепугался, что они сейчас зайдут внутрь и найдут там Ральфа, но они просто прошли мимо.

Когда они вошли в кухню и зажгли там свет, я осторожно, на цыпочках прошел в свинарник и хотел вывести оттуда Ганса, но вдруг сообразил, что фрау Инге

скоро должна прийти забивать свиней на завтра. Я представил, как она заходит в свинарник, ищет кабанчика № 15, — она ведь не знает, что его зовут Ганс, — это наш с ним секрет, — и не может найти. Ужас, что она может тогда натворить: поедет, например, к мамке и потребует, чтобы я вернул Ганса!

Чтобы она не заметила, что Ганса нет в свинарнике, я решил выпустить во двор всех свиней — пусть немножко погуляют. А потом, когда их загонят обратно, будет такая неразбериха, что фрау Инге может подумать, будто кабанчик № 15 заблудился где-нибудь во дворе — двор у нас огромный и весь засажен деревьями. Не станет же она среди ночи бегать по двору и звать Ганса, тем более что она неуверена, что его зовут Ганс. Я открыл обе створки дверей, сбросил крючки со всех загоронок и сказал:

— Эй! Свинки! Идите гулять!

Но свиньи ужасно дурные — они сбились в кучу по колению в дерьме, уставились на меня своими свинными глазками и захрюкали хором. Они были так похожи на мамку, — не когда она сердится на меня, а когда слушает песни по радио и подпевает. Я схватил метлу и начал шлепать по розовым задкам тех, которые стояли впереди.

— Дуры! — заорал я шепотом, чтобы фрау Инге не услышала. — Идите гулять, а то я запру дверь и вы останетесь тут навсегда!

Не знаю, что подействовало на передних больше — моя угроза или моя метла, — но все они разом двинулись к открытой двери. А задние ринулись за ними, будто боялись отстать, — они перли вперед, совсем как люди, отталкивая друг друга от дверей, чтобы выскочить наружу раньше других. Чтобы вывести Ганса, мне пришлось дожидаться, пока все свиньи выйдут, и я очень боялся, что фрау Инге выглянет в окно и увидит, как они толкуются по двору. Но она была, видно, чем-то занята и в окно не смотрела, так что я спокойно взял свой велосипед и вышел из замка на дорогу.

Было совсем темно — хорошо, что у меня на руле теперь есть фонарь. Но оказалось, что по нашей кру-

ченой дороге невозможно ехать на велосипеде вниз и тащить за собой Ганса на поводке: у него ножки слишком короткие, чтобы он мог за мной успеть. Я попробовал несколько раз и так, и этак, но у меня ничего не вышло, и мне пришлось пойти пешком. Это было очень трудно — одной рукой удерживать велосипед, чтобы он не скатился вниз, а другой — тащить Ганса, который вдруг струсил и начал рваться обратно во двор. Я мог бы объяснить ему, что если он вернется, то сегодня ночью его зарежут, но мне не хотелось его пугать, он и так стал слишком нервный, а я терпеть не могу нервных, я с ними сам становлюсь нервный.

Всю дорогу я думал, как лучше — спрятать Ганса у себя дома или отвести подальше в лес. Я бы, конечно, хотел взять его к себе, но боялся, что мамка учинит скандал. И я решил завести Ганса в лес подальше от замка и оставить там на несколько дней, пока я не уговорю фрау Инге не резать его. А я ее обязательно уговорю, если даже для этого придется рассказать ей, что его зовут Ганс, — она ведь не сможет его зарезать, когда станет называть его не по номеру, а по имени!

Мы с Гансом и с велосипедом очень долго шли по дороге, так что даже велосипед устал. Сперва мы перешли через мост и прошли мимо красивого щита, на котором, не знаю для кого, написано «Добро пожаловать в Нойбах!» — ведь наша дорога в Нойбахе кончается, и никто чужой мимо нас не ездит. Потом мы свернули на шоссе, ведущее из Нойбаха в город, и тоже шли долго, пока не дошли до тропинки на Чертов Палец. Мы свернули на эту тропинку и прошли еще немножко, хоть мне было страшно и без Ганса я бы ни за что туда не пошел — кто знает, каких ведьм и духов можно там встретить среди ночи?

Сначала я привязал Ганса к дереву, чтобы мне было легко его завтра найти. Но потом я подумал, что будет, если вдруг кто-нибудь злой захочет его обидеть, а он не сможет убежать. Тогда я отвязал Ганса, снял с него ошейник, вскочил на велосипед и помчался обратно на шоссе. Он громко хрюкнул и во всю прыть пустился за мной,

но хоть я несколько раз зацепился за ветки и чуть не упал, он не мог угнаться за мной на своих коротеньких ножках и быстро отстал. Я выехал на шоссе и, не останавливаясь, помчался в деревню, чтобы не слышать, как он визжит мне вслед, — ведь я так и не объяснил ему, почему я его бросил в лесу среди ночи. Но хоть я знал, что я его спас, мне все равно хотелось плакать, когда я представлял себе, как он бродит в темноте один-одинешенек.

УРИ

Перед поворотом на Вормс Ури слегка замедлил скорость, раздумывая, — заехать туда или нет? Заезжать, собственно, было незачем: если очередное письмо от матери даже и пришло, брать его сегодня было необязательно: из почтового ящика оно никуда не денется. На душе у Ури было достаточно скверно и без упреков матери. Он проглотил крошечную каплю слюны, затаившуюся под пересохшим языком, чтобы убедиться, что тугой комок в горле слегка расслабился, — хорошо было бы выпить чашечку кофе и, пожалуй, даже попытаться что-нибудь съесть. Он ускользнул из замка без завтрака, чтобы удрать до того, как Инге проснется, а кроме того, его сильно мучило после ночных подвигов в забойной камере. В принципе он должен был быть доволен собой: ведь шутка ли, он умудрился прикончить трех свинок одну за одной без единого позыва на рвоту! Однако никто не мог бы назвать этот процесс приятным и возвышающим душу.

Ури припарковал фургон возле придорожного кафе и вошел в полутемный, облицованный деревом зал. Бледная сонная официантка поставила перед ним на темное дерево стола белую фаянсовую чашку, белый фаянсовый кувшинчик с кофе и другой, поменьше, со сливками. Ури отхлебнул первый глоток, который горячим толчком ускорил ток его крови, вялый после слишком короткого сна. Откуда-то из-под ложечки навстречу кофе

поднималась крутая волна затаившегося там с ночи рвотного спазма, но Ури сумел погасить ее вторым глотком. После третьего глотка он откинулся на спинку стула и, прикрыв глаза, представил себе предстоящий ему сегодня маршрут.

Уезжая из замка, Ури оставил на столе в кухне короткую записку о том, что он сам забил свиней и сам отвезет их туши в ресторан и на колбасную фабрику, а потом поедет сдавать свои вещи в чистку. Он так и написал «свои вещи», — на всякий случай, если кому-нибудь вздумается потом проверять. Вещи он оставил в химчистке в Ландау, выкроив таким образом, время на поездку в Гейдельберг, куда его настойчиво звал неожиданно открывшийся в нем охотничий инстинкт. Он и сам не знал, почему он утаил от Инге случайно найденный им ключик от почтового ящика Карла, но чувствовал, что будет лучше скрыть от нее пока и свою находку, и свою поездку в Гейдельберг. Сейчас, когда вторая чашка кофе окончательно прояснила ему мозги, он сообразил, что напрасно не заехал в Вормс, — письмо от матери помогло бы ему объяснить Инге, где он болтался весь день. И хоть он не мог бы сказать, что он рассчитывал обнаружить в почтовом ящике Карла, смутное предчувствие подсказывало ему, что именно там должен быть ответ на вопрос, куда девался Гюнтер фон Корф. А знать это было необходимо на случай, если кто-нибудь придет искать его по наводке Руперта, — неважно, кто это будет, «они» или полиция.

Вывода фургон со стоянки, Ури глянул на часы — было еще достаточно рано, чтобы успеть смотаться в Гейдельберг, а на обратном пути заехать в Вормс. Погода стояла прекрасная, шоссе, не знающее ограничения скорости, мягко стелилось под колеса. Он только не учел сложного перешлетения улиц в Гейдельберге, по которым ему пришлось изрядно попетлять в поисках нужного почтового отделения. Когда он преодолел и это препятствие и, зажимая в кулаке заветный ключик, подошел, наконец, к заполненной белыми дверцами стене, выходящей на устланный ковром опавших листьев

бульвар Королевы Луизы, сердце его отчаянно колотилось.

Он отыскал глазами нужный номер, но прежде, чем отпереть дверцу, опасливо оглянулся через плечо, — не следят ли за ним? И хоть Ури тут же обозвал себя трусом, он все же не решился сразу сунуть ключик в ярко чернеющую на белом фоне скважину. А вдруг все же следят?

Сунув руку с ключиком в карман куртки, Ури прошел мимо стены с дверцами и медленно зашагал по центральной аллее бульвара, остро вглядываясь в лица прохожих. Дойдя до угла, он подошел к газетному киоску, купил «Франкфуртер Альгемайне», сунул под мышку и прогулочным шагом двинулся обратно к почте, опять регистрируя на ходу лица встречаемых. Нет, все были новые — никто не повернул вслед за ним, никто не ждал его возле почтового ящика, никто не сидел на скамейке напротив.

Ури быстрым движением сунул ключик в замочную скважину и повернул, с замиранием сердца ожидая, откроется ящик или нет. Ключик не повернулся — и Ури похолодел — ключик не тот? ящик не тот? город не тот? Он нажал посильней, ключик дрогнул и начал неуверенно поворачиваться в замке. Через бесконечно долгую долю секунды дверца с легким скрежетом отворилась, открывая глазам Ури продолговатое черное гнездо, а в нем толстую тетрадь в красном переплете и продолговатый белый конверт, притаившийся на тетради, как белый голубь на черепичной крыше. Затаив дыхание, Ури крепко зажал край конверта в щепотке пальцев, чуть-чуть опасаясь, что тот и впрямь, словно голубь, выпорхнет из ящика в открывшийся за дверцей простор неба. Конверт легко соскользнул с гладкого пластика тетрадной обложки и лег на ладонь Ури — он был плотный и тяжелый, имени адресата на нем не было, был только номер ящика и название города. Ури поспешно сунул конверт в карман, не разглядывая, вынул тетрадь, запер ящик и, прижимая тетрадь локтем к боку, устремился к фургону, который был припаркован на сто-

янке за два квартала от почты. Он шел быстро, почти бегом, все время касаясь кончиками пальцев края конверта в кармане, — ему казалось, что конверт при каждом касании обжигает ему пальцы.

Закрыв за собой дверцу фургона, он бросил тетрадь на пассажирское сиденье и торопливо перелистал — она была исписана странными завитками и спиральками и явно не была отправлена в Гейдельберг по почте, а просто оставлена в ящике на хранение, скорее всего, самим Карлом. Решив, что тетрадь он займется позже, Ури вытащил из кармана конверт, осторожно надорвал его и встряхнул, — на колени ему выпал паспорт. Он уронил было конверт и потянулся раскрыть паспорт, но тут из конверта с шелестом вылетела длинненькая, тоненькая сине-желтая книжечка с надписью «Свисс-Эр». Он подхватил ее на лету и отогнул верхний лист: это был билет первого класса на самолет, летящий из Цюриха в Бейрут. Ури открыл паспорт — с первой страницы на него глядел преображенный, темноволосый, с длинными, закрывающими лоб локонами, но все же узнаваемый Гюнтер фон Корф. И паспорт, и билет были выписаны на имя Рихарда Шульца. Билет первого класса особенно поразил Ури — он никогда не встречался с людьми, которые летают первым классом. Впрочем, с людьми, которые летают в Бейрут, он не встречался тоже. Он мельком глянул на дату отлета и присвистнул — четырнадцатое января этого года! А сейчас уже ноябрь! Значит, все это богатство десять месяцев пролежало невостребованным в черном гнезде почтового ящика!

Почему же никто за ним не пришел?

Затягивая на плече ремень, Ури перебирал в уме возможные объяснения странного поведения Карла-Гюнтера. Он вполне мог запросить паспорт и билет у кого-то, кому он не доверял и кого боялся, чтобы этот таинственный кто-то, уверенный, что он сможет перехватить Карла-Рихарда в цюрихском аэропорту, не стал его искать до отлета и дал таким образом Карлу-Гюнтеру возможность ускользнуть от него каким-то другим путем. Этот вариант выглядел весьма убедительно — в него

хорошо вписывался выпукло очерченный Инге образ коварного авантюриста, разыгрывающего свою и чужую жизнь, как шахматную партию.

А что, если Карл был вовсе не инициатором событий, а их жертвой? Бывают ведь такие игры, в которых охотник неожиданно превращается в зайчика. Можно, например, предположить, что Карл не решился взять документы из ящика, опасаясь слежки. Ури живо представил себе, как он долго бродил вокруг почты — запивал пивом жареные сосиски вон там, у киоска, а у другого киоска, на углу, покупал газету и с газетой под мышкой шел прицениваться к телевизору в магазине электротоваров на круглой площади, замыкающей бульвар, а потом сидел у приоконного столика в нарядной бонбоньерке-кондитерской на втором этаже дома напротив почты и наблюдал за потоком прохожих на бульваре. Утвердившись в конце концов в своем подозрении, что за зданием почты ведется постоянное наблюдение, он предпочел выскользнуть из кондитерской и уйти без документов. Куда, когда, к кому? — на эти вопросы вряд ли удастся когда-нибудь получить ответ.

Были, впрочем, и другие варианты — да, были, были другие, и даже весьма захватывающие! Никто, может быть, за ним и не следил. Ему просто не удалось добраться до этой стены, заполненной аккуратными гнездышками почтовых ящиков, и вытащить из-за белой дверцы счастливый лотерейный билет, открывающий ему путь в Бейрут, навстречу желанной свободе. И хорошо, и отлично, — ведь если б ему это удалось, то он, пожалуй, еще мог бы столкнуться с Ури на узкой улочке палестинского тренировочного лагеря и выпустить в него очередь из своего «Калашникова». Он еще, чего доброго, и попал бы: такие, как Гюнтер фон Корф, стреляют без промаха! Однако случилось что-то, из-за чего Карл сбился с пути и не попал в Гейдельберг, оставив в темном склепе почтового ящика невостребованный паспорт и невостребованный билет первого класса на самолет из Цюриха в Бейрут.

В голове Ури начала смутно формироваться цепочка событий, которые могли помешать Карлу добраться до заветного билета. В этой цепочке было пока слишком много прорех и запутанных узлов, чтобы Ури решился принимать свои догадки всерьез. Подтверждение или опровержение этих догадок можно было, пожалуй, найти только в Байерхофе. Если, конечно, успеть в архив Управления по Охране Памятников до конца рабочего дня.

Ури глянул на часы и ужаснулся — было уже начало третьего! Бедная Инге там, наверно, сходит с ума, не понимая, куда он укатил на целый день, даже не повидавшись с ней после вчерашних драматических событий. Нужно поскорей позвонить ей и успокоить, однако еще важнее успеть в Байерхоф — вполне возможно, что архив закрывается в три.

«Ничего не поделаешь, — сокрушенно подумал Ури, прибавляя газ и отыскивая глазами среди множества придорожных зеленых щитов тот, который обещал поворот на Байерхоф, — придется позвонить ей позже.»

КЛАУС

Я проснулся ни свет, ни заря и помчался к Чертову Пальцу — туда, где я вчера оставил Ганса. Но его не было на том месте, где я ночью его бросил, зато там было полно людей с охотничьими ружьями, местных и городских. Они небось с рассвета ходили взад-вперед по лесу и громко перекрикивались, и поэтому бедный Ганс, конечно, испугался и удрал. Я даже немножко пожалел: может, все-таки, надо было его привязать? Если бы он был привязан, он, наверно, испугался бы еще больше, но зато не мог бы убежать, и я сейчас нашел бы его и увел куда-нибудь подальше от Чертова Пальца.

Мамка права: голова у меня, как дырявая корзина. Ведь я все время знал, что сегодня День Охотника! Но когда я оставлял Ганса среди ночи в лесу, я совсем забыл, что в День Охотника все охотники бродят по лесу в охотничьих ботинках и в охотничьих шляпах. Я поче-

му-то привык думать, что День Охотника — не для того, чтобы бродить по лесу с охотничьим ружьем. А для того, чтобы натянуть шляпу и ботинки, с утра закатиться в «Губертус» и там пить пиво и орать песни вместе с другими в таких же шляпах и ботинках.

Я немножко походил вокруг Чертова Пальца, — а вдруг Ганс все-таки спрятался там где-нибудь под кустом? Но каждый охотник в шляпе с пером и с ружьем в руке, которого я встречал, смотрел на меня так, будто я был голый, как тот бывший учитель с голыми девушками из фильма Отто. Так что я в конце концов не выдержал, сел на велосипед и поехал домой. Я ехал очень медленно и все время ждал, что из-за деревьев навстречу мне выбежит Ганс. Но я доехал до моста, а Ганс так ко мне и не выбежал, и тогда мне стало страшно, что кто-нибудь из охотников уже застрелил его из своего вонючего охотничьего ружья — все эти их ружья ужасно воняют порохом.

И я решил пойти в «Губертус», чтобы сразу увидеть, если кто-нибудь принесет туда Ганса. Каждый охотник, которому удалось подстрелить хоть какую-нибудь дичь, обязательно приносит ее в «Губертус», чтобы похвастаться и показать всем остальным, какой он молодец. Я и так собирался пойти сегодня поиграть на автомате — я специально весь месяц копил деньги, чтобы никто не мог меня прогнать. Но только я думал пойти в «Губертус» после того, как пообедаю дома: мне жалко было тратить свои деньги на обед, а я терпеть не могу играть на голодный желудок. Но ради Ганса я готов был даже остаться без обеда, так что я прямо из лесу, не заходя домой, поехал от площади вниз к реке, поставил велосипед недалеко от дверей и поднялся по лесенке в «Губертус».

Там было шумно и дымно. Какие-то совсем незнакомые старики в охотничьих шляпах сдвинули три стола и расселись вокруг, а ружья составили в углу за автоматом для сигарет. Они, наверно, сидели тут давным-давно, потому что все три стола были густо уставлены полными пепельницами и пустыми пивными кружка-

ми, — когда в «Губертусе» много народу, Вальтер не велит убирать кружки у тех, кто еще не расплатился, чтобы ему было легче считать, сколько кто ему должен. Пьяные охотники сильно шумели, но я, несмотря на шум, сразу услышал мамкин голос, как только вошел. Саму мамку я видеть не мог — она сидела по другую сторону игрового автомата и рассказывала кому-то свой любимый рассказ про то, как они с тетей Луизой ходят в городе в один дом, где их души общаются через тело. Я столько раз слышал этот рассказ, что мог бы повторить его слово в слово:

«— ...когда мы поем, мы держимся за руки и раскачиваемся все вместе, а еще лучше, если кто-нибудь кладет мне руку на грудь или между колен, тогда он проникает мне прямо в душу, и меня пронзает яркий свет...»

Как только я услышал мамкин голос, мне сразу захотелось удрать, чтобы с ней не встречаться. Я терпеть не могу, когда она заводит разговор про то, как ее пронзает яркий свет, — она почему-то рассказывает про это только мужчинам, которых хочет заманить к нам в дом. А когда те приходят, они видят меня и начинают пятиться к двери, а она им говорит: «Не обращайтесь на него внимания, он у меня идиот и ничего не понимает».

Я бы удрал, пока она меня не заметила, но мне важно было оглядеться вокруг, чтобы узнать, не принес ли убитого Ганса кто-то из тех охотников, что сидели на лавках вокруг трех столов. Правда, на столах стояло так много кружек, что вряд ли они вообще были сегодня в лесу, — а то когда бы они могли успеть выпить столько пива? Я решил посчитать, сколько кружек выпил каждый из них, но получалось так много, что я не мог поверить и начинал считать снова. Пока я считал их кружки, мамка в углу за автоматом все говорила и говорила своим особенным сладким голосом, совсем не похожим на тот, каким она говорит со мной:

«...в свечном воске смешаны душистые травы, от которых голова кружится, и когда мы долго поем, мы становимся как один человек, будто все поем одним голосом. Тогда мы все падаем на пол, как попало — кто на

колени, кто ничком, — и начинаем кататься по полу и друг по другу... к нам приходит озарение, и мы уже не знаем, где чьи руки, где чьи ноги...»

Я тоже не знал, чьи ноги в красных гетрах поверх охотничьих ботинок торчат из-за автомата, и поэтому не мог догадаться, для кого она так старается. Я всегда слышу по ее голосу, когда она очень старается. Хоть игровой автомат закрывал ее от меня, я все равно будто бы видел, как она придвигается поближе к тому, в красных гетрах, и дышит ему в ухо, так что он прямо утыкается носом в круглый вырез ее кофты.

Тут пьяные охотники очень громко запели — кто в лес, кто по дрова, так что даже трудно было сказать, поют они одну и ту же песню или каждый свою, — и заглушили мамкин рассказ. Мне это было все равно, я этот рассказ уже тысячу раз слышал, но тут я подумал, — а что, если эти пьяницы все-таки были в лесу рано-рано утром и подстрелили Ганса? И я решил тихонько пройти мимо их ружей к их столам и постараться разглядеть, не бросили ли они куда-нибудь сумку с подстреленной дичью. Я осторожно прошел за спинами тех, которые сидели лицом к окну, наклонился, будто у меня развязался шнурок, и заглянул под стол — никаких сумок там не было.

Зато, проходя мимо ружей, я быстренько глянул через плечо, чтобы узнать, с кем это моя мамка прячется за игровым автоматом. Глянул и тут же отвернулся, будто в меня выстрелили дробью из охотничьего ружья. Я бы ни за что не поверил, если бы кто-нибудь мне рассказал, но никто мне это не рассказывал, а я своими глазами увидел, что моя мамка сидит там с Дитером-фашистом!

Моя мамка с Дитером-фашистом! Я просто не сразу его узнал, потому что уже много лет не видел его без черного кожаного костюма и черных кожаных сапог. А сегодня он напялил на себя настоящий охотничий костюм — зелено-красную клетчатую куртку, зеленые штаны до колен, красные гетры и зеленую шляпу с красным пером, заткнутым за красную ленту. Наверно, этот костюм достался ему по наследству от его дедушки-фашиста — не отца фрау Штрайх, который разводит фо-

рель в Крумбахе, а того, который жил у нас в Нойбахе и умер в прошлом году.

Хоть я боялся, что Дитер и мамка могут меня заметить, я не удержался, обернулся и еще раз глянул на Дитера. Морда у него была красная и довольная, — он, наверно, очень нравился себе в своем шикарном охотничьем костюме. И мамке он тоже нравился, — она поставила локти на стол и прямо налезала на Дитера своим белым мясом, торчащим из-под нарядной красной кофты, обшитой белыми кружевами. На столе перед ними тоже стояли пустые кружки, только было неясно, сколько из них выпил Дитер, а сколько мамка. Моя мамка может выпить очень много пива, особенно если ее кто-нибудь угощает. Во всяком случае, сегодня они оба выпили достаточно, чтобы не обращать на меня внимания, так что я мог пялиться на них сколько угодно.

Но мне быстро надоело на них пялиться, тем более что охотники, продолжая громко петь, вдруг все разом поднялись из-за столов и гурьбой повалили в уборную. Я быстро отступил к двери и стал следить, как каждый из них, выходя из уборной, шел к пирамиде ружей, на ходу проверяя ладонью, застегнута ли молния на штанах, потом застегивал молнию, брал из пирамиды свое ружье и, спотыкаясь, двигался к выходу. И ни у кого не было никакой сумки — ни с дичью, ни без. Значит, точно: ни один из них даже не собирался ходить сегодня в лес, они с самого утра так и сидели тут, в «Губертусе».

Как только они вывалились из дверей к своему автобусу, припаркованному на стоянке перед входом, Эльза поднялась из-за стойки и скомандовала, не разжимая зубов, в которых торчала незажженная сигарета:

— Хватит любезничать, Марта! Иди, собирай кружки!

Мамка медленно вылезла из своего угла и, все еще не замечая меня, стала составлять кружки на поднос. Я попятился за бильярд, чтобы от нее спрятаться, но тут в «Губертус» ввалились другие охотники. Я засмотрелся на них и, как всегда, споткнулся о бильярд и локтем смахнул со стола несколько кружек. В одной кружке осталось немножко пива, и оно выплеснулось прямо на

клетчатый пиджак Дитера, который как раз вылез из-за игрового автомата и направился в сортир. Дитер начал громко чертыхаться, и тут мамка заметила меня.

— Ты зачем сюда приперся на мою голову? — зашипела она. — Убирайся сейчас же!

Но я и не подумал убираться, а повернулся к ней спиной и пошел к автомату. Тогда она крикнула Эльзе:

— Ты не можешь выставить отсюда моего болвана? Он мешает мне работать!

Но Эльза сразу поняла, что я не мешаю мамке собирать кружки, а мешаю ей заманивать Дитера своими дурацкими рассказами. Поэтому она не стала меня выгонять, а только спросила:

— А деньги у тебя есть?

Я вытащил из кармана полную пригоршню монет и показал Эльзе. Она мельком посмотрела на мои деньги и сказала, не выпуская изо рта сигарету:

— Раз так, иди играй.

Зато когда мамка увидела, сколько у меня денег, она позеленела от злости и двинулась прямо на меня:

— Я запрещаю транжирить! Запрещаю! Я буду жаловаться! — орала она. — Он несовершеннолетний и неполноценный!

Я быстро сунул монеты обратно в карман, а Эльза пожалела плечами и начала накладывать на расставленные перед ней тарелки картофельный салат и горячие сосиски. Мамка говорила что-то еще, но я уже ее не слышал: я вдруг почувствовал, как страшно я проголодался. Я положил на стойку бумажку в десять марок, которую дал мне вчера Ури, и сказал, не глядя на мамку:

— Пару сосисок с капустой. И шамальценброт.

Эльза взяла десять марок, повернулась к мамке и сказала:

— Можешь жаловаться, если хочешь. Каждый, кто платит, имеет право получить у меня сосиски с капустой, даже если он несовершеннолетний.

Мамка у меня совсем не дура, она сразу поняла, что сегодня Эльза меня не выгонит, — просто назло ей. Тогда

она отстала от меня, молча поджала губы и пошла составлять кружки на поднос.

Я был очень голодный, а сосиски очень горячие и сочные, так что я не заметил, как Дитер вышел из сортира. Я только увидел, что он стоит на коленях возле моего стола и что-то ищет. Я сперва испугался, что он подстраивает мне какую-нибудь пакость, но он вытащил из-под стола птичку с красными крылышками и поднялся на ноги. В кулаке у него была зажата еще одна птичка — с зелеными крылышками. Он остановился рядом со мной и бросил красную птичку в стену за моей спиной. Я обернулся и увидел на стене большой круглый щит, на котором были нарисованы разноцветные кольца. Над щитом висел кусок белого картона, на котором было написано зеленой краской: «Домашняя охота». В верхнем углу плаката торчали красные крылышки, и только тут я понял, что это не птичка, а маленькая стрела. Пока я рассматривал щит и плакат, Дитер бросил зеленую стрелу, но не попал даже в плакат — стрела ударилась об стену и упала на пол. Мамка хихикнула, и Дитер сказал ей сердито:

— Нечего смеяться. Просто мне надо пойти проветриться.

Он взял ружье из пирамиды у входа и вышел. Когда дверь за ним закрылась, Эльза прошипела мамке в спину:

— Слава Богу, ты еще не заводишь шашни с мальчишками из детского сада.

Мамка, не оборачиваясь, грохнула стакан на поднос и прошипела в ответ:

— Тебе просто завидно, что я нравлюсь мужчинам!

— Нравишься? — захохотала Эльза и так широко разинула рот, что выронила свою изжеванную сигарету. — Ничего себе — нравишься! Просто каждый не прочь получить у тебя свою порцию даром!

Мамка схватила поднос и помчалась с ним на кухню. На пороге она остановилась и объявила во весь голос:

— Зато у тебя никто не хочет получить свою порцию даже с приплатой!

И грохнула дверью.

Я страшно струсил, что Эльза сейчас рассердится на мамку и выгонит меня. Но она, хоть и рассвирепела, — у нее от злости даже на шее выступили красные пятна, — но почему-то на этот раз не набросилась на меня, как обычно. А наоборот, вынула из ящика с прозрачной крышкой яблочный пирог, отрезала большой кусок, положила на тарелку, полила взбитыми сливками и поставила тарелку с пирогом на стол, где я сидел, вымазывая горбушкой подливку от капусты.

— Вот тебе пирог, Клаус, — она протянула свою костлявую руку и потрепала меня по щеке так ласково, что у меня по спине побежали мурашки. — Угощайся по случаю праздника.

Рука у нее была, как ледышка, но зато пирог был что надо! Мамка покупала мне такой пирог когда-то давным-давно, когда я был совсем маленький и она еще верила, что меня можно вылечить. От этого пирога на душе у меня стало весело, я перестал беспокоиться из-за Ганса и вспомнил, для чего я целый месяц копил деньги. Я отодвинул стул, подошел к автомату и начал играть.

Я не знаю, сколько времени я играл. Я вроде слышал и не слышал, как хлопала дверь и какие-то люди входили и выходили, но мне было некогда на них смотреть — я смотрел на экран. Никто мне не мешал — мне очень повезло: никто, кроме меня, не хотел играть. Сначала я проиграл почти все свои монеты, но тут Эльза принесла сдачу с моих десяти марок — две марки тридцать пфеннигов. А у меня осталась еще одна марка восемьдесят, то есть получилось еще целых четыре марки. Я бросил сразу три и попробовал самую опасную комбинацию — я всегда ее боялся, потому что никому не удавалось пройти ее до конца — всегда по пути что-нибудь случалось, и все монеты проваливались в брюхо автомата. Но я почему-то на этот раз решился, бросил сразу три марки и нажал красную кнопку. Синие и желтые цифры забегали по экрану, то выстраиваясь в колонки, то вытягиваясь в длинные линии. Потом заиграла му-

зыка, и все остановилось. Я опять быстро нажал красную кнопку, а потом два раза черную — я не знаю, почему я ее выбрал: она была маленькая и почти незаметная, а большая желтая то и дело вспыхивала и гасла. Но я выбрал черную — и все желтые цифры вдруг исчезли, а синие побежали наперегонки сверху вниз и снизу вверх, встретились в центре, закружились по кругу и тоже исчезли. Зазвенел громкий сигнал, на экране вспыхнул огромный красный нуль, а в нижнем углу открылось окошечко, и оттуда посыпались монеты. Целый водопад монет!

Я было подставил руки, но откуда-то из-под автомата выдвинулась вперед большая блестящая чашка, в которую эти монеты начали звонко падать. Чашка набралась уже почти полная, а они все звенели и падали, звенели и падали. Я в жизни не видел столько денег сразу!

И тут я испугался, что кто-нибудь заберет у меня эти деньги. Я повернулся спиной к автомату — так, чтобы заслонить собой чашку с монетами, — и стал высматривать тех, которые могли бы заметить, как много денег я выиграл. Но никто, кажется, ничего не заметил. Пока я играл, за окном почти стемнело, и многие охотники разошлись. Остались только три старика в шляпах с перьями и с ними кто-то городской помоложе, лысый и без шляпы, а за столиком у окна — Дитер с двумя друзьями. Один был высоченный Лотар с бритой головой, центральный нападающий их команды, а другой — тоже бритоголовый, но имя его я забыл. Все трое пялились на мамку, которая составляла на поднос кружки с соседнего стола и что-то громко им рассказывала. Наверно, опять про то, как ее пронзил яркий свет. Она ставила стаканы на поднос одной рукой почти что себе за спину, а всем своим белым мясом, вылезавшим из-под красной кофты, повернулась к столику Дитера, — так что ей было не до меня. Пока никто на меня не смотрел, я стал быстро ссыпать монеты к себе в карманы, — монет было так много, что в один карман они не помещались.

И тут в «Губертус» вошел Ури.

Я обрадовался и начал ему махать — я думал, что он пришел поиграть со мной, — ведь он обещал. Но он мотнул головой — «нет, нет» — и почти бегом направился к телефону. Хоть глаза его смотрели мимо меня и мимо всех, в «Губертусе» все же ничего не зазвенело, ни бутылки с коньяком над стойкой, ни кружки на мамкином подносе. Значит, сегодня он был не такой нервный, как вчера. Даже наоборот — его ботинки простучали по полу весело — цок!-цок!-цок! — совсем, как ботинки нашей футбольной команды в тот день, когда в прошлом году они выиграли у Мюнхена со счетом два-ноль.

Сначала никто не обратил внимания на Ури, и только я услышал, как он зашептал в телефон:

— Доротея, это я, Ури, а Вильмы нет? На лекции? И после лекции сразу домой? Ну и чудно, я позвоню через полчаса. Нет, нет, ничего особенного, просто я сделал небольшое открытие, которое может ее заинтересовать. Нет, нет, не надо — я звоню не из дому. Через полчаса я сам ей позвоню.

Когда Ури разговаривал с Доротеей, из кухни вышел Гейнц. Морда у него была красная, как свекла, — наверно, они там с Вальтером хорошо поддали, пока Эльза обслуживала своих охотников и не могла их видеть. У Гейнца на плече висела охотничья сумка с двумя убитыми зайцами, и он пришел в кабачок, чтобы похвалиться перед другими своей добычей. Он с гордостью вытащил зайцев за уши, разложил на столе и начал рассказывать небылицы про то, как он гнался за этими зайцами через весь лес до самого Крумбаха. В Крумбахе он, наверно, действительно был: там Эрвин, отец фрау Штрайх, разводит форель, и у него всегда стоит наготове открытая бутылка шнапса для своих.

Слушая Гейнца, старики в шляпах начали что-то весело орать, а тот лысый, что с ними, — без шляпы и помоложе, — пошел к стойке и взял еще пару пива — одну кружку себе, одну Гейнцу. Стол перед ними уже был так тесно уставлен пустыми кружками, что при-

шлось чуть-чуть потеснить зайцев Гейнца, чтобы туда поместились новые. При этом один заяц упал, и Гейнц наклонился его поднять, но не удержался и ткнулся носом об угол стола. Он громко выругался, оставил зайца на полу, поднял голову и увидел Ури, который после разговора задумался о чем-то с телефонной трубкой в руке.

При виде Ури Гейнц почему-то ужасно обрадовался, сел за стол к охотникам в шляпах и крикнул Эльзе:

— По кружке пива для всех! Я угощаю.

Я очень удивился, потому что Гейнц никогда никого не угощает, а всегда ждет, что кто-нибудь угостит его. От крика Гейнца Ури, наконец, очнулся, заметил меня и вроде как удивился.

— А, Клаус, — сказал он и прищурился, будто не верил своим глазам, — ты здесь?

А где, интересно, он думал, я бы мог быть еще, раз у меня сегодня отгул?

Потом он уставился на игровой автомат так странно, будто никогда до сих пор его не видел. Но тут он, наверно, услышал мамкин голос и стук кружек об стол, и взгляд его прояснился, он повернулся ко мне, улыбнулся, сунул руку в карман и вынул оттуда две марки:

— Что, сыграем?

Тогда я тоже сунул руку в карман, вытащил полную пригоршню монет и ответил:

— Что ж, можем сыграть.

— Ого! — засмеялся он. — Откуда такое богатство?

Ури я мог сказать правду:

— Я сорвал банк! — прошептал я. — Но я не хочу, чтобы они знали.

Он обернулся, чтобы посмотреть, про кого я говорю, и увидел щит с кругами для бросания стрел.

— «Домашняя охота», — прочел он надпись над щитом, подошел поближе и выдернул из щита стрелы. Их оказалось три — кроме красной и зеленой, была еще синяя.

— Побросаем? — предложил он, отошел за белую черту, проведенную на полу, и бросил красную стрелу. Она

попала точно в центральную точку, в которой сходились все круги. Охотники в шляпах захлопали в ладоши, а Дитер-фашист сказал противным тонким голосом:

— Случайно попал!

Оказывается, они все следили за Ури, как он бросал стрелу. Ури сказал:

— Сейчас мы это проверим.

И бросил синюю стрелу. Она вонзилась в ту же точку, что и красная, и тогда охотники в шляпах подняли страшный шум. Они застучали кружками по столу и заорали:

— А ну, давай еще! Давай еще!

Ури прицелился и бросил зеленую стрелу, — она попала почти в ту же точку, что и две первые, только чуть повыше. Охотники начали петь спортивный марш, который играют в телевизоре перед началом футбольного матча, а Гейнц опять пошел к стойке и взял еще две кружки пива. Потом вернулся к столу и пригласил Ури сесть с ними, отхлебнул пиво из своей кружки, а вторую кружку придвинул Ури.

Мне показалось, что Ури совсем не хочет сидеть за столом с охотниками и пить пиво Гейнца, и я позвал его тихо:

— Ури, ты же обещал со мной поиграть!

Хоть я позвал его тихо-тихо, все почему-то услышали и уставились на меня так, будто это был не я, а волосатый леший с Чертова Пальца. Один охотник в шляпе икнул и спросил, показывая на меня пальцем:

— А это кто?

И Гейнц ответил:

— Это наш деревенский дурачок, не стоит обращать на него внимание.

Мне стало очень обидно, что он назвал меня дурачком, и я, чтобы не заплакать, подошел к щиту с кругами, выдернул из него все три стрелы, зажал их в правый кулак и всадил их острые кончики в левую ладонь. Или наоборот — кулак был левый, а ладонь правая — я всегда путаю право и лево. Кончики стрел были острые, как иголки, и чем сильнее я колол, тем меньше мне

хотелось плакать. Я уже почти успокоился и решил было уйти домой, но тут в животе у меня вдруг страшно закрутило, — мамка, конечно, сказала бы, что это от Эльзиного пирога.

Не знаю, от пирога или от чего другого, но мне так приспичило в уборную, что я еле-еле туда добежал, а в обнаружил, что стрелы остались у меня в кулаке. Когда я закрывал за собой дверь, я услышал, как Гейнц стукнул кружкой по столу и объявил:

— Выпьем за немецко-еврейскую дружбу!

Больше я ничего не слышал: в животе у меня все кишки перекрутились, и мне было не до того. Кроме того, я все время спускал воду, — мамка так ругала меня раньше за то, что я забывал спускать воду, что я теперь стал делать это каждый раз, как только бачок наполняется. Тогда мамка стала ругать меня за то, что я расходую слишком много воды, но в «Губертусе» ей это неважно, здесь не она платит за воду.

Когда я, наконец, вышел из кабинки в умывалку, то услышал страшный шум за дверью. Там топали, орали и даже, кажется, бросали на пол столы и лавки. Звонче всех звучал мамкин голос, но я не мог разобрать, что она кричит. И вдруг я вспомнил, что забыл стрелы на крышке бачка, — наверно, они заметили, что я унес эти стрелы, и обвиняют мамку, будто я их украл. Я заскочил обратно в кабинку, схватил стрелы и зажал в кулаке, чтобы потом незаметно воткнуть их обратно в щит, когда никто не будет на меня смотреть.

Но когда я вошел в кабачок, никто и не думал на меня смотреть. Все столпились вокруг стола, где раньше сидели Гейнц с Ури, а сейчас не сидел никто. Все повскакали со своих мест, кроме Дитера: он без шляпы лежал на полу носом вниз, и Ури наступал ботинком ему на затылок. При этом руки Ури были закручены назад за спину, и каждую руку держали двое: одну — футбольные дружки Дитера, другую — Гейнц с тем молодым лысым, что пил пиво со старыми охотниками. Сами старые охотники по очереди бросались на Ури, и он по очереди отбрасывал их ногой, а после каждого

удара опускал ногу назад на Дитера, и еще сильнее прижимал его нос к грязному полу. Наконец, Гейнц исхитрился, зажал шею Ури локтем и крикнул мамке, которая тоже наскокивала на Ури и старалась уцепиться за его пояс:

— Ты расстегнешь ему, в конце концов, эту ширинку, Марта? Ты же у нас специалистка!

— Да я и так знаю, что он — еврей! Без всякой ширинки! — отозвалась мамка.

Гейнц так сильно прижал локтем шею Ури, что тот вздрогнул и отбил мамкину атаку как-то слабо. Мамка тут же сообразила, что Ури ослабел, и с визгом ухватила его, наконец, за рубаху и начала тащить ее вверх. Но тут вдруг откуда-то из-за спины рявкнул голос Вальтера:

— Марта! Немедленно иди сюда!

Не знаю, остановил ли бы мамку приказ Вальтера, если бы сам Вальтер не выскочил из-за стойки, сгреб мамку за шиворот, как мешок картошки, и поволок ее к кухонной двери. Там он второй рукой подхватил Эльзу, застывшую на пороге с раскрытым от ужаса ртом, и вытолкнул обеих на кухню. А потом сам выскочил вслед за ними и с грохотом захлопнул за собой дверь.

Старички тоже заметили, что Ури ослабел, и навалились на него всем скопом. Одного он отбросил ногой, но не очень далеко, а двое других и вправду схватили его за пояс и начали расстегивать ему штаны. Я сам не знаю, что со мной вдруг случилось, — я заорал: «Ури-и-и!», размахнулся и, не целясь, бросил зеленую стрелу. Никто бы не поверил, что я могу попасть стрелой так издалека, — ведь я стоял возле дверей сортира в самом дальнем углу. Но факт — хоть я не целился, я попал точно в задницу Гейнцу. Может, если бы я целился, не попал бы. И бросил я эту стрелу очень сильно — я сам не знаю, как у меня это вышло. Гейнц взвыл, отпустил шею Ури и схватился обеими руками за свой зад. Потом вскочил, поднес одну руку к лицу, увидел на ней кровь и завопил: «Меня застрелили!», захрипел, закатил глаза и грохнулся в обморок. Как только Гейнц отпустил шею Ури, тот вырвал руку у городского охотника и

в один миг отшвырнул от себя сперва Лотара, а за ним второго бритоголового футболиста. Потом сильно пнул Дитера в спину носком ботинка и швырнул на пол обоих старичков, с которых свалились шляпы. Все это произошло так быстро, что никто не обратил внимания ни на меня с моими стрелами, торчащими у меня в кулаке, ни на Гейнца с его стрелой, торчащей у него в заднице.

Куда им было смотреть на нас с Гейнцем, когда они все уставились на Ури, — он выхватил ружье из пирамиды возле дверей и навел на них. Он прицелился в Дитера-фашиста, велел ему встать на ноги и поднять руки вверх. Пока Дитер медленно поднимался с пола, оба его дружка проскользнули мимо Ури к выходу, выбежали из «Губертуса», вскочили на свой мотоцикл, с грохотом завели его и удрали.

Ури не стал за ними гнаться. Он обвел нацеленным ружьем всех, которые остались, и приказал:

— Руки вверх и — на выход, гады!

Дитер попробовал что-то возразить, но Ури опять направил ружье ему в лицо и тихо сказал:

— А ведь я выстрелю, если не заткнешься! Особенно в тебя.

И всем почему-то стало ясно, что он и вправду может выстрелить. Так что все они, как один, подняли руки и потянулись к выходу. И хоть они шли, спотыкаясь, мне показалось, что они совершенно протрезвели. Ури вышел последним и повел их к мясному фургону, на котором он приехал. Я видел через окно, как он открыл дверцы фургона и загнал всех внутрь. Потом запер фургон снаружи, сел за руль и умчался в сторону замка, а я подумал, что я сегодня еще не мыл фургон. Я всегда мою его из шланга после того, как в нем возят свинину, потому что там на полу остаются лужи крови.

Как только фургон Ури протарахтел по камням, Гейнец открыл глаза и спросил:

— Что, этот псих ненормальный убрался?

Я боялся ему отвечать, — а вдруг он вспомнит, что это я бросил в него стрелу. Или догадается по моему голосу. Поэтому я сделал вид, что ничего не слышу и не

понимаю, ведь они же сами говорят, что я идиот. Но мне не пришлось долго прикидываться: дверь кухни распахнулась, и оттуда выбежала мамка. Я думал, что она бросится ко мне или к Гейнцу, но она бросилась к окну, прижалась к стеклу лицом и запричитала:

— Куда же он их всех повез, псих окаянный?

Вслед за ней в кабачок ворвались Вальтер с Эльзой и стали хором ругать мамку, зачем она подбивала Дитера затеять драку с парашютистом, — ведь она знает, как они дорожат добрым именем своего кабачка. Мамка, конечно, начала отругиваться, что она тут вовсе ни при чем, и они все трое столпились у окна, не обращая никакого внимания на Гейнца, который валялся на полу у их ног и тихо стонал. Гейнц полежал-полежал, ожидая, что они заметят, как ему плохо, но не дождался, — они были слишком заняты своей руганью. Тогда он поднялся на колени, выдернул стрелу из зада и громко застонал:

— Кто же это мог сделать мне такую пакость?

На пальцах у него были капли крови, и вместе с зеленой стрелой получилось красиво — совсем как цветок. Гейнц поднес этот цветок к глазам и уставился на него так, будто тот мог ответить. Но цветок не ответил. Тогда Гейнц отшвырнул стрелу под стол и начал озираться по сторонам. Я не стал дожидаться, пока он заметит меня и сообразит, что бросить в него стрелу мог только я, а тихонько подкрался к двери, выскользнул на улицу и припустил домой, громко позвякивая монетами в кармане. Чтобы снова и снова убедиться, что я сегодня и вправду сорвал банк. Так что пусть они не говорят, что я — идиот!

ИНГЕ

Ури уехал ни свет, ни заря. Ускользнул, смылся, сбегал, пока она спала, — по его словам, будто бы не желая ее будить, а как на самом деле, узнать было невозможно. Инге чуть не сошла с ума, дожидаясь его возвращения, а его все не было и не было.

Весь этот день тянулся для нее нескончаемым кошмаром. Она напряженно прислушивалась к каждому отдаленному рокоту мотора и, сломя голову, бежала к телефону на каждый звонок. Как назло, именно на сегодня она пообещала отгулы Клаусу и фрау Штрайх, так что ей пришлось с раннего утра в одиночестве управляться и со свиньями, и с отцом. Впрочем, свиньи вели себя вполне прилично, без эксцессов: хрюкали, ели, какали, писали, снова ели, снова какали и деловито рылись носами в собственном дерьме. Заглянув утром в свинарник, она убедилась, что Ури и впрямь забил свиней на продажу. Ей трудно было бы в это поверить, если бы не вещественное доказательство — свежая кровь в белой раковине. Инге только не поняла, зачем он добавил к отобранной ею с вечера тройке четвертую, незапланированную, самочку под номером 23, но она не стала ломать голову по этому поводу, — Ури сам ей объяснит, когда вернется. Если вернется.

Сомнения в том, что он вернется, начали мучить ее с самого утра. А чем дольше его не было, тем яснее ей становилось, что она больше никогда его не увидит.

Она было направилась в его комнату, чтобы посмотреть, какие вещи он взял с собой, но тут ее вдруг словно молнией поразило, и она, как вкопанная, остановилась на бегу посреди коридора: господи, она совсем забыла про отца! Ведь его драгоценная Габриэла сегодня не придет — а значит, надо его помыть, одеть и накормить.

Когда она вошла к отцу, он уже не спал и слабо отстукивал голый культей по стене трогательный призыв к Габриэле. Нервы Инге были так напряжены, что она не могла заставить себя быть с ним поласковой. Она автоматически, как робот, выполнила все необходимые процедуры, отвечая однозначными междометиями на его лихорадочные расспросы о вчерашнем, которыми он засыпал ее, как только она надела ему протез и усадила в кресло. Руки ее машинально летали от предмета к предмету, в то время как в мозгу ее тревожно пульсировал один и тот же вопрос: «Вернется или нет? Вернется или нет? Вернется или нет?»

Чуткий Отто мгновенно уловил ее отрешенность и взбунтовался — он не желал, чтобы дочь обращалась с ним, как с неодушевленным предметом! Он был больной и несчастный, он требовал ее внимания и любви. Но она, глядя в пространство сквозь него, продолжала с бездушной черствостью молча впихивать ему в рот манную кашу, ложку за ложкой, как автомат. И тогда он отказался есть. Он стал выплевывать каждую ложку каши себе на свитер с той же механической монотонностью, с какой она подносила эту ложку к его губам.

В других обстоятельствах Инге постаралась бы его утешить, но сегодня она сама нуждалась в утешении. После пятой белой кляксы, обильно забрызгавшей синий свитер Отто белыми снежинками каши, она отшвырнула ложку и встала:

— Мне сегодня не до твоих игр, папа, — жестко сказала она. — Не хочешь есть — не ешь.

После чего повернулась и вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Отто секунду посидел тихо, наверняка пытаясь постигнуть тот факт, что дочь позволила ему остаться без завтрака. Однако через какое-то мгновение он оправился и принялся колотить лапой в рельс на самых высоких тонах. И колотил, не переставая, весь день, — откуда только силы брались? Из оголтелого упорства Губертусов, что ли? Но и Инге была той же породы — она тоже уперлась и не заходила к нему до самого обеда. Да и некогда было, потому что у ворот раздался звонок и, совершенно по ее душевному состоянию некстати, во двор въехала машина наладчиков холодильных устройств, о которых она начисто забыла. Делать было нечего: раз они уже приехали, пришлось ими заняться, хоть ей было почти неммыслимо сосредоточиться на их дотошных вопросах и денежных претензиях.

И тут произошло нечто абсолютно необъяснимое. Когда один из рабочих открыл герметическую дверь холодильника, оттуда с диким воем выскочил обезумевший Ральф. Боже, и о нем она забыла! Все утро она была до такой степени сама не своя, что даже не заметила отсутствия Ральфа. Инге в который раз пожалела,

что верный пес не умеет говорить, — хоть он всем телом картинно выражал свою обиду, свое отчаяние и свою радость от встречи с ней, никакими силами нельзя было добиться от него ответа, кто сыграл с ним такую злую шутку. Трудно было поверить, что это Ури. А если все же Ури — то зачем? И все-таки — вряд ли Ури — с его технической смекалкой — ведь просто счастье, что вентиляционный люк, выходящий в забойную камеру, был задраен не полностью, а не то огромному псу вряд ли хватило бы воздуха, чтоб дожить до утра. С другой стороны, именно этот, не до конца задраенный люк навел на Ури: его техническая смекалка как раз бы и подсказала ему этот люк приотворить. Только неясно было, чем ему мог помешать Ральф?

К обеду наладчики закончили монтаж холодильника и уехали, а Инге заперла за ними ворота и некоторое время постояла, дожидаясь, пока внизу смолкнет, удаляясь, глухое урчание их машины. Теперь вокруг было совсем тихо, если не считать несмолкаемого колокольного перезвона Отто, плывущего над привычным протяжным шумом леса. Инге нехотя отстранилась от ворот: пора было пойти проведать отца. Войдя в его комнату, она обнаружила, что старик сильно нехорош. Хоть лапа его, каждый раз с равномерностью маятника ударив по рельсу, чуть отклонялась вбок и тут же возвращалась обратно для нового удара, это механическое движение было, пожалуй, единственным проявлением жизни его вконец ослабевшего тела. Если не считать дыхания, потому что он, к счастью, все еще дышал. Глаза его были прикрыты веками, губы неестественно стиснуты, нос заострился. Если бы Инге была сейчас способна на жалость, она бы его пожалела.

Но она к тому времени уже не была способна ни на какие чувства — ни на добрые, ни на злые. Все ее нутро выгрызла тревога, а то немногое, что осталось, выжгла нарастающая уверенность, что Ури уехал навсегда. «Навсегда, навсегда, навсегда!» — надсадно стучала кровь у нее в висках, пока она давала отцу лекарства и наскоро кормила его протертым супом из зеленого горошка, ко-

торый фрау Штрайх с вечера заботливо оставила в холодильнике. Отто ел покорно, без капризов, явно опасаясь снова рассердить дочь. Она, собственно, и не думала на него сердиться, просто ей хотелось побыстрее покончить с обедом, тем более что один только вид пищи вызвал у нее отвратительные судороги в пустом желудке, — она сегодня с утра даже чашку кофе была неспособна выпить, а уж съесть что-нибудь и подавно.

Инге мечтала поскорей покончить с обедом и побежать к воротам, чтобы стоять там, прижавшись лицом к решетке, и прислушиваться, не поднимается ли вверх по дороге фургон. Но когда она, наконец, вырвалась из магнитного поля умоляющих глаз отца и поспешно направилась к воротам, она почувствовала вдруг такую слабость, что передумала и пошла к себе. Ноги и руки у нее были, как лед, и в голове болталось какое-то вязкое месиво, похожее на похлебку, которой она кормила свиней. Она вошла в кухню, поставила на огонь чайник и подошла к шкафчику с целебными травами. Открыла дверцу и осторожно извлекла из-за шеренги граненых флаконов маленькую бутылочку с желтой жидкостью. Секунду повертела ее в пальцах и так же осторожно поставила обратно на полку — нет, нет, умирать пока рано, это она еще успеет.

Инге бросила в высокую фаянсовую кружку щепотку сухих смородиновых листьев, залила их крутым кипятком и отставила в сторону, чтобы чай настоялся. Все это — не отрывая глаз от телефона. Не то, чтобы она рассчитывала, что телефон возьмет и зазвонит под напором ее взгляда, но какое-то подобие смутной надежды на это теплилось на задворках ее сознания. Она в тысячный раз глянула на часы и усилием воли подавила эту бессмысленную надежду — хватит обманывать себя: все разумные сроки возвращения Ури уже давно прошли, и ничем нельзя объяснить его отсутствие. Ничем, кроме того, чего она так боялась.

Инге внезапно поняла, что ей надо сделать. Надо вызвать такси и поехать на городской вокзал: она ведь сама вчера предложила Ури взять фургон, чтобы добраться

до вокзала. Ей даже на миг показалось, что при виде припаркованного на вокзальной стоянке фургона она почувствует некоторое облегчение, — любой приговор лучше этой мучительной неопределенности. Она потянулась было к телефонной книге, вроде бы стремясь поскорее найти номер таксопарка, но рука ее бессильно упала, так и не дотянувшись до книги, — она потяряла всякую волю к действию.

Инге заставила себя отхлебнуть несколько глотков душистого чая из кружки, и ей неожиданно остро захотелось чего-нибудь сладкого. Она подняла крышку сахарницы — нет, не то! При мысли о варенье ее передернуло, но ничего другого в доме, похоже, не было. И тут она вспомнила, что в одном из ящиков буфета еще с прошлого года валяется под салфетками едва початая коробка шоколадных конфет, подаренных ей когда-то Карлом. Она открыла ящик, поставила коробку на стол и принялась пожирать конфеты с непостижимой жадностью — она один за другим запихивала в рот коричневые шарики, наполненные загустевшим ликерным сиропом, торопливо перемалывала их зубами и с наслаждением глотала липкие комки томно млеющей на языке шоколадной мягкости. За несколько минут она почти покончила с коробкой, не пытаясь преодолеть навалившуюся на нее дурноту, с трудом доплелась до своей спальни и, не раздеваясь, рухнула в не убранную с утра постель. Тяжелое мутное забытье мгновенно поглотило ее целиком, со всеми ее надеждами, страхами и отчаянием.

Ей долго-долго снилось, что где-то совсем близко пронзительно звонит телефон, а она знает, что это Ури, но никак не может сбросить с себя чьи-то цепкие руки, мешающие ей подняться и снять трубку. И чем громче телефон звонит, тем крепче стискивает ей грудь невидимая злая сила, прижимая ее к подушке и не пуская ее подняться с постели и ответить. Она громко заплакала во сне, мучительно медленно отодрала от своего пересохшего горла чужие настойчивые пальцы и проснулась.

В спальне было темно и тихо. «Ури!» — привычно окликнула Инге и тут же вспомнила все — вчерашнюю

безумную ночь и сегодняшнее беспросветное ожидание. Она глянула за окно — там тоже было темно и тихо. Сколько же времени она проспала? Не включая свет, она неторопливо подошла к окну и прижалась лицом к холодному стеклу — ей некуда было спешить, некого было ждать. Разве что посланцев Руперта Вендеманна.

И тут она услышала натужный рев мотора, сопротивляющегося чрезмерной скорости, с которой его гнала в гору непреклонная рука. В этом звуке была и смутная угроза, — а вдруг это «они»? и смутная надежда, — а вдруг это Ури? Инге, вялая после своего обморочного сна, не успела еще толком разобраться в нахлынувшей на нее неразберихе чувств, как фургон — теперь-то она уже не сомневалась, что это фургон! фургон! фургон! — вылетел на площадку перед мостом и резко остановился. Вместо того, чтобы броситься отворять ворота, она, словно зачарованная, наблюдала, как Ури выскочил из кабины, рывком распахнул ворота, вернулся обратно за руль и въехал во двор.

«Ну вот и все, никуда он не убежал, — пронеслось у нее в голове, и она беззвучно заплакала и засмеялась одновременно. — Какая я дура: вся извелась в тревоге, а он здесь, он вернулся!» Ее начала бить сильная дрожь, — она вспомнила, что такая дрожь случилась с ней когда-то в детстве, когда она упала зимой в холодную речку и ее чудом вытащили на берег случайные рыбаки. Дрожь тогда началась у нее не сразу, а после того, как они принесли ее в «Губертус», завернули в одеяло и дали выпить горячего вина.

Инге хотела постучать в окно и окликнуть Ури, но не смогла, — ее сковала ужасная слабость, руки сделались, как ватные, и язык присох к небу. А Ури вместо того, чтобы въехать в гараж, подогнал фургон задом к новому холодильнику, выпрыгнул из кабины и устремился к лестнице, ведущей на кухню. В руке его был зажат какой-то длинный предмет, но Инге не могла рассмотреть в темноте, что это. Когда на лестнице зазвучали его поспешные шаги, она стряхнула с себя оцепенение и, смеясь и плача, бросилась ему навстречу.

Но когда она вбежала в кухню, ожидая увидеть его в дверном проеме, снаружи раздался резкий звук поворачиваемого в замке ключа, а вслед за ним торопливый стук каблуков Ури по лестнице вниз. Не пытаясь даже осознать, зачем он ее запер и куда он так спешит, Инге щелкнула выключателем уличного света и подошла к окну, забранному витой чугунной решеткой. Из темноты кухни ей было хорошо видно, как Ури пересекал залитый светом двор, — было что-то пугающее и окрыленное в стремительности его походки. «Что еще стряслось?» — ужаснулась она обреченно, предчувствуя беду. Ури распахнул дверцы фургона и скомандовал:

— А ну, выходите, суки! Руки за голову и вниз по одному!

При этом он поднял к плечу продолговатый предмет, который до того держал в руке, и Инге сообразила, что это — охотничья двустволка. Из фургона одна за другой начали выпрыгивать неловкие фигуры с поднятыми вверх руками. Значит, Ури привез в фургоне людей! Кого? Откуда? Зачем? Может, Руперт уже успел вызвать сюда «их»? Пленников оказалось пятеро. Четверых Инге опознать не могла, но рассмотрела достаточно ясно, чтобы убедиться, что Руперта среди них нет. Да и вообще вряд ли среди них был кто-нибудь из соратников Гюнтера фон Корфа — возраст не тот, слишком стары, кроме одного, пятого, которого Инге, кажется, узнала — племянника фрау Штрайх, Дитера, оболтуса и забияку. Вернее, этот испуганный парень в шутовском охотничьем костюме был бы вылитый племянник фрау Штрайх, если бы он был в своей обычной, усеянной кнопками, ублюдочной униформе из черной кожи. Пока Инге, парализованная невероятностью происходящего, по-идиотски пыталась решить, Дитер или не Дитер этот испуганный юнец в шляпе с пером, Ури открыл двери холодильника и приказал:

— Всем раздеться! Догола!

И, вероятно, в ответ на чей-то тихий вопрос, припечатал:

— Догола, я сказал! Догола! Я ведь должен убедиться, что среди вас нет евреев.

Испуганные фигуры продолжали топтаться на месте, не опуская рук. Дитер выкрикнул какой-то протест, на что Ури взвел оба курка и пригрозил:

— Никаких споров! Даю вам полминуты, потом стреляю!

Напряженные нотки в его негромком голосе немедленно заставили Инге поверить, что он и впрямь через полминуты может выстрелить. Его пленники, очевидно, тоже поверили в это: через полминуты все они, как миленькие, предстали перед Ури совершенно голые. Картина получилась довольно безобразная: их несовершенные бледные тела выглядели голубыми в свете ночных фонарей, что придавало фантастический оттенок этому и без того запредельному зрелищу.

— А теперь марш в газовую камеру! — скомандовал Ури, указывая на дверь холодильника. — Я построил ее специально для вас. Хочу посмотреть, как чувствуют себя в газовой камере настоящие арийские герои.

«Какая еще камера? Что он мелет? Он совсем голову потерял!» — затравленно думала Инге, не в силах шелохнуться. Ей даже на миг показалось, что все происходящее во дворе — просто продолжение только что увидевшегося ей дурного сна. Но увы! — ей тут же пришлось признать, что это не дурной сон, а дурная реальность. Пленники за окном унылой процессией потянулись в холодильник, голубоватый свет фонарей сиреневыми бликами переливался на неровных полусферах их голых задниц. Инге застыла у окна в странном оцепенении, и только мысли ее метались с бесконтрольной скоростью, не находя ни выхода, ни объяснения происходящему перед ее глазами кошмару. Что-то произошло между Ури и этими насмерть перепуганными чужими людьми. Что они сделали Ури? Как умудрились довести его до такого безумия?

Большая головастая тень метнулась Ури под ноги — Ральф! Только Ральфа тут недоставало! Тень руки Ури легла на тень собачьей головы:

— Видите, все организовано по правилам, даже сторожевая собака есть. Как жаль, что вы уже не сумеете выразить мне свое арийское мнение о качестве проведенной мною акции, — начал было Ури почти доброжелательно, но, видно, заметив какое-то замешательство в нестройном движении обнаженных голубоватых тел, резко приподнял ружье и прикрикнул:

— А ну, живей! Живей! Все как один — немедленно в камеру!

Пленники испуганно ускорили шаг, и вся процессия стремительно исчезла в темном зеве холодильника. Ури крикнул им напоследок:

— Внимание! Приготовиться! Включаю «Циклон В»! Дышите глубже!

Он твердой рукой наложил засов на герметическую дверь холодильника, потом подошел к пульту управления на торцовой стене и включил какой-то рубильник, — Инге издали не могла рассмотреть, какой именно. Она еще секунду ошеломленно наблюдала, как Ури, прильнув к дверному глазку, любовался тем, что происходит внутри холодильника, пока не осознала с облегчением, что включить он мог только вентиляционную систему и лампочку на потолке, потому что с новенькой холодильной установки еще не были сняты пломбы.

После первой неуверенной попытки мыслить логически Инге почувствовала, как к ней возвращается самообладание. Она стряхнула сковавшее ей руки и ноги оцепенение и неимоверным усилием воли не то что оторвала, а буквально оттащила себя от окна, — нужно было срочно прекратить безобразный спектакль во дворе и выпустить из холодильника несчастных пленников Ури, пока кто-нибудь из них не окочурился со страху. Выйти во двор можно было только через дверь покоев Отто, и Инге, почти окончательно придя в себя, со скоростью призового спринтера помчалась по подземному коридору. На площадке у дверей она с разбегу налетела на кресло отца, — напрягая последние силы, старик пытался самостоятельно выехать во двор.

При виде отца Инге вспомнила, в каком состоянии она оставила его после обеда, и, рысцой огибая его кресло, подумала восхищенно и бессердечно, словно о чужом: «И он туда же! Откуда только силы берутся?»

«Кто там? Что там? Возьми меня!» — лихорадочно застучал в рельс Отто вслед дочери, но ей было не до него. Она подбежала к Ури и трянула его за плечо:

— Ты что, спятил? Сейчас же отвори дверь!

Ури рывком обернулся и уставился — вроде бы на нее, но мимо: в его нефокусированных глазах не промелькнула даже искра узнавания, и взгляд его проскочил сквозь нее к чему-то отдаленному, что видел только он один. По-прежнему не узнавая ее, он поднял ружье, прицелился и отрывисто произнес несколько слов на иврите. Хоть смысла его слов Инге не поняла, содержание его речи было ей очевидно: если она будет ему мешать, он выстрелит. Сомневаться в том, что он выстрелит, не приходилось — такой взгляд был у него тогда, в ванной, когда она впервые услышала о засаде в лагере беженцев и о том, как он всех без разбора скошил автоматными очередями.

Опасаясь прикоснуться к Ури, Инге сделала несколько шагов в сторону и прошептала ласково, успокаивающе:

— Ури, это я, Инге. Ты ведь не станешь в меня стрелять, правда?

Он не ответил, но и не опустил ружье. Инге секунду помедлила и решила: она, чтобы отдалиться от Ури, сперва понялась от него мелкими шажками, а потом стремительно метнулась к свинарнику и рванула на себя тяжелую дверь. Весь тот бесконечно долгий отрезок времени, пока дверь не захлопнулась за ней, даруя прикрытие и безопасность, кровь пульсировала у нее в висках в дурацком ритме детской считалки: «Выстрелит, не выстрелит, ку-ку-ка-реку! Выстрелит, не выстрелит, ку-ку-ка-реку!». Но он, слава Богу, не выстрелил, ку-ку-ка-реку!

Дальше все уже становилось сравнительно простым — нужно было пройти в забойную камеру и отдраить створки раздвижной автоматической двери, монтаж которой

как раз сегодня завершили рабочие из города. Инге никогда еще не приходилось оперировать этой дверью, но она знала принцип ее устройства и не сомневалась, что справится. Труднее было предсказать, как ей потом удастся справиться с Ури, потому что принцип его устройства она тоже знала и ничего хорошего на этой стадии не предвидела. Но сейчас у нее не было выбора: проблемы можно было решать лишь по мере их поступления, и не стоило загадывать вперед больше, чем на один шаг.

Поспешно просматривая инструкцию, висящую возле новой двери, Инге с облегчением отметила, что к ней полностью вернулась ясность сознания и привычная практическая смекалка. Она набрала нужный код и нажала стартовую кнопку. Створки дверей дрогнули и начали медленно отделяться одна от другой, приводя при этом в движение покрытый белым пластиком помост с укрепленными на стойках крюками для подвески свиных туш. В щель, образованную расползающимися в разные стороны створками, Инге увидела пять обнаженных тел, застывших в странных позах на полу холодильника. Пока она пыталась мысленно охватить открывшуюся ей неправдоподобную картину, помост с крюками пополз из забойной камеры в холодильник, чуть слышно поскрипывая и вздыхая.

— Поднимайтесь с пола! — скомандовала Инге, въезжая на помосте в холодильник. — Никакого газа тут нет!

Голые фигуры вяло зашевелились, явно не веря в то, что они живы. Судя по запаху, кого-то здесь славно вырвало, возможно, и не одного. «Вот черт, придется потом хорошенько вымыть пол!» — буднично подумала Инге. И тут один из голых — незнакомый, коренастый и лысый — вдруг вскочил на помост, с громким воем бросился на Инге и стал ее душить. От неожиданности она упала на пол, больно стукнувшись головой о край помоста, и тут на нее навалилось несколько голых тел — очевидно, к первому нападающему присоединились все остальные. Инге начала яростно отбиваться, пиная ногами чьи-то мягкие животы и царапая ногтями чьи-то

костлявые спины, но силы были неравные — их было слишком много на нее одну.

Однако в самый последний миг, когда Инге уже смирилась с тем, что в благодарность за спасение эти мерзкие мужики сейчас ее задушат, они внезапно все разом отвалились от нее, словно их ветром сдуло. Инге с трудом приподняла голову, — руки и ноги ее дрожали отвратной мелкой дрожью, — и увидела нависающую над ней морду Ральфа с разинутой в счастливой улыбке пастью. Голос Ури произнес где-то за кадром:

— Ральф, сидеть!

Голова Ральфа неуверенно качнулась из стороны в сторону.

— Сидеть, я сказал! — повторил Ури, и морда Ральфа застыла в преданном оскале. Инге с трудом приподнялась на локте и огляделась вокруг: было очень тихо, Ури стоял в проеме распахнутых дверей холодильника, не спуская глаз с забившейся в угол горстки обнаженных тел. После короткого молчания он сказал негромко:

— А теперь катитесь отсюда поскорей! Представление окончено.

Пленники не заставили просить себя дважды, — голые пятки торопливо прошелестели по камням и выкатились во двор. Ральф наострил уши и припустил вслед за убегающими босыми ногами. Инге вскочила с пола и рванулась им вдогонку — ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы они прибежали из замка в деревню нагишом! Ури отошел от дверей и стоял посреди двора, опираясь на ружье, как на трость. Расслабив в каком-то смутном подобии улыбки только что круто сведенные судорогой лицевые мышцы, он не сделал даже малейшей попытки остановить стремительное бегство своих испуганных пленников. Похоже, приступ ярости у него уже прошел — внезапно, как обычно, — но обращаться к нему сейчас за помощью было бы совершенно бесполезно, особенно после такой сильной встряски. Инге обогнула его с фланга и протянула руку:

— Ключи от фургона, живо!

Он вынул ключи из кармана и безропотно положил их в ладонь Инге — сразу после приступа он становился кротким, как ягненок. Голая стайка тем временем добежала до ворот и заметалась там в поисках выхода. Прежде, чем они сообразили, что ворота незаперты, — Ури было не до того, когда он въехал во двор, — Инге подозвала Ральфа и приказала ему сторожить ворота, а пленникам предложила вернуться за своей одеждой и одеться. Трое пожилых немедленно вернулись и начали торопливо вылавливать из общей кучи свои сорванные впопыхах одежды, а Дитер и тот лысый, который пытался задушить Инге в холодильнике, продолжали, негромко переговариваясь, топтаться у ворот, нисколько не стесняясь своей наготы.

Кто знает, какую контратаку они там задумывали? А если даже они просто-напросто планировали, как полочей отсюда удрать, их все равно нельзя было отпустить в деревню так вот, в чем мать родила. И хоть Инге вовсе не по душе была карательная роль, навязанная ей безрассудством Ури, ей пришлось повисить голос:

— Эй вы, там, у ворот! Немедленно идите одеваться! — воспоминание о том, как они только что злобно пинали и тузили ее, несомненно, помогало ей быть суровой и непреклонной. — И учтите: чуть что, я спущу на вас Ральфа.

Оба, и Дитер, и лысый, неохотно побрели назад, к холодильнику, так что через пару минут Инге удалось под бдительным присмотром Ральфа загнать в фургон всех пятерых, уже одетых и обутых. Но как только она заперла дверцу и повернулась с ключами в руке, чтобы сесть в кабину, в круг света перед свинарником выкатилось кресло Отто. Что ж, отлично: похоже, можно было начинать новое представление — те же и Отто! И впрямь, едва затормозив перед самым фургоном, старик начал лихорадочно отстукивать:

«Кто там? Куда ты? Что случилось?»

Инге потянулась свободной рукой к отцу, чтобы приласкать и утешить, — по правде говоря, он был ей сейчас совершенно некстати, но бросить его в одиночестве

посреди двора тоже было невозможно. Перебирая пальцами жидкие седые пряди отцовских волос, Инге думала только о том, как бы поскорее увезти из замка фургон с опасным грузом. Нельзя было больше медлить, надо было срочно уезжать, а для этого нужно было забрать у Ури ружье. Не слишком надеясь на разумную реакцию, Инге все же обернулась к Ури, который по-прежнему неподвижно стоял за ее спиной, опираясь на ружье, — чтобы не упасть, что ли? — и вкрадчиво сказала:

— Может, ты отдашь мне это ружье, Ури?

К ее удивлению, при звуке ее голоса Ури встряхнулся, как собака после дождя, мгновенно вышел из оцепенения и послушно направился к ней, протягивая ей ружье. Она стиснула в ладони согретый его пальцами приклад и попросила, отлично сознавая, что Отто и Ури совершенно несовместимы:

— Ури, сделай одолжение: пока я смотаюсь в деревню, отвези Отто к себе, помой его и покорми.

Отто, конечно, поднял несогласный трезвон, в котором возражения против Ури перемешались вопросом «Зачем ружье?». Пленники в фургоне восприняли этот трезвон как сигнал к бунту и начали колотить каблуками в стенки, громко требуя, чтобы их или выпустили, или поскорей увезли. Инге поняла, что они больше не потерпят никаких проволок, и не решилась дальше испытывать их терпение. Она быстро откатила кресло отца в сторону, вскочила в кабину и, крикнув Ури: «Скорей открой ворота!», стала выводить фургон со двора. В последнюю минуту она притормозила на мостике через ров, распахнула дверцу кабины и свистнула Ральфу, — вовремя сообразив, что надо взять пса с собой, если она не хочет, чтобы ее оскорбленные пассажиры растерзали ее в клочья, как только она выпустит их из фургона.

Благодаря ее сообразительности операция по освобождению пленников прошла безо всяких осложнений: Инге остановила фургон возле «Губертуса», в сопровождении Ральфа вышла из кабины, открыла дверцы фургона и негромко предложила всем выходить. Они не заставили себя долго просить и начали поспешно пры-

гать вниз, лишь чуть-чуть замешкавшись в дверях из-за того, что каждый норовил локтями оттолкнуть остальных, чтобы поскорее выскочить из фургона. В результате два старика упали и, кажется, слегка разбили колени, но тут же бодро поднялись на ноги и устремились в кабачок вслед за другими.

Дождавшись, пока за последним, самым толстым и неуклюжим, закроется дверь кабачка, Инге аккуратно вытерла рукавом приклад и ствол ружья — на всякий случай, чтобы не оставлять отпечатки пальцев, — и положила его на верхнюю ступеньку лестницы. Направляясь к фургону, она заметила, что из-за неплотно задернутых штор за нею наблюдает множество глаз, — нельзя было назвать с уверенностью тех, кто стоял там, с жадным любопытством прикикая к окну, но угадать можно было с большой долей вероятности.

Перед самым въездом на мост фары фургона выхватили из тьмы печальную фигуру, примостившуюся на перилах, как птица на ветке. Инге взгляделась в смутный силуэт и узнала Клауса. Она опустила стекло и окликнула его. Клаус тут же охотно, будто только этого и ждал, соскочил с перил и заглянул в окно фургона. Даже в темноте Инге увидела, что он плачет, и плачет уже долго — все лицо его распухло от слез. Инге вспомнила сбивчивый рассказ Клауса о парашютисте, который выпрыгнул из окна самолета в ту ночь, когда она подобрала Ури, и ей вдруг показалось, что и сегодня должна быть какая-то связь между горькими слезами Клауса и безумной выходкой Ури.

— В чем дело, Клаус? — спросила она, представляя себе разъяренного Ури с ружьем. — Тебя кто-нибудь обидел?

— Я сегодня сорвал банк! — объявил Клаус, заливаясь слезами.

— Какой банк? — оторопела Инге, снова, совершенно некстати, представляя себе Ури с ружьем.

— В игровом автомате! Никто никогда еще не мог его сорвать, а я сорвал! И пусть больше не говорят, что я идиот!

— Молодец! — с облегчением вздохнула Инге. — Из-за чего же ты плачешь?

— Из-за мамки! Она забрала у меня все, — Клаус ловким движением вывернул оба кармана своей куртки, чтобы показать Инге, как там пусто, — Ни пфеннига мне не оставила! Чтоб я знал, как бросать стрелы!

— Какие еще стрелы? — Инге в который раз предстала себе Ури с ружьем, однако никакие стрелы в эту картину не вписывались.

— Одна красная, другая зеленая, — пояснил Клаус, окончательно сбив ее с толку.

— Куда же ты бросил красную стрелу? — вяло спросила Инге, теряя интерес к приключениям Клауса и готовясь нажать на газ.

— Красную я бросить не успел, а зеленой я попал точно в задницу Гейнца, — похвастался Клаус. И заметив, что Инге собирается включить мотор, поспешно добавил. — Если бы не я, они бы точно стянули с Ури штаны.

Рука Инге застыла на полпути к зажиганию, а мысли заметались в ужасе — неужели все-таки «они»? Она спросила хрипло, не узнавая собственный голос:

— Кто такие «они»?

— Да все эти охотники: и городские, и наши. И Дитер-фашист с ними.

Инге вспомнила бледную голую задницу Дитера — она даже не знала, что его прозвище фашист, — нет, слава Богу, кажется, не те «они»!

— А зачем им понадобилось снимать с Ури штаны?

— Чтобы проверить, что он — еврей. Их Гейнец подучил. А что такое еврей? — любопытствовал Клаус, но не стал ждать ответа, а загарахтел, как по-писанному:

— Я как увидел, что Гейнец душит Ури, так и всадил стрелу прямо ему в зад. Я сам не знаю, как у меня это вышло. Может, если бы я целился, я бы не попал. Ох, он завыл! Отпустил Ури, схватился обеими руками за зад и завопил: «Меня застрелили!». Ну, Ури, конечно, тут же их всех раскидал, схватил ружье и загнал их в фургон. И увез.

— Куда?

— Не знаю, я не стал смотреть. Я скорей побежал домой, пока Гейнц не догадался, что это я бросил в него стрелу. Но мамка дошлая, она все равно догадалась. И как вернулась из «Губертуса», сразу забрала у меня все деньги. Она меня хотела побить, но я вырвался и убежал.

Клаус уже не плакал, так воодушевил его рассказ о собственных подвигах.

— А теперь иди домой, не будешь ведь ты всю ночь тут сидеть, — сказала Инге ласково и потянулась потрепать его по щеке. Но влажная от слез щека радостно дрогнула у нее под пальцами и она быстро отдернула руку, вспомнив рассказ Ури про эротические сны Клауса.

— Я туда ни за что не пойду, — упрямо покачал головой Клаус.

— Твоей мамки нет дома, она опять вернулась в «Губертус», — сказала Инге уверенно, перебирая в памяти следившие за нею только что из-за штор кабачка любопытные глаза: одни из них точно принадлежали Марте.

— Тем более не пойду, — окончательно уперся Клаус. — Раз она пошла в «Губертус», значит она приведет с собой домой Дитера-фашиста. А я его не переносу.

— Откуда ты знаешь, кого она приведет? — удивилась Инге.

— Она весь день шушукалась с ним, рассказывала, как души общаются через тело.

— А как они общаются? — не удержалась полюбопытствовать Инге.

Клаус глубоко вдохнул воздух и зачистил чужим голосом, напомним Инге слова Ури про его магнитофонную память:

— «...в свечном воске смешаны душистые травы, от которых голова кружится, и когда мы долго поем, мы становимся, как один человек, будто все поем одним голосом. Тогда мы все падаем на пол, как попало — кто на колени, кто ничком, — и начинаем кататься по полу и друг по другу... к нам приходит озарение, и мы уже не знаем, где чьи руки, где чьи ноги...»

Это было что-то новое, какой-то очередной, ни звездный Инге виток в жизни Марты, которая раньше делилась с Инге мельчайшими деталями своих многочисленных недолговечных приключений. Клаус выдохнул воздух и завершил свою драматическую декламацию спокойной констатацией факта:

— Она рассказывает это всем, кого собирается привести ночью домой.

Подумать только, кто бы мог ожидать такой пронизательности от деревенского дурачка? Инге стало жаль беднягу, тем более что сердце ее размягчилось после рассказа Клауса о схватке в кабачке.

— Ладно, садись в кабину, — вздохнула она, предвидя очередные осложнения с ревнивой душой Мартой, и, оттеснив плечом Ральфа, отворила дверцу пассажирского сиденья. — Будешь ночевать в замке.

А что еще было делать — оставить доблестного спасителя Ури всю ночь сидеть на перилах? Тем более что после сегодняшних подвигов Ури осложнений все равно было не избежать. Клаус быстренько, пока она не передумала, втиснулся в кабину рядом с Ральфом и спросил:

— А Ури и вправду еврей?

Инге, занятая своими мыслями, не стала ему отвечать, а наоборот — постаралась выудить из его памяти как можно больше деталей стычки между Ури и охотниками. Конечно, не следовало слишком полагаться на свидетельские показания Клауса, однако пока они доехали до замка, она все же умудрилась ухватить суть досадного происшествия в кабачке.

Инге высадила Клауса и Ральфа у ворот, завела фургон в гараж и, выйдя из кабины, остановилась в темноте с ключами в руке, обдумывая, как вести себя сейчас с Ури. Выходило, что ей не следовало не то что бранить, но даже упрекать его за устроенный им безрассудный спектакль. Она боялась, что любая мелочь может побудить его сорваться с места и уехать домой. Тут было отчего прийти в отчаяние — будто одного превращения Карла в Гюнтера фон Корфа было недостаточно!

Инге больно пнула колесо фургона, повинного только в том, что он неспособен был ответить на сотый раз заданный ею простой вопрос: что побудило Ури захватить в «Губертус» в столь поздний час? Какая злая сила занесла его туда в то время, как она с ума сходила из-за того, что его все нет и нет? Перебирая в памяти сбивчивый перечень событий сегодняшнего вечера, Инге вдруг натолкнулась там на какой-то вскользь упомянутый Клаусом телефонный разговор. Не для того ли Ури заскочил в кабачок, чтобы позвонить кому-то, с кем хотел поговорить по секрету от Инге? Если она угадала правильно, то кто бы это мог быть?

Инге вздохнула и направилась к выходу — ладно, все равно, стоя тут, в гараже, она ничего не узнает, пора возвращаться в дом и посмотреть в глаза Ури. Это была непростая задача после всего, что произошло с ними и между ними, после всего того, что открылось за эти сутки ей в Ури и ему в ней. Она даже предположить не могла, в каком состоянии она найдет Ури сейчас, — в тягостном ли оцепенении, случающимся с ним иногда вслед за приступом, в холодной ли ярости, ведущей к новому приступу?

В кухне было темно, и Инге решила сперва заглянуть к Отто, — не столько из чувства долга, сколько чтобы еще немного оттянуть встречу с Ури с глаза на глаз. В спальне Отто было тихо, на столике у кровати горел ночник, слабо освещая спокойное лицо спящего отца. Тревога слегка отпустила Инге, — значит, Ури сумел поладить с упрямым стариком и умудрился уложить его в постель, не дожидаясь ее возвращения. Немного успокоившись, она прошла по подземному проходу и направилась к себе в спальню, из-за приотворенной двери которой в коридор просачивалась узкая полоска света. Еще из рыцарского зала Инге слышала оживленный голос Ури, — он говорил по телефону. Она невольно замедлила и приглушила шаги, чтобы, не спугнув Ури, услышать, с кем он так весело болтает, но тут же устыдилась своих низменных побуждений и, шумно отворив дверь, почти ворвалась в спальню. Ури прямо в

ботинках лежал на кровати — на смятом после ее дневного обморочного сна кремовом покрывале — и дружески улыбался кому-то в телефонную трубку.

— Тебе привет от Вильмы, — буднично сказал он Инге как ни в чем ни бывало. Словно между их последней дружеской беседой и этой минутой не стояло надменное лицо Гюнтера фон Корфа и не мельтешили в голубоватом свете уличных фонарей бледные зады испуганных пленников Ури.

— Она завтра не придет обмерять нижний зал.

С этими словами, уместными в их прошлой, «доисторической», благополучной жизни, но, казалось бы, совершенно неуместными на том драматическом перекрестке, куда занесло их за прошедший долгий день, Ури положил трубку и повернулся к Инге спокойно и открыто, будто события этих суток не легли между ними непроходимой пропастью. В посадке его головы появилась какая-то новая, неожиданная хрупкая грация, так не вяжущаяся со спортивным разворотом его крутых плеч. Инге присмотрелась к нему получше и вдруг поняла, в чем дело:

— Ты что, подстригся? — засмеялась она и наклонилась, чтобы его поцеловать. Касаясь губами нежной, все еще юношеской ложбинки, обнаружившейся в результате стрижки у него за ухом, она не удержалась трезво отметить про себя, что стрижка — неплохой, но недостаточный предлог для слишком долгой отлучки.

— Давно пора было, я совсем зарос.

Инге все же не сумела удержаться от полуупрека-полувопроса: «Так-таки целый день проторчал в парикмахерской, бедняжка?», о котором, впрочем, тут же пожалела, потому что открытый взгляд Ури в ответ завололся непроницаемой пленкой лжи, — ну зачем ей, дуре, понадобилось нарывать на неприятности?

Однако надо признать, что все в поведении Ури, кроме этого лживого взгляда, казалось искренним и правдивым:

— Ну уж и целый день! — пожал он плечами, начисто отрицая ее нелепое предположение. — Я очень мно-

го успел и кроме стрижки: сдал мясо в два места, заметь, смотался в Ландау, сдал вещи в чистку, а потом еще заскочил на почту в Вормсе и получил письмо от своей мамочки, полное упреков и подозрений. В порыве раскаяния я помчался в родной «Губертус» и подоспел как раз вовремя, чтобы свести наконец счеты с этими нацистами. Так что теперь я смогу достойно ответить на упреки моей непримиримой еврейской мамы.

Ури произнес эту последнюю сентенцию слишком беспечно-насмешливо, из-за чего Инге не сумела подхватить его легкомысленный тон, а сказала невпопад то, о чем ни разу не подумала вьявь, но что таилось, наверно, все это время у нее в подсознании:

— Теперь они тебя убьют.

Сказала и тут же прикусила язык, сама испугавшись своих слов, — что это еще за пророчества? Откуда она эту идею взяла — спугнуть она его хочет, что ли?

Но один раз возникшая из ничего, неправдоподобная идея эта уже приобрела право на существование. Сердце Инге стиснулось предчувствием, хотя Ури только усмехнулся в ответ:

— Кишка у них тонка меня убить!

Инге не стала настаивать, тем более что на кухне загрохотал сапогами Клаус, который уже покормил свиней и пришел спрашивать, где ему спать. Инге дала ему бутерброд и отправила спать к Отто, а потом, после некоторых колебаний, подняла трубку и набрала номер Марты — разумно было все-таки сообщить этой вздорной дуре, что Клаус ночует в замке, а не то она еще вызовет полицию его искать. Телефон долго не отвечал, и Инге уже готова была дать отбой, как в трубке что-то звякнуло, и голос Марты нелюбезно спросил, какой кретин звонит приличным людям в такой поздний час. Инге тут же пожалела, что послушалась несовместимого с Мартой голоса здравого смысла, но отступить было поздно, — она сухо сказала свое про Клауса и хотела было положить трубку, но Марта вдруг разъярилась и осыпала ее помойной бранью с упоминанием всех ее, Инге, грехов. Тут уже досталось и ее лживой вежливос-

ти, и ее приворотным травам, и ее проклятому иностранцу, который шуток не понимает и поступает с порядочными людьми не по-людски, и даже ее старому развратнику-отцу, который не стыдится заказывать, чтобы ему доставляли на дом порнуху.

Неизвестно, сколько времени Инге, словно завороченная, внимала бы этому потоку брани, не перебивая, если бы сердитый мужской голос не ворвался во вдохновенные тирады Марты, чтобы положить им конец. «Я иду, Дитер!» — крикнула Марта и бросила трубку. Значит, Клаус знал, что говорил, — его мать и вправду привела домой Дитера-фашиста! Недоброе предчувствие кольнуло Инге, — кто знает, что может выйти из этого союза после сегодняшних происшествий!

Она так и стояла с замолкшей трубкой в руке, пока сзади к ней не подошел Ури. Он притянул ее к себе и прошептал куда-то за ухо, что он хоть и постригся, но не в монахи. Забыв о своих страхах, Инге прильнула к нему.

КЛАУС

Вечером, как только мы с фрау Инге приехали в замок, я побежал в свинарник проверить, не вернулся ли Ганс. Потому что, если бы он вернулся, он был бы там, — они ведь с утра уже закололи каких-то других свиней. Значит, если бы фрау Инге даже захотела его заколоть, то она бы еще не успела. Но Ганса нигде не было, напрасно я надеялся, что он ночью нашел дорогу обратно в замок и теперь весело выбежит мне навстречу и станет просить, чтобы я почесал ему спину. Я покормил свиней и пошел ночевать на диван к Отто, но никак не мог заснуть и все думал, как мне найти Ганса. Думал-думал, но так ничего и не придумал, а потом мои мысли сделали круг и вернулись в «Губертус». Я стал вспоминать, как я здорово бросил стрелу в Гейнца за то, что он хотел проверить, еврей Ури или нет. И вспоминал, пока не заснул.

Все утро, пока мы с Ури мыли свинарник, мне хотелось спросить у него, что такое еврей, но у меня никак не выходило. Каждый раз, когда мы с ним встречались возле крана, я открывал рот, чтобы задать свой вопрос, но язык у меня прилипал к зубам, и слова застревали — не знаю почему. Я как будто боялся, что Ури рассердится на меня, как он рассердился вчера на тех охотников в «Губертусе».

Когда мы закончили кормить свиней, Ури спросил, не хочу ли я пойти с ним осматривать старую водяную цистерну, из которой выливали воду, когда на замок нападали враги. Я хотел сказать, что хочу, но вспомнил, как мы прошлый раз спускались по темной лестнице в темный вонючий подвал, и спросил:

— Надо будет спускаться в подвал?

Ури засмеялся — он тоже вспомнил, как я испугался тогда в подвале.

— Не трусь, — сказал он, — Если даже понадобится лезть в подвал, я полезу один.

Мы взяли два фонаря и веревку и пошли через кухню к подземному коридору. Когда мы проходили мимо фрау Инге, которая жарила что-то вкусное на большой сковородке, она спросила:

— Куда это вы с веревкой?

— Идем в башню, делать кое-какие обмеры, — ответил Ури, остановился возле фрау Инге, протянул руку через ее плечо и приподнял сетчатый круг, которым она прикрывает сковородку, чтоб не брызгалась:

— Что за чудо ты тут создаешь?

Фрау Инге засмеялась и немного хлопнула Ури по руке, чтобы он накрыл сковородку и не разбрызгивал жир:

— Секрет! Придешь обедать — узнаешь.

Ури опустил крышку на место и поцеловал фрау Инге за воротник — туда, где кусочек шеи выглядывает у нее из-под волос. У меня от этого поцелуя сразу пропал аппетит, и я стал думать, что если бы я мог вот так просто целовать фрау Инге в шею под волосами, я бы вообще никуда не пошел, а остался бы возле нее и це-

ловал бы ее еще и еще. И еще, и еще! Но Ури не остался с ней и даже не поцеловал второй раз, а сказал:

— Все-то у тебя секреты!

Потом снял со стены связку с двенадцатью красавцами и направился к выходу, а я пошел за ним, хотя мне очень хотелось остаться.

Может быть, если бы на этот раз Ури повел меня вниз, в тот вонючий подвал, я бы с ним не пошел, а вернулся бы на кухню и смотрел, как фрау Инге наклоняется над плитой и протягивает руки к сковородке. Я бы тихо сидел и смотрел, и никто бы не знал, о чем я думаю. А я бы мог думать, что я подхожу к фрау Инге сзади, беру ее за плечи и целую в шею под волосами. Но мы не стали спускаться вниз, а наоборот, поднялись по лестнице наверх и вышли на дорожку, идущую по стене вдоль зубцов. По этой дорожке мы дошли до маленькой башни, которую можно было увидеть только со стены, и Ури сказал:

— Смотри. Это водяная цистерна.

Я посмотрел, но ничего интересного не увидел — башня как башня, из красных камней, как все другие, а с одного боку под крышей полукруглая дыра, то ли дверь, то ли окно. И все. Я так и сказал Ури:

— Ну вижу, цистерна. И что с того? Ничего интересного.

Ури сел на дорожку, положил рядом с собой веревку и фонарь, вытащил из-за пазухи большой, много раз сложенный лист, развернул его и расстелил на камнях.

— Сейчас мы узнаем, есть тут что-то интересное или нет, — он похлопал рукой по дорожке рядом с собой. — Садись, давай посмотрим, что тут нарисовано.

Я сел рядом с Ури и уставился на лист, но никакой картинкой там не увидел. По-моему, ничего там не было нарисовано, просто кое-как наляпаные непонятные линии и полоски. Некоторые линии даже не были проведены ровно, они часто шли снизу вверх или сверху вниз и вдруг сворачивали в сторону поперек самих себя, а полоски вообще были всякие, иногда даже кривые и косые. Среди линий и полосок были разбросаны без

всякого порядка разные кружки, квадратики и треугольники. Но Ури, по-моему, так не думал: ему очень нравилось то, что он видел на этом листе.

— Смотри! — закричал он так громко, что я даже вздрогнул. — Тут, оказывается, есть подземный ход!

Я сделал вид, что я различаю что-то среди кривых линий и полосок, в которые упирался его палец, но на самом деле я ни черта не различал, потому что этих линий и полосок было слишком много. Мне вдруг стало очень обидно, что я такой идиот и не различаю, чего другие различают с одного взгляда. И я взял и ляпнул:

— Подумаешь! Да я по этому подземному ходу, может, тысячу раз лазил!

Ури уставился на меня, будто никогда до того меня не видел, и жутко обиделся:

— Сам лазил, а мне не рассказывал? А еще друг называется!

И мне ничего не осталось, как рассказать ему страшную тайну, про которую я поклялся Карлу на крови, что умру, а не проболтаюсь. Ури внимательно выслушал меня, но ни слова не сказал, — глаза у него сделались стеклянные, и он опять уткнулся в свой план. Мы так долго молчали, что мне даже на секунду показалось, будто я уже умер. Но тут Ури углядел на плане что-то новое, он схватил меня за рукав и стал тыкать пальцем в какую-то другую точку:

— Ты только глянь, Клаус, что он от нас хотел скрыть!

Тут я совсем обалдел и стал очень стараться увидеть хоть что-нибудь на этом непонятном листе, чтобы догадаться, кто хотел скрыть от нас что. Мне очень нравилось, что Ури разговаривает со мной так, будто он вовсе не считает меня идиотом.

— Видишь? — говорил он и показывал на какие-то два квадратики, затесавшиеся между рядами косых полосок, — Видишь?

— Вижу! — быстро ответил я, чтобы он не заметил, что я совсем запутался с его листом. Но Ури ничего не заметил, он слишком сильно радовался, что тот (не

знаю — кто) не сумел нас провести за нос и скрыть от нас что-то (не знаю — что).

— Тут была темница, куда Губертусы заточали своих врагов, а тут, совсем рядом, была их сокровищница, — говорил Ури и показывал пальцем сперва на один квадрат, а потом на другой. — Видишь, вот дверь, которая туда ведет, к ней мы с тобой не сумели подобрать ключ. А вот та дверь, которую мы открыли, чтобы спуститься сюда, в подвал.

Я не видел ни дверей, ни темницы, ни подвала. Там были только черточки и линии, но я все равно кивал головой, — наверно, все это там было, раз Ури говорил, что оно есть.

— Однако это вовсе не безнадежно, — Ури лег на живот и стал рассматривать какую-то точку на листе и захохотал. — Я так и думал!

— Смотри, Клаус, — позвал он меня, — вот сюда! Похоже, что если в цистерне есть лестница, то через нее можно пробраться в сокровищницу.

Его палец быстро заскользил от одной линии к другой и добежал до косых полосок. Не знаю, кто их нарисовал, но рисовал он даже хуже, чем я, такие эти полоски были кривые. Но Ури было все равно, кривые они или нет. Он лег на дорожку, сунул голову в дыру под крышей и стал светить туда сперва фонариком, а потом большим фонарем. Он светил так долго, что мне даже стало скучно, но тут он задрывал ногами и пополз в дыру не только головой, но и плечами. Он так перевесился, что я начал бояться, как бы он не свалился вниз. Но он не свалился, а вылез обратно и объявил: «Так я и думал, там есть лестница!» — таким веселым голосом, будто уже нашел сокровищницу полную сокровищ. Я видел по телевизору, как три разбойника и одна красивая девушка нашли такую сокровищницу, и украли все сокровища, но по дороге рассорились и убили друг друга, так что никому ничего не досталось.

— Значит так, — Ури снял куртку и начал привязывать веревку к ржавой железной скобе, вбитой под кры-

шей цистерны, — я сейчас полезу в цистерну, а ты будешь тут сидеть и охранять меня, как верный часовой.

Вокруг не было ни души, и я спросил Ури, от кого надо его охранять и зачем веревка.

— Веврка на всякий случай, — ответил он. — Я ведь не знаю, что там, внизу, так что ты за ней следи: если я дерну два раза, побеги вниз, позови фрау Инге. А охранять надо от всех, мало ли кого черт сюда может принести.

Это было так смешно, что мы оба громко засмеялись — даже самый умелый черт вроде Гейнца никого не смог бы принести сюда, на самый верх, разве что на крыльях. После того, как мы хорошо посмеялись, Ури обвязал другой конец веревки вокруг пояса, потом повесил себе на шею связку ключей и фонарь на кожаном ремешке. Потом надел новую шапку, в которую тоже был вделан фонарь, и полез в дыру, на этот раз на животе, ногами вперед.

Нашував ступеньку, Ури помахал мне рукой и исчез. Я попробовал сунуть голову в дыру, но побоялся переверситься вниз — я ведь не Ури, я бы обязательно упал и разбился. В цистерне было темно и дна не было видно. Видно было только, как огоньки двух фонарей спускались вниз странными кругами, и я догадался, что лестница, как и в башне, идет винтом по стенке.

Я немножко постоял так, вниз головой, следя за тем, как фонари Ури, медленно кружась, уползают от меня далеко-далеко. Потом мне надоело так стоять и захотелось кушать. Тогда я выбрался на дорожку, прислонился спиной к стене и стал думать о том, что фрау Инге жарила сегодня на сковородке. Наверно, это было что-то вкусное, и мне очень захотелось, чтобы она позвала меня сегодня с ними обедать, — она ведь знала, что сегодня я не ночевал дома и у меня не было с собой бутербродов. Погода была хорошая, солнце светило во всю, и было совсем не холодно, если сидеть не в тени, а на солнце. Я устроился поудобней на дорожке с солнечной стороны, размечтался о том, что будет на обед, и не заметил, как заснул.

Мне приснилось, что я выползаю из подземного хода, совсем как тогда ночью, и слышу противный голос Дитера-фашиста:

— Вот ты где, крошка Клаус!

Это было так похоже на ту страшную ночь, что я даже почувствовал, как Дитер тычет мне в лицо свои противные черные сапоги с кнопками. Я поскорее открыл глаза, чтобы проснуться, но черные сапоги с кнопками не исчезли, а продолжали торчать прямо у меня перед носом. Я поднял голову и увидел над сапогами черные кожаные штаны с кнопками, а над штанами черную куртку и злобную морду Дитера. Значит, он мне совсем не приснился, а на самом деле стоял рядом со мной на стене замка, куда никто не мог так просто пробраться. Может, его и вправду принес сюда какой-нибудь черт с Чертова Пальца?

Я открыл рот, чтобы позвать Ури, но вспомнил, как далеко он мог спуститься за то время, что я спал, и закрыл рот обратно. Но Дитер тут же понял, что я хотел позвать Ури, и ткнул меня сапогом прямо под нос:

— Только не вздумай звать своего припадочного парашютиста! — прошипел он. — Учти, только крикнешь, я тут же сброшу тебя вниз!

И больно пнул меня еще раз, но не в лицо, а в бок, — чтобы я ему поверил, — и вдруг заметил длинную царапину на черной коже у себя на колене. Он ткнул в царапину пальцем, и кожа лопнула в одном месте, так что получилась длинная щелочка.

— Ты что же это не предупредил меня, что твой подземный ход такой узкий, — сказал он сердито. — Из-за тебя я порвал штаны. Кто мне за них заплатит?

Я не знал, кто должен заплатить Дитеру за порванные штаны, но зато я понял, что никакой черт его сюда не принес, — он просто пролез в замок через подземный ход. Я сам тогда ему про этот подземный ход рассказал, чтобы доказать, что я не подручный дракона. Но, конечно, я не стал ему рассказывать, что там со всех сторон торчат острые камни, он же меня не спрашивал! Он еще раз пнул меня в бок, про-

сто так, чтобы я знал, кто он, а кто я. Но я и так знал и сидел тихо, не заедался, пока он вертел головой, будто что-то искал.

Пока он вертел головой и не обращал на меня внимания, я стал думать, знает ли он, что его все зовут Дитер-фашист. Но тут он заметил веревку, привязанную к скобе, и снова начал приставать ко мне, чтобы я рассказал ему, для чего она тут привязана. Но я не хотел говорить, что Ури полез в цистерну, и прикинулся, будто я не понимаю, о чем он меня спрашивает. Только Дитер был не дурак, он мне не поверил и опять рассердился, ему рассердиться — раз плюнуть. Он сунул мне в лицо свой большой рыжий кулак и спросил:

— А чего ж ты здесь сидишь, крошка Клаус, если ни хрена не понимаешь?

Я хотел показать ему язык, но побоялся, — а вдруг он стукнет меня под подбородок, и я откушу себе кончик языка. Пока я молчал, стараясь спрятать язык поглубже в рот, Дитер заметил куртку Ури и сам сообразил, что Ури полез туда, куда идет веревка.

— Ага, значит, парашютист полез на веревке в башню, да? Интересное кино! Что же он там ищет?

Тут он наклонился и стал рассматривать расчерченный линиями и кружками лист, который так и лежал там, где Ури его оставил.

— Это что, план замка? — спросил он и уставился на меня. Я не хотел его раздражать и кивнул головой, — тогда он опустил на колени рядом со мной, чтобы рассмотреть этот план получше.

— Очень интересное кино! — повторял он каждую секунду, ползая вокруг плана.

А я смотрел на его обтянутый черной кожей зад и думал, что будет, если я нечаянно, совсем нечаянно, подтолкну его — упадет он вниз со стены или нет? Честное слово, я бы подтолкнул его, если бы был уверен, что он упадет! Но я боялся, что он ухватится за край дорожки и удержится, а тогда он может столкнуть вниз меня, уж я-то точно ни за что не удержусь. А ему и в голову не пришло, о чем я мечтал, сидя с ним рядом, он

щелкнул пальцами по плану и не то, чтобы спросил, а как бы утвердил:

— Ясно, за сокровищем полез! Псих психом, а губа у него не дура: он для того тут и поселился, чтобы добраться до сокровища Губертусов.

И уставился на меня:

— Точно я говорю — он за сокровищем полез, да?

Я вспомнил, что Ури показывал мне на плане сокровищницу Губертусов, и на всякий случай прикусил себе язык, чтобы не выдать ему наш с Ури секрет. Однако, как я ни старался, Дитер заметил мой прикушенный язык и тут же рассердился опять, он чуть что — сразу начинает сердиться. Он вскочил на ноги так быстро, что покачнулся и чуть не сверзился вниз без моей помощи, но, к сожалению, удержался на ногах — ноги у него огромные, особенно когда на них натянуты эти шикарные блестящие сапоги с блестящими кнопками. Он поднял одну огромную ногу в сапоге и больно наступил мне на руку:

— Ты чего там спрятал во рту? А ну — покажи!

Я сидел и молчал, хоть он очень больно прижимал мою ладонь сапогом. Я все это время не вставал на ноги, потому что Дитеру не так легко было бы столкнуть меня вниз, пока я сижу. Но зато, когда я сижу, ему, конечно, гораздо легче пинать меня куда угодно или наступать мне на руки. Он еще больше рассердился, что я молчу, и нажал сапогом сильнее, — мне показалось, что у меня хрустнули косточки на пальцах, и я громко вскрикнул. В ответ на мой крик голос фрау Инге позвал снизу:

— Клаус! Ты меня слышишь, Клаус?

Сапог Дитера чуть ослабил свой нажим, но с моей руки не слез. А фрау Инге опять крикнула снизу, но уже ближе:

— Клаус, Ури, где вы? Пора обедать!

Я бы обрадовался, что она и меня зовет обедать, но тут Дитер опять прижал мою ладонь и прошипел:

— Ну, отвечай же, идиот, ты что, язык проглотил?

Я ответил тихо-тихо:

— Мы здесь, на стене!

Но она не услышала, зато мы с Дитером ясно услышали, как она начала подниматься по лестнице.

— Останови эту стерву, а не то я сброшу тебя вниз!

Мне некогда было соображать, собирается ли он и вправду меня сбросить или только пугает, и я очень громко заорал:

— Ау, фрау Инге! Мы здесь!

Но она, хоть и услышала, и даже ответила мне: «Ау, Клаус!», но все равно продолжала подниматься вверх по лестнице. Дитер прямо озверел, наверно, от страха, что она сейчас его здесь застукает, и стал больно трясти меня за плечо:

— Я сказал, останови ее!

И хоть я не знал, как остановить фрау Инге, — у себя в замке она могла делать все, что хотела, — я все же напрягся и сказал как можно громче:

— Зачем вам подниматься сюда, фрау Инге? Мы уже идем.

Тут мне здорово повезло, потому что она меня услышала и остановилась:

— Вот и отлично, — сказала она. — Приходите скорей, а то все остынет.

И бегом побежала по лестнице вниз, стуча каблучками: «тук-тук-тук!». Тогда Дитер, наконец, отпустил мое плечо, сдвинул свой отвратный сапог с моей руки и заторопился удирать.

— Запомни, — пригрозил он мне, — Если ты пикнешь, что ты меня здесь видел, убью!

И сапоги его забухали по ступенькам, совсем не так, как каблучки фрау Инге, а противно: «плюх-плюх-плюх!». Он исчез как раз вовремя, потому что из проема в стене выглянуло лицо Ури, и он шустро выскочил из цистерны на дорожку, отряхиваясь, как Ральф после дождя. Вид у него был довольный.

— Хорошо, что ты туда не полез, — сказал он мне, будто я собирался туда лезть и передумал. — Там такая вонища — ты бы не вынес.

— А сокровище ты нашел? — спросил я, вспомнив слова Дитера.

— Конечно, нашел, — засмеялся Ури и вытащил из кармана какой-то блестящий предмет, который он тут же зажал в кулаке, чтобы я не мог его рассмотреть. — Вот оно, сокровище.

Он снял с шеи связку ключей и велел мне пересчитать их. Когда я пересчитал и сказал «Двенадцать!», Ури поднес кулак к моему носу и разжал, — на ладони у него лежал большой красивый ключ.

— Тринадцатый красавец! — заорал я. Чтобы узнать этот ключ, мне совсем не надо было пересчитывать остальные: он был особенный — не такой, как другие, — у него головка была не человеческая, а лошадиная. Мне стало очень весело, что ключ нашелся, что Дитер-фашист убрался прочь и что мы с Ури идем обедать к фрау Инге на кухню. Вот она обрадуется, когда мы покажем ей ключ с лошадиной головкой!

— Только фрау Инге — ни-ни-ни! — ладно? Мы сделаем ей сюрприз! — объявил вдруг Ури, пряча тринадцатого красавца обратно в карман.

Я удивился — зачем надо скрывать от фрау Инге, что он нашел ключ? Мы же сами долго морочили ей голову, чтобы она его поискала у себя, а она утверждала, что уже два года, как она в глаза его не видела? Почему же не обрадовать ее, что ключ нашелся? А вдруг Дитер прав, и Ури нашел в подвале еще какое-нибудь сокровище и хочет его тайно забрать себе? Ури как будто прочитал мои мысли, — он внимательно посмотрел мне в глаза и хитро прищурился:

— Может, тебе следует поклясться на крови, что ты не проболтаешься, а?

ИНГЕ

Инге выключила посудомоечную машину, но не стала ее разгружать, а только приоткрыла дверцу, чтобы выпустить пар. В замке было очень тихо: отца не было слышно, Ури, пристроившись у бюро в ее спальне, углубленно чертил что-то на большом розовом листе мил-

лиметровки, принесенном недавно Вильмой. Мимо окна, небрежно приминая опавшие листья, прошла фрау Штрайх, направляясь к своему фольксвагену. Почувствовав на себе взгляд Инге, она полуобернулась и сверкнула в сторону кухонных окон то ли испуганными, то ли просто настороженными глазами за стеклами очков.

«Это она из-за вчерашнего! — сообразила Инге. — Вся деревня, конечно, уже знает. К чему они, интересно, нас уже присудили — к смертной казни, к остракизму или, наоборот, тихо радуются унижению Дитера-фашиста? Ведь они недаром так его прозвали...»

Сегодня трудно было поверить в правдоподобие вчерашнего вечернего представления, так стремительно и беспощадно срежиссированного Ури. Выслушав рассказ Клауса о событиях в кабачке, Инге еще по дороге домой мудро решила не заводить разговора с Ури о его дикой выходке, если он не заговорит с ней об этом сам. А он не заговорил, и вчерашний инцидент застрял между ними необсужденным и неприрученным чудовищем.

Обманчивый покой в замке не мешал Инге остро чувствовать всю зыбкость ее маленького мирка, готового в любую минуту рассыпаться, словно карточный домик, под натиском внешних и внутренних сил. Не говоря уже о реальной угрозе, произнесенной на прощание Рупертом Вендеманном, были и другие — менее очевидные, но не менее реальные. Инге была уверена, что Ури от нее что-то скрывает. Он так избегал смотреть ей в глаза, так неумело уваливал от прямых ответов, так многословно, почти заискивая, болтал о всякой ерунде, что у Инге не было сомнения в какой-то непонятной, идущей у нее за спиной тайной игре. Она не могла бы сказать, что это за игра, против кого ведет ее Ури и кто его союзник. Она только знала, что все пространство заполнено туго натянутыми нитями невидимых паутинок, в которых очень скоро, — может быть, прямо сейчас, — кто-то, — может быть, именно она, — обречен запутаться и пропасть.

Она не могла ни о чем спросить Ури: с той минуты, как она рассказала ему всю правду о Карле, он стал для

нее непроницаем. Он и свиней умудрился забить собственной рукой, и удрал на рассвете, не дождавшись, пока она проснется, и все это только для того, чтобы тайно от нее плести свою паутину. Инге дошла уже в своих подозрениях до такого безумия, что готова была вообразить, будто вчерашний фарс с газовой камерой Ури разыграл специально для того, чтобы скрыть от нее то, чем он был занят весь вчерашний день. «Что за глупости! — мучительным усилием воли остановила она опасный разбег собственных мыслей, — как он мог бы такое спланировать? Тем более, что еще неизвестно, чем за это удовольствие придется расплачиваться».

Словно торопясь ответить на ее вопрос, внезапно зазвонил телефон. Инге секунду помедлила, прежде чем снять трубку, тревожно перебирая в памяти тех, чьи голоса она не хотела бы сейчас слышать — Карл, Руперт, Зильке Кранцлер, Марта, Гейнц, Дитер-фашист... Но голос в трубке не принадлежал ни одному из них — это был кабатчик Вальтер, хозяин «Губертуса». О нем она как-то не подумала, и напрасно: его звонок тоже не сулил ей ничего хорошего. Впрочем, был он крайне любезен и, если за его словами и таилась угроза, то она была хорошо упрятана за елейной мягкостью его голоса:

— Добрый вечер, фрау Инге. Надеюсь, у вас все в порядке? — начал Вальтер издалека. — Как чувствует себя господин Губертус? Ну, слава Богу, слава Богу! — счастливо откликнулся он на сообщение, что господин Губертус чувствует себя хорошо. И уж совершенно благолепно стал благодарить Инге за внимание в ответ на ее вопрос о здоровье его и супруги. «Ну, давай уже, давай, выкладывай, чего тебе надо!» — мысленно поторопила его Инге, не решаясь прервать приторный поток его вежливостей.

— А у нас в «Губертусе» сегодня выходной! — со все возрастающим радушием сообщил Вальтер, явно приближаясь, наконец, к сути звонка. — Мы с Эльзой занялись уборкой после вчерашних безобразий.

«Ага, это уже ближе к делу», — промелькнуло у Инге в голове после упоминания о вчерашних безобразиях.

— У нас тут сейчас тихо, чисто, никого посторонних нет. Вот мы с Эльзой и подумали: может, вы сегодня вечером заедете к нам на полчаса?

— Я — к вам? Зачем?

Голос Вальтера внезапно перестал источать мед, «словно туда плюхнули ложку дегтя» — отметила про себя Инге:

— Мне кажется, нам есть что обсудить, пока не поздно. Разве не так, фрау Инге?

Возразить на это было трудно, тем более что сквозь статический треск на линии откуда-то издалека прорвался прокуренный голос Эльзы:

— Она что, все еще из себя целку строит? Хватит с нею миндальничать, скажи ей все как есть.

В ответ на эту полную доброжелательства реплику Вальтер заблеял в трубку что-то невразумительное. Инге вспомнила болтовню Клауса о том, что кабатчик всегда норовит сделать все назло своей супруге, и решила прекратить эту ненужную комедию — пожалуй, ей и впрямь, пока не поздно, следует поговорить с владельцами кабачка. Хоть она смутно представляла себе, что именно может быть «поздно», она быстро прервала блеяние Вальтера прямым вопросом:

— Вас устроит, если я подъеду к вам через полчаса?

Положив трубку, она окликнула Ури, который, мурлыкая что-то на иврите, сосредоточенно водил карандашом по миллиметровке.

— Мне сейчас придется уехать на пару часов, — сказала она как можно небрежней, чтобы он не забеспокоился, что она едет улаживать последствия его проказ. Но он ничуть не обеспокоился, а даже как будто обрадовался. Или ей это просто показалось? Ее сбивало с толку, что она вдруг потеряла способность распознавать оттенки его душевных движений с той легкостью, с какой ей удавалось это раньше. Она дошла уже до того, что не поверила его несомненному удивлению по поводу ее поспешного отъезда:

— Сейчас? Куда?

Услышав эти вроде бы искренне недоуменные вопросы, Инге некстати вспомнила, что Ури, как оказа-

лось, подслушал ее разговор с Рупертом Вендеманном. Можно ли поверить, что сейчас он, сидя в соседней комнате, не слышал через отворенную дверь, как она обещала Вальтеру приехать через полчаса? Зачем же он притворяется удивленным? Или она просто помешалась и подозревает его ни за что, ни про что?

Впрочем, в данную минуту было неважно — она ли помешалась, он ли притворился. Важно было, что ей все равно придется сейчас поехать к Вальтеру и, как это ей ни противно, принять тот ультиматум, который он намеревается ей предъявить. Потому что хитрюга-Вальтер уж, конечно, пригласил ее приехать в такой час не для того, чтобы распить с нею бутылочку местного вина по случаю благополучного завершения Дня Охотника. Инге невольно усмехнулась своей неожиданной фантазии назвать жестокий спектакль, разыгранный Ури во дворе замка, благополучным завершением Дня Охотника. Вошедший в этот момент в кухню виновник переполоха, заметив ее усмешку, полюбопытствовал:

— Почему ты смеешься?

— Чтобы не плакать! — быстро отпарировала она и попросила. — Ты тут покорми Отто ужином и уложи в постель, ладно?

— Я уже вчера его укладывал. Не слишком ли часто? — попробовал уклониться Ури.

Чуткое ухо Инге немедленно уловило в его возражениях какую-то фальшивую нотку, — вроде как, если бы был он рад, что она навязывает ему заботу об отце, а пытался изобразить, будто недоволен. В такой игре вовсе не было смысла — может, ей это просто почудилось? Выяснить, в чем тут собака зарыта, все равно было сейчас нехвата, так что она не подала виду и только напомнила ему кротко:

— Вчера, насколько я помню, мне пришлось уехать по твоим делам.

— Сегодня, Впрочем, тоже, — закончил он за нее и глянул, наконец, ей прямо в глаза. — Ведь правда?

— Правда, правда! — поспешно согласилась Инге, опасаясь его неожиданных реакций, которые никогда

нельзя было предусмотреть. — Так я побегу предупредить Отто.

Однако никаких особых реакций не последовало, так что Инге схватила с вешалки свой белый плащ и благополучно выскочила из кухни, пока Ури не успел ее остановить. Теперь предстояло еще ублажить Отто, который, конечно, вовсе не жаждал, чтобы вместо любимой дочери его укладывал спать ее ненавистный хахаль. Но, к счастью, отец в этот вечер был кроток и склонен к компромиссам, — Инге даже с некоторой теплотой подумала о несомненном благотворном влиянии порнотерапии этой лицемерной ханжи, Габриэлы Штрайх. Заручившись согласием Отто не слишком брыкаться, когда Ури придет укладывать его в постель, Инге вывела фургон и с удивлением заметила, направляясь вниз, в деревню, что на душе у нее не так уж скверно. Она даже разок засмеялась вслух, представив себе руку фрау Штрайх на колене Отто в тот упоительный момент, когда голые девушки катали голого учителя по траве.

Хорошее настроение Инге не испортилось даже, тогда когда Вальтер приоткрыл дверь черного хода и, пугливо озираясь по сторонам, не видит ли их кто-нибудь, впустил ее внутрь, всем телом выражая осторожную осмотрительность мудрого хозяина. Всей своей поведкой он давал ей понять, как важна и секретна их встреча, окутанная покровом тайны и темноты. Окна в кабачке были глухо зашторены, парадная дверь заперта на засов. Все лампы были погашены, кроме одной, стоящей на столике, притаившемся в тени игрового автомата.

За столиком, на котором была приготовлена открытая бутылка вина, — все-таки бутылку вина он ей выставил, притом вина неплохого, старого, из семейных подвалов! — и три бокала, сидела в напряженной позе Эльза с незажженной сигаретой в углу рта. Инге давно привыкла к ее странной манере постоянно посасывать незажженную сигарету, которая во рту любой женщины, кроме Эльзы, могла бы быть воспринята как эротический сигнал. Однако жесткий корявый рот Эльзы, напоминающий рты леших, вырезанных Гейнцем из ело-

вых корней, никаких неприличных ассоциаций ни у кого не вызывал — весьма возможно, что напрасно: недаром она всегда клокотала от переполнявшей ее злости.

Обычно эта бессмысленно торчащая из недоброго рта незажженная сигарета не раздражала Инге, но сегодня Эльза распространяла вокруг себя такое сильное поле настороженного недоброжелательства, что Инге в первый миг стало не по себе. Однако она усилием воли подавила захлестывающую ее волну неприязни и с любезной улыбкой стала спускать с плеча свой белый плащ с явным женским расчетом на то, что Вальтер, как хозяин, подхватит его на лету. Вальтер поднял было руки, чтобы перехватить скользящий вниз плащ, но вдруг осекся под сверлящим взглядом жены и, беспомощно застыв с растопыренными в полувзлете ладонями, позволил плащу с шелестом упасть на пол. Когда Инге наклонилась поднять плащ, рука ее, однако, наткнулась на руку Вальтера, тоже поспешно наклонившегося для той же цели.

После того, как злополучный плащ был наконец водворен на плечики и повешен на высунутый для этой цели деревянный язык прибитого возле дверей лешего, Инге в сопровождении Вальтера подошла к освещенному столику. Прежде, чем сесть, она на секунду приостановилась, словно ожидая, что скажет Эльза. Та махнула рукой в сторону бутылки и бокалов:

— Садитесь, фрау Инге. Хорошо, что вы пришли.

Не желая первой начинать неприятный разговор, Инге протянула руку к бутылке:

— Можно? Умираю от жажды. Вы вырвали меня прямо из-за стола, я даже не успела допить свой чай.

— Хотите еще чего-нибудь? Кофе? Пива? — рванулся к стойке Вальтер.

— Нет, нет, спасибо. Вполне достаточно вина, — установила его Инге и щедрой рукой плеснула в свой бокал прозрачную золотистую жидкость.

— Отличное вино, — похвалила она после первого глотка и стала медленно цедить сквозь зубы содержимое бокала, давая хозяевам кабачка возможность перей-

ти, наконец, к тому делу, ради которого они затребовали ее к себе.

Вальтер бросил на Эльзу короткий вопросительный взгляд, та чуть опустила ресницы и кивнула: «Давай, начинай!». Вальтер глубоко вдохнул воздух и сказал:

— Это правда, что вы собираетесь реставрировать замок и открыть его для туристов?

Инге так удивилась этому вопросу, что со стуком поставила недопитый бокал на стол и недоверчиво уставилась на Эльзу, — хоть спрашивал Вальтер, ясно было, что парадом здесь командует она.

— И из-за этого вы настаивали, чтобы я срочно приехала к вам именно сегодня?

На этот раз Эльза ответила сама: не вынимая сигареты изо рта, она припечатала ясно, без обиняков:

— Мы пригласили вас, чтобы предупредить: вчерашние охотники собираются подавать в суд.

На что Инге столь же ясно, без обиняков сблефовала:

— На кого? На Гейнца?

— Почему на Гейнца? — с притворным удивлением подняла свои жидкие брови Эльза.

— Разве не он втравил их в этот сомнительный конфликт, бросающий тень на репутацию вашего уютного кабачка? — безоглядно продолжала блефовать Инге. Хотя роль Гейнца во вчерашней сваре была ей не вполне ясна, она достаточно хорошо его знала, чтобы предположить, что он-то и был заводилой.

— При чем тут наша репутация? — заволновался Вальтер и, подсев к столу, стал нервной рукой наливать вино себе и Эльзе. — С нашей репутацией все в порядке: мы ничего не видели, ничего не слышали. А что видели, то можем забыть — если вы захотите, конечно... ну, и согласитесь...

То ли от волнения, то ли от неяркого сияния затененной оранжевым абажуром лампы в его прозрачных глазах стали вспыхивать и мгновенно гаснуть спиральные радужные сполохи. Инге напряглась припомнить, на чьем лице она совсем недавно видела такие же прозрачные, почти бесцветные глаза, вдруг беспричинно

вспыхивающие радужными сполохами и так же беспричинно гаснущие. На чьем-то очень знакомом и совершенно неуместном для этих глаз лице, ничем не напоминающем длинное и даже, пожалуй, красивое лицо Вальтера. Образ того, другого лица, смутно маячил перед ее глазами, то отдаляясь, то приближаясь, пока с неожиданной ясностью не завершился тонкогубым, вечно открытым слюнявым ртом в обрамлении рыхлых одутловатых щек — господи, да это же Клаус! Как она могла столько лет не замечать этой поразительной схожести глаз, замаскированной полной несхожестью остальных черт?

Тем временем ничего не подозревающий о направлении мыслей Инге Вальтер что-то спросил и впился в нее глазами в ожидании ответа. А она — надо же! — потрясенная своим несвоевременным открытием, умудрилась его вопрос пропустить мимо ушей. Чтобы скрыть свое невнимание, Инге ответила Вальтеру бессловесным открытым взглядом в надежде, что он повторит свой вопрос. На ее счастье, он принял ее молчание за попытку набить себе цену и пробормотал нечто абсолютно невразумительное:

— Ну хорошо, пускай не ресторан, но хотя бы павильон для торговли пивом и бутербродами?

Инге почувствовала себя актрисой-любительницей в спектакле театра абсурда, забывшей свою следующую реплику, и, не зная, как быть, просто повторила за Вальтером:

— Павильон для торговли пивом?

Вальтер немедленно пришел в восторг и заговорил быстро и сбивчиво:

— Да, да, именно павильон! Я так и вижу его — красный камень и стекло! Проект уже почти готов! На площадке у ворот... сразу за мостом... Под угловой башней... Очень в стиле... так что нисколько не нарушит! Так и вижу — мраморные столики на витых металлических ножках! И такие же стулья... тоже проект... молодой художник, очень талантливый... Мы готовы платить вам за аренду двадцать процентов от прибыли!

— Пятнадцать! — четко поправила его Эльза и выплюнула сигарету. — Пятнадцать процентов — и никаких свидетелей не будет!

Инге показалось, что она сходит с ума.

ОТТО

В другой день Отто устроил бы дочери грандиозный скандал за то, что она уже два вечера подряд сама куда-то удирает, а к нему подсылает своего жеребца. Но сегодня он промолчал и смирился. Во-первых, его очень грела мысль, что жеребцу это нравится еще меньше, чем ему. Во-вторых, Габриэла пригласила сегодня его склонность быстро раздражаться, прокрутив ему на видео новый фильм про двух полнотелых студенток, давших объявление в газету, что у них в квартире сдается комната. Что эти девки вытворяли с предполагаемыми жильцами, что вытворяли! Отто даже пожалел, что не мог пойти по их объявлению, когда был помоложе. Но даже и в старости он умудрился получить свое от их завлекательных игр. И поэтому он не так уж рассердился, когда Инге мазнула его лысину холодными подкрашенными губами и ускакала неведомо куда в своем щеголеватом белом плаще. К тому же после всех передряг и волнений последних двух дней у него просто не было сил с ней склочничать, и он, смирившись, стал тешить себя забавной мыслишкой, что с нее вполне станется поручить старика-отца своему привычному уже жеребцу и умчаться к кому-нибудь другому, свеженькому, еще не надоевшему.

Эта шикарная занозистая идея так пришлась ему по вкусу, что он, отринув обычную ревность, начал сочинять и смаковать детали новых походов своей ненасытной дочки, одалживая недостающие детали из просмотренных им в обществе Габриэлы веселеньких кинокартин. Обессиленный пережитым удовольствием, Отто задремал и пропустил момент, когда многократно обманутый своей неверной подружкой парашютист,

мягко ступая белыми кроссовками, подошел к его креслу с подносом в руке.

— Пора ужинать, — кратко объявил он, повязывая под подбородком Отто жесткую крахмальную салфетку. Отто тут же замотал головой, — он терпеть не мог крахмальных салфеток и строго-настрого наказал Габриэле перейти на мягкие клетчатые кухонные полотенца. Но парашютисту было, конечно, наказы Отто наплевать — спасибо, что он хоть бережно подносил к его губам ложку со сладким творогом, а не пихал ее в рот, как солдатский сапог. Так что Отто пришлось смириться и с жесткой салфеткой под подбородком, и с отвратными белыми кроссовками, в каких он даже Клаусу не позволял заходить в свои комнаты.

Как только Отто смирился с присутствием парашютиста, ему сразу стало легче жить, — творог показался вкусным, булочка мягкой, чай в меру сладким и сам парашютист не таким уж несносным. Поэтому Отто после ужина пришел в благодушное настроение и даже стал баловаться новой мыслишкой, — а не предложить ли парашютисту посмотреть с ним вместе фильм о двух полнотелых студентках, давших в газету объявление о квартире? Почему бы им не повеселиться вместе, раз блядовитая Инге все равно укатила от них к другому?

Чувствуя себя щедрым и великодушным, Отто уже занес было лапу над рельсом, чтобы отстучать свое заманчивое предложение, как парашютист сунул руку в карман, вынул оттуда какой-то блестящий предмет и положил его на стол перед Отто.

— Узнаете? — спросил он.

Кровь бросилась Отто в голову — или ему померещилось, или это был тот самый ключ? Но ведь этого не могло быть: тот ключ сгинул бесследно за недоступной дверью, так что вряд ли это был он. Просто проклятый еврейский нахал его провоцирует, подсовывая ему похожий ключ в надежде, что он испугается и выдаст себя. Отто захрипел и ударил лапой в рельс:

«Конечно, узнаю: это ключ из кухонной связки».

— Верно, — согласился парашютист, — Да не совсем: это потерянный ключ из связки, — добавил он, нажимая на слово «потерянный».

«Может, и потерянный, — схитрил Отто. — Откуда мне знать?»

— Да ведь Инге весь дом перерыла, чтоб его найти.

«А ты, что ли, нашел?» — Отто, забывшись от волнения, незаметно для себя перешел на «ты».

— А я нашел. Что же ты не спросишь, где? — парашютист тоже немедленно перешел на «ты», будто только этого и ждал.

«А зачем мне спрашивать?» — притворно взметнулся Отто. И напрасно взметнулся — парашютист придвинул свою морду прямо к лицу Отто и согласился:

— Незачем. Ведь ты отлично знаешь, где я мог его найти.

Если бы Отто владел своей рукой, он бы расстегнул воротник рубахи, который вдруг начал его душить. Что известно парашютисту? Откуда он знает про ключ и где он его взял? Да нигде он его не взял — попытался успокоить себя старик — это совсем не тот ключ, а любой другой из связки, парень просто морочит ему голову. Он так и отстучал по рельсу — почти твердо, почти уверенно. Но хитрый парашютист только засмеялся, вытащил из кармана висящей в коридоре куртки связку с остальными красавцами и бросил на стол перед Отто:

— Вот тебе остальная дюжина. Можешь пересчитать.

Нисколько не обижаясь на это фамильное тыканье, Отто придвинул лапой связку поближе к себе и внимательно пересчитал — ключей на ней было двенадцать. Впрочем, делал он это только для того, чтобы выиграть время и обдумать линию защиты, потому что, присмотревшись получше, он узнал своего тринадцатого красавца. Спутать его с другими ключами было невозможно — у него, в отличие от остальных, головка была выкована в виде лошадиной головы. Не оставалось никакого сомнения, что это он, — Отто хорошо помнил свое родовое имущество.

«Действительно, тринадцатый красавец, — признал он после долгого молчания, которое парашютист не торопил нарушить. — Ну и что?»

— А вот что, — ответил парашютист, сдвинул ключи на край стола и расстелил перед Отто хрустящий новенький план — близнец первого — того, который так мучительно трудно было порвать.

«Что это?» — Отто бессильно, почти неслышно стукнул лапой, потому что мгновенно понял, что это такое.

— Только не притворяйся, ты прекрасно видишь, что это.

Отто мельком глянул на сверкающий новизной лист и сразу увидел вход в подвал и все остальное — на этот раз он точно знал, в каком углу искать. Если бы он вовремя не сдержался, он бы громко застонал при воспоминании о той ужасной ночи, когда он с невероятным усилием уничтожил этот кусок плана, — и все, как оказывается, напрасно, напрасно, напрасно! Этот наглый мальчишка, этот чужак, посмел перехитрить его! Как его зовут, Ури, что ли? — дурацкое имя; он, Отто, всегда с подозрением относился к иноземцам. Впрочем, соотечественник с нормальным немецким именем Карл оказался еще хуже.

Но откуда этот мальчишка Ури мог узнать про Карла? Ведь ни одна душа не знает! А может, Отто слишком спешит с выводами, и Карл тут вовсе ни при чем? Мальчишка тем временем разгладил опасный угол плана и ткнул пальцем в отмеченный косой штриховкой коридор, в который выходила та дверь.

— Вот сокровищница Губертусов — я там сегодня побывал, и представь, никаких сокровищ там нет и в помине! А вот и дверь, от которой ключик! Которую ты постарался выдрать из плана, изобразивши обморок. Бедная Инге — она так перепугалась! О ней ты подумал?

Отто не ответил — в конце концов, он не в полиции и не обязан утруждать себя ответом. А впрочем, кто знает, может, этот молокосос как раз из полиции? Или из израильской разведки? Но Ури вроде бы не так уж и нуждался в ответах Отто: он воображал, что ему есть что

сказать, и похоже, ему нужен был слушатель, а не собеседник. Может, он все-таки не из полиции?

— Любопытно узнать, зачем тебе понадобилось рвать план именно в этом месте? Вряд ли для того, чтобы отвести нас с Вильмой от пустой семейной сокровищницы. А если не для этого, так для чего? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно получить ответ на несколько других. Я вижу, ты пока не готов пойти мне навстречу, но давай продолжим наше расследование, и я надеюсь, что ты передумаешь.

Отто, насколько мог, затряс головой: «Не надейся, мол, ни черта ты от меня не получишь!». Но мальчишка только засмеялся, так он был в себе уверен:

— Не зарекайся, Отто, не надо: ты вполне можешь передумать, когда выслушаешь меня до конца.

Одного он, во всяком случае, добился: если разговаривать с ним Отто не пожелал, слушать его он не отказался. А ведь мог, и еще как мог! Стоило только начать корчиться, изображать рвоту и отчаянно бить лапой в рельс. Но он ничего этого не стал делать, а закрыл глаза и застыл в своем кресле, готовый к самому худшему. И самое худшее случилось, — Отто услышал стук отворяемого ящика и сквозь щелочку между веками здорового глаза украдкой глянул в сторону бюро. Так и есть — мальчишка открыл тот самый ящик, порылся там недолго и вытащил два желтых листка. Отто зажмурил глаз изо всех сил — ему не нужно было смотреть на желтые листки, чтобы понять смысл того, что сейчас произойдет.

— Открой глаза на секунду, Отто, — голос мальчишки над его ухом прозвучал вкрадчиво, даже ласково. — Ты ведь знаешь, кто это?

Хоть Отто отлично знал, о чем спрашивает Ури, он все же снова глянул сквозь щелочку между веками. Но напрасно он надеялся на чудо: палец мальчишки указывал на трижды проклятую рожу Гюнтера фон Корфа, а мальчишка продолжал, не дожидаясь ответа:

— Это ведь так называемый Карл, правда? Бывший профессор каких-то гуманитарных наук, бывший друг

Инге, ваш бывший подсобный работник, который год назад пропал неизвестно куда.

«Только не трожь Инге!» — теряя голову, взметнулся Отто, внезапно ужаснувшийся мысли, что этот парень — просто полицейский агент. — Она ни при чем!

— Как это ни при чем? Он ведь был ее друг и любовник. Ее, а не твой.

Отто снова зажмурил глаза, напряженно стараясь придумать, как можно немедленно расправиться с мальчишкой, который, как назло, был молод, здоров и силен. Положение было отчаянное, — если бы Отто предусмотрел такой оборот, он наверняка бы нашел способ устранить настырного чужака, но он, ослепленный ревностью, думал все это время бог знает о каких глупостях и упустил такую возможность. Но может, все же упустил не окончательно и есть еще шанс как-нибудь заморочить голову еврейскому молокососу и похоронить его в недоступных подвалах замка? Ведь Отто мог с гордостью сказать, что он сумел обвести вокруг пальца самого Гюнтера фон Корфа, а уж тот был стреляный воробей международного класса, его все полиции мира уже два года ищут и не могут найти. Но для того, чтобы заманить этого молодого нахала хоть куда-нибудь, хоть в его, Отто, спальню, нужно сначала втереться к нему в доверие, а сволочной мальчишка осмотрителен и осторожен, — Отто заметил это позавчера, когда они пытались заставить Инге отпереть дверь подвала с геранями.

Только вспомнив про подвал с геранями, Отто встретился по-настоящему: он еще в тот вечер почувствовал беду, особенно когда увидел Ури с охапкой пиджаков и курток Карла. Он тут же заподозрил, что Инге по какой-то причине открыла своему парашютисту истинное имя Карла, и оказался прав. Но она не могла разболтать того, чего сама не знала, что знал только он один. Он один и больше никто. Так что нечего волноваться — постарался он успокоить себя но тут, словно прочитав мысли Отто, мальчишка заключил свою речь, да еще таким будничным тоном, будто говорил о том, чем завтра кормить свиней:

— Но кто бы он ни был — Карл фон Гревниц или Гюнтер фон Корф, его уже нет в живых. Его кости лежат в том вонючем подвале, в котором я нашел потерянный ключ.

И тут Отто решил отказаться от своей первоначальной игры в молчанку — посредством молчанки ни в чье доверие не вотрешься. Но зато уж решившись, он рискнул пойти ва-банк:

«Рад слышать, — торопливо отстучал он. — Я ведь извелся сомнением: а вдруг он все же сбежал?»

— Ну, ты хорош! — восхитился Ури. — Так вот сразу все карты на стол! Или ты со мной так откровенно, потому что и меня надеешься куда-нибудь замуровать?

«Это было бы неплохо, но надежды мало. А насчет Карла — не спеши выносить приговор, — слегка уклонился Отто, — я просто рад, что он больше не вернется».

— Не темни, Отто, — Ури протянул к старику руку, тот в ужасе отпрянул. — Чего ты всполошился? Я просто подумал, что уже поздно и тебе пора в постельку. А пока я буду мыть тебя и укладывать, расскажу тебе сказку о том, как одному парализованному старику удалось заманить в подвал и замуровать там самого неувеликого Гюнтера фон Корфа.

Сильные руки парашютиста подхватили Отто и вынули из кресла — сопротивляться не имело смысла, тем более что негодяйка-дочь вовремя не поменяла ему пеленку и кожа у него между ног воспалилась и горела. Отто закрыл глаза и отдался на волю нахального мальчишки — самое удивительное, что это было не так уж противно.

— С чего мы начнем? — риторически спросил мальчишка, довольно умело выбирая из-под старика мокрую пеленку. — Может быть, с того, как ты узнал, что за птица ненавистный тебе Карл? Узнал ты этот ужасный секрет просто потому, что ты регулярно подслушивал под дверь в спальню Инге.

Отто дернулся было возразить, но левая рука парашютиста — в правой он держал губку с мыльной пеной — легонько прижала его к застланной клеенкой кровати, где Ури завершал его вечерний туалет.

— Только не трать время на спор: мы можем не успеть до возвращения Инге. Или ты хочешь продолжить нашу беседу при ней? — при упоминании имени дочери Отто сразу сник, и парашютист удовлетворенно сосредоточился на промывании его промежности. — Вот и прекрасно! Я бы тоже не хотел посвящать ее в наши тайны. Не имеет смысла отрицать, что ты регулярно подслушивал: Клаус показал мне те дырочки, которые он по твоей просьбе провертел в ее двери. Как я понимаю, ты был тогда гораздо крепче, ты обходился без фрау Штрайх и мог свободно управлять своим креслом. И тебе ничто не мешало прокрадываться ночью по подземному коридору и слушать, что происходит в спальне. Я уверен, что поначалу интерес у тебя был чисто эротический, ты и не подозревал, какой подарок приготовила тебе судьба. Однажды ты услышал странный разговор, скорей всего ссору, которая навела тебя на мысль, что с этим новым работником не все чисто, и ты удвоил свои усилия, стараясь понять, кто же он такой, ведь правда?

Отто лежал тихо-тихо, разнеженный мягкими касаниями ловких пальцев мальчишки, он даже как бы смирился с тем, что эти пальцы касались его дочери, небось, еще более нежно — черт побери, недаром она так к нему прикипела, ее можно было понять!

— Но они хоть и ссорились, но прямо, небось, никаких имен не называли? Как же ты все же догадался, кто он? — спросил Ури, надевая на Отто полотняные ночные штаны и усаживая его среди подушек.

«Да какая разница?»

— Разница большая. Я ведь хотел рассказать тебе сказку об отважном инвалиде, одержавшем верх над опасным вожаком террористов. А если бы ты не догадался, кто он, какая бы это была победа?

«На слабо меня хочет взять», — подумал Отто, но все же рискнул на откровенность, потому что был польщен: он сам о себе именно так и думал — как о герое, но чтоб чужак-мальчишка так о нем сказал! Как тут было не рассказать — он похоронил свою тайну в себе, и она

жгла его полной невозможностью быть когда-нибудь поведанной. Он приподнял лапу и стал отстукивать без предлогов и знаков препинания, как телеграмму:

«они ссорились непонятно спросить не мог все ездил слушать и ничего один раз приехали из города подарок ей на день рождения покупали стали громко ссориться зачем он уставился на список террористов на дверях почты она повторяла у меня нет больше сил а он смеялся»

— И ты понял, что надо достать этот список?

«подозрений» — стукнул Отто.

Он вдруг страшно заспешил, боясь, что дочь вернется и помешает. Чему именно помешает, он еще не решил — то ли все рассказать, то ли покончить с любознательным нахалом. Правда, пока никакой возможности с ним покончить он не видел, но кто знает, какой случай может представиться?

Нахал его краткого сообщения не понял и спросил неуверенно:

— У тебя появились подозрения?

«Глупо, — раздражился Отто, — без подозрений достать».

— Ну да, ведь никого нельзя попросить, чтобы не вызвать подозрений! Да, задача непростая! Что же ты придумал?

«В парикмахерскую».

— Попросил отвезти тебя к парикмахеру? А до того тебя что, дома стригли? — догадался Ури и вспомнил: — Ну да, ведь парикмахерская напротив почты. Здорово! Ну, значит, Инге привезла тебя в парикмахерскую, а что дальше?

«Сказал ей езжай по делам я подожду мне надоело целые дни сидеть взаперти она только рада меня бросить парикмахера попросил вывезти меня на площадь и стал ездить в кресле взад-вперед»

— Неужто сорвал полицейский лист с дверей? Протезом?

«Два с почты и с банка никто не видел перерыв»

Ури захохотал и прищелкнул пальцами — «ну и молодец ты, Отто!» А Отто упивался своим рассказом —

никогда ни перед кем до сих пор не мог он похвастаться своей изобретательностью, ни с кем не мог поделиться тем отчаянием, которое охватило его, когда он понял, в какую передрагу попала дочь. Ури вышел в столовую и вернулся с желтыми листками:

— Действительно, ты их слегка порвал, я просто не обратил внимания. Ну хорошо, сорвал ты листки, спрятал — под свитер, что ли? А дома начал рассматривать — и как, сразу его узнал?

«заподозрил его и еще одного во втором ряду загримировался хорошо усы сбрил волосы покрасил был блондин а тут брюнет с длинными но узнал»

— И что?

«Стал думать»

— И решил?

«Решил»

— Так-таки решил его прикончить? А почему бы просто не выдать полиции?

«А Инге она прятала и знала давно»

— Ну, а прогнать как-нибудь? Чтоб убрался отсюда и оставил ее в покое?

На лбу Отто выступили крупные капли пота, он начал дрожать мелкой дрожью и жадно ловить ртом воздух:

«негодяй сказал никуда от меня не уйдешь хоть в могилу требовал чтобы посылала по почте бомбы»

Ури так и подскочил:

— Какие бомбы?

«Говорил не могу жить тут в бездействии надо разрушить грозился делать бомбы а она чтоб возила на почту».

— А она что?

«У него в рабстве говорил расскажу что ты все годы знала и посылки возила у него номера полетов записаны с кем когда она встречалась»

— И ты решил с ним покончить?

«Что я мог прикованный к креслу, одна рука»

— Ладно, Отто, перестань прибедняться, у нас нет времени, — перебил его горькие причитания мальчиш-

ка, — сейчас мы выясним, что ты мог и что ты смог. Теперь, когда я понял, как ты разгадал загадку Гюнтера фон Корфа, у меня осталась еще пара белых пятен...

И Отто перестал прибедняться, — ему было очень интересно, что за него придумал хитрожопый еврейский мальчишка, — угадал или не угадал? То есть, что-то наверняка угадал, раз приволок ему тринадцатого красавца с лошадиной головой.

— Как только ты узнал, что Карла разыскивает полиция, ты понял, в чем его главная слабость. И на этой слабости ты решил сыграть.

Услышав это, Отто удовлетворенно хрюкнул, — мальчишка соображает неплохо — любопытно, как далеко он пойдет в своих догадках. А тот увлеченно продолжал:

— Задача была очень непростая, но ты все продумал и предусмотрел: первым делом ты спрятал куда-то план замка.

«Глупости ничего я не прятал»

— Ну да, не прятал! Инге все здесь перевернула вверх дном, но так его и не нашла. А мы с тобой знаем, какой у нее всюду порядок!

«Ну а я при чем»

— Ты хочешь дослушать мой рассказ или нет? — наглый мальчишка сделал вид, будто он собирается уходить, и Отто испугался, а вдруг он и вправду уйдет? И поторопился отстучать, пока не поздно:

«Ну ладно ты прав я спрятал план»

— Я так и знал! — мальчишка так и просиял, и старик заулыбался вместе с ним: все-таки кто-то его наконец оценил! И тут же сам себя одернул: осторожней, старый дурак, не распускайся, а то он таким образом все у тебя выпытает! Но осторожничать было трудно, потому что Ури уже мчался дальше, закусив удила:

— Следующий шаг был трудней, однако ты и с ним справился: ты пробрался на кухню и снял со связки тринадцатого красавца, который отпирает дверь в этот подвал.

«Откуда ты знаешь, что отпирает?» — нетерпеливо перебил Отто.

— Я перед тем, как пришел к тебе, сходил туда и попробовал.

«И отпер дверь?»

— Ну да.

«И что там?»

— А ничего особенного. Узкий темный коридор, куда ведет — неясно.

«Так ты не вошел?»

— Времени не было. Инге ведь просила покормить тебя и уложить в постель.

«Значит, ты дверь открыл, а дальше не пошел?»

Вот он, вот он, случай! Сам в руки идет — неужто опять посветит ему удача? Отто даже дыхание затаил, чтобы не выдать себя неосмотрительным словом или взглядом. И чтобы выяснить, что мальчишка действительно знает, а что производит из своей неукротимой еврейской фантазии, спросил как бы совсем невинно, безо всякого подтекста:

«А что ты там искал?»

— Я исходил из того, что Карл вряд ли собирался надолго оставаться во тьме подвала, и взял у тебя ключ для того, чтобы оттуда выйти. Вот я и искал ту дверь, которую Карл собирался отпереть этим ключом.

«А почему ты так уверен, что кости в подвале принадлежат Карлу?» — Отто вдруг испугался, что все это просто фантазии и никакого трупа не было, а просто Карл тогда сбежал и бросил по пути ключ, и мальчишка где-то этот ключ нашел и мистифицирует его, сочиняя свой вариант событий.

— Ну, это-то самое простое: среди костей, которые, кстати, были хорошо обглоданы крысами, валялись еще и эти ключи.

И Ури бросил на одеяло маленькое колечко с брелком в виде бронзовой печатки, на котором было несколько современных ключей.

— Этот — от ворот, эти два — от фургона, этот — от кухни, этот — от свинарника — узнаешь? — спросил он участливо, будто могло статься, что Отто не узнает. — Кому еще могли принадлежать эти ключи?

Нисколько не убежденный доводами Ури, Отто вконец расстроился:

«Кто его знает, Карл и эти ключи мог бросить, чтобы замести следы».

Испуг старика слегка озадачил Ури:

— Чего ты, собственно, боишься? Что Карл жив?

«Если он жив он еще вернется он ее не отпустит»

— Знаешь, у меня есть другие доказательства, что его нет в живых. Но я их тебе пока не открою. Я расскажу их тебе, если ты честно поможешь мне обнаружить путь Карла в сокровищницу Губертусов. Ладно?

Отто немедленно согласился: терять ему все равно было нечего, а пока идет беседа, у него еще остаются шансы покончить с этим молодым хитрецом. Но главное, было весьма заманчиво дослушать, какую долю истины тот угадал. А еще заманчивей узнать, какие доказательства смерти Карла он умудрился раскопать, хотя Отто не мог даже представить, где ему для этого пришлось копать.

«Давай, — стукнул он, — переходи к делу времени мало»

Мальчишка глянул на часы, сделал круглые глаза — боже, как поздно! — и заторопился:

— Только ты теперь не перебивай, потом поправишь, если что не так.

«Самонадеянный петушок!» — промелькнуло в голове Отто даже с какой-то примесью нежности. Он, конечно, эту ненужную эмоцию тут же подавил и стал слушать с нарастающим вниманием.

— Значит, ключ ты спрятал у себя и начал готовиться к главному действию. Для этого надо было избавиться от Инге и Марты, но при том воскресный день исключался, потому что тебе в первую очередь необходим был Клаус. Твой замысел невозможно было осуществить без Клауса.

«Он знает про Клауса!» — ахнул Отто. И вспомнил настойчивые жалобы Габриэлы на то, что дурачок Клаус последнее время ходит за Ури, как собачка на поводке, и смотрит ему в рот. Так вот оно что — значит, сам

Клаус что-то ему рассказал! Что ж, во всем виноват он, Отто, — он совсем забросил Клауса с тех пор, как у него с Габриэлой появились свои секреты. Даже спину почесать его не просил. Но откуда Отто мог знать, о чем бедный идиот болтает с Ури? Да и вообще, как можно было предположить, что Клаус что-то заметил? Выходит, не такой уж он идиот, раз заметил и рассказал, стоило только кому-то втереться к нему в доверие.

«Твой плюс», — подумал Отто про Ури совсем не сердито, а скорей удивленно, и опять навострил уши. Ничего не скажешь — сюжет развивался увлекательно.

— Для чего нужен был Клаус? А очень просто, — чтобы вызвать скорую помощь. Ведь точно?

Лапа Отто дрогнула, но воздержалась как от подтверждения, так и от отрицания — мол, «посмотрим, что будет дальше».

— Конечно, это было тонкое дело — ведь тебе нужно было провести не просто работягу Карла, а профессора фон Корфа, который и сам умудрился провести многих поумнее тебя. Или, вернее, таких, которые воображали, что они умней тебя, потому что ты оказался парень не промах. В тот день тебе удалось сплавить Инге вместе с Мартой. Я не знаю точно, какой свой каприз ты вынудил их исполнить, — то ли специальный ночной горшок купить, то ли что-то еще, но факт, что они уехали вместе и надолго: ты позаботился, чтобы затребованный тобою предмет находился как можно дальше. Избавившись от обеих женщин, ты приготовил под рукой все необходимое — ключ и желтые полицейские листки — и громким звоном вызвал из свинарника Клауса. Ты выбрал для этого момент, когда Карл возился неподалеку у тебя на глазах, скорей всего — выкладывал из камней стену холодильника, потому что его работа, очевидно, была неожиданно прервана. Я сегодня всю ночь рисовал себе эту сцену и вижу ее так. Ты подозвал Клауса, притворился, будто у тебя начинается приступ, и велел ему срочно вызвать скорую помощь. Теперь тебе нужно было ненадолго избавиться и от Клауса, чтобы поговорить с Карлом

наедине, но при этом ты не мог вызвать Карла сам, для этого тебе тоже нужен был Клаус. Тут у меня первое белое пятно — ведь времени было в обрез, но ты не мог начать свой шантаж до того, как вдали завоет сирена скорой помощи. Но ты, однако, как-то выкрутился. Может, расскажешь мне, как?

Отто захлопал и затрясся от счастливого смеха — ну как было не поддаться на такой соблазн?

«Вывезти во двор к Карлу» — отстучал он.

— Ты попросил Клауса вывезти тебя во двор? Ты гений, Отто — такое простое решение, как я сам не догадался? А как объяснил?

«Дышать потом послал за водой».

— ...изобразил, что тебе трудно дышать, а потом послал за водой на кухню? Здорово, просто здорово! Ну, а дальше я уже представляю. Ты сыграл на том, что вой скорой помощи трудно отличить от воя полицейской сирены, ведь да?

Тут уже Отто забыл всякую осторожность и просто стукнул «да» — в конце концов, что ему терять? Свидетелей нет, в крайнем случае, всегда можно отпереться. Зато его унылая угасающая жизнь засверкала вдруг неожиданными красками, — кому-то он был интересен и нужен!

— Ты отправил Клауса на кухню, как только услышал вдали вой сирены. Ты, конечно, услышал его первый, я давно заметил, что у тебя исключительно острый слух. И тут же забарабанил в рельс «Полиция!». Карл прислушался и тоже услышал сирену. Он уронил мастерок с цементом, — мне его потом чуть не зубами пришлось отчищать, — и уставился на тебя, потому что ты продолжал повторять «Полиция! Полиция!». А у тебя уже были наготове желтые листки с его портретами. Много говорить было необязательно, достаточно было ткнуть лапой в портрет и отстучать «ты!». Ты, конечно, рисковал: такой лихач, как Гюнтер, мог бы тебя тут же пристукнуть и наострить лыжи, но спасительный вой сирены был уже недалеко, так что ты поспешно отстучал «бежим помогу спрятаться», и он предпочел тебе довериться — скажи, почему?

Отто не стал скрывать правду — теперь ему уже нечего было терять: семь бед, один ответ!

«Объявил тебя бы сгноил но Инге за нее боюсь»

— Я что-то такое подозревал. И он тебе поверил?

«Я опять повторил что если б не Инге я бы его сгноил и он поверил говорит куда».

— И тут ты дал ему ключ. Что ты ему пообещал?

«Подземный ход».

— Ты сказал ему, что этот ключ отперет дверь в подземный ход? Но ведь Карл прекрасно знал про этот подземный ход. Он мог нырнуть туда без всяких проблем, почему же он выбрал твой вход, неразведанный и опасный?

«Я посоветовал не ходить без двери собаки сразу след возьмут».

— И он на это клюнул? Ну да, он, конечно, к этому моменту уже плохо соображал, потому что был в панике. Он, хоть и был хладнокровный подлец, но тоже голову потерял, совсем как простой смертный: сирена-то выла все ближе и ближе, а ему вовсе не хотелось обратно в тюрьму! На этом ты его и подсек, честь тебе и хвала!

Тут Отто захохотал, как ненормальный, — давно ему не было так весело!

— Ты стукнул лапой «бежим!», тут из кухни выскочил Клаус, и вы припустили — через твой вход и вниз по подземному коридору. Карл бежал впереди, он хорошо знал дорогу, Клаус катил твое кресло, и ты без перерыва стучал в рельс «скорей! скорей! скорей!», а перед тем, как свернуть в сторону круглого зала, ты отправил Клауса отворять ворота, но Клаус был так испуган происходящим, что никак не мог понять, чего ты от него хочешь. И тогда Карл крикнул ему: «отвори ворота полиции!», и бедняга Клаус побежал назад, в меру сил удивляясь, при чем тут полиция, если он вызывал скорую помощь. Но ему так никто никогда уже на этот вопрос не ответил, потому что, когда он вернулся с санитарями, Карл исчез навсегда, а с тобой и вправду случился удар, и ты попал в больницу. Ну, как тебе мой рассказ?

«Рассказ отличный но с чего ты взял что Карл погиб он удрал полиции ведь не было его искать»

— А труп в подвале?

«Может чей-нибудь еще».

— Ты что, еще кого-то отправлял туда?

Отто на миг потерял голову от возмущения и хотел было поднять трезвон, но сообразил, что Инге нет дома, — и слава Богу, что нет. Но хоть он и сдержался, Ури заметил, как он вспыхнул, и сказал успокаивающе:

— Ладно, ладно, я пошутил. Но раз ты никого туда не отправлял, значит, это все же труп Карла.

«Ты его не знаешь он и труп мог подменить».

— Есть другие вещи, которые трудно объяснить, если Карл жив.

«Расскажи ты обещал».

— Но ведь ты еще не ответил на мои вопросы.

«Спроси скорей».

— Во-первых, как ты управился с первой потайной дверью? Вот с этой? — Ури кончиком ключа указал на тонкую заштрихованную полосу.

«А ты и ее нашел», — задохнулся Отто.

— Не буду хвастаться — это Вильма нашла, а не я. Она хорошо читает чертежи.

«Вильма, — отчаянно заколотил лапой Отто, — нельзя пускать все разнохает разболтает»

— Я сегодня ее и не пустил, отложил на завтра.

«А завтра?»

— Могу еще раз отложить — на следующую неделю. Если ты объяснишь мне, как ты уговорил Карла войти в эту дверь с потайным замком. Ведь он мог отказаться, опасаясь ловушки.

«Научил открывать изнутри больше доверия»

— Я и не знал, что ты такой великий психолог!

Отто хрюкнул — он сам не знал, то ли он был обижен, то ли польщен.

— Ну вот, до сих пор все сходится, или почти все — ведь правда? Но вот дальше... Не то, чтобы я совсем просчитался, ведь, исходя из своих расчетов, я, все-

таки нашел труп Карла... и все же... как он попал в сокровищницу?

«А ты как ты попал?»

— Через цистерну.

«Цистерна! Ты нашел дорогу через цистерну? Далеко спускаться трудно».

— Мне понадобилось больше трех часов... но теперь я лучше знаю дорогу...

«Зачем теперь у тебя есть ключ от двери».

— Но мне неясно, куда эта дверь ведет. Не хочешь мне рассказать?

Сердце Отто подпрыгнуло так высоко, что он чуть не задохнулся — вот он, вот он, случай! Недаром он позволил втравить себя в эту рискованную беседу! Он закашлялся — отчасти из-за сердца, но отчасти из хитрости, чтобы успеть обдумать следующий ход: одна верная фраза и ему, возможно, удастся избавиться от мальчишки вместе со всеми его опасными догадками и неосторожными признаниями самого Отто!

«А зачем тебе туда опять?» спросил Отто, выигрывая время. Ответ обескуражил его, или, еще вернее, — обезоружил:

— Нужно убрать останки Карла. Скоро начнутся работы по реставрации, а мы ведь не хотим, чтобы кто-нибудь затеял следствие, правда?

«По реставрации...» — совершенно по-идиотски повторил растерянный Отто. Весь его хитроумный замысел летел к черту из-за этой дурацкой реставрации. Вряд ли Инге будет полезно, если в сокровищнице рядом со сгнившими останками Карла найдут свежие останки Ури. А тот, с завидной пронизательностью проследив направление мыслей старика, только рассмеялся, окончательно зачеркивая всякую возможность ловушки.

— Не мечтай, пожалуйста, сбросить меня в подвал вслед за Карлом, как предсказала Марта. Второй раз не выйдет. Тем более что у меня, в отличие от Карла, есть ключ от второго входа в сокровищницу.

«Какого еще второго?»

— Ты прекрасно знаешь, какого, — Ури придвинул план поближе к Отто. — Вот этого, который жутким зигзагом с загибами выводит в цистерну, я сегодня два раза по нему прополз — туда и обратно. Страшно зато там, я тебе скажу, мне пару раз даже хотелось повернуть обратно.

«Чего ж ты не повернул?»

— Да как-то жаль было все бросить за два шага до разгадки. И, как видишь, мучился не напрасно, — Ури подбросил на ладони тринадцатого красавца, любясь строгими контурами лошадиной головы. — Вот он, тринадцатый ключик, чуть было не пропавший без вести!

«Вот и бери его отпирай дверь и иди дальше на разведку».

— Не надейся, Отто, не пойду я туда. Лучше смиришься с мыслью, что от меня ты не избавишься так просто, как от Карла. И покажи ловушку, в которую он провалился.

«Глупости какая ловушка? Вот план где она».

— Я уверен, что на плане ловушка есть, только она хитрая, зашифрованная, зачем бы ты его иначе стал рвать — ведь тебе это нелегко далось.

«А ты вправду собираешься убрать оттуда останки Карла».

— Разве я неясно сказал тебе, что собираюсь?

«Ты одобряешь убийство»

— А ты?

«Я убийца с меня спрос другой».

— Я, между прочим, тоже убийца. Только я, в отличие от тебя, — профессионал. Неужто ты это не подслушал?

«Так что у нас союз убийц?» — добирался до истины Отто.

— Нет, у нас с тобой союз против убийц.

«А куда ты денешь эту кучу костей?»

— Я еще не решил: может, спрячу в нишу. Я заприметил ее сегодня над дверью, которая ведет в туннель.

«Как спрячешь?»

— Наверно, заложу камнями, что остались от холодильника.

«Нехорошо свежая кладка».

— Ну, а что еще можно с ними сделать? Не тащить же их наверх?

«В тайник».

— А где он?

Отто ткнул лапой в план:

«Ручка двери три камня вверх два направо нажми в щель острым камень выйдет пустой внутри».

— За тайник спасибо, а теперь покажи ловушку.

«Ладно, — решился Отто, — но сперва почему думаешь останки Карла».

— Ну и зануда ты, Отто!

«Нет времени ошибки».

— Ладно, бог с тобой, слушай. Вчера я поехал в Гейдельберг и нашел там почтовый ящик Карла.

«Как нашел».

— Нет, ты просто зануда из зануд!

«Хочешь чтобы я верил».

— Ты помнишь, позавчера я нес пиджаки Карла? Так вот, из кармана одного пиджака выпал маленький ключик.

Отто вдруг насторожился и застыл, напрягшись всем телом:

«Инге Инге!» — тихо, как будто шепотом, стукнул он.

— Где?

«Совсем близко».

Ури прислушался:

— Тебе мерещится, я ничего не слышу.

«Быстрее укладывай она здесь».

И впрямь, к тому времени, как Ури устроил голову Отто на подушках и подоткнул ему под ноги одеяло, фургон уже въехал во двор и, сверкая фарами, вырулил к подъезду.

«Не должна догадаться о чем».

— Может, я успею пробежать через подземный коридор? — заметался Ури.

«Все равно заподозрит».

— Что же делать?

«Вези сюда телевизор включи».

Ури не стал спорить, а бегом пригнал из столовой передвижной столик с телевизором и видеоустановкой.

«Включай, — торопил старик, — кассета ящике вставь».

Ури послушно выхватил из ящика кассету, сунул в гнездо и нажал на кнопку дальнего управления. Прислушиваясь к приближающемуся перестуку каблучков Инге, он приготовился плюхнуться на кровать рядом с Отто, но что-то зашуршало у него под рукой.

«План», — ужаснулся Отто. Ури схватил план, скомкал и под звук отворяемой двери спрятал его старику под одеяло. Какой-то предмет, звякнув, упал на пол, — Ури наклонился, поднял тринадцатого красавца и поспешно сунул его под подушку Отто.

Когда Инге вошла к отцу, чтобы выяснить, почему в кухне темно, а у него так поздно горит свет, она увидела нечто совершенно неправдоподобное: сидя на кровати почти в обнимку, Отто и Ури со сладострастным интересом следили, как на мерцающем экране две голые пышнотелые девицы вытаскивали из шкафа затаившегося среди платьев немолодого бородатого мужичинку — тоже голого, если не считать черной шляпы, прикрывающей его лысину.

— Ну, вы хороши, мужики! — восхитилась она, не веря своим глазам. — Вас нужно было только на полвечера оставить вдвоем, и вы тут же спелись!

Оба греховодника дружно засмеялись счастливым виноватым смехом.

КЛАУС

Они просто помешались на этом сокровище, особенно мамка. Она сегодня вечером опять притащилась из «Губертуса» веселенькая, под ручку с Дитером-фашистом. Он вынул из карманов своей хрустящей кожаной куртки две бутылки пива, со стуком поставил их на стол и расселся, как у себя дома.

— Марта, — крикнул он по-хозяйски, — неси стаканы!

Мамка прискакала из кухни с двумя стаканами, и они стали пить пиво и приставать ко мне с сокровищем, — нашел ли его Ури, что именно нашел и вытащил ли чего-нибудь наружу.

Мне очень не хотелось им отвечать, и я сначала сказал, что Ури ничего не нашел. Тогда Дитер показал мне из-под стола свой огромный рыжий кулак, но осторожно, сбоку, чтобы мамка не видела. Я притворился, что никакого кулака не заметил и пошел на кухню за стаканом, чтобы они и мне налили пива. Я, вообще-то, пиво терпеть не могу, но мне вдруг стало обидно, что Дитер сидит, развалясь, за нашим столом, а я должен стоять и смотреть, как он себе наливает, а мне нет. Когда я вернулся со стаканом и протянул его Дитеру, мамка хотела сказать «нет!», но Дитер подмигнул ей и налил мне из бутылки на самое доньшко.

— Правильно, крошка Клаус, — похвалил он меня таким ласковым голосом, что я вспомнил, как вчера утром в телевизоре волк притворялся козой, — пора уже тебе становиться мужчиной и пить пиво, как все.

Я поднес стакан ко рту, но не смог отхлебнуть, — очень уж противный был запах, но Дитер тут же заметил, что я не пью, и привязался: «Пей, пей, нечего выкобениваться!». Я зажмурил глаза, одним глотком выпил все, что было в стакане, и закашлялся. Мамка вскочила со стула и замахала руками, но Дитер одной рукой усадил ее обратно на стул, а другой подлил мне еще пива:

— Молодец! — сказал он. — За это тебе полагается еще.

Мамка опять замахала руками и хотела вырвать у меня стакан, но Дитер ее удержал, а мне велел выпить все до дна. Я снова выпил — сперва немножко, а потом еще — во второй раз это было уже не так противно, — и тут в голове у меня все закачалось, и мне стало страшно весело. Дитер тоже развеселился, и мы с ним начали болтать — сперва о футболе, а потом о сокровище. Мне

было приятно, что Дитер разговаривает со мной так, будто больше не думает, что я идиот, потому что я знаю много всякого про замок, про цистерну и про сокровище, а он не знает. Мне даже показалось, что мамке это тоже приятно, и она уже больше на меня не сердится. Я сам не представлял, как много я про все знаю — и про то, когда фрау Инге завтра везет мясо на колбасную фабрику, и про то, когда Ури опять собирается лезть в цистерну за сокровищем, и про то, где Отто держит все свои ключи. Я вдруг услышал свой голос, который рассказывает вслух разные вещи, про которые я никогда не думал, и вспомнил, как Ури всегда говорил, что мне цены нет. Это было очень здорово, что теперь и мамка, и Дитер-фашист узнали, какая у меня замечательная память, — они все время громко смеялись и хвалили меня, а мамка даже два раза захлопала в ладоши.

Тут мне захотелось рассказать им какой-нибудь секрет, например — про Отто и фрау Штрайх, — чтобы они опять засмеялись и еще раз похвалили меня. Я уже открыл было рот, но вспомнил, что Дитер и так все про это знает, раз он им приносит кассеты для видео.

А Дитер перестал смеяться и похлопал мамку пониже спины:

— Видишь, Марта, твой сын уже взрослый и может даже тебя кое-чему научить. Я думаю, он заслужил, чтобы ты завтра взяла его с собой в город.

— В город? — удивилась мамка. — Зачем?

Пальцы Дитера собрались в щепотку, и мамка громко вскрикнула «Ой!», как будто ее кто-то ущипнул.

— Ты возьмешь его завтра с собой в город, — повторил Дитер сквозь зубы, и я снова вспомнил, как у того волка, который притворялся козой, из-под козлиной шкуры вдруг вылезла большая волчья пасть, — чтобы показать ему, как ваши души общаются через тело. Ведь ты хочешь приобщить его, правда?

Вместо того, чтобы рассердиться, мамка накрыла руку Дитера ладошкой и погладила:

— Ну конечно, хочу.

Потом она повернулась ко мне:

— Скажи спасибо Дитеру, Клаус, что он так о тебе заботится. Иди, достань и почисти свой приличный костюм: завтра с утра ты поедешь со мной в город.

Я сам не знал, хочу я ехать с мамкой в город или не хочу. Когда-то раньше я очень хотел, но она так долго не брала меня с собой, что мне надоело слушать ее рассказы про общение душ и расхотелось на них смотреть. Конечно, всегда приятно прогулять работу, но мне стало жалко, что я не полезу с Ури в цистерну за сокровищем, и я попробовал поспорить:

— Но я не могу, я ведь завтра работаю.

— Работа не волк, в лес не убежит! — захохотал Дитер: он тоже почему-то вспомнил про волка. Я замотал головой, но мамка шлепнула меня по затылку, так что я прикусил язык, и пошла звонить фрау Инге, что я завтра не приду на работу. Фрау Инге, наверно, что-то ей возражала, потому что у мамки по щекам побежали малиновые пятна, и она крикнула в трубку высоким голосом, будто собиралась запеть:

— Да, я забочусь о здоровье своего сына! Он мой сын, и я должна снять с него злое наваждение! У меня долг матери!

Я не знаю, что ответила мамке фрау Инге, но, наверно, что-то такое, что ей очень не понравилось. Потому что она взвизгнула:

— Я сама выбираю день, когда я его везу на лечение! Так что ты завтра на него не рассчитывай! — и бросила трубку с такой силой, что весь телефон свалился на пол.

А я и не знал, что она все еще надеется меня вылечить.

ОТТО

С самого утра все пошло вкривь и вкось. Отто с расвета ждал, что Ури заскочит к нему закончить вчерашний разговор, прерванный на самом интересном месте приходом Инге. Но мальчишка заглянул к нему только около восьми, и не успели они перекинуться парой слов,

как в дверях появилась Габриэла, которая как бы застигла их врасплох за дружеской беседой. Неизвестно, что она подумала, но лицо ее выразило целую гамму противоречивых чувств — изумление, недоверие, испуг и даже обиду — тем более что она сразу заметила в гнезде видеоманитофона позабытую ими там впопыхах кассету. Ури тут же ускользнул, пробормотав что-то невразумительное насчет Клауса, который сегодня, кажется, не придет на работу, и оставил Отто в полном душевном раздрае и в неведении — займется ли он немедленно останками Карла или нет.

Чтобы уклониться от настойчивых расспросов Габриэлы о причинах утреннего визита ненавистного парашютиста и о появлении запретной кассеты, которую она накануне собственноручно спрятала в ящик, Отто пришлось разыграть настоящий водевиль с кашлем и закатыванием здорового глаза. Габриэла, как обычно, запаниковала и вызвала Инге, которая впорхнула в спальню, как большая белая бабочка: она по пути надевала плащ и никак не могла попасть рукой в рукав. Справившись наконец с развевающимися полами плаща, Инге мгновенно разоблачила притворство отца: «Господи, папа, ну как тебе не надоест!» и постаралась успокоить Габриэлу, не выдавая ей при этом актерскую тайну ее подопечного — как всегда, разумеется, из чистого эгоизма, чтобы поскорей покинуть его и умчаться неведомо куда. Отто и раньше с недоверием относился к деловой стороне деятельности дочери — все эти банки, ссуды, колбасные фабрики и рестораны казались ему просто ловкой маскировкой ее эротических похождений. А сегодня Отто, к собственному удивлению, обнаружил, что ему было бы неприятно узнать о том, как она наставляет рога наглому еврейскому мальчишке, — вчерашний вечер показал ему, что у него с мальчишкой может возникнуть секретная мужская солидарность, направленная на спасение их общей непутевой возлюбленной, запутавшейся в сетях своих опрометчивых страстей. Но она, конечно, не обратила никакого внимания на робкие попытки отца задержать ее хоть ненадолго и

поспешно умчалась, заявив, что опаздывает на важное свидание, связанное с получением денег на реставрацию замка.

Отто в тоске перебирал в памяти слова дочери о неотвратимости реставрации замка и, прислушиваясь к стихающему за поворотами дороги звуку мотора, пытался отключиться от раздраженного голоса Габриэлы, продолжающей допытываться, как кассета попала из ящика в гнездо видеомэгнитофона. Он даже отметил про себя грешным делом, что пронзительный голос Габриэлы, когда она сердится, напоминает скрип заржавевшей двери. Эта мысль по аналогии привела за собой воспоминание о том скрипе заржавевшей двери, который врывается в его сны уже больше года, — воспоминание о той двери, которую открывал тринадцатый красавец, и о том подвале, в который эта дверь заманивала. После чего его мысли вернулись к неотвратимой реставрации замка, сводя воедино все его страхи.

Как, не вызывая подозрений, срочно добраться до мальчишки? Может, послать Габриэлу за Клаусом? Предлог он придумает, пока она будет за ним ходить. Отто хотел было отстучать свою просьбу, но в зубы ему ткнулась горячая ложка — он вздрогнул и раскрыл рот, который тут же заполнился сладкой манной кашей. Ему не оставалось другого выхода, — он послушно проглотил вязкую, ласкающую небо массу, она живительным потоком заскользила вниз по пищеводу, и он пришел в себя. Все стало на свои места, и незачем было придумывать предлог для приглашения Клауса: ведь полчаса назад, стоя вон тут, на пороге, Ури поспешно пробормотал, что Клауса сегодня в замке не будет. А раз так, значит, надо послать Габриэлу за Ури — задача куда более сложная, но надо ее решить, чтобы не сойти с ума от беспокойства.

Отто торопливо доел кашу и, совершенно отключившись от реальности, погрузился в мучительные поиски повода, ради которого стоило посылать Габриэлу за Ури. Но реальность неожиданно ворвалась в его размышления пронзительным телефонным звонком.

— Кто бы это мог быть? — испуганно спросила Габриэла, даже не делая попытки поднять неумолчно звонящую трубку. Убедившись, что она не намерена отвечать, Отто нажал на педаль кресла и направил его к телефону, на ходу протягивая к трубке лапу. При виде его целеустремленного движения к надрывающемуся от неразделенной страсти аппарату, Габриэла осознала, что ей не удастся переждать, пока телефон замолчит по собственному побуждению, — она одним прыжком опередила старика, рванула трубку с рычажка и поднесла к уху.

— Штрайх, — сказали автоматически ее губы, в то время как глаза ее, стремительно округляясь, начали вылезать из орбит. Когда глазные яблоки ее достигли последней границы, за которой было только их полное отделение от глазниц и всего остального лица, побледневшие губы ее произнесли свистящим шепотом:

— Давно? Полчаса назад? Где, в Крумбахе? А сейчас что? Скорая помощь увезла его в больницу в Лангштулле? Почему в такую даль? Слишком серьезный случай? Уже еду!

Она ногой притянула к себе кресло и рухнула в него, как подкошенная.

— У моего папы инфаркт, — тусклым голосом сказала она в пространство перед собой. — Я вчера с ним поссорилась, и сейчас у него инфаркт. Скорая помощь увезла его в больницу. Он без сознания. Мне надо ехать.

И, упершись ладонями в подлокотники, она с трудом поднялась с кресла, кое-как напялила шляпу, сдержнула с вешалки жакет и направилась к выходу.

«куда ехать а я?» — заколотил в рельс Отто.

Она уже поворачивала ручку двери, и спина ее была непреклонна.

«Габриэла, — взмолился Отто, — не оставляй меня одного Клауса нет и Инге нет не уходи»

Уже переступив порог, она все же обернулась к нему, — лицо ее застыло судорожной маской.

— Я не могу. Мне надо ехать, — произнесла она мертвым голосом, с усилием раздвигая губы. — Это я вино-

вата, что у папы инфаркт. Я никогда не прощу себе, если он умрет, так и не простив меня.

«А я? — забарабанил Отто, — если я умру ты себе простишь?»

Но она его уже не услышала: ее торопливые шаги прошелестели по камням, зафыркал мотор ее «Гольфа» и, тревожно взыв на первом крутом повороте, стал монотонно затихать от виража к виражу. Сердце Отто отчаянно колотилось, настолько потряс его внезапный отъезд преданной Габриэлы, — он привык к ее преданности, и ему в голову не приходило, что она может так взволноваться из-за кого-то другого.

Вдобавок к разочарованию из-за Габриэлы его обидно кольнуло подозрение, что Инге так не помчалась бы к нему, если бы с ним, не дай Бог, что-нибудь стряслось. Частичное осознание того, что это подозрение, скорее всего, несправедливо, не смягчило жгучей обиды, захлестнувшей его душу острой жалостью к себе и наполнившей каплями скупых слез его давно пересохшие глаза. Жалеть себя было не столько горько, сколько сладко, главное — нужно было жалеть себя щедро, с размахом, отдаваясь жалости безоглядно и несправедливо, ничего никому не прощая и не делая скидок на слабости ближних.

Когда Отто продрался через все колдобины отчаяния и, очищенный от дурных чувств, достиг противоположного берега, где можно было, наконец, отключиться и расслабиться, он вспомнил о грядущей скорости реставрации и о необходимости срочно выяснить планы мальчишки. Пожалуй, отсутствие настырной Габриэлы могло облегчить Отто встречу с Ури, — и не стоило огорчаться, что ее отца, выпивоху и весельчака Эрвина из Крумбаха, инфаркт хватил так некстати, как раз когда ни Инге, ни Класуса нет дома. Отто начал настойчиво колотить в рельс, призывая Ури, но вредный мальчишка на его призыв не откликнулся. Он еще немного потрезвонил, хотя понимал, что его усилия напрасны: если бы Ури хотел прийти, он бы пришел сразу после отъезда фрау Штрайх. Выхода не было, нужно было ехать на розыски.

Отто попробовал педаль ручного управления, — батарейки были в порядке, можно было попробовать съездить на кухню. Не стоило рисковать и терять драгоценные минуты на путешествие через двор к кухонному крыльцу, — ведь если Ури там нет, ему придется вернуться оттуда не солоно хлебавши. Так что Отто сразу отказался от этого заманчивого своей простотой варианта и с тяжелым сердцем решил отправиться в путь по подземному коридору. Приходилось признать, что за последнее время он изрядно сдал и уже не может, как когда-то, легко и лихо преодолеть в своем верном кресле бесчисленные препятствия и преграды, затрудняющие его передвижение по извилистой подземной тропе. Но делать было нечего, нужно было ехать.

Отто двинулся в путь — он знал наизусть все выбоины и ступеньки подземного коридора, — как-никак, он сам его когда-то спланировал и построил. К сожалению, он тогда и представить себе не мог, что ему придется когда-нибудь тащиться по этому ухабистому, пробитому в скале туннелю в трудноуправляемом инвалидном кресле. Наверно, если бы такая чудовищная мысль хоть вскользь посетила его в те времена, он бы позаботился о том, чтобы сгладить кое-какие уступы и крутые виражи. Много замечательных вещей он тогда придумал и построил, некоторые из них служат в хозяйстве до сих пор, а другие, отнюдь не худшие, так и пропали без употребления, потому что ему не удалось посвятить дочь в их тайны — частично из-за ее непонятной неконтактной отрешенности, а частично из-за сложности переговоров посредством стука.

Несмотря на неважное самочувствие, Отто добрался до покоев Инге в рекордно короткий срок и, с трудом переводя дыхание, вкатился в пустую кухню, убедившись по пути, что и в комнатах тоже пусто. Хоть тишина вокруг была явно безлюдной, он несколько раз отстучал лапой призыв к Ури — «иди сюда срочно нужно поговорить». Ури, конечно, не пришел и не отозвался, — черт его знает, где его носит! И тут Отто, начисто забыв о своих утренних подозрениях по пово-

ду эротических намерений дочери, в противовес им живо вообразил, что Ури укатил вместе с ней, — и впрямь, почему бы им не погулять на свободе по завершении деловой части? А может, никакой деловой части и не было, и мальчишка вопреки своим вчерашним обещаниям просто пустился в загул со своей ветреной подружкой, бросив на произвол судьбы беспомощного старика наедине с его страхами!

Патетическое сочувствие к себе, беспомощному старику, не помешало Отто обыскать кухню и спальню Ури в надежде найти какой-нибудь знак, указывающий на местопребывание мальчишки. Знаков таких нашлось немало: связка с двенадцатью красавцами не висела на крюке между окнами, полка в стенном шкафу, где Инге держала фонари, была пуста, а в спальне со спинки кресла свисал новый вельветовый пиджак с затесавшейся между рукавами голубой шелковой рубашкой, — как только Инге терпит у себя под боком этот еврейский гармидер! — но нигде не было видно ни кроссовок, ни рабочей куртки.

Если бы Отто искал легкого утешения, он позволил бы себе поверить, что Ури и впрямь, воспользовавшись отсутствием Инге, опять полез в цистерну, чтобы пробраться в сокровишницу за останками Карла. Но он был достаточно стар и опытен, чтобы не позволять себе легких утешений, — слишком дорого приходилось потом платить за даруемое ими мимолетное облегчение страданий. И потому он отправился в кухню на поиски более веских доказательств. Он подъехал к окну и долго всматривался в закрытую дверь свинарника, возле которой суровым обиженным стражем сидел Ральф. По выражению его серебристой морды Отто мог бы почти с достоверностью предположить, что балованный пес страдает от одиночества, а значит, Ури нет нигде в окрестностях двора — иначе Ральф, обожающий общество, не томился бы в тоске под запертой дверью. Слегка успокоенный этим наблюдением, Отто еще раз прокатился по кухне и заметил маленький листок бумаги, прикрепленный магнитной держалкой к дверце хо-

лодильника. Он подъехал почти вплотную и начал всматриваться в мелкую вязь поспешно загибающихся вниз строчек, — они не могли быть написаны дисциплинированной немецкой рукой Инге, ее с детства приучили писать ровно и равномерно на любом клочке бумаги. Страшным усилием преодолевая двойное сопротивление плохих глаз и плохого почерка, Отто, в конце концов, прочел неразборчивую скоропись: «Полез в старую башню продолжать обмеры, вернусь к обеду. У.»

Отто почувствовал, как разжалась жесткая рука тревоги, с утра стискивающая его сердце, — слава Богу, мальчишка, все-таки, сдержал свое слово и полез в подвал за останками Карла! Выходило, что не такой уж он негодяй, хотя мотивы его великодушия не были полностью ясны Отто. Но ясны ему эти мотивы или неясны, все равно нужно было срочно убираться к себе, чтобы, не дай Бог, не столкнуться в кухне с Инге, а не то начнутся бесконечные расспросы и выяснения: чего ради он сюда притащился, чего искал?

Окрыленный надеждой на скорое избавление от разоблачительных останков, Отто ловко вырулил в подземный коридор и довольно сноровисто проехал по самой трудной его части — почти до пересечения с наклонным туннелем, ведущим в круглый зал. В коридоре было темно, но темнота не мешала ему: он освещал себе дорогу своим замечательным фонарем, вправленным, словно фара автомобиля, в одну из ручек его кресла. Когда он подъехал совсем близко ко входу во второй туннель, ему вдруг показалось, что неясная тень пересекла наклонную площадку перекрестка, слабо освещенную боковым светом, проникающим через разбитые окна круглого зала. Свет этот был так же слаб, как и зрение Отто, но зато слух его был намного острее слуха других людей, и потому он уловил не только сомнительное движение тени, но и несомненный шорох шагов, удаляющихся вниз, по направлению к залу. Кто-то, желающий быть незамеченным, проскользнул мимо него вглубь замка.

«Кто там? — заколотил в рельс Отто, напуганный этой встречей, — кто там?»

Но потом он подумал, а вдруг это мальчишка, и заколотил еще громче: «Ури не уходи подожди меня», хотя прекрасно понимал, что Ури бы его и так дождался, вместо того, чтобы украдкой проскользнуть мимо и удрать от него по полутемному туннелю.

На какую-то долю секунды Отто даже вообразил, что это был не человек, а призрак Карла, вызванный из небытия непредвиденным вмешательством Ури. Ясно сознавая всю фантастичность такого предположения, Отто все же не мог полностью перечеркнуть его, тем более что больше ничем нельзя было бы объяснить величественную неподвижность верного стража Ральфа — уж кто-кто, но не Ральф мог бы позволить кому-то чужому безнаказанно проникнуть в свои владения. Мысль о бродящем по коридорам замка призраке заставила Отто поспешить в кажущуюся безопасность собственных комнат, — к счастью, обратный путь всегда давался ему легче благодаря изрядному уклону вниз. Всю эту часть дороги его не оставляла надежда, что Габриэла скоро вернется и ему не придется надолго оставаться в пустом замке наедине с призраком. Но увы, ее не было ни в спальне, зияющей неубранной постелью, ни в столовой, обезображенной остатками неубранного завтрака. Делать было нечего, оставалось только ждать, что кто-нибудь наконец появится и поинтересуется, как чувствует себя брошенный всеми старый инвалид.

А чувствовал он себя прескверно — голова кружилась, под ложечкой саднило и даже некому было пожаловаться. Чтобы хоть как-то скрасить мучительное время ожидания, Отто решил еще раз посмотреть кассету о приключениях двух студентов, хотя для этого нужно было собственными силами справиться с видео и телевизором. Зато теперь незачем было таиться: ведь все домашние уже знали о его тайной слабости, тем более что кассета, забытая Габриэлой при ее поспешном бегстве, так и осталась в гнезде видеоманитофона. Оказалось, что подъехать к телевизору, тоже забытому с вечера в спальне, непросто: кресло никак не втискивалось в узкий зазор между кроватью и передвижным телевизион-

ным столиком. Но Отто не хотел сдаваться, — он снова и снова упорно менял угол подхода к телевизору, нацеливаясь лапой на коричневое ребро торчащей из гнезда кассеты. И каждый раз промахивался.

Неизвестно, чем бы кончилось его противоборство с упрямыми, не желающими подчиняться его воле вещами, если бы во дворе вдруг не завыл Ральф.

УРИ

Ури страшно не хотелось вытаскивать из подвала обглоданные крысами останки Карла, поэтому он сразу, как спустился в сокровищницу, стал искать тайник Отто. В голову все время лезло подлое подозрение, что хитрый старик просто-напросто задумал заманить его в какую-то новую ловушку, и поэтому он решил действовать осторожно. Из-за этой в конце концов оказавшейся напрасной осторожности он потратил на поиски тайника гораздо больше времени, чем на то требовалось. Тайник оказался небольшим, но при некоторой ловкости рук в него можно было затолкать то, что осталось от тщетно разыскиваемого полицией главаря одной из самых кровавых террористических групп послевоенной Европы. А осталось от него немного. Натянув на пальцы резиновые перчатки, в которых Инге обычно занималась уборкой, Ури тщательно подобрал это небольшое с холодного каменного пола, стараясь не пропустить ни косточки, ни позвонка, и аккуратно уложил все собранное в тесном вместилище внутри полого камня. Потом он долго с отвращением уминал разнокалиберные кости рукой в перчатке, пока они все не уместились в тайнике настолько, что ему удалось вернуть камень на прежнее место. Это далось ему нелегко, потому что Отто объяснил ему, как тайник открыть, но не сказал, как его закрыть.

Управившись с тайником, Ури замешкался, шаря фонарями по потолку в надежде обнаружить какие-нибудь признаки ловушки, но ничего не нашел. Тяжелая

душная атмосфера подземелья заставила его на миг представить себе последние минуты — часы, дни, недели? — заточенного здесь Гюнтера фон Корфа. Как он, придя в себя после неожиданного краткого полета вниз, начал в крошечной тьме ощупывать влажные стены в поисках какой-нибудь щели, через которую он мог бы выбраться из этого каменного мешка. Как он понял, что коварный старый хитрец обманул его и что он ищет напрасно, — выхода отсюда нет. Он, конечно, нащупал эту надежно запертую дверь, от которой у него не было ключа, и начал с криками колотить в нее кулаками, но что толку? Кто мог его услышать? Он и это понял, хоть, может быть, не сразу, но, небось, все равно продолжал стучать в дверь, а потом биться головой о стену, пока, наконец, не затих, обессиленный жаждой, голодом и бессмысленностью всех усилий. И хотя он был самый заклятый враг всего, что было дорого Ури, на какую-то долю секунды Ури стало его жаль. Ведь он уже не был для Ури просто именем, напечатанным крупными буквами под лицом на полицейском листке, — Ури успел мимолетно познакомиться с ним, наспех перелистав красную тетрадь из почтового ящика в Гейдельберге перед тем, как спрятать ее в почтовый ящик в Вормсе.

Чтобы подавить эту неуместную жалость, Ури опять прокрутил в памяти хорошо запомнившийся ему с юности список терактов группы фон Корфа, но, как ни странно, это не помогло: образ человека, бьющегося во тьме головой о стенку, не уходил из сознания. Тогда Ури припомнил бомбы, которые тот собирался отправлять по почте. Мысль о бомбах подействовала лучше, и рука жалости перестала стискивать сердце Ури. Он вспомнил о трудностях обратного пути и начал собирать свои разбросанные по полу вещички.

Наклонившись, чтобы подобрать отвертку и кольцо с двенадцатью красавцами, он услышал глухой рокот и гулкий удар тяжелой массы где-то совсем близко и начал распрямляться, прислушиваясь. Но он не успел ни распрямиться, ни осознать, что произошло: мощная

струя воды ворвалась в открытую дверь туннеля и, подхватив Ури, стала стремительно крутить его и швырять в своем винтообразном движении вверх. В глазах у Ури потемнело, голова закружилась, и он на миг потерял сознание. К счастью, всего лишь на миг, а не то он бы просто-напросто захлебнулся.

Придя в себя, он попытался оценить размеры бедствия. Хотя поток стал более равномерным и уже не закручивался у входа ревушим водоворотом, вода продолжала прибывать, быстро заполняя небольшую по площади, но очень высокую сокровищницу. Ури взял себя в руки и, без особого труда овладев положением, научился довольно сносно держаться на плаву. Хотя водоворот сорвал и унес неизвестно куда висевший у него на груди фонарь, он все же, в отличие от Гюнтера фон Корфа, не погрузился с первого момента в кромешную тьму благодаря второму фонарю, вделанному в специальную водоупорную шапку. Эту забавную шапку-игрушку он купил позавчера в Вормсе, внезапно поддавшись мальчишеской любви к техническим усовершенствованиям. «Рука судьбы» — сформулировал он почему-то из лексикона матери и представил себе, что с ней будет, если он не выберется из этого подлого каменного мешка. Сердце его на мгновение задохнулось от ужаса — уже не за нее, а за себя, и он понял, что раз выхода нет, он просто обязан попытаться его найти.

Мысленным взором Ури отыскал в памяти затонувший далеко внизу вход в туннель, а затем прикинул, как можно проникнуть в цистерну по этой узкой извилистой кишке наперекор прущему навстречу мощному потоку воды. Выходило, что обратный путь под водой исключен, — в легких не хватит воздуха на поиски входа в туннель и на борьбу со встречным потоком, особенно, если учесть высоту водного столба в самой цистерне, который нужно будет преодолеть в самом конце пути. Значит, не имело смысла нырять, рискуя погубить под водой единственный источник света, точно так же, как не имело смысла

кричать и звать на помощь: никто никогда не услышит его голос ни сквозь толщу воды, ни сквозь толщу стен. Тем не менее крик так и рвался из его легких, крик отчаяния, крик бессильного ужаса перед тем, что его ждет, нечеловеческий крик животного, попавшего в западню.

Так и не позволив себе закричать, Ури опять подумал о Карле — раньше он только в воображении переживал его ужас и отчаяние, теперь он испытывал все эти чувства, балансируя на готовой вот-вот оборваться тонкой ниточке собственной судьбы. Неужто его тоже ждет участь Карла? Единственным утешением была мысль, что мучения его не будут длиться так долго, как длились мучения Карла — к счастью, вряд ли было возможно длительное парение в этой холодной ванне.

И тут его вдруг осенило — Отто, ну конечно, Отто! Только Отто знал, куда, когда и зачем полез с утра Ури, а значит, нет сомнения, что этот потоп — дело его рук! Казалось бы, смешно говорить о деле рук парализованного инвалида с протезом вместо способной двигаться кисти, однако факт есть факт: коварный старик нашел способ устранить и второго своего соперника, предварительно обеспечив, что тот спрячет от посторонних глаз останки первого.

Осознав, как ловко старик заманил его в ловушку, Ури громко захохотал: конечно, это был истерический хохот обреченного, хохот, скорее похожий на рыдания, хохот, заменивший ему тот, подавленный усилием воли, крик ужаса, который все время рвался наружу. Но в этом хохоте было все же несколько подлинных искр искреннего смеха. Ури смеялся над собой: как он попался, как попался!

Попался, как последний дурак, поверив в дружескую солидарность старого интригана, и вот в наказание за эту наивность он сгниет теперь здесь, в вонючей воде на дне вонючего подвала со всеми своими изысканными детективными расчетами, со всеми своими блестящими логическими построениями и с не менее блестящими разгадками чужих тайн!

ОТТО

Ральф был так надрывно и истошно, как во время войны в сожженных русских деревнях были голодные собаки. Услышав этот надсадный вой, Отто сразу понял, что случилась какая-то беда — тем более, что дурные предчувствия не оставляли его с момента встречи со смутной призрачной тенью, ускользнувшей от него вглубь замка. Он тут же оставил свои попытки включить телевизор и помчался во двор, изо всех сил нажимая дрожащей ногой на педаль максимальной скорости.

Он стремительно выкатился из дверей и, резко затормозив, осмотрелся, пытаясь выяснить, что случилось. С виду не случилось ничего: вокруг было пусто и спокойно — никто не ломился в ворота и не лез через стену. Только Ральф застыл посреди двора в не свойственной ему позе одинокого волка, воющего на луну, и, высоко закинув голову, сотрясал пространство пронзительными горловыми трелями, напоминающими рев сирены перед воздушной тревогой.

Отто подъехал вплотную к псу и стукнул лапой в рельс, чтобы привлечь его внимание. Пес, не поворачивая головы и ни на секунду не смолкая, вежливо взмахнул хвостом, давая понять, что он видит хозяина и уважает его, но не может прервать свою похоронную арию. Тогда Отто развернул кресло, установил его рядом с Ральфом и, страшным усилием воли вскинув ввысь непослушную голову, устремился взглядом туда, куда неотрывно, словно притянутый магнитом, был направлен взгляд больших черных глаз пса. Там не было ничего, кроме неприступной красной скалы, возносящей свою зубчатую вершину над зубчатой стеной и сторожевыми башнями замка. Красота этой взлетающей в небо каменной громады давно перестала поражать воображение Отто, и он уже готов был перевести взгляд в другую точку, как внимание его привлекла неправдоподобно длинная змея, ползущая по красному боку скалы.

Отто закрыл глаза, проклиная свое слабеющее зрение и склонный к панике стареющий мозг. Потом от-

крыл глаза и снова посмотрел на скалу: длинная, сверкающая блестками чешуи змея продолжала виться по камню. «Дракон!» — в ужасе подумал Отто, сам удивляясь собственной глупости. И тут он услышал знакомый шелестящий звук несущегося с большой высоты вниз потока воды.

Надо же, какая чушь может прийти в голову от страха, — дракон! Да ведь дракон — это детская игрушка по сравнению с той бедой, которая случилась наверху: там прорвало шлюз. Никто лучше Отто не мог оценить размеры бедствия, тоннами воды обрушившегося на замок: ведь именно он через несколько лет после войны перестроил там всю систему водоснабжения, отвел в трубы воду, необходимую для жизни, для сада и для разведения свиней, а остаток направил в специально вырубленный в скале водоем, наглухо перекрытый мощным шлюзом.

Невозможно было понять, как вода могла прорвать надежно сконструированный шлюз, подлежащий регулярной ежегодной проверке. Если только не предположить, что кто-то открыл его намеренно, неясно только — зачем? И тут Отто вспомнил промелькнувшую в полутьме подземного коридора тень и почти задохнулся, пронзенный внезапной догадкой: кто-то задумал расправиться с Ури! Но кто мог знать, что он спустился в цистерну? Кто мог это знать? Из всего этого сумбура мыслей Отто привычно выделил главную: скорей всего, Ури уже успел пробраться в сокровищницу Губертусов через узкий туннель, по которому сейчас вслед ему мощным потоком хлынула вода. Если этот проток не застиг мальчишку в пути, он вряд ли его прикончил, зато наверняка наглухо отрезал ему выход.

Отто прикрыл глаза и, по мере сил отключившись от заунывного воя Ральфа, попытался представить себе хорошо знакомый ему когда-то путь из цистерны в сокровищницу. Все сходилось прекрасно: даже такому ловкачу, как израильский десантник, наверняка не под силу проплыть из сокровищницы обратно в цистерну через затопленный извилистый проход, по которому и посуху-

то пробираться нелегко. Да, мальчишке там сейчас приходится несладко! У него еще есть шанс какое-то время побарахтаться в замкнутом пространстве, — потолок в сокровищнице высокий, так что вода вряд ли сможет заполнить ее доверху, а воздух будет поступать через ту хитрую ловушку, через которую Отто отправил туда Карла. Но долго он в холодной воде не продержится. И если он даже умудрился бы благодаря своей силе и сноровке вырваться из водного плена и угнездиться в какой-нибудь мелкой выбоине на стене, все равно он отлично понимает, что выбраться из сокровищницы невозможно. Само собой получалось, что Отто исхитрился замуровать в тех же стенах и второго своего соперника.

Выходило, что у него были все основания торжествовать, — ведь вчера вечером он смирился было с тем, что перехитрить мальчишку ему не удастся, а вот удалось! Но голова у Отто почему-то не закружилась от торжества, и кровь не начала пульсировать быстрее от радости победы. Он точно помнил, что вчера он мечтал о гибели наглого мальчишки, посмевшегося разгадать его тайну, а сегодня, когда мечта эта осуществилась не без его участия, — ведь мальчишка полез в подвал, чтобы убрать с глаз доказательство преступления Отто! — именно в этот счастливый момент в душе Отто что-то не заладилось: ему совершенно некстати захотелось поднять тревогу и вызвать спасателей. Он даже разок-другой брякнул лапой по рельсу, но тут же сам себя остановил, — звать-то все равно было некого, разве что того умельца, который открыл шлюз. А что, если это не призрак Карла, а сам Карл, который сумел тогда выбраться живым из подстроенной ему Отто ловушки и теперь явился мстить? Тогда тем более надо поторопиться и придумать, как толково поднять тревогу — ведь, как нарочно, именно сегодня в замке нет никого, ни Инге, ни Клауса, ни Габриэлы! А может, не «как нарочно», а именно нарочно: их нет, потому что кто-то позаботился, чтобы их не было? Что же тогда делать, что делать?

Голова Отто начала раскалываться от сознания собственного бессилия и от истошного воя Ральфа, затк-

нуть пасть которому Отто тоже был не в силах. Что ж, значит, так тому и быть: он ничего не может сделать, он — старый беспомощный инвалид, ему эта задача не по плечу. Ему остается только собрать последние ошметки воли и покатить кресло обратно к себе. Там он сможет немного отдохнуть, а потом, если ему удастся справиться с головоломной современной техникой, побаловать себя препохабным фильмом про приключения двух студенток. Так он и поступит.

Принявши это мудрое решение, Отто мучительно напрягся, нажал на педаль и начал разворачивать ставшее непослушным кресло, направляя его к своей двери. Когда он наконец усмирил неуступчивые колеса и они неуверенно покатали отяжелевшее кресло в нужном направлении, вой за его спиной неожиданно стих. Обернуться Отто не мог, да это оказалось и ненужным, — Ральф одним мощным прыжком опередил его и с громким лаем преградил дорогу его креслу. На умной морде пса можно было прочесть упрек, обиду и мольбу. «Этот дурацкий пес верит, что я могу навести порядок!» — не без некоторого восторга подумал Отто и попытался наехать на могучего серебристого зверя. Зверь, не ожидавший от хозяина такого вероломства, слегка озверел и решил не сдаваться, поскольку азбукой Морзе он не владел и хозяин не мог загипнотизировать его безотказными формулами команд. Тогда хозяин тоже озверел, и они застыли друг против друга, неспособные ни уступить, ни разойтись с миром.

Пока пес и человек, глядя друг другу в глаза, неподвижно стояли посреди двора, Отто все время слышал непрекращающийся шорох уже слабеющего, но все еще мощного потока, срывающегося со скалы в цистерну по каменной трубе, которой завершался вырубленный в стене старинный акведук. Слушал и содрогался, представляя себе, что чувствует при виде равномерно ползущего вверх уровня воды мальчишка, запертый в вонючем подвале вместе со сгнившими останками Карла, из-за которых он в этом подвале оказался. Отто мысленным взором видел искаженное ужасом лицо мальчиш-

ки — а кто бы в этой ситуации не ужаснулся? И одновременно он видел то же лицо, с любопытством склоненное над ним, — и это было невыносимо. Но особенно невыносимым было воспоминание о том, с какой осторожной ловкостью пальцы мальчишки касались его старого тела, когда тот менял ему пеленку. Черт побери, как-то неожиданно выходило, что он не простит себе, если допустит, чтобы мальчишка погиб — как, например, он сможет наслаждаться фильмом о приключениях двух студенток? Ведь его теперь до конца дней будет преследовать воспоминание о том, как они с Ури почти в обнимку сидели вчера на спрятанном от Инге плане замка, с притворным интересом пялясь на экран.

И тут Отто круто переменял свое решение — он понял, что должен сделать все возможное, чтобы спасти мальчишку. Тем более, что по зрелом размышлении ему стало ясно, как именно спасение Ури, а не его гибель, может послужить его, Отто, интересам. Однако недостаточно принять решение сделать все возможное, нужно еще придумать, что возможно сделать, и возможно ли сделать хоть что-то.

Ему доступен был только один путь — позвонить по телефону. Но кому может позвонить человек, лишенный дара речи? Только тому, кто с ним знаком и кто знает азбуку Морзе. А таких, к сожалению, осталось раз-два и обчелся. Кроме Инге, Клауса и Габриэлы оставалась, пожалуй, одна Марта. Решившись позвонить Марте, Отто перестал церемониться с Ральфом и двинул кресло прямо на него. Пес глухо зарычал, но, оценив решимость хозяина, все же посторонился и дал ему проехать. Вероятно, он почуял, что Отто собирается перейти к действиям, потому что он перестал лаять и побежал рядом с креслом. На доске, прикрепленной над телефонным аппаратом, были аккуратно записаны все нужные номера, так что Отто легко нашел нужный, снял вилой протеза трубку с рычага, положил ее рядом с аппаратом и приступил к сизифову труду набора номера лапой. Когда ему, наконец, удалось достигнуть цели, его ожидало разочарование, — хотя он вытерпел беско-

нечную, до основания подточившую его хрупкое терпение серию долгих гудков, никто ему так и не ответил. Наверно, Марта для того и не отпустила сегодня сына в замок, чтобы укатить с ним куда-нибудь в гости, и не стоило надеяться на ее скорое возвращение.

Что же еще оставалось? Кто мог ему помочь? Отто начал перебирать в памяти немногих посетителей замка и натолкнулся там на птичьи образы двух говорливых дамочек из Верхнего Нойбаха, повадившихся последнее время к Инге с какими-то корыстными целями. Он сам редко с ними сталкивался — они не очень интересовались старым инвалидом, — но он наслушался разных грязных историй об их похождениях от Габриэлы, которая за что-то терпеть их не могла. Отто похождения этих дамочек были безразличны, но он враждебно относился к ним самим, независимо от их походов, — за то, что их корыстный интерес был направлен на осмотр и реставрацию замка, сама мысль о чем была ему невыносима. Но сейчас он готов был примириться с их набегам на его владения, потому что именно их интерес к замку оставался его единственной надеждой на спасение Ури.

Но чтобы воспользоваться помощью той из них, которая, по словам Инге, даже писала ученые книги о старых замках, надо было срочно ее найти и объяснить ей, что произошло. Как можно было сделать это без ног, без голоса и без языка? В сотый раз проклиная несчастное стечение обстоятельств, именно сегодня лишившее его помощи Габриэлы, Отто сообразил, где можно постараться ее найти. Ведь на его доске с телефонными номерами был телефон ее отца, Эрвина, хоть и спившегося вконец, но все же хорошего знакомого, старого боевого дружка Отто со времен мировой войны, когда оба они мерзли и дрожали от страха на далеком Восточном фронте. Если даже поверить, что его сегодня хватил инфаркт, может, Отто повезет и он найдет у него свою предательницу, покинувшую его в такой неподходящий момент.

Отто сцепил зубы и снова повторил мучительную операцию набора номера вилкой протеза. На этот раз его

усилия были вознаграждены: после четвертого гудка кто-то снял трубку, и мужской голос, очень напоминающий голос Эрвина, хрипло сказал:

— Штрайх.

Отто прямо оторопел, но вовремя спохватился, что человек на том конце провода может, не услышав ответа, просто положить трубку. Испуганный такой возможностью, он торопливо отстучал в самую трубку: «Отто Губертус на проводе», стараясь, чтобы стук прозвучал как можно ясней, и каждую секунду ожидая услышать короткие гудки отбоя. Но трубка хохотнула ему в ухо, и тот же хриплый голос заорал: «Это ты, Отто?», с такой характерной интонацией Эрвина, что уже невозможно было усомниться в том, кто это.

«Это я», — отстучал Отто прямо по трубке, полагаясь на сообразительность старого друга, — «как сердце?»

— Чье сердце? Мое? — удивился вопросу Эрвин, — Крепкое, как пивная бочка.

«Габриэле сказали инфаркт помчалась больницу», — отстучал Отто, мысленно пробегая по всей цепочке событий от тени в подземелье до прорыва шлюза. По всем раскладкам неизменно выходило, что дважды два — четыре. Однако у Эрвина были другие соображения по поводу поездки Габриэлы в больницу:

— Так ей и надо. Она вчера со мной разругалась, пускай теперь побегает. А ты что, из-за моего инфаркта звонишь?

«Не только, — приврал Отто, — у меня беда нужно срочно вызвать Вильму.»

— А фамилия какая? — сразу ухватил суть просьбы Эрвин.

Фамилии Вильмы Отто не знал, но на память ему пришло заковыристое новомодное словечко, которым Габриэла обозвала как-то порхающих за окном разбитных дамочек, зачастивших последнее время к Инге. И он неуверенно отбил это слово прямо в трубку:

«Лесбисанка из верхнего нойбаха».

— Лесбитянка Вильма! — радостно завопил Эрвин, — Лесбитянку знаю, и вторую — забыл, как звать, — они

часто у меня форель заказывают. Так что, прислать их к тебе?

«Срочно!»

— Тут же звоню. А что там у тебя стряслось? — полюбопытствовал Эрвин.

«Наводнение», — кратко сообщил со своей высокой горы Отто, чем страшно развеселил живущего в вечно затопляемой низине Эрвина.

— Ну ты шутник! — захохотал он в трубку. — Тебя, я вижу, никакая болезнь не берет!

УРИ

Неясно было, на сколько времени хватит батареек в фонаре, но ясно было, что если ничего не предпринимать, то придется умирать в крошечной тьме. Может быть, в этой ситуации любые действия не имели смысла, но не в характере Ури было безвольным чучелом барахтаться в холодной ванне, покорно ожидая конца, тем более что уровень воды продолжал подниматься, правда, гораздо медленней, чем сначала, но достаточно неуклонно. А это значило, что через какое-то обозримое время должен наступить момент, когда поверхность воды сомкнется с потолком, и тогда — все, кранты!

Наблюдать за тем, как его тело сантиметр за сантиметром приближается к каменному своду над головой, было невыносимо, от этого можно было сойти с ума, так что Ури оставалось или приблизить неотвратимый конец, насильственно набрав воды в легкие, или взять себя в руки и начать искать какой-нибудь выход. Вряд ли существовал выход вниз или вбок, но где-то в потолке была скрыта ловушка, значит, один из камней наверняка не был намертво вмазан в кладку и его можно было попытаться сдвинуть, — если его найти. В голову лезли разные плохие варианты: а вдруг этот камень специально закреплён так, что отвалить его можно, только наступив на него там, наверху, а снизу его не ухватить. Или что даже если повезет выбраться через ловушку,

можно потом сдохнуть и сгнить в темном коридоре, дверь которого отпирает только тринадцатый красавец, впопыхах забытый вчера Ури под подушкой Отто. Вряд ли кто-нибудь догадается искать Ури за дверью, ключ от которой заведомо потерян, — можно не сомневаться, что старый хитрец постарается получше спрятать ключ, о котором никто, кроме него, не знает.

Но все равно надо сделать все возможное, чтобы отыскать этот секретный камень и выбраться наверх в коридор, даже если невелик был шанс выйти потом из этого опасного коридора через запертую тринадцатым красавцем дверь, — кто знает, что там еще может обнаружиться? Ведь Отто умудрился заманить Карла в ловушку рассказом про тайный выход из замка через подземный ход, и Карл, который вряд ли был легковерен, этому рассказу поверил. А уж Карл наверняка хорошо изучил все возможные входы и выходы из замка, — в его положении это было совершенно необходимо. Значит, есть надежда, что коридор и вправду выводит в подземный ход, — чем черт не шутит, даже если черта зовут Отто! А кроме того, старик мог быть прав, сомневаясь, что Карл действительно погиб. А что, если он перехитрил всех, умудрился как-то выбраться из замка и смылся, подбросив в ловушку ключи, чтобы понадежней замести свой след? В этом случае, правда, остается необъясненным полный комплект костей на одну персону, который Ури захоронил сегодня в тайнике. Но ведь никто не проверял, как давно гниют в подвале эти кости, и кого еще за долгие годы мог спустить в свою ловушку Отто. Да почему, собственно, только Отто — ведь и Карл был вполне способен избавиться от какого-нибудь слишком ретивого сообщника и сбросить его кости в недоступный подвал. Тогда ему очень кстати было, удирая, попытаться выдать эти кости за свои.

А раз так, то ему, Ури, пора перестать следить, как медленно ползет вверх маслянисто-черная водная поверхность, и вместо того, чтобы умирать снова и снова с каждым уходящим под воду сантиметром стены, лучше занять себя поисками этой хитроумной ловушки.

ОТТО

Хоть Вильма примчалась буквально через десять минут, Отто успел хорошо подготовиться к ее приезду. Главное, ему удалось удачно решить самую трудную задачу — добыть спрятанный им когда-то подробный план замка настоящий, на котором видны были все детали, не то, что на убогом схематичном чертежике, который выдавали в Управлении по охране памятников. Проблема заключалась в том, что за год, прошедший с того дня, как Отто расправился с Карлом, его собственное здоровье сильно ухудшилось — особенно в результате инсульта, как раз и вызванного страшным напряжением душевных сил, потраченных на осуществление этой расправы. Сидя у ворот в ожидании опея Вильмы, Отто настолько остро пережил снова отчаяние и вдохновение тех невероятных месяцев, что его на какой-то краткий миг захлестнуло сладостное чувство торжества — ведь в тот тревожный день он только успел натерпеться страху, а порадоваться не успел: удар хватил на самом пороге победы. А после удара он, распластанный на больничной койке новым параличом, долго выныривал из черной бездны полного забвения, а когда, наконец, вынырнул, то весь извелся неизвестностью, никак не находя подходящего повода мимоходом спросить у дочери о судьбе Карла. И только по возвращении домой, да притом еще не сразу, а постепенно и мучительно, он выведал, наконец, у Клауса, что Карл с того самого дня исчез и больше не появлялся.

Сладостные воспоминания Отто были прерваны возникшим где-то вдаль глухим рокотом поднимающейся в гору машины, и его охватила новая тревога: а что, если все входы в замок заперты? Он поспешно вырулил к тому месту, где сходились створки ворот, и слегка толкнул одну из них лапой. Створка медленно поползла в сторону — какое счастье: Габриэла, убегая в панике, очевидно, забыла запереть за собой ворота! Обрадованный таким оборотом дел, Отто в сопровождении неотступного Ральфа выкатился из ворот и встретил подъехавшую Вильму уже за мостом, так что она чуть не на-

летела на него, выскочив из-за поворота на изрядной скорости.

Вильма резко затормозила, выпрыгнула из машины и бросилась к Отто, задавая на ходу тысячу дурацких вопросов. Как он и предполагал, она не знала азбуки Морзе, но он, предусмотрев такую возможность, заранее хорошо подготовился и, зажав карандаш вилкой протеза, умудрился написать ужасным почерком пять слов на большом белом листе: «шлюз Ури цистерна срочно Инге». Но прежде, чем показать Вильме слова на листе, Отто ткнул лапой вверх, в сторону скалы. Подчиняясь его гипнотическому взгляду, Вильма посмотрела туда, где вяло струился по красным камням недавний грозный поток, но ничего особенного не увидела, — хоть профиль скалы, исчерченный глубокими бороздами желобов, отлично просматривался с моста, ленивая плоская струя, в которую превратился поток, почти сливалась со скалой и стала незаметной. Вильма вопросительно глянула на Отто и он, снова указав на скалу, перенес свое и ее внимание на слово «шлюз». Прочитав это слово, Вильма еще раз глянула вверх, присмотрелась и ахнула — она поняла, что произошло там, на скале.

Теперь ей нужно было как-то сообщить, что Ури заперт в затопленном подвале, и Отто вернулся к листу со словами. Он стукнул лапой по словам «ури» и «цистерна».

— Ури был в цистерне? — ужаснулась Вильма, — Что он там делал?

Господи, какая разница, что он там делал, разве в этом сейчас суть? Но Вильма, услышав про Ури, совершенно потеряла голову и вместо того, чтобы соображать, как его спасти, начала суетливо размахивать руками и хвататься за сердце. Тщетно Отто, тыкая лапой в лист, пытался объяснить этой безмозглой вертихвостке, куда Ури пролез через цистерну, — она все кудахтала и кудахтала, пока он не понял, что ему придется наладить с нею примитивную связь, а иначе помощи от нее не получить. Он изловчился и защебил вилкой трепыхающийся перед его носом рукав ее свитера. Она рванулась было прочь, но, все-таки, хоть и дура, а сообразила, что

ничего ей не угрожает, и подчинилась его нажиму. Чтобы она перестала трепыхаться, Отто слегка передвинул свою клешню вбок, так что защебил не только ткань ее рукава, но и кусочек ее плоти. Теперь он мог диктовать ей свои условия — стоило ей послушаться, он чуть сильнее сжимал клешни вилки, и она тут же подчинялась.

Не ослабляя нажима клешни, Отто притянул вертикальную поближе к листу и крепко держал ее, пока не убедился, что взгляд ее сфокусировался на написанных им словах. Тогда он разжал клешню, отпустил свитер и прежде, чем Вильма успела отшатнуться, указал ей на слова «срочно Инге». Отто сразу увидел, что на этот раз она поняла, чего он от нее хочет: она приблизила свое лицо — лицо, надо признать, было красивое, хоть, на его вкус, слишком птичье, — к его старому уху и крикнула так громко, что у него голова чуть не лопнула:

— Конечно, надо найти Инге! Я думаю, что знаю, где она сейчас, — она поехала в университет подписывать бумаги о научной ценности замка.

И рванулась было к воротам, чтобы поскорей побежать звонить, но Отто опять перехватил ее клешней, на этот раз за кромку свитера. Она, наверно, воображала, что если он инвалид, то, значит, и глухой, и слепой, и тупой. А он был не глухой, не слепой и поумней ее. И поэтому он сразу сообразил, что Ральф не впустит ее в замок, — он остановил ее в тот момент, когда верный страж, у которого рвения было больше, чем разума, уже изготовился к прыжку. Услыдав грозный рык, вырвавшийся из разинутой пасти пса, Вильма тоже оценила грозящую ей опасность и признала, наконец, умственное превосходство старого калеки.

— Спасибо, — прошептала она, опасаясь громким голосом вызвать новую атаку Ральфа, а также освобождая Отто от подозрения в глухоте. — Что же нам делать?

Отто любил беспомощных женщин — их робость повышала его уверенность в себе. Чувствуя, что Вильма уже готова подчиниться его командам, а значит, и понимать его будет лучше, он указал вилкой назад, себе за спину. Она и впрямь тут же его поняла:

— Покатить вас в замок?

Отто стукнул по рельсу один раз и произвел своей непослушной шеей нечто, похожее на кивок. Она и тут сразу ухватила смысл того, что он имел в виду:

— Один удар — это «да»?

Отто, чувствуя, что он владеет ситуацией, и уже не опасаясь осложнений, сделал попытку покачать головой и стукнул два раза.

— А два удара — «нет», — уже не спросила, а подтвердила она, подталкивая кресло к воротам. Ральф следовал за ними, озвучивая каждый шаг недоброжелательным горловым рокотом, — он плохо переносил любое нарушение привычного порядка. Достигнув ворот, Вильма остановила кресло и сказала неуверенно:

— Он ведь не даст мне войти в кухню?

«Да», — отстучал Отто и вырулил кресло в неширокую щель между створками, пропуская тощую вертихвостку протиснуться во двор за его спиной, но преграждая путь огромному псу. Вертихвостка проявила сообразительность, — не обращая внимания на обиженный лай Ральфа, она ужом протиснулась в щель, вихрем промчалась через двор и взлетела на крыльцо кухни с проворством, которого Отто от нее не ожидал. Пока она звонила Инге, Отто, ловко маневрируя креслом, тоже умудрился въехать во двор, все время придерживая ладью створку ворот, так что Ральф, несмотря на все свои усилия, остался снаружи. Отто прижал створки спинкой кресла и стал нетерпеливо ждать, когда Вильма выйдет на крыльцо. Наконец она появилась в дверях кухни, и по выражению ее лица он сразу понял, что она нашла Инге. Она крикнула сверху:

— Инге уже мчится сюда, — и поманила его рукой, призывая подъехать поближе, она расскажет подробности. Увидев, что он не двигается с места, она решила, что он ждет ее помощи, и устремилась к нему, легко отталкиваясь от камней поношенными белыми кроссовками. Подбежав поближе, она мгновенно оценила ситуацию с Ральфом и спросила:

— Запереть ворота и оставить собаку снаружи?

И, не дожидаясь ответа, она под зычный аккомпанемент раздраженного лая задвинула в петли засов, соединяющий створки, и взялась за спинку кресла:

— Будем ждать ее здесь?

«Нет», — два раза стукнул Отто.

— Поедем на кухню?

«Нет», — повторил он, восхищаясь тем, как быстро она освоилась с новой для нее системой коммуникации.

— А куда же вы хотите? — она на секунду задумалась. — К себе?

«Да», — благодарно ответил он, и они помчались через двор, оставив позади обезумевшего от их несправедливости Ральфа.

Пока Вильма катила Отто в сторону его комнат, он на какую-то долю секунды испугался, не слишком ли поспешно он доверился этой сомнительной незнакомке, которую, если верить Габриэле, и женщиной считать было бы не совсем правильно. Не слишком ли это рискованно — посвящать ее в секреты устройства подземных коридоров? Ведь если она проникнет в тайну его подвалов, она может проникнуть и в тайну его поступков. Но она так сноровисто управлялась с его креслом, что он усомнился в справедливости суждений Габриэлы, — эта вертихвостка в грязных кроссовках, хоть и лесбиянка, но, пожалуй, совсем не такая вздорная дура, какой Габриэла ее изображала. Да и вообще, почему она должна быть дура, — Отто вполне мог понять, чем эту лесбиянку привлекает Инге. С этой утешительной мыслью он расслабился и решил положиться на судьбу.

ИНГЕ

По второразрядному шоссе, ведущему из университета в Нойбах, можно было при большом шоферском искусстве домчаться до замка за четверть часа, но Инге поставила рекорд и вырулила на площадку перед мостом ровно через одиннадцать минут после того, как она

после звонка Вильмы, подавив парализующий дыхание спазм ужаса, выскочила из здания архитектурного факультета и рывком распахнула дверцу фургона. У нее даже не хватило воображения удивиться, как она умудрилась не разбиться во время этой фантастической гонки, потому что она не помнила ни одной подробности промелькнувшей перед ее невидящими глазами горной дороги.

Ворота были заперты, и она не стала тратить время на то, чтобы их отпирать, а выпрыгнула из кабины и, оттолкнув бросившегося ей на грудь взъерошенного Ральфа, отворила калитку, влетела во двор и резко остановилась у входа в свинарник, не зная, куда бежать дальше. Впрочем, долго размышлять над этим ей не пришлось, потому что из комнат отца донеслись удары лапы об рельс, и она, теряя по пути свои нарядные туфли-лодочки, надетые ею с утра с целью увеличения шансов на получение денег для реставрации замка, босиком рванулась навстречу этому призывному звону. Распахнув дверь, она увидела склоненные над столом затылки Отто и Вильмы.

— Где Ури? — хотела крикнуть она, но голос у нее сорвался, перехваченный по выходе из горла все тем же неотступным спазмом, и вопрос ее прошелестел почти неслышно. Однако они ее услышали и расступились, давая ей место у стола, где был расстелен тот самый подробный план замка, который она тщетно искала уже несколько недель. Инге, собственно, всегда подозревала, что старый тиран за чем-то спрятал от нее план, но сейчас ей было не до выяснений, и она послушно уставилась на большой лист, испещренный разноцветными штрихами, линиями и мелкими геометрическими фигурами.

Острое карандаша в руке Вильмы ткнулось в какой-то заштрихованный синим квадратик:

— Он тут, в сокровищнице.

— Тут, — тупо повторила за нею Инге, не в состоянии сообразить, где именно находится эта проклятая сокровищница. — А где вода?

— И вода тут, — тихо ответила Вильма, жалея ее, но не видя способа уклониться от прямого ответа. — Вода ворвалась в сокровищницу через тот же узкий туннель, по которому раньше прошел туда Ури.

— Зачем? — не удержалась Инге, сама удивляясь визгливым нотам, неожиданно прорвавшимся сквозь заградительный барьер парализованных ужасом голосовых связок. — Зачем ему понадобилось туда пробираться?

«Какая разница», — свирепо отстучал Отто.

— Это все твои штучки, только ты мог послать его туда! — выкрикнула Инге, чувствуя, как гнев освобождает ее голосовые связки от напряжения. Но гнев ее не произвел никакого впечатления на Отто.

«Какая разница», — настойчиво повторил он, — «если только я могу его оттуда вытащить».

— Ты думаешь, он еще жив? — неожиданно кротко спросила Инге и обеими руками крепко ухватила за край стола. Робкий лучик надежды обжег ее с такой силой, что ноги ее подкосились, и она чуть не рухнула на пол.

«Надеюсь жив теперь слушай Вильма».

Вильма с готовностью направила острие карандаша на синий квадратик сокровищницы. «Когда они успели так хорошо сговориться?» — мимоходом удивилась Инге, прежде чем последовать взглядом за четкими движениями карандаша. Отто начал быстро отстукивать свои указания, пропуская все лишние слова и несколько не забываясь о грамматике:

«Вода вряд ли затопила до потолка высоко он сильный плавает в потолке выход ловушки», — тут Вильма ткнула карандашом в маленькую черную спиральку, очень похожую на микроб то ли скарлатины, то ли кори из учебника по лечению детских болезней.

«Осторожно войти коридор», — поспешно продолжал Отто, — «и железной палкой нажать на камень он перевернется под ним дыра»

— Но туда невозможно войти, — уточнила Вильма. — Ведь ключ от этой двери потерян.

«Ключ под подушкой»

Проигнорировав изумленный вскрик Вильмы, Инге молча ринулась в спальню и вытащила из-под подушки ключ, запеленутый в скомканный план — вне всяких сомнений, это был тринадцатый красавец.

«Взять фонари веревки и бежать», — скомандовал Отто, — «первым делом найти ловушку осторожно не упасть»

— Вильма, ради Бога, Вы не можете принести из свинарника веревки и большой фонарь, пока я переведу дух? — тяжело опускаясь на стул, взмолилась Инге.

— Я сбегая и мигом обратно, — согласно кивнула Вильма. — Только придержите пса.

Прижатый ладонью Инге, пес зарычал было вслед Вильме и умолк, испуганный той яростью, с какой зарычала на его любимого хозяина его любимая хозяйка:

— Как здорово ты все придумал: сперва отправить Ури в сокровищницу, а потом открыть шлюз!

Отто оторопел:

«Как я мог открыть».

— Ты многое можешь! Ты ведь смог спрятать план и ключ! Чтобы потом изобразить из себя спасителя, когда спасать уже некого!

«Это не я».

— Не ты, так твоя похабная Габриэла! Что-то я ее не вижу. Где она, все еще не спустилась со скалы?

За окном хлопнула дверь свинарника, и послышались торопливые шаги Вильмы. Отто беспомощно сник в кресле, со свистом лоя воздух посиневшими губами, но Инге в эту минуту было не до жалости, она только понизила голос:

— Знай, если Ури погибнет, я брошу тебя тут и уеду.

«Это не я», — слабо повторил Отто, прислушиваясь к приближающемуся шороху кроссовок Вильмы.

— А кто же еще? — яростно сверкнула глазами Инге. — Кого-то чужого Ральф разорвал бы в клочья!

«Может карл», — почти неслышно отстучал Отто.

На пороге появилась Вильма с фонарем в руке и с мотком толстой веревки на шее и, на бегу бросив Инге: «Пошли скорей!», устремила к подземному коридору.

Ральф опять было рванулся ей вслед, но Инге перехватила его и резко вытолкнула во двор, крикнув ему: «Сто-рожи ворота!». Потом, уже в дверях, обернулась к отцу и прошептала:

— Откуда тут мог взяться Карл?

ОТТО

Несправедливость обвинений дочери намертво сковала бы Отто язык, если бы он уже не был скован болезнью, так что он не сумел ничего возразить, объяснить, оправдаться. Отто понимал, что ее угроза бросить его и уехать — отнюдь не пустой звук, он всегда побаивался приступов ее гнева, которые накатывали на нее крайне редко, но уж когда накатывали, то захлестывали ее с головой.

Сейчас, чтобы спасти себя, Отто необходимо было выяснить, кто проскользнул мимо него в темноте подземного коридора. Мог ли это и вправду быть Карл? Когда Отто высказал дочери это безумное предположение, он в первую очередь хотел отвести от себя ее гнев, но при этом все же не исключал, что он догадался правильно, — в основном из-за Ральфа, который не мог впустить в замок никого чужого. И все-таки более вероятно, что шлюз открыл кто-то другой, кто знал дорогу через подземный ход, — хоть трудно представить, кто бы это мог быть. Но кто бы он ни был, вряд ли он уже успел удрасть — даже самый опытный акробат не сумел бы так быстро спуститься со скалы и пробраться по всем сложным переходам, ведущим со стены во двор, где, высунув от усердия язык, картинно застыл верный Ральф. А значит, сейчас у преступника есть последний шанс выбраться из замка, пока Инге не вызвала полицию с собаками, чтобы его найти, — Отто не сомневался, что стоит ей одуматься и прийти в себя, как она поймет всю нелепость своих несправедливых обвинений. Но что бы ни предприняла Инге потом, сейчас он должен занять сторожевой пост у выхода из подземного коридо-

ра, потому что, если преступник не дурак, он не рискнет выходить через кухню прямо в зубы Ральфа, а снова попытается нырнуть в подземный ход.

Дрожащей от усталости рукой старик вырулил на площадку перед выходом из подземного коридора и застыл, — совсем как Ральф, разве что язык не высунул. Вместо этого он из последних сил стиснул зубы, чтобы не спугнуть преступника своим неровным дыханием, с хрипом рвущимся из его перетруженной за это бурное утро груди. Его чуткие уши почти одновременно уловили поспешное приближение легких шагов и отдаленный рокот тоже поспешно взбирающейся в гору машины. Сердце его радостно рванулось навстречу машине: «Габриэла!» — и тут же сникло, стиснутое ледяной рукой страха перед тем неизвестным и безжалостным, чьи быстрые шаги звучали уже совсем близко.

Темный силуэт возник в слабо освещенном проеме подземного коридора на какую-то долю минуты раньше, чем мотор фольксвагена Габриэлы зафыркал у ворот, встреченный радостным лаем Ральфа.

Отто весь напрягся, ожидая увидеть Карла. Однако человек, вышедший на площадку и на краткий, как дыхание, миг оцепеневший при виде старика в кресле, вряд ли был Карл, хоть ростом был не ниже и лицом знаком. Может быть, это все-таки он, только коротко острижен и волосы перекрашены? Думать об этом было некогда, потому что знакомый, но неопознанный человек нагло повернулся к Отто спиной и направился к лестнице, которая коротким маршем спускалась к открытому зеву подземного хода.

Упустить его было бы для Отто самоубийственно, — как он потом убедит Инге, что кто-то сумел пробраться в замок через подземный ход, о существовании которого она даже не подозревала? Она просто засмеется и спросит, неужели он не смог сочинить что-нибудь более правдоподобное. Отто понял, что он просто обязан задержать преступника во что бы то ни стало, — холодея от страха, он поднял лапу и громко заколотил в рельс.

Человек резко повернул назад, одним прыжком достиг кресла и затряс огромной ручищей перед лицом старика. И тут Отто его узнал. Он бесстрашно ударил по рельсу еще пару раз, пока тяжелая рука не рванула его за плечо, чтобы остановить лапу, занесенную для очередного удара по рельсу. Отто сделал отчаянную попытку вырваться из цепкой хватки и ткнул вилкой протеза во что-то мягкое. В ответ что-то хлопнуло, и чужая грубая рука с силой опустилась на его лицо. Уже проваливаясь в черную бездонную пропасть, Отто услышал, как по камням двора звонко зацокали торопливые шаги Габриэлы.

УРИ

Что пугало Ури больше всего? Как ни странно, не сам факт неумолимого приближения смерти, а мысль о том, что батареек в фонаре хватит ненадолго. Умирать было невыносимо и страшно, но еще страшней и невыносимей было представлять, что последние минуты перед смертью он проведет в густой, крошечной, чернильной тьме. «Точно как Карл», — гнусно хихикнул внутри черепа ехидный голосок, и Ури понял, что он начинает терять разум.

Тогда он решил контролировать себя хоть в эти последние минуты: он будет экономить батарейки, попеременно гася и зажигая фонарь, чтобы тот еще светил, когда потолок приблизится настолько, что появится смысл поискать там камень, закрывающий ловушку. Ведь должен же он как-то отличаться от остальных камней!

Ури погасил свет и закрыл глаза, чтобы уберечь себя от зрелища абсолютной темноты, если можно назвать зрелищем нечто принципиально невидимое. Но он обнаружил, что тишина вокруг тоже абсолютная, и испугался, что даже с закрытыми глазами не сможет перенести абсолютную тишину в абсолютной темноте. И тогда, словно для того, чтобы умножить его тоску, на внутреннем экране его глаз появилось лицо Инге. Ури, стис-

нув зубы, отключил внутренний экран и, подавляя страстное желание немедленно зажечь свет, попытался придумать какой-нибудь не слишком мучительный способ умереть поскорей. Но он никак не мог на этом сосредоточиться: мысли его делали круг и возвращались к Инге — почему-то особенно ясно ему вспоминалось ее лицо, склоненное над ним в ту первую ночь, когда он потерял сознание, держась за дверцу ее фургона. Тщетно он с помощью разных уловок старался прогнать этот образ, как бы вобравший в себя всю земную радость, которой он с минуты на минуту должен был навек лишиться, — лицо Инге неотступно возникало, озаряя кромешную тьму вспышками бессмысленной надежды, пока он наконец не догадался, что она посылает ему свой колдовской сигнал.

«Не умирай, подожди! Не спеши умирать!»

И он послушался, хоть понимал все безумие этой удлиняющей пытку отсрочки, — он включил фонарь и снова начал скользить лучом по заметно придвинувшемуся потолку.

Прошло какое-то неподдающееся оценке время, и силы Ури начали иссякать, ему даже показалось, что круг света, отбрасываемый фонарем, затуманился и поблек. Мысль о том, что фонарь скоро погаснет, бросила его в дрожь, и он уже приготовился было нажать на кнопку выключателя, как взгляд его остановился на странно выпуклом камне, который так сильно выпятился вниз, замыкая один из углов, словно собирался вот-вот упасть. Конечно, это просто мог быть не слишком тщательно обработанный угол, но сердце Ури закатилось куда-то вбок, и он подплыл под самый камень — возможно, у него начались галлюцинации, но он увидел, как камень начал медленно выворачиваться из своего паза, будто он и впрямь намеревался упасть.

И тут на него навалилась темнота — густая и вязкая, как чернила, — она окружила его со всех сторон, проникла в легкие и начала душить. Он не сразу осознал, что это батарейки сели окончательно, и фонарь погас. А когда осознал, закрыл глаза и приготовился к смерти:

жадно вдохнул пахнувший гнилью воздух и прошептал: «Шма Израэль...», хотя никогда не верил в Бога и не соблюдал никаких религиозных правил, — назло матери, которая сохраняла вежливый нейтралитет с небесными силами и, боясь их оскорбить, формально выполняла все, что от нее требовалось. Воспоминание о матери сбило его с толку, — даже в эти последние минуты она пыталась противопоставить свою волю его воле, и из-за нее он не смог вот так просто решиться и умереть. Чтобы преодолеть ее сопротивление, Ури нужно было избавиться от ее молящего взгляда, притаившегося у него под веками, и пришлось открыть глаза. И тут он неожиданно обнаружил, что тьма вокруг уже не была такой кромешной: смутный силуэт камня над его головой был очерчен тонкой, но явственной полоской света. Пока Ури пытался понять, реальность это или бред, полоска начала быстро шириться с одной стороны, превращаясь в прекрасную, ослепительно яркую щель. Он попытался крикнуть, позвать, но голосовые связки онемели от холода, и он продолжал молча парить на поверхности воды почти под самым потолком, любуясь невысказанной красотой этой игры света и теней. Такой красивой, такой сверкающей и полной красок полоски света Ури не видел никогда в жизни.

ИНГЕ

Благодаря обширным познаниям Вильмы во всех областях старинного коварства они без особого труда обнаружили камень, запирающий ловушку. Открыть ее оказалось тоже не так уж трудно, — она, как и положено ловушке, мгновенно реагировала на легкий нажим руки, вооруженной железным ломом, и камень легко поворачивался в своем гнезде, увлекая за собой тело, которому эта рука принадлежит. Но именно эта мгновенная реакция и создавала главную проблему: нужно было сообразить, как удержать это тело от стремительного полета вниз в разверзающуюся под камнем дыру. Выхода

не было, и Инге решительно привязала себя к ручке двери, отмахнувшись от протестов Вильмы, что ручка, доскать, проржавела и ненадежна, — все равно в узком горлышке коридора больше не на чем было укрепить веревку, — и, цепляясь пальцами босых ног за неровности вырубленного в скале пола, начала нажимать ломом на прикрывающий ловушку камень. Она не ощущала холода под ногами и не помнила, как еще во дворе сбросила на бегу туфли и прошла по всем коридорам в одних чулках, она вообще ничего сейчас не чувствовала — ни страха, ни гнева, ни надежды — ничего, кроме враждебного сопротивления камня, уходящего вниз под давлением ее рук. Все ее чувства сосредоточились в той точке, в которой тяжелый лом упирался в камень, поворачивая его вокруг невидимой оси.

Под камнем открылась бездонная непроглядная тьма и больше ничего — ни вдоха, ни шороха, ни всплеска.

— Ури! — не узнавая собственного голоса, выдохнула Инге в беззвучную черноту и всем телом устремилась туда вслед за камнем, до отказа напрягая удерживающую ее веревку. Где-то очень далеко, в другом мире, за гранью ее меркнувшего сознания, заскрипела и ударилась о стену тяжелая дверь, и чья-то рука рванула ее прочь от дыры. Инге пошатнулась и, не удержавшись на ногах, шлепнулась на край холодной мокрой ямы, упрямо продолжая задерживать ломом рвущийся обратно камень.

— Не двигайтесь! — скомандовал голос Вильмы. Тонкая рука с фонарем протянулась через ее плечо и направила вниз — в черную дыру — острый желтоватый луч, который внезапно выхватил из темноты мертвенно-бледное запрокинутое лицо Ури на фоне поблескивающей в свете фонаря водной поверхности. Неподвижные глаза его были широко раскрыты.

— Умер... — едва шевеля непослушными губами, почти беззвучно прошептала Инге.

Ресницы Ури дрогнули, и вынырнувшая из-под воды ладонь сделала тщетную попытку прикрыть глаза.

— Глупости! Он жив! — жестко отрезала Вильма. — Где вторая веревка?

Инге была в таком трансе, что потом она ни за что не могла вспомнить, как они с Вильмой сложно и мурно заводили веревки Ури под руки и с мучительным напряжением тшили вытащить его безвольное тело через узкий зев ловушки, пока он не пришел в себя и не начал сам выбираться из черной ямы. Когда Ури, наконец оказался в коридоре, он поднялся на четвереньки и стал, как собака, отряхивать с себя воду, — на плиты пола под ним быстро натекла большая круглая лужа.

— Ты жив, — не веря себе самой, сказала Инге, коснулась ладонью его мокрой щеки и заплакала.

Ури огляделся по сторонам и увидел открытую дверь, к которой все еще была привязана обмотанная вокруг пояса Инге веревка. Пока Инге отвязывала веревку, Ури нетвердым шагом подошел к двери и пробежал пальцами по головке большого ключа, торчащего из замка.

— Откуда ты взяла этот ключ? — хрипло спросил он.

— Нам дал его Отто, — ответила Вильма, заметив, что к Инге все еще толком не вернулся дар речи. — Оказалось, что он все это время прятал его у себя под подушкой.

Ури прислонился спиной к стене, чтобы не упасть, и уставился на Вильму:

— Он его не прятал. Это я вчера нашел этот ключ и положил ему под подушку.

— Ты положил ключ ему под подушку? — вскинулась Инге, будто ее ударили. — Зачем?

— Чтобы он хранил его на всякий случай.

— Почему же он его отдал? Разве он не хотел тебя прикончить?

— Не знаю, — пожал плечами Ури. — Может, и хотел.

— Вы оба сошли с ума! — вскипела Вильма. — Вы не представляете себе, сколько сил стоило Отто вызвонить меня, чтобы я нашла Инге!

— Может, это его очередная хитрость... — начал было Ури, но Вильма не дала ему договорить:

— Интересно, где бы вы сейчас были, если бы не он? — вспыхнула она.

Потом всмотрелась в лицо Ури, маячащее перед нею в полутьме, и прикрикнула:

— Чего вы тут стоите? Ури весь мокрый и дрожит, его нужно срочно сунуть в горячую ванну.

Инге подхватила Ури под локоть и поволокла за собой к выходу, — он неожиданно сник и повис на ее руке, не в силах идти — не то, что бежать.

— А вы, Вильма, разве не идете с нами? — обернулась Инге уже на пороге второй, секретной двери.

— Я еще немножко тут поколдую, раз уж я сюда попала. Я попробую найти то хитрое устройство, с помощью которого ваши предки спускали воду из цистерны.

— Как вы можете его найти?

— Отто показал мне на плане колодец в конце коридора. Я думаю, что пусковой механизм спрятан там.

Услышав в голосе Вильмы острые нотки профессиональной одержимости, Инге махнула на нее рукой и сосредоточилась на Ури, который настолько ослабел, что она почти на руках дотащила его до входа в рыцарский зал. Там она выкатила из кладовой старое кресло Отто и, усадив в него Ури, помчала его в ванную. Открыв кран с горячей водой, она начала сдирать с Ури мокрую одежду, вздрагивая каждый раз, когда ее пальцы касались его ледяного тела. Она пощупала его пульс — сердце его билось медленно и вяло, просто чудо, что он так долго оставался жив, барахтаясь в холодной родниковой воде. Теперь нужно было согреть его медленно и осторожно, оберегая его сердце. Инге помогла ему встать во весь рост в ванне и, не разрешая ему плюхнуться в горячую воду, начала равномерно поливать его слабой струей из душа. Когда глаза Ури слегка прояснились, и пульс чуть ускорился, она решила ему сесть в ванну, а сама поспешила на кухню, чтобы приготовить ему живительный напиток, предупреждающий воспаление легких.

Когда она отсчитывала капли целительной настойки в бокал с нагретым красным вином, за окном кто-то закричал, пронзительно и страшно. Нельзя было понять, кто кричит — мужчина или женщина, крики были

скорее птички, для человеческого уха бесполые и оттого особенно тревожные. Инге все же быстро докапала нужное количество капель, бегом отнесла напиток в ванную, сунула бокал в руку Ури и скомандовала: «Пей!», все время прислушиваясь к воплям за окном, к которым в трагическом регистре присоединился Ральф. Убедившись, что Ури послушно поднес бокал к губам, Инге бросилась обратно в кухню и распахнула дверь: повалившись ничком на ступени крыльца, у ее ног билась в истерике Габриэла Штрайх, вокруг нее с громким лаем метался Ральф.

Инге сбегала вниз и трянула фрау Штрайх за плечо: — Что случилось?

Та несколько раз ударилась головой о перила лестницы, и изо рта ее опять вырвался короткий птичий крик. На этот раз Инге поняла, что она все время повторяет одно и то же слово: «Отто! Отто! Отто!»

— Что случилось с Отто? — повторила Инге, чувствуя, что запас ее сил на этот день исчерпан до дна.

Фрау Штрайх, не отвечая на вопрос Инге, продолжала выкрикивать: «Отто! Отто! Отто!», а Ральф сорвался с места и побежал к дверям Отто. Увидев, что от фрау Штрайх все равно ничего добиться не удастся, Инге поспешила вслед за псом. День уже начал склоняться к вечеру, и Инге внезапно ощутила босыми ступнями осенний холод камней. По пути ей попались ее туфли-лодочки и она, не останавливаясь, сунула в них ноги, не в силах вспомнить, когда она их сбросила, — из ее сознания полностью улетучилась память о том, как она, гонимая страхом за жизнь Ури, совсем недавно бежала через двор, роняя по дороге туфли, сумку и ключи от машины. Она оставила сумку и ключи валяться на красных плитах двора и торопливо толкнула дверь отцовской квартиры.

Его не было нигде — ни в столовой, ни в спальне, ни в кухне. «Может, он поехал по подземному коридору ко мне?» — подумала Инге, уже зная, что это неправда: такая поездка вряд ли вызвала бы столь бурную истерику фрау Штрайх. Но куда бы отец ни исчез, надо было его

найти. Когда Инге вышла на площадку, ведущую в подземный коридор, ее удивила темнота: погасли все лампы, обычно горевшие там круглосуточно. Она повернула выключатель, отчего зажглась одна лампочка над дверью и выхватила из тьмы кресло Отто, застрявшее почему-то у входа в подземный коридор. Раз лампочку можно было включить, значит, кто-то ее выключил.

— Что ты здесь делаешь в темноте, папа? — с надеждой бросилась Инге к отцу, отвергая неумолимое ощущение, что окружающая кресло абсолютная тишина не содержит в себе ни малейшего признака жизни: ни биения пульса, ни колебания воздуха, ни дрожи дыхания. Голова Отто была как-то странно, наискосок откинута назад, криво ощеренный рот под невидящими глазами подчеркивал их неподвижность, уравнившую, наконец, парализованный глаз со здоровым.

И хоть не приходилось сомневаться, что Отто умер не минуту и не две назад, Инге тут же приступила к реанимации: она несколько раз с силой ударила его под ложечку основанием ладони и прильнула ртом к его холодным губам, надеясь вдохнуть в него жизнь. Пока губы Инге пытались вдохнуть воздух в неподвижные легкие Отто, душу ее испепеляли запоздалые угрызения совести — да, да, она виновата, она порой мечтала о смерти отца, которая освободит ее из этого постылого плена в лесной глухомани. Конечно, ее невольные мечты не могли быть причиной его смерти, но ей от этого утешения не становилось легче. И она, чтобы заглушить невыносимое чувство вины, продолжала настойчиво перекачивать отцу в рот воздух из своих легких, ясно понимая при этом, что время вернуть его к жизни давно прошло.

Неизвестно, сколько еще времени она успокаивала бы свою нечистую совесть этими бесполезными дыхательными упражнениями, если бы на плечо ее не опустилась рука Ури.

— Хватит, Инге, — сказал он твердо и силой отклонил ее голову, так что губы ее оторвались от мертвого рта Отто. — Тебе уже не удастся его воскресить.

За спиной ее снова прозвучал птичий крик фрау Штрайх, которая, качаясь, как пьяная, пробралась на площадку вслед за Ури, рухнула на колени перед креслом Отто и начала зачем-то прикрывать его ноги пледом. Она повторила несколько раз: «Отто! Отто! Отто!», а затем выдохнула из себя не вполне разборчивый град торопливых слов:

— Я вошла, а его нет... Но я слышала, как он звонил и перестал... это я во всем виновата, если бы я не уехала, он был бы жив... я еще от ворот услышала — он звонит... я машину бросила и побежала, а он перестал, и нигде его нет... я выбежала на площадку, а там темно... но я сразу увидела кресло, хоть и темно... почему-то свет погас... я потрогала руку, рука упала, я глянула в глаза... а глаза...

Тут она снова издала свой птичий призыв: «Отто! Отто! Отто!», зарыдала и повторила сквозь слезы: «Если бы я не уехала, он был бы жив...»

Инге на секунду задело, что Габриэла убивается из-за смерти Отто больше, чем она, но перед ее глазами на мгновение мелькнуло видение: две головы на фоне телевизионного экрана, и рука фрау Штрайх мягко ложится на колено Отто. Она поспешно отогнала это видение и осторожно спросила:

— А почему вы уехали, фрау Штрайх?

Вопрос ее слегка отрезвил Габриэлу:

— Кто-то подшутил надо мной... позвонил и сказал, что у моего папы инфаркт. Я помчалась в больницу, а его там нет. Я совсем голову потеряла и поехала в Крумбах, а он идет мне навстречу пьяный и хохочет... здоровый, как бык... А Отто умер... если бы я была с ним, он был бы сейчас жив... — зарыдала она.

— Ничего себе шутка, — сказал Ури и включил рубильник в коридоре. Ровный свет дневных ламп залил все вокруг. Только сейчас Инге заметила, что на Ури черный махровый халат, а ноги босые — похоже, что он выскочил из ванны, когда услышал вопли фрау Штрайх. Ури направился было к креслу Отто, чтобы вкатить его в комнату, но вдруг наклонился и, чуть отодвинув колена, потрогал пальцем одну

из каменных плит пола по дороге к лестнице. Потрогал, чуть поцарапал ногтем, поднес к носу и понюхал.

— Кровь, что ли? — неуверенно сказал он и позвал Инге. — Иди сюда, посмотри.

Инге подошла и опустилась на корточки, чтобы лучше видеть: и впрямь, на красном камне можно было рассмотреть довольно большое пятно, почти невидное на красном, более темное и тоже красное. Ури поднял висящую плетью руку старика и стал разглядывать протез. Сомнений не было: на блестящей стальной вилке запеклась кровь.

— Отто ткнул кого-то протезом, — предположил Ури. — Того, кто открыл шлюз. Ткнул и начал звонить.

— А потом что? — выдохнула Инге.

— А потом перестал.

— Ты хочешь сказать, что этот человек убил отца? — не поверила Инге. — Господи, зачем?

— Похоже, Отто подстерег его здесь. И узнал. Ну, тот его и устранил.

— Карл! — прошептала Инге и прижала ладонь к губам. — Значит, он где-то здесь!

Из коридора, неслышная на резиновых подошвах, сияя восторгом, выпорхнула Вильма. Не замечая ни искаженного смертью лица Отто, ни простертой у его ног фрау Штрайх, она выкрикнула счастливым голосом:

— Вы ничего не слышали? Ни шума вод, ни рева стихий? А ведь я нашла это гениальное устройство и выпустила воду из цистерны!

— На дорогу? — ахнула Инге.

— На дорогу не удалось. Вода рванула куда-то под землю, — но как рванула! Восторг!

КЛАУС

Оказывается, не все души могут общаться через тело. Моя, например, не может.

Сперва я поверил, что мамка хочет меня вылечить. Даже когда она притащила меня в тот странный дом,

куда она каждую неделю ходит общаться через тело, я еще верил, что меня там вылечат, хотя мне не понравилось, как там пахнет. Было очень душно: в комнате столпилось много народу, и что-то тошное дымилось в маленьких прозрачных чашечках, развешанных вдоль стен на железных крючках. Все окна были не только наглухо закрыты, но еще и занавешены тяжелыми шторами.

Но я решил, что запах — это неважно, если я перестану быть идиотом, и когда все запели хором, я стал петь вместе со всеми. Хоть я сначала не знал слов, я быстро их запомнил, а мелодия была красивая. Никто в этой комнате не пел так хорошо, как я, — я очень старался, и мой голос звучал громче всех остальных голосов. И, в конце концов, все замолчали и стали слушать, как я пою. Я пел так хорошо, как не пою даже на праздник в церкви, потому что там была одна девушка в короткой юбке и с волосами, как у фрау Инге, и мне очень хотелось, чтобы ей понравилось, как я пою.

И вдруг тот главный, с бородой, который всем там командовал, перебил меня и заорал. Я сперва подумал, что он хочет похвалить меня, как я замечательно пою, но он, наоборот, совсем запретил мне петь, раз я не могу петь скромно, — так он сказал, — потому что я отвлекаю других и не даю им сосредоточиться. Нет, сосредоточиться. Вообще неважно, ссредоточиться или сосредоточиться, главное, что мешаю. Мне стало очень обидно, что никто не похвалил меня за то, как я красиво пел, они там все вообще петь не умеют, но я не заплакал, а сдержался, и они запели без меня, — кто в лес, кто по дрова. Но я терпел их ужасное пение — я тогда еще верил, что этот бородатый, который запретил мне петь, поможет мне общаться с другими душами через тело.

Только когда они кончили петь, погасили свет, и все повалились на пол, я заметил, что с моей душой никто не хочет общаться. Хоть они и погасили свет, но огоньки в прозрачных чашечках освещали всю комнату разными цветами, и мне было хорошо видно, как они катаются по полу и друг по другу, а иногда сцепляются по двое и по трое и катаются вместе. Мамка сцепилась с

какими-то двумя противными дядьками, которых я никогда раньше не видел, и только со мной никто не хотел сцепляться.

Я нашел девушку с волосами, как у фрау Инге, и покатился по полу к ней. Это было совсем непросто, потому что она оказалась в противоположном углу, и я все время натыкался на разных других, которые были так заняты общением душ, что не замечали, как я переползал через их тела. Когда я наконец добрался до этой девушки, которая мне так понравилась, она как раз кончила с кем-то общаться (я не рассмотрел — с кем), и лежала на полу одна, положив голову на руки. Я обрадовался, что она одна, и подкатился к ней. Она подняла голову, посмотрела на меня, вскрикнула и откатилась от меня к стенке. Но я еще не понял, что она не хочет со мной общаться, и покатился за ней, радуясь, какая она красивая. Когда я оказался совсем рядом с ней, она оттолкнула меня так сильно, что я ударился головой обо что-то твердое, но все-таки, подкатился к ней опять, и тогда она села, прислонилась спиной к стене и начала отталкивать меня ногами. Я попробовал схватить ее за ногу, но она закричала на меня так сердито, что я испугался, как бы на меня снова не набросился тот бородатый, который запретил мне петь вместе с другими. Но он, наверно, тоже общался с чьей-то душой — и ничего не заметил.

Пока я волновался, что бородатый на меня набросится, девушка поднялась, одернула свою короткую юбку и ушла, а я остался валяться на полу один-одинешенек.

Хоть ничего особенного не произошло, — ведь со мной почти никто не хотел общаться, — но все-таки я чуть не заплакал. Я постарался удержаться, но ничего не вышло: из глаз у меня потекли слезы, я зажмурился, чтобы они не вытекли из глаз на щеки, тогда они стали меня душить, и я начал громко кашлять. Я кашлял и кашлял, пока кто-то на меня не шикнул, и мне вдруг страшно захотелось поскорей убежать из этой душной комнаты и от всех этих людей, которым не было до меня дела.

Я быстро поднялся с пола, прокрался к двери, потихоньку открыл ее, выскользнул в прихожую и снял с вешалки свою куртку. Я уже хотел было отпереть замок входной двери, но вспомнил, что у меня нет денег на автобус. Рядом с моей курткой висело мамкино вишневое пальто. Я сунул руку ей в карман и нашупал там кошелек, в котором она держала мелочь. Я вытащил кошелек и открыл: там было несколько монет по одной марке и две монеты по пять, а мне нужно было всего четыре марки двадцать пфеннигов. Я бы не решился взять у мамки деньги на автобус, если бы не вспомнил, сколько разных монет — по одной марке, по две и по пять — она забрала у меня в День Охотника. Тогда я схватил свои пять марок и помчался на автобусную станцию.

Когда я приехал в Нойбах, мне стало легче дышать — воздух был чистый, и все было знакомое — не то, что в городе. Дома я сварил себе две сосиски, съел их и включил телевизор, но мне почему-то было неинтересно все, что они показывали. Тогда я сварил еще две сосиски, но они уже не были такие вкусные, как те первые. Я одну съел, а вторую положил обратно в холодильник и стал думать, как было бы хорошо, если бы вместо того, чтобы ездить в город общаться через тело, я полез бы на башню с Ури и сторожил бы его там наверху, пока он спускается в цистерну. Я все думал и думал о том, как бы было здорово сидеть на стене и ждать Ури, и сам не заметил, как вышел из дому, взял в сарае велосипед и поехал в сторону замка.

Не успел я переехать через мост, как сверху из-за поворота на огромной скорости вылетел синий фольксваген гольф и чуть меня не сбил. Тормоза гольфа завизжали громче, чем все наши свиньи вместе, и из окна выплянуло чье-то красное распухшее лицо и сказало голосом фрау Штрайх: «Иди сюда, Клаус». Я бы ни за что ее не узнал, а если бы узнал, то не поверил бы, что это она ехала вниз на такой ужасной скорости, но когда она меня окликнула, я понял, что это именно она. Я подъехал к ней поближе, удивляясь, почему она уезжает из замка так рано, и увидел, что она плачет — наверно,

поэтому лицо ее так страшно распухло. Она начала что-то быстро говорить, но ее трудно было понять из-за того, что она все время громко рыдала. Я только разобрал, что в замке было наводнение и что Отто умер. Когда она произнесла, что Отто умер, она зарыдала еще громче, ни с того, ни с сего нажала на газ посреди фразы и рванула с места, но не через мост в Нойбах, а влево, по дороге, ведущей в соседнюю деревню. Мне показалось, что она сама не знает, куда едет, но она умчалась так стремительно, что я не смог ее остановить. Мне стало ее жалко, и я вдруг вспомнил, что ее зовут Габриэла.

Я поехал вверх по дороге, стараясь понять, какое там наверху может быть наводнение. Понять это было трудно, но еще трудней было представить, что Отто умер. Я уже привык, что он всегда сидит в своем кресле и сердито стучит лапой в рельс. Я так сильно задумался о том, как будет в замке без Отто, что незаметно для себя доехал до самого карьера. Я бы, наверно, доехал, как во сне, и до самого замка, но меня разбудил знакомый визг: где-то внизу, совсем близко, отчаянно визжал Ганс. Я соскочил с велосипеда и побежал по тропинке, ведущей в карьер. Я завернул за большой камень, скрывающий начало подземного хода, и чуть не свалился в огромную лужу, которая начиналась прямо у моих ног. Возле дальнего края лужи на вершине торчащей из воды красной скалы стоял и жалобно визжал мой друг Ганс, испуганный и худой, но живой! Вода уже покрывала его коротенькие ножки и дошла до самого живота.

Я не стал гадать, откуда в карьер могло натечь столько воды — целое озеро! Мне было не до того, потому что Ганс увидел меня и завизжал еще громче, но уже от радости. Я осторожно нащупал ногой дно и вошел в лужу: оказалось, что мне вода доходит только до пояса. Я начал медленно двигаться к Гансу, стараясь не попасть в какую-нибудь глубокую яму, вырубленную в карьере при добыче камня. Когда я подошел к тому месту, где в скале начинался подземный ход, мне показалось, что из-под воды торчит чья-то рука в черном рукаве. Мне было очень страшно, но все-таки я решил-

ся подойти поближе, чтобы проверить, ошибся я или там кто-то есть.

Я не ошибся: под водой плавало что-то черное. То есть оно не плавало, а колыхалось на одном месте возле выхода из подземного хода, откуда потихоньку продолжала вытекать вода. Боясь оступиться и попасть в яму, я все-таки подошел совсем близко и наклонился, чтобы лучше рассмотреть, что это. Я наклонился, глянул вниз и заорал еще громче, чем Ганс: из-под воды на меня смотрели широко открытые глаза Дитера-фашиста! Рот его тоже был широко открыт, но он уже не дышал, а просто качался всем телом взад-вперед вместе с водой: наверно, зацепился ногой за камень и застрял в узкой дыре подземного хода.

Поняв, что Дитер-фашист мертв, я перестал его бояться и даже подумал, что теперь я бы тоже мог начать пинать его ногами в лицо, как он пинал меня тогда ночью, когда я вылезал из подземного хода. Но я не стал его пинать — не потому, что мне было его жалко, а потому, что вокруг подземного хода было слишком глубоко и не во что было упереться второй ногой. А кроме того, мой бедный Ганс совсем разволновался, — пока я ходил туда-сюда, вода успела подняться почти до его морды. Так что я оставил Дитера качаться под водой и побрел вырывать Ганса.

УРИ

— Это ужасно, что я никогда не смогу попросить у него прощения за то, что была к нему несправедлива, — сказала Инге, когда они наконец распрощались с Вильмой и, завершив все неприятные формальности, связанные со смертью Отто, выпроводили из замка рыдающую фрау Штрайх. Тогда они заперли ворота и калитку и остались одни.

Ури обнял Инге за плечи и молча повел в дом. Они вошли в кухню и, не зажигая свет, остановились у окна, опустошенно следя, как в небе над замком быстро уга-

сает день, уступая пространство тоскливым осенним сумеркам. Ури вдруг почувствовал, как усталость окутывает его тяжелой пеленой и буквально валит с ног. Он понимал, что и Инге сейчас не легче, — им обоим хорошо досталось за этот бесконечный день.

Инге с усилием отодвинулась от него и покачнулась, словно без его поддержки у нее не было сил стоять на ногах. Он подхватил ее под локоть, но она отвела его руку и устало сказала:

— Надо как-то дожить этот день до конца. Давай выпьем чего-нибудь и ляжем спать.

Инге зажгла маленькую лампочку над плитой и, открыв дверцы буфета, стала искать что-то на верхних полках, а Ури продолжал стоять у окна, даже не пытаясь охватить разумом все пережитое и предстоящее. И вдруг в полной тишине звякнул колокольчик отворяемой калитки, ясно-ясно слышный и неопровержимый, — а ведь он десять минут назад собственноручно запер эту калитку!

— О Господи! — испуганно выдохнула Инге и выронила из рук снятую ею с полки бутылку вина. Осколки со звоном разлетелись по полу, расцветивая радужными блестками темно-красную винную лужу. — Кто там еще?

Ури всмотрелся в сгущающуюся полутьму за окном:

— Черт его знает. Кто-то с собакой... Или нет — со свиньей.

Инге так стиснула кулак с подобранными с пола осколками, что в сгибе ладони появились красные капли — то ли крови, то ли вина:

— И Ральф молчит?

Кухонная дверь распахнулась, и в дверном проеме на фоне пепельного неба возник знакомый силуэт Клауса, которого ни с кем нельзя было спутать. Ури подошел к порогу, уперся рукой в дверную раму, перевел взгляд вниз, где что-то цокало и шуршало, и увидел большого коричневого поросенка, который преданно, как собака, прижимался к ноге Клауса.

— Что-то случилось? — спросил Ури, не впуская Клауса в кухню.

— Я привел домой Ганса, — в голосе Клауса звенели слезы. — Я его спас и привел обратно. Но если вы не пообещаете, что вы больше его не зарежете, я его уведу назад в лес и сам с ним уйду.

— С Гансом? — озадаченно повторил Ури и всмотрелся в поросенка: уж не кабанчик ли это Т 15?

— Да, уйду и буду жить с ним в лесу! — с вызовом выкрикнул Клаус, утирая нос рукавом.

— Не плачь, я поговорю с фрау Инге, и все будет в порядке, — пообещал ему Ури, — А сейчас отведи своего Ганса в свинарник и не волнуйся.

Клаус хлопнул носом и начал спускаться с крыльца, Ганс проворно побежал за ним. Ури секунду посмотрел вслед этой странной паре, запер дверь и, привалившись к ней спиной, негромко засмеялся, внезапно ощущая, осознавая, переживая, постигая каждой клеточкой своего существа чудо того, что он остался жив, остался жив, остался жив!

— Чему ты смеешься? — удивилась Инге.

Голос ее звучал так напряженно, что он подошел к ней и всмотрелся в ее лицо.

— Слушай, ты вся дрожишь. Чего ты так испугалась?

— Я подумала, что это — Карл.

«Ну конечно, — мелькнуло в голове Ури. — Она ведь ничего еще не знает».

Он прижал ее к себе и сказал, стараясь унять ее дрожь:

— Не бойся. Карл больше не придет.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I.

Ведьма и парашютист 5

Часть II.

Звонок из ниоткуда 237

Нина Воронель

ГОТИЧЕСКИЙ РОМАН

Том I

Ответственный редактор *Оксана Кох-Коханенко*
Технический редактор *Геннадий Крамской*
Художественный редактор *Анна Семенова*
Компьютерная верстка *Светлана Мещерякова*
Корректор *Валентина Боровцева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 1.03.2005 г.
Формат 84x108/32. Бумага типографская №2.
Печать высокая. Усл.печ.л. **25,2**.
Тираж 5 000 экз. Заказ №

Издательство «Феникс»,
344082, г. Ростов-на-Дону, пер. Халтуринский, 80.

Тел.: (861) 257-04-14, тел./факс (8632) 61-89-50,
e-mail: academpress@tsrv.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»,
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.